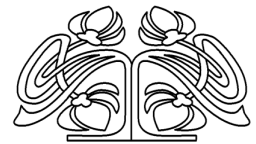

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2017 Том 17

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Аукштыкальните А. Д.** «Секретные записки» Шарля Массона о России: Николай Иванович Салтыков глазами своего секретаря 428
- Морозова Е. Н.** Пути формирования нового поколения либеральной бюрократии (конец 1830-х–1840-е годы) 433
- Коновалов И. Н.** Зарождение кооперативного движения в российской деревне в 60–70-е годы XIX века 441
- Зайцев М. В.** «Путешествие из Петербурга во Владивосток»: к вопросу о противоречиях в правительстве России по поводу финансирования вооруженных сил накануне Первой мировой войны 445
- Мосолкин С. В.** Революционный романтизм ранних произведений А. Грина 452
- Вторушин М. И.** Британская империя и Сибирь в начале Гражданской войны в России 456

Всеобщая история и международные отношения

- Лушина М. Г.** Гнезно и Познань: спор о первой столице Польши 464
- Галямичев А. Н.** Из истории средневековой Праги: резиденция главы чешской церкви и развитие города 465
- Эльфонд И. Я.** Национальная идентичность и массовое сознание во Франции периода религиозных войн XVI века 471
- Гладышев А. В.** Антинаполеоновская пропаганда союзников и кампания 1814 года 480
- Каздагли Н. Б. А.** Ислам в колониальной стратегии Франции в Тунисском протекторате в 1881–1914 годах 489
- Рыбалко О. К.** Джордж Буш-младший: становление политика 495
- Крупин С. В.** Исторические истоки и внутренние причины распространения экстремистских проявлений на Арабском Востоке в XXI веке 500
- Баранов А. В.** Ирано-египетские отношения после свержения Хосни Мубарака 504

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** «Торопецкое осадное сиденье» 1613 г. и его участники 510
- Варфоломеев Ю. В.** Саратовский «дневник» историка А. А. Корнилова: часть первая 520
- Мистрюгов П. А.** Поляки – заключенные и военнопленные в 1918–1921 годах (по материалам Самарской губернии) 530
- Петрова Е. А.** Государственно-церковные отношения в Саратовском Поволжье в середине 1920-х годов 535
- Гоманенко О. А.** Экономический эффект реорганизации речного транспорта на Волге в 1934–1936 годы 543
- Назарова О. В.** К вопросу о периодизации волгоградского краеведения середины XVIII – начала XXI века 548

Критика и библиография

Представляем книгу

- Мосолкина Т. В.** «Деловые люди» Лондона XIV–XVI веков 555
- Креленко Н. С.** Духовная история Англии раннего нового времени сквозь призму традиционных и новаторских подходов в историографии 557
- Мезин С. А.** Взгляд из новозавоеванной Финляндии 560
- Кочукова О. В.** Русская музыкальная культура как исследовательская тема историка 562

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 07.00.00 – исторические науки и археология)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Крылова Елена Борисовна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 29.11.17.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 17,06 (17,5).
Тираж 500 экз. Заказ 163-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2017

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Aukshtykalnite A. D.** The «Secret notes» of Charles Masson about Russia: Nikolay Ivanovich Saltykov as Seen by His Secretary 428
- Morozova E. N.** Ways of Formation of a new Generation of Liberal Bureaucracy (the Late 1830s–the 1840s) 433
- Kononov I. N.** The Origin of the Cooperative Movement in the Russian Village in the 1860–70s 441
- Zaytsev M. V.** «The Journey from St. Petersburg to Vladivostok»: on the Contradictions in the Russian Government Concerning the Army Provisions before the First World War 445
- Mosolkin S. V.** Revolutionary Romanticism in the Early Works of A. Grin 452
- Vtorushin M. I.** The British Empire and Siberia at the Beginning of the Civil War in Russia 456

World History and International Relations

- Lushina M. G.** Gniezno and Poznan: the Dispute Concerning the First Capital of Poland 462
- Galyamichev A. N.** An Abstract from the History of Medieval Prague: the Residence of the Head of the Bohemian Church and the Development of the City 465
- Elfond I. Ya.** National Identity and Public Consciousness in France during the Religious Wars of the XVI Century 471
- Gladyshev A. V.** The Anti-Napoleonic Propaganda of the Allies and the Campaign of 1814 480
- Kazdaghli N. B. A.** Islam in the Colonial Strategy of France in the Tunisian Protectorate in 1881–1914 489
- Rybalko O. K.** George W. Bush: Becoming the Politician 495
- Krupin S. V.** Historical Sources and Internal Causes of the Spread of Extremism in the Arab East in the XXI Century 500
- Baranov A. V.** The Iran-Egypt Relations after Hosni Mubarak's Overthrow 504

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** The Siege of Toropets of 1613 and Its Participants 510
- Varfolomeev Yu. V.** Saratov «Diary» of the Historian A. A. Kornilov: Part One 520
- Mistryugov P. A.** The Poles – Convicts and Pows in 1918–1921 (Based on the Archives of Samara Region) 530
- Petrova E. A.** The State-church Relations in Saratov Volga Region in the Mid 1920s 535
- Gomanenko O. A.** Economic Effect of the River Transport Reorganization on the Volga in 1934–1936 543
- Nazarova O. V.** On the Periodization of Volgograd Local Studies in the Middle of XVIII – the Early XXI Centuries 548

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Mosolkina T. V.** The «Business People» of London of the XIVth–XVIth Centuries 555
- Krelenko N. S.** The Spiritual History of Early Modern England in Terms of Traditional and Innovative Historiographical Approaches 557
- Mezin S. A.** A Glance from the Recently Conquered Finland 560
- Kochukova O. V.** Russian Musical Culture as a Research Topic for a Historian 562

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннинггауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Alex Battler (New York, USA)

Arkady A. German (Saratov, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Denningkhaz (Luneburg, Germany)

Petr S. Kabytov (Samara, Russia)

Natalia S. Krelenko (Saratov, Russia)

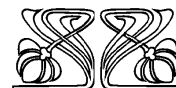
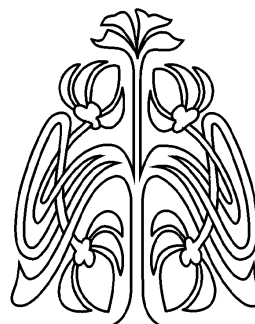
Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Donald Raleigh (Chapel Hill, USA)

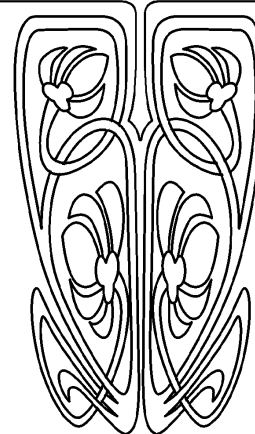
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

Sergey Y. Shenin (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).06/.07+929[Салтыков+Массон]

«СЕКРЕТНЫЕ ЗАПИСКИ» ШАРЛЯ МАССОНА О РОССИИ: НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ САЛТЫКОВ ГЛАЗАМИ СВОЕГО СЕКРЕТАРЯ

А. Д. Аукштыкальните

Аукштыкальните Анна Дмитриевна, аспирант кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, начальник отдела педагогической информации муниципального казенного учреждения «Городской методический центр» комитета по образованию администрации муниципального образования «Город Саратов», aukshtykalnite@yandex.ru

Статья посвящена деловым и личным взаимоотношениям графа Н. И. Салтыкова, главного воспитателя любимых внуков Екатерины II, великих князей Александра и Константина, и его секретаря Ш. Массона, чьи «Секретные записки» о пребывании в России помогают добавить несколько ярких штрихов к портрету самого графа и позволяют окунуться в череду придворных интриг конца XVIII столетия. Ш. Массон, будучи почти десять лет личным секретарем графа, становился свидетелем многих важных событий того времени. Его записки помогают современному читателю и исследователю иначе взглянуть на исторические события конца царствования Екатерины II и начала правления Павла I, активным участником которых являлся граф Н. И. Салтыков.

Ключевые слова: Россия второй половины XVIII века, Н. И. Салтыков, Ш. Массон, Ф. С. Лагарп, Александр Первый, Екатерина Вторая, Константин Павлович, образование и воспитание наследников российского престола.

The «Secret notes» of Charles Masson about Russia: Nikolay Ivanovich Saltykov as Seen by His Secretary

A. D. Aukshtykalnite

Anna D. Aukshtykalnite, ORCID 0000-0001-8036-5971, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, aukshtykalnite@yandex.ru

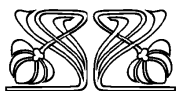
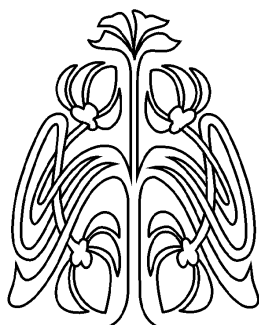
The article is devoted to the public and personal relations between N. I. Saltykov, the main mentor of Catherine II favorite grandsons – the grand dukes Alexander and Constantine – and Charles Masson, the secretary of the count, whose «Secret notes» about his being in Russia help to shed some light on the portrait of the count, and plunge into a series of court intrigues of the late eighteenth century. Masson, having been the private secretary of the count for ten years, witnessed a lot of important events. His notes help the modern reader and researcher to look differently at the historical events that happened at the end of Catherine II-the beginning of Paul I reign, and of which count N. I. Saltykov was an active participant.

Key words: Russia at the second part of the 18th century, N. I. Saltykov, Ch. Masson, F. C. Laharp, Alexander I, Catherine II, Constantine Pavlovich, heir to the throne's education.

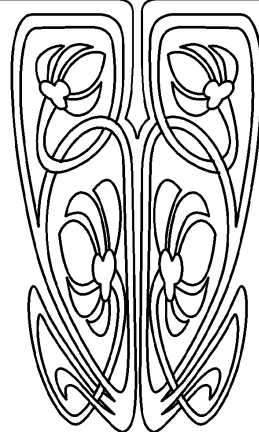
DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-428-432

С началом царствования Петра I в Россию хлынул пестрый поток иностранцев. Среди въезжавших в Российскую империю были как достойные представители своих народов, так и откровенные авантюристы и искатели легкой наживы. Одни стремились найти честное применение своим талантам, надеясь подняться вверх по социальной лестнице, другие желали легкого обогащения, памятуя об особом отношении русских монархов к европейцам. Сближала и первых, и вторых общая мечта испытать судьбу и получить шанс на лучшую долю в далекой бескрайней России. Одним фортуна улыбалась, другие возвращались на родину ни с чем.

© Аукштыкальните А. Д., 2017

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Иностранцы внесли значительный вклад в российскую мемуаристику XVIII века. Их записки, дневники, мемуары и письма, пропитанные яркими впечатлениями от пребывания в России, подробными описаниями империи, сурового быта и «варварских» нравов ее жителей, – интереснейшие свидетельства ушедшей эпохи.

Среди мемуарной литературы конца XVIII в. особое место занимают ироничные, а местами откровенно саркастические записки Шарля Франсуа Филибера Массона (1762–1807).

В предисловии к первому изданию француз откровенно признался читателю, что после десяти лет, проведенных при дворах Екатерины II и Павла I, он одновременно испытывал «сильное предубеждение в пользу русских» и «глубокое отвращение к их правительству»¹. И на то у Массона были достаточные веские причины. История его жизни при российском императорском дворе смогла бы сойти за сюжет приключенческого романа: придворные интриги, головокружительный взлет и горестное падение.

Началась эта история в конце 1786 г., когда Шарль Массон прибыл в Петербург к своему старшему брату, который уже находился на российской службе. Массон-старший, по-русски – Иван Яковлевич, слыл человеком весьма достойным: благородным, умным, просвещенным. У него были такие могущественные покровители, как князь Г. А. Потемкин и граф П. А. Зубов². Массон-старший поспешил представить брата директору артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса П. И. Мелиссино, тогда уже пожилому человеку, слывшему любителем составлять протекции молодым талантливым иностранцам. Массон приглянулся Мелиссино и в скором времени был определен преподавателем в корпус, где впоследствии состоялась его встреча с А. А. Аракчеевым. А еще через несколько лет, в 1789 г., Массон-младший был представлен графу Н. И. Салтыкову, главному воспитателю великих князей Александра и Константина. И это знакомство стало ключевым в его дальнейшей судьбе.

Николай Иванович Салтыков, сын внучатого племянника императрицы Анны Иоанновны генерала-аншефа Ивана Алексеевича Салтыкова и Анастасии Петровны, урожденной Толстой, родился 31 октября 1736 г. Военная карьера Николая Ивановича не была столь долгой, как его придворная служба, однако и на военном поприще Николай Иванович умел себя достойно зарекомендовать. В возрасте двенадцати лет он вступил солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк, позднее в 1757–1760 гг., во время Семилетней войны, участвовал в военных действиях против пруссаков. 22 февраля 1762 г. был произведен Петром III в генерал-майоры, в 1768 – в генерал-поручики. В 1763–1768 гг. командовал войсками в Польше, снискав, по мнению современников, всеобщее уважение³. За годы военной службы Салтыков был удостоен орденов Святой

Анны и Святого Александра Невского. На этом заканчивается военная карьера Салтыкова, в 1770 г. он уезжает за границу на воды поправлять подорванное военными походами здоровье. По возвращении на родину благоволившая к нему императрица назначает Салтыкова состоять при дворе наследника престола Павла Петровича, а через 10 лет Николай Иванович возглавит штат наставников и педагогов великих князей Александра и Константина. С этого времени начнется успешная придворная служба, сопровождавшаяся различными наградами и милостями со стороны императорской фамилии: он был удостоен и ордена Святого Андрея Первозванного, и ордена Святого Владимира 1-й степени, в 1788 г. императрица назначила Салтыкова присутствовать в Военной коллегии, а в 1790 г. возвала его в потомственное графское достоинство. 5 октября 1791 г. назначила вице-президентом Военной коллегии. Перед бракосочетанием Александра Павловича, 22 сентября 1793 г., императрица пожаловала графу пожизненный пансион в 25000 рублей в год сверх жалования и 100 000 рублей единовременно вместе с несколькими деревнями, а 2 июля 1794 г. назначила присутствовать в Сенате в свободное от других порученных ему дел⁴. 6 ноября 1796 г. Павел I через два дня после восшествия на престол пожаловал графа в генерал-фельдмаршалы и назначил президентом Военной коллегии. Александр в день своей коронации пожаловал Николаю Ивановичу свой портрет, усыпанный алмазами. Наконец, наивысший знак доверия продемонстрировал Александр в годы Отечественной войны 1812 г., когда, отбывая в армию, поручил своему бывшему воспитателю руководство государственными делами. За достойное исполнение этих обязанностей Александр удостоил Салтыкова милостивым рескриптом и 30 августа 1814 г. возвел Николая Ивановича в княжеское достоинство.

В 1789 г. Николай Иванович Салтыков обратился к П. И. Мелиссино с просьбой найти для канцелярской работы на иностранном языке грамотного офицера, который мог бы совмещать секретарскую должность с обязанностями гувернера-преподавателя при его сыновьях, числившихся в то время уже в придворном звании камер-юнкеров⁵. У графа было три сына: Дмитрий, Александр и Сергей, и два последних в Александровскую эпоху станут действительными статскими советниками и членами Государственного совета. Петр Иванович Мелиссино тут же предложил Салтыкову на вакантную должность поручика Шарля Массона. Салтыкову француз понравился, и в скором времени последовало повышение по службе в чин капитана драгунского полка с назначением в число адъютантов графа. С тех самых пор Массон восемь лет находился при Салтыкове, сделавшись его «домашним человеком, имевшим всегда прибор за его столом»⁶. Таким образом, с легкой руки П. И. Мелиссино, Массон оказался в среде лиц, максимально при-

ближенных к императорской семье. Он быстро нашел общий язык с детьми Салтыкова, постоянно сопровождал их во время визитов к великим князьям, когда те, согласно плану Екатерины, были направлены разделять вместе с Александром и Константином учебные занятия. Сыновья Салтыкова привязались к Массону и до самого его отъезда из империи поддерживали с ним теплые отношения.

Главный воспитатель великих князей доверял своему секретарю не только личную корреспонденцию, но и составление из учительских докладов и пометок большого годового отчета Екатерине об успехах ее внуков в учении. Статс-секретарь императрицы А. М. Грибовский, давая в своих «Записках о Екатерине Великой» невысокую оценку личности Салтыкова, упомянул о том, что Николай Иванович «в делах собственно ему порученных управляем был своим письмоводителем»⁷. Отчасти мы можем с этим согласиться, поскольку невладевший в должной мере французским языком Николай Иванович очень быстро оценил расторопного француза и всячески способствовал его дальнейшему продвижению по карьерной лестнице.

С подачи Салтыкова Массон был введен в учительский корпус великих князей как преподаватель математики. За время службы при графе он много путешествовал, завел полезные знакомства и даже исполнял разного рода дипломатические поручения. В 1795 г. императрица отправила его в Штутгарт, Карлсруе и Байрёт с незаурядной миссией – известить родственные императорскому дому дворы о рождении великой княжны Анны Павловны. Постепенно француз стал узнаваемой фигурой при дворе. В 1795 г., после бракосочетания Александра Павловича и отъезда его учителя полковника Ф. С. Лагарпа, императрица занялась формированием особого штата при молодой чете, в который Массон, не без усилий Салтыкова, вошел уже в качестве личного секретаря великого князя. Француз также был зачислен в Екатеринославский гренадерский полк, которым на тот момент командовал Александр Павлович. Тот год ознаменовался и важным событием в личной жизни Шарля Франсуа – он женился на дочери покойного барона В. И. Розена.

Находясь при Салтыкове, француз становился свидетелем самых разных, порой курьезных историй. Как известно, в мемуарах современников о Салтыкове сохранилось много негативных отзывов, его называли самым плохим воспитателем в Европе, критиковали за равнодушие и двуличие. Однако записки Массона помогают взглянуть на Николая Ивановича с непривычной стороны. Оказывается, среди протеже графа были люди из низших сословий. Однажды императрице одновременно представили герцога Армана Эммануэля Дюплесси де Ришелье, после падения французской монархии эмигрировавшего в Россию, персидского посланника, калмыцких депутатов

и одного «сумасшедшего» русского старика, которого Екатерина по просьбе Салтыкова сделала кавалером. По всей видимости, Салтыков часто общался с «божыми людьми» и темы духовного возрождения были ему близки. Все это выдает в Николае Ивановиче религиозного, даже набожного человека. Подтверждают нашу версию о силе религиозных чувств графа слова статс-секретаря Екатерины А. М. Грибовского о том, что Салтыков ежедневно по утрам долго молился⁸.

Но протекция протекции рознь. И тот же Массон не без сарказма описал историю некоего французского дворянина Роже, который через майора М. ходатайствовал перед Салтыковым о назначении комендантом в какой-нибудь отдаленный городок⁹. Граф помог французу, однако подошел к вопросу весьма поверхностно, и тот отбыл служить под Оренбург в крепость, которая на тот момент 20 лет как была разрушена. Несомненно, Николай Ивановича, в то время вице-президента Военной коллегии, в подобных вопросах наталкивает на определенные рассуждения о профессиональной компетентности графа. Это предположение подтверждают слова статс-секретаря императрицы: «В государственных делах имел знание не превосходное»¹⁰. А между тем Массон отмечал в своих записках, что возвышение талантливого полководца А. В. Суворова Салтыкова оскорбило «особенно сильно»¹¹. Завистлив был Николай Иванович.

В своих секретных записках Массон не скупился на едкие характеристики екатерининских царедворцев, однако он ни разу прямо не дал негативной оценки Николаю Ивановичу. Шарль Франсуа писал о своем начальнике не без иронии, но никогда не писал плохо, даже называл его человеком весьма усердным¹².

Массон внимательно наблюдал за графом, подмечая и хитрость Салтыкова, и его ловкость, и удивительную придворную живучесть. Так, Массон сохранил на страницах своих записок слова о том, что именно Николай Иванович, испытывавший неприязнь к Потемкину, в его отсутствие при дворе, «будучи в большом почете»¹³, в 1793 г. ввел молодого П. А. Зубова в окружение императрицы. На этом эпизоде стоит остановиться подробнее.

Салтыков затаил обиду на «надменного» Потемкина еще с весны 1787 г. На страницах дневника М. Гарновского, управителя домов, дач и стеклянного завода Потемкина в Петербурге, сохранились слова Николая Ивановича, полные досады на светлейшего князя за нежелание включить графа в шефы: «Я не понимаю, за что я обойден. Я более других служил! Разве затем обошли меня, что я нахожусь при Павле Петровиче! ... Или же светлейший хочет показать власть свою, что он делает то, что хочет! Однако же я буду жаловаться на сие Ее Императорскому Величеству по прибытию ея сюда!»¹⁴ По мнению биографа Г. А. Потемкина О. И. Елисейевой, светлейший князь у многих вызывал подобное

раздражение и тихую зависть, корни всего этого крылись в способности фаворита «моститься не по чину»¹⁵. Потемкин сумел оттеснить от императрицы многих вельмож и без монаршего титула собрать в своих руках неограниченную власть. Вероятнее всего, Николай Иванович относился как раз к той придворной группировке, которая считала фаворита узурпатором. Самым ярким ненавистником Потемкина был Павел Петрович, открыто презиравший не только князя, но и весь институт фаворитизма, сложившийся в империи за годы женского правления. Салтыков же долгие годы находился при наследнике престола, за что, скорее всего, его недолюбливал и ему не доверял светлейший князь Григорий Александрович. Антипатия была взаимной.

Интересен тот факт, что именно Николай Иванович составил случай для Платона Зубова, последнего фаворита стареющей императрицы, и несмотря на это Павел Петрович будет милостив к графу в дни смерти своей матери. Не наталкивает ли это на размышления, что Салтыков мог действовать с согласия Павла, представляя интересы той силы, которая ставила своей целью низложение светлейшего князя? «Дуралеюшка Зубов», как его называл секретарь императрицы А. В. Храповицкий, должен был сыграть роль громоотвода в борьбе придворных группировок с Потемкиным. Оплочившиеся против светлейшего князя дворяне, в их числе и Николай Иванович, не смели прямо вступать в конфронтацию с Григорием Александровичем, им нужен был новый фаворит, способный настроить против Потемкина саму императрицу. Дворяне прекрасно понимали, что лишиться Потемкина власти может лишь та, кто эту власть вложила в его руки.

Массон привел интересный анекдот из жизни Павла, касающийся будущего фаворита Платона Зубова. Согласно версии француза, у наследника была любимая собака, которая была побита гвардейским трубачом за попытку украсть кусок мяса. Павел горячо отреагировал на жестокость в отношении своего пса и велел наказать караульного офицера, в чью вахту случилось злодейство. Дежурным оказался Платон Зубов, который, узнав о гневе наследника престола, кинулся в ноги к своему покровителю Салтыкову, умоляя пойти вместе с ним к Павлу просить пощады. Массон пишет о том, что граф согласился вступить за Зубова. Неизвестно, какие слова подобрал Салтыков для этого разговора, однако ему удалось выхлопотать прощение для своего протеже¹⁶. Жестокой оказалась судьба Павла: борьба с одним фаворитом выдвинула на первый план нового, которому будет суждено лишиться его жизни.

Карьерный взлет Массона оборвался со смертью императрицы. Павел I, презиравший французов, ненавидящий Ф. С. Лагарпа, и к Ф. Массону не испытывал симпатии. Поводом к недовольству послужила дружба француза с близкой подругой императрицы Марии Федоровны Анной Бенкен-

дорф, которую император удалил от двора. Анна Бенкендорф иногда обращалась к Массону с записочками для Салтыкова, в которых содержались просьбы посодействовать в повышении по службе ее знакомых офицеров. Иногда Массон передавал Салтыкову и запечатанные записочки для императрицы. Павел же следил за корреспонденцией своей супруги, требуя личного просмотра всех ее писем. Когда история с записками от Бенкендорф вскрылась, то Павел сильно разгневался на Салтыкова.

Падение Массона было стремительным. Его удалили от двора и выслали за границу. В России остались его жена и новорожденная дочь, с которыми он смог воссоединиться лишь спустя несколько лет. Сам Массон называл несколько причин тому: и история с Бенкендорф, и подозрительное отношение Павла к французам, в которых он видел сплошь революционеров, и даже ненависть к нему супруги Салтыкова. Граф, осознав серьезность происходящего, в момент падения своего секретаря поступил, как он всегда поступал в подобных случаях – попросту отстранился, сказался абсолютно неспособным помочь. «Надо думать, – сказал граф, – что или ваша французская фамилия чересчур не по вкусу Павлу Петровичу, либо он считает вас сторонником госпожи Бенкендорф. А быть может, этим ему хотелось досадить собственно мне, по неудовольствию за исполнение указания императрицы об отобрании нескольких батальонов из его гатчинских войск»¹⁷. Как бы то ни было, но Салтыков отказался помогать Массону, посчитав «в настоящее время невыносимыми» подобные просьбы: «Ничего не могу сделать, император слышать ничего не хочет, только с большим трудом мне удалось ослабить первые удары»¹⁸. На вопрос Массона, в чем же его преступление, Салтыков дал такой ответ: «Достаточно того, что император вас подозревает и не доверяет вам; а я при этом не могу ручаться за ваши политические мнения... подать бы вам лучше завтра в отставку, да удалиться от двора в ожидании, пока все это не поутихнет»¹⁹. Массон был сильно разочарован в своем начальнике: «Возмущенный вялым отношением к моему делу человека, при котором я служил столько долго и бесполезно, я сказал ему, что я человек честный и благородный, на что граф насмешливо улыбнулся и ничего мне более не сказал»²⁰.

Как тут не вспомнить слова И. М. Долгокурова, близко знавшего Салтыкова: «Человек пожилого лет, тонкий царедворец, ума самого изгибистого, совести иезуитской, а чтоб в коротком слове схватить весь его портрет – эгоист!»²¹. Салтыков «внутренно любил только себя и не способен был благодетельствовать, когда требовалась на то некоторая упругость в характере, настойчивость в поступках и твердость в правилах. Он был тонкий политик и настоящий царедворец, ласков, приветлив, но пуст, когда дело доходило до каких-то настоящих услуг»²².

К портрету Салтыкова добавляются еще два штриха: осторожность и крайняя предусмотрительность, которую можно спутать с дипломатичностью, в сношениях с придворными заключающаяся лишь в том, что Салтыков избегал общения с теми, кто попадал в немилость, был двуличен, часто обещал помочь и не помогал.

Так каким был Николай Иванович в глазах француза: истинно верующим или набожным чудачком, усердным или поверхностным в своей работе, справедливым или беспринципным, острожным или трусливым? Мы никогда не узнаем этого наверняка, ведь несмотря на сильное разочарование из-за безучастности графа к своей беде, Массон, имевший возможность отомстить графу, дав хлесткую пощечину на страницах своих секретных записок, не опустил до низких характеристик, сохранив в отношении своего начальника сдержанный тон. Все это характеризует Шарля Франсуа Филибера Массона с лучшей стороны, но лишь частично раскрывает перед нами образ Николая Ивановича Салтыкова.

Примечания

¹ Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. Наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора (далее – Массон Ш. Секретные записки...). М., 1996. С. 16.

- ² См.: Высылка из России братьев Массонов // Русская старина : в 173 т. СПб., 1876. Т. 15. С. 548.
- ³ См.: История государевой свиты : XVIII век / сост. В. В. Кварди. М., 2011. С. 151.
- ⁴ См.: Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. С. 202–203.
- ⁵ См.: Высылка из России братьев Массонов... С. 550.
- ⁶ Там же. С. 551.
- ⁷ Грибовский А. М. Записки о Екатерине Великой. М., 1847. С. 62.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Массон Ш. Секретные записки... С. 113.
- ¹⁰ Грибовский А. М. Указ. соч. С. 62.
- ¹¹ Массон Ш. Секретные записки... С. 124.
- ¹² Там же. С. 46.
- ¹³ Там же. С. 63.
- ¹⁴ Гарновский М. А. Записки // Русская старина... С. 21.
- ¹⁵ Елисеева О. И. Григорий Потемкин. М., 2005. С. 351.
- ¹⁶ См.: Массон Ш. Секретные записки... С. 111.
- ¹⁷ Высылка из России братьев Массонов... С. 555.
- ¹⁸ Там же. С. 564.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 565.
- ²¹ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788 года в августе месяце, на 26-ом году от рождения моего : в 2 т. СПб., 2004. Т. 1. С. 94.
- ²² Там же. С. 408.

Образец для цитирования:

Аукштыкальните А. Д. «Секретные записки» Шарля Массона о России: Николай Иванович Салтыков глазами своего секретаря // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 428–432. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-428-432.

Cite this article as:

Aukshtykálnite A. D. The «Secret notes» of Charles Masson about Russia: Nikolay Ivanovich Saltykov as Seen by His Secretary. *Izv. Sarátov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 428–432 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-428-432.

УДК 94 (47). 081

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ БЮРОКРАТИИ (конец 1830-х – 1840-е годы)

Е. Н. Морозова

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, morozovaen@mail.ru

В статье анализируются пути формирования нового поколения реформаторов. Особое место уделяется семейному воспитанию, особенностям гуманистического и гуманитарного образования в учебных заведениях, участию в интеллектуальной жизни Москвы и Петербурга (литературных и политических салонах и кружках), роли самообразования в жизни «людей сороковых годов». Исследуется процесс перехода от накопления теоретических знаний в сфере организации власти к участию в законодательном процессе, в практической работе по реализации законоположений, что дало молодым реформаторам тот опыт, который был ими использован при подготовке и проведении Великих реформ.

Ключевые слова: новое поколение реформаторов, литературные и политические салоны и кружки, Н. А. Милютин, Д. А. Милютин, Ю. Ф. Самарин, П. А. Валуев.

Ways of Formation of a new Generation of Liberal Bureaucracy (the Late 1830s–the 1840s)

E. N. Morozova

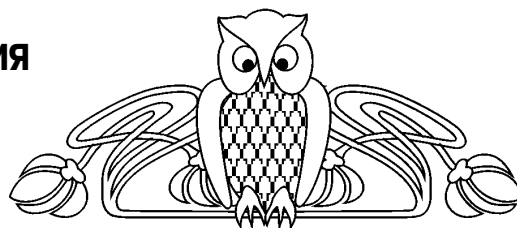
Elena N. Morozova, ORCID 0000-0003-4420-8156, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, morozovaen@mail.ru

The paper considers the ways of the new generation of reformers' formation. Special attention is paid to family upbringing, peculiarities of humanitarian and humanistic education in educational institutions, participation in Moscow and St.-Petersburg intellectual life (literary salons and political groups), the role of self-education in the life of «people of the forties». The author investigates the process of transition from accumulation of theoretical knowledge in the sphere of organization of political power to the participation in the legislative process and practical work over realization of the legal provisions that gave the young reformers the experience which was later used in the preparation and realization of the Great Reforms.

Key words: new generation of reformers, literary salons and political groups, N. A. Milyutin, D. A. Millyutin, Yu. F. Samarin, P. A. Valuev.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-433-440

В эпоху царствования Николая I подспудно зрели те силы, которые позже назовут «поколением молодых реформаторов». Этот процесс был замечен и современниками. К. Д. Кавелин, создавая обобщенный портрет «людей сороковых годов», неоднократно употреблял слово «пробуждение», характеризуя умственную жизнь этого периода¹. Известный мемуарист и памфлетист П. В. Долго-

рукий замечал в своей записке «О внутреннем состоянии России»: «В России появилась целая плеяда людей, образованных и благонамеренных, которые преданы Государю и Отечеству», стремящихся во имя блага последнего провести целый ряд преобразований².

Западное руссиеведение уже 1970-х гг. (много раньше, чем отечественные историки) обратилось к исследованию проблем, связанных с возникновением нового поколения российских реформаторов³. Они пришли к выводу, что в конце 1830–1840-х гг. «появилась плеяда высокообразованных молодых чиновников», «просвещенных бюрократов», привнесших новые элементы в традиционную бюрократическую элиту⁴.

Формирование либеральной (просвещенной) бюрократии являет собой сложный процесс, который можно рассматривать только с использованием полидисциплинарных методов (исторической психологии, теории и истории культуры). В частности, культурологи утверждают, что перемены в общественно-политической и экономической жизни тесно связаны с темпами и содержанием национального сознания. Начало реформаторской деятельности в культурно-общественном измерении создает трудно уловимую, с трудом поддающуюся историко-научной реконструкции, но мощную историческую субстанцию, именуемую «духом времени», который представляет собой психологическое состояние общества⁵. Исследователи могут уловить его чаще всего в источниках личного происхождения.

Безусловно, дневники, мемуары, письма дают возможность ощутить «предгрозовую атмосферу», предшествующую реформам, проследить по крупным или скупым ремаркам пути формирования нового поколения бюрократической элиты, которая пыталась осмыслить судьбы России и ее место в европейской цивилизации. Однако вопрос об истоках формирования нового поколения реформаторов требует своего дальнейшего изучения.

Общеизвестно, что Великие реформы Александра II готовились и проводились людьми, исповедующими различные общественно-политические взгляды (Н. А. и Д. А. Милютины, Ю. Ф. Самарин, кн. В. А. Черкасский, П. А. Валуев и др.) Это была молодежь, рожденная после проведения комплекса реформ Александра I и «грозы двенадцатого года». Реформы, проведенные Александром и его «Негласным комитетом», имели долговременное значение для развития

страны. Распространение просвещения, превращение университетов в центры развития научного знания создавали предпосылки для изменения мировоззрения молодого поколения образованной части общества⁶. С этим выводом Н. А. Проскуряковой нельзя не согласиться, но, на мой взгляд, основы их миропонимания и мирочувствия были заложены в семье.

Безусловно, семья является той микросредой, где, по утверждению социологов, происходит начальный этап социализации личности. Нравственный облик родителей, традиции и обычаи семьи навсегда накладывают свой отпечаток на всю дальнейшую жизнь человека. Родители, по свидетельству Н. А. Милютинина, имели на них самое благотворное влияние⁷. Добрая и мягкая Елизавета Дмитриевна Милютинина (сестра известного реформатора П. Д. Киселева) пыталась научить своих детей тому, что знала сама. Друзья Милютинина впоследствии утверждали, что сыновья в семье Милютининых получили прекрасное домашнее образование. Однако сам Дмитрий Милютин в своих воспоминаниях утверждал, что репетиторы у них были весьма заурядные⁸. Да и разорившаяся (некогда богатая семья Милютининых) не могла позволить нанять хороших учителей своим детям. Б. Линкольн пытается найти ранние истоки формирования мировоззрения будущего автора земской и крестьянской реформ, указывая, что в восьмилетнем возрасте Н. Милютин прочел «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина и открыл для себя глубокое понимание истории России и ее потенциального величия⁹. Дмитрий Милютин более реалистично оценивает этот сюжет: прочтение «Истории» Карамзина, дало им с братом «громкую пользу не столько потому, что с детского возраста мы ознакомились с историей нашего отечества», «сколько в отношении к языку и слогу»¹⁰. Вскоре финансовые трудности вынудили А. М. Милютинина продать родовое имение и переехать с семьей в Москву¹¹.

В отличие от «новых дворян» Милютининых¹², Ю. Ф. Самарин принадлежал к верхам российской аристократии. Его семья, обладающая огромными богатствами, была связана родственными узами с Оболенскими, Гагариными, Мещерскими¹³. Отец Самарина, Федор Васильевич, покинул Петербург, переехал в Москву, оставив высокую должность шталмейстера императрицы, для того чтобы полностью отдаться воспитанию детей.

Обладая широчайшим кругозором, собрав огромную библиотеку, Федор Васильевич стремился дать своим детям классическое образование, где основную роль играли гуманитарные науки. По словам самого Юрия Федоровича, «*studia humaniora* является основой всякого человеческого знания»¹⁴. Однокурсник Ю. Ф. Самарина писал о таком феномене в зажиточных дворянских московских семьях, как правильно устроенные домашние школы, тяготевшие к Московскому университету Ф. И. Буслаев отмечал, что такая

домашняя школа, «примерная и образцовая», с привлечением профессоров Московского университета (среди которых был и будущий известный литератор Н. И. Надеждин), «процветала в семье Федора Васильевича Самарина. Это домашнее учебное заведение оставило по себе самые светлые из моих воспоминаний в старинной Москве... Отец семейства с сердечным рвением, а вместе и с неукоснительной точностью и примерным благоразумием исполнял обязанности директора и инспектора своей родной школы»¹⁵.

Домашнее образование, полученное в семье, закладывало основы любви к изящной словесности, давало знание языков, прививало любовь, как к западноевропейской, так и отечественной культуре, формировало морально-нравственные ценности.

Блестящее домашнее образование получил и П. А. Валуев, принадлежавший к высшему петербургскому аристократическому обществу (его отец – камергер высочайшего двора, мать – урожденная Е. Ф. фон дер Бринкен). Именно это образование позволило ему выдержать экзамен на чин при Московском университете (1832 г.)¹⁶.

В условиях «консервативной модернизации» николаевской эпохи сделать карьеру на государственном поприще возможно было лишь с получением высшего образования. С помощью П. Д. Киселева родители братьев Милютининых определили их в Московский благородный пансион¹⁷, который по своему уровню был сравним с Царскосельским лицеем¹⁸. Особенность обучения в этом учебном заведении состояла в том, что оно стремилось не только дать всестороннее образование, но и оказать влияние на формирование личности, ее гуманистических качеств, воспитать гражданственность и любовь к Отечеству. Об этом свидетельствуют цели, поставленные при организации этого учебного заведения: «1) научить детей, или просветить их разум полезными знаниями и чрез то приуготовить их нужными быть членами общества; 2) вкоренить в сердце их благонравие и чрез то сделать из них истинно полезных, то есть честных и благодетельных сограждан; 3) сохранить их здоровье и доставить им возможную кротость, столь нужную к понесению общественных трудов, к должному отправлению с успехом государственной службы»¹⁹.

Московские профессора (М. П. Павлов, А. Ф. Мерзляков и др.), преподававшие в пансионе, в большинстве своем являлись сторонниками развивающего обучения, которое не только пополняло «багаж» знаний учащегося, но и заставляло думать, осмысливая новейшие течения в литературе, философии, истории. Пансионеров учили критически подходить к оценке литературных произведений, явлений, событий. В пансионе существовало Общество любителей русской словесности, издавались рукописные альманахи. В редактируемом Д. А. Милютининым альманахе «Улей» впервые были помещены некоторые из

произведений М. Ю. Лермонтова (ушедшего из пансиона годом ранее Д. А.)²⁰. Н. А. Милютину также были свойственны «пробы пера» в различных литературных жанрах. В его архиве сохранились детские литературные опусы: драма, басни, переводы, отрывки из романа²¹. Со многими своими преподавателями пансионеры сохраняли дружеские отношения и после выхода из пансиона.

Составной частью внешкольного образовательного процесса в пансионе являлись самостоятельные театральные представления, в которых активное участие принимал Н. А. Милютин – «страстный любитель театра»²². Однако для Н. А. Милютина его разносторонние увлечения закончились крайне неудачно: он был оставлен в пансионе на второй год. Тогда, как его брат Дмитрий окончил в 1829 г. Благородный пансион с серебряной медалью и чином X класса, а в 1836 г. с малой серебряной медалью закончил практическое отделение Императорской военной академии²³. Казалось бы, судьба Николая Алексеевича Милютина была предрешена. Он мог бы остаться талантливым дилетантом (братом военного министра и соучеником М. Ю. Лермонтова). Но в процессе становления Н. А. Милютина как личности огромную роль сыграло самообразование. «Я все больше и больше убеждаюсь, как мало знаний я получил и как много мне еще надо выучить (курсовой мой.– Е. М.). Я так горю желанием узнать еще больше, что я практически бросаюсь на изучение всех новых предметов, которые попадают в круг моего внимания»²⁴.

В жизни Ю. Ф. Самарина, поступившего в Московский университет, высшее образование сыграло огромную роль. Среди профессоров Московского университета Самарин особо выделял лекции М. П. Погодина, которые «наводили на совершенно новое воззрение на русскую историю и русскую жизнь вообще. Формулы западные к нам не применяются, в русской жизни есть какие-то особенные, чуждые другим народам, начала»²⁵. Университет дал Самарину и новые связи с литературными кругами. Профессора университета и студенты, прежде всего Аксаков, ввели его в культурную жизнь древней столицы. Особое влияние на Юрия Федоровича оказало общение с П. А. Чаадаевым и его окружением.

Одним из важных этапов формирования поколения молодых реформаторов являлась их ранняя служебная карьера, позволившая воочию познакомиться с «многосложной» бюрократической машиной николаевского царствования. Д. А. Милютин, после окончания Военной академии, в двадцатилетнем возрасте был причислен к Генеральному штабу, а в 31 год стал профессором Военной академии по кафедре военной географии (позже – военной статистики).

Служебная карьера П. А. Валуева началась в 16 лет, когда он поступил на службу в канцелярию московского военного генерал-губернатора,

с 1836 г. состоял под началом М. М. Сперанского. Успешно продвигаясь по карьерной лестнице, уже в 39 лет П. А. Валуев стал курляндским губернатором.

Н. А. Милютин в 17-летнем возрасте уехал в Петербург, поступил на службу в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. С этого времени и началось знакомство Н. А. Милютина с особенностями канцелярской работы мелкого «клерка». Он достаточно быстро продвигался по служебной лестнице, проявляя свои способности даже в том, что он называл «канцелярской хрией». В написанных им рутинных канцелярских бумагах проявлялись ясность ума и виртуозность изложения, чем обратил на себя внимание тогдашнего министра внутренних дел гр. А. С. Строганова²⁶.

Ю. Ф. Самарин в 25 лет после защиты магистерской диссертации в Московском университете отправился в Петербург, служить в Министерство юстиции, под начало В. Н. Панина, в 1845 г. стал секретарем в канцелярии Правительствующего Сената, в 1847 г. перешел на службу в Министерство внутренних дел. Рутинная бюрократическая работа произвела на молодого Самарина удручающее впечатление. В письме к брату он писал: «сперва меня бесили беспрестанные повторения, дикое правописание и вычурный слог; я принимался исправлять ошибки и слог; но после бросил это дело как ненужное. ... Теперь начинаю свykаться с канцелярскими формами. ... Могу обходиться без знаков препинания, и сочинять периоды в три страницы, нанизывая причастия и деепричастные обороты и не употребляя глаголов»²⁷.

Однако служба в высших структурах власти являла собой процесс приобщения к большой политике, что стало самым значимым для формирования мировоззрения молодых реформаторов. Они интенсивно продолжали заниматься самообразованием. Круг их интересов был крайне широк: они читали произведения западных политиков и исследователей: Л. Штейна, А. де Токвиля, Р. Гнейста, Гизо. И. И. Панаев вспоминал, что на его «субботах» (1841 г.) читались отрывки из многотомной (40 томов) P. Buches et p. Roux «Histoire parlementaire de la revolution francaise». 1834–1838, где приводилось огромное количество материалов эпохи французской революции: отчеты заседаний Национального и Законодательного собраний, Конвента, политических обществ, революционных трибуналов²⁸. Знакомство с вышеуказанными работами давало теоретические возможности сравнить исторические судьбы России и Запада, определить возможности адаптации западного опыта к российским реалиям.

Важное место занимали личные встречи молодых чиновников и выдающихся представителей русской науки. П. Д. Кавелин делал акцент на том, что ведущим способом передачи знаний и социально значимого опыта для «поколения 1840 х гг.» был не рационально-интеллектуальный

способ, а интеллектуально-духовное общение. Например, он уверял, что значение деятельности Т. Н. Грановского раскрывают не книги и статьи, а лекции, беседы и личные отношения²⁹. В переписке Грановского есть сведения о его встречах с Н. А. и Д. А. Милютиными. Грановский впервые познакомился в Н. А. Милютиным в один из своих приездов в Петербург. Знаменитый историк был очарован личностью Николая Алексеевича, отмечая, что это «умный и благородный человек... Я его уважаю и люблю»³⁰.

Ведущее место в формировании мировоззрения «поколения 40-х» играло посещение литературных, философских, политических салонов и кружков этого периода.

Исследователи салонной культуры первой половины XIX в. подчеркивают полифункциональность этой формы интеллектуального общения, отмечая компетентность и профессионализм хозяев салонов³¹.

Общественно-культурный аспект деятельности салонов далеко выходил за пределы собственно литературной сферы³². В знаменитом салоне Свербеевых, далеко известным за пределами Москвы, бывали А. И. Тургенев, П. Я. Чаадаев, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, Ю. Ф. Самарин, Д. А. Оболенский, А. Н. Попов, К. Д. Кавелин, В. П. Боткин, С. М. Соловьев, М. П. Погодин, А. С. Хомяков, бр. Аксаковы³³.

Братья Милютины в Петербурге посещали вечера у А. А. Краевского, кн. В. Ф. Одоевского, литератора и музыканта³⁴, бр. Жемчужниковых³⁵, бывали в литературном кружке И. И. Панаева³⁶. Посещали кружок Панаева и близкие приятели Н. А. Милютина: А. В. Головнин и Д. А. Оболенский. Братья Милютины были вхожи и в дом А. А. Панаевой-Головачевой (гражданской жены Н. А. Некрасова), которая стремилась окружать себя людьми известными. Мемуаристка отмечает, что Д. А. Милютин «пользовался большим уважением по своему образованию» и «простотой обхождения» в среде литераторов, а главное – «по своим либеральным взглядам». Накануне Крымской войны он «много говорил о необходимости преобразований по всем частям военного ведомства» и предрекал поражение России, ибо «с первых дней военных действий обнаружится страшный недостаток во всем... медицина и интендантство никуда не годны... все прекрасно для парадов и никуда не годно для войны»³⁷.

Тесные связи молодого поколения реформаторов с литературными кругами объясняются тем, что в общественной атмосфере 1840–1850-х гг. литература выделяется в качестве ведущего фактора формирования национального сознания. Эту роль литературы в обществе осознал Н. А. Милютин: «Общество отличается инерцией и люди честные и правдивые должны помогать общественному сознанию и возвышать общественную нравственность». Этому в полной мере может содействовать литература, ибо «она одна может рассеивать

вековые предрассудки», «постоянно напоминать высокие цели», «столь легко забываемые среди мелочей и дрязг повседневной жизни»³⁸.

На бытовом уровне злоязычная А. Панаева по-своему объясняет причины тесных контактов будущих реформаторов с литераторами: «многие общественные деятели искали тогда поддержки в литературе» и даже «заискивали расположения литераторов». «Печатное слово получило вес в обществе: все сознавали, что необходим прогресс во всем», – замечает автор воспоминаний³⁹.

Ключевой фигурой литературной жизни этого периода был Н. В. Гоголь, поэтический мир которого тяготел к обобщениям⁴⁰. Характеристика уездного города в «Ревизоре» становится эквивалентом общерусской, общегосударственной жизни. Но для писателя Россия была не только Россией «мертвых душ». Он пытался прозреть ее будущее, ее исторические пути. Момент осмысления национального исторического пути является важным рубежом всякой культуры. Этот момент означает зрелость цивилизации, ее национальную самоидентификацию⁴¹. А. Панаева вспоминает, что после похорон Гоголя у И. И. Панаева собрались гости, в числе которых были Н. А. Милютин и И. П. Арапетов. Н. А. Милютин между прочим рассказал, что отпустил со службы «одного пожилого чиновника, который отпросился съездить на похороны, говоря, что хотя при жизни он не увидел такого замечательного писателя, то хоть на мертвого посмотрю»⁴².

Исследователи отмечают в качестве особенностей духовной жизни второй половины 1830–1840-х гг. полемику и спор как основные формы общения: «Спор в конце 30-х и, главным образом, 40-х годах был единственной живой формой общественной мысли, который вводится в систему интеллектуальной жизни», – отмечает Э. Герштейн⁴³.

Безусловно, эта форма интеллектуальной жизни была характерна для кружков, в которых продолжала формироваться новая политическая культура. Б. Линкольн, исследуя состав кружка братьев Милютиных на протяжении 1840-х гг., подчеркивал, что он состоял из небольшой группы лиц, связанных тесными дружескими отношениями. В нем принимали участие: И. П. Арапетов⁴⁴, И. В. Вернадский⁴⁵; известный юрист-правовед, П. Г. Редкин, создавший, по словам Ю. Ф. Самарина, настоящую «энциклопедию права»; статистик К. С. Веселовский⁴⁶; К. Д. Кавелин⁴⁷, К. К. Грот⁴⁸, Б. Н. Чичерин, В. П. Боткин⁴⁹. Автор исследования пишет, что на вечерних собраниях этого кружка нередко критиковались злоупотребления администрации и высказывались мнения о необходимости реформ. Члены кружка верили в упорядоченные эволюционные изменения в рамках самодержавия и получили название «петербургской партии прогресса»⁵⁰.

Для этого поколения просвещенной бюрократии были характерны попытки с ранней юности

осмыслить пути России и ее место в европейской цивилизации. В частности, П. А. Валуев был членом знаменитого «кружка шестнадцати», возникшего в 1839 году⁵¹. Чаще всего споры в нем велись на отвлеченные философско-религиозные темы. Об этом можно узнать из письма П. Вяземского, который говорил «об ученых, богословских, нравственных, светских прениях». Это подтверждается и воспоминаниями одного из членов кружка. «Каждую ночь, возвращаясь из театра или бала, – писал К. Браницкий, – собрались то у одного, то у другого... Там, после скромного ужина, куря свои сигары, рассказывали о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто III Отделения... вовсе и не существовало». Он называет этот кружок «свободным и веселым»⁵². В подобных спорах и разговорах, в «дружеских признаниях», считал с юношеским максимализмом один из лидеров кружка И. С. Гагарин, католик, иезуит, разрешались «великие проблемы науки, порождались произведения искусства, откровения человеческого разума... Вопросы, обсуждавшиеся нами, велики»⁵³.

Но более всего их интересовал вопрос о судьбах России, поставленный в начале 1830-х гг. П. Я. Чаадаевым. Э. Г. Герштейн, сопоставив записку Валуева, предназначенную для И. С. Гагарина, «Мысли о национальности»⁵⁴ с лермонтовскими идеями в поэме «Сашка»⁵⁵, пришла к мысли, что «искание собственного исторического пути, сравнение западноевропейской цивилизации с русской» – такова была одна линия тем, обсуждавшихся в «кружке шестнадцати»⁵⁶.

П. А. Валуев высказывает свои мысли по поводу понятия «национальность», утверждая, что неверно понимать ее как «внешнюю политическую форму», ограниченную рубежами, «установленными правительством»; как «костюм», «маску», «под которой народ появляется в политическом мире». Здесь можно увидеть полемический заостренный ответ на идеи П. Я. Чаадаева и взгляды И. С. Гагарина по поводу России и европейской цивилизации. П. А. Валуев обращается к тому, что сейчас называется термином «менталитет», утверждая, что фундамент нации – это «внутренняя жизнь, нравы, история нации», ее «национальный дух» и «национальные обычаи»⁵⁷.

Но «кружок шестнадцати» не был замкнутой нелегальной оппозиционной организацией «неодекабристского» толка, как ее характеризовал Эйхенбаум. Ю. Ф. Самарин встречался с представителями кружка в тот период, когда он находился в процессе идейных исканий и не был еще вполне определившимся славянофилом. В своем письме к вышеупомянутому Гагарину он, рассуждая о вопросах веры, подчеркивает, как мало о религии знают его идейные соратники: Хомяков и другие⁵⁸.

Герштейн считает, что именно спор, становясь важной формой общественной мысли, через 3–4 года способствовал оформлению двух основ-

ных течений общественной мысли – западников и славянофилов⁵⁹.

Важнейшим этапом формирования либеральной бюрократии нового поколения являлась практическая деятельность, ибо они знали о недостатках центрального и местного управления не понаслышке. Начальный этап их деятельности связан со статистическим исследованием городов России, хозяйство которых находилось в кризисном состоянии. По решению Комитета министров при Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел было учреждено Временное отделение об устройстве в государстве городского хозяйства сроком на 4 года под руководством Н. А. Милютина⁶⁰. Главная задача этого учреждения – статистические исследования городского хозяйства с целью получения практических сведений для предстоящих преобразований.

В 1840-х гг. статистические исследования проводились по одному плану в разных губерниях. В результате работы Временного отделения было проведено описание городского хозяйства 130 городов, не только губернских, но и уездных⁶¹. Тщательный анализ документации «многообразного городского хозяйства» вскрыл многочисленные случаи незаконного захвата городских земель и их неправильного использования; факты незаконных поборов; бесконтрольных расходов «городских сумм» и множество «упущений по счетоводству». Особое внимание уделялось ревизии двух столиц, а также – Риги и Одессы, ибо доходы этих городов составляли половину доходов всего городского хозяйства Российской империи. По подсчетам Н. А. Милютина, городские доходы составляли около 7 млн рублей при существовании ежегодного дефицита⁶². Так, в городском управлении С.-Петербурга, представлявшего собой «образец злоупотреблений и беспорядков» (по мнению гр. Шереметева, ревизовавшего столицу), ежегодный дефицит составлял свыше 200 тыс. рублей. В Москве скопилось свыше 600 смет, «требующих самой строгой проверки»; дефицит здесь составлял до полумиллиона ежегодно⁶³.

Итоги ревизии привели Н. А. Милютина к важным выводам: необходимы не «частичные улучшения», а коренная реформа «самого общественного управления»⁶⁴. По результатам статистических экспедиций были не только изданы обширные статистические труды по общественному устройству и хозяйству городов, но и проведена городская реформа в С.-Петербурге (1846 г.), основанная на принципах всесословности и имущественного ценза. Эта реформа была высоко оценена современниками и послужила своего рода моделью будущих проектов Н. А. Милютина в сфере местного управления. Но в глазах представителей консервативной бюрократии милютинская реформа представляла собой угрозу существующему режиму, о чем свидетельствует жалоба генерал-губернатора Петербурга в Комитет министров⁶⁵.

Ю. Ф. Самарин принимал участие в обследовании Остзейского края (1846–1848 гг.). Эта работа для Самарина имела два важных последствия. Его «Письма из Риги» содержали резкую критику правительственной политики в Прибалтике. Он читал их в Москве в салоне Свербеевых, в Петербурге у Д. Оболенского, они были переданы П. Д. Киселеву, Н. А. Милютину и министру внутренних дел Перовскому. Письма вызвали резкое возмущение у остзейского генерал-губернатора А. С. Суворова. За их распространение всему либеральному крылу чиновничества Самарин был заключен на 19 дней в Петропавловскую крепость. Ю. Нольде считает, что именно в период его «балтийской школы» Самарин начинает обдумывать законодательные условия освобождения русских крестьян⁶⁶. Думается, что автор одномерно подходит к этой проблеме. Известны письма Ю. Самарина к Н. Милютину из-за границы, где он просил обратить особое внимание на общину, говорил о необходимости изучения «иностранных законодательств», особенно «с точки зрения чужих ошибок, чтобы их не повторять у себя»⁶⁷.

Опыт подготовки реформы городского общественного управления имел и П. А. Валуев. Его работа была связана с преобразованиями общественного управления в Риге. Эти сведения сохранились в протоколах заседаний Остзейского комитета (1849–1850 гг.)⁶⁸.

Необходимость введения нового городского положения диктовалась теми же причинами, что и в городах России – «несоответствие между городскими доходами и расходами». Но была еще одна, которая беспокоила русское правительство – положение русского населения в Риге. «Нельзя допустить, – указывалось в письме генерал-губернатора А. С. Суворова на имя П. А. Валуева, – чтобы различия в происхождении могли стать основанием в правах и преимуществах». Цель правительства состоит в том, чтобы жители «русского происхождения были уравнены во всем с прочими жителями г. Риги». Главный фактор в пользу переустройства городского управления заключался в том, чтобы появилось «значительное число городских обывателей, признанных во всей империи городскими сословиями, которые не имеют прав представительства в городском управлении, и поэтому они не несут городских податей и повинностей»⁶⁹.

Особую тревогу правительства вызывало устройство Рижского магистрата, который соединял в себе не только судебную и административную власть, но и представлял интересы определенных сословий. Министерство внутренних дел и Министерство государственных имуществ заявляли, что подобное положение противоречит общему городскому устройству империи по манифесту 1801 г. как одному из непреложных законов государства. В рамках Российской империи «магистрат представляет собой совершенно другое начало и требует необходимого преобра-

зования», которое следовало начать с изменений «феодалных уставов и обычаев, неправильно именуемых (так в цитате. – Е. М.) привилегиями остзейскими правами», ограничить власть магистрата, «неправильно распоряжающимся своей собственностью»⁷⁰.

Близкое знакомство с состоянием местного управления, его вопиющие недостатки привели к появлению знаменитой валуевской записки «Думы русского во второй половине 1855 года»⁷¹.

Формирование нового поколения либеральной бюрократии не ограничивалось лишь указанными способами. Мощным импульсом становления реформаторских сил стало их активное участие в Императорском Русском Географическом Обществе – лаборатории статистических исследований, посещение двух великокняжеских салонов: Елены Павловны и Константина Николаевича, совместная работа в министерствах, вокруг которых начали создаваться «профессиональные группы», характеризовавшиеся наличием определенных целей, стремлением проводить свою политическую линию, существованием особого самосознания, преданностью своему департаменту⁷².

Формирование мировоззрения молодого поколения либеральной бюрократии шло непростыми путями: гуманистические семейные традиции продолжали воспитываться и в образовательных учреждениях. Особую роль в этом процессе играло самообразование, проходившее в различных кружках и салонах; знакомство с новыми литературными, историческими, политическими произведениями отечественных и зарубежных авторов, способствовало осмыслению российской действительности и ставило проблемы возможной адаптации западного опыта в условиях России. Раннее знакомство со сферами большой политики, участие в подготовке законопроектов и их реализации в 1840-е гг. дали неоценимый опыт, который будет использован молодыми реформаторами в эпоху подготовки и проведения Великих реформ.

Примечания

- ¹ См.: Кочукова О. В. «Поколение 1840-х годов» в мемуарных очерках К. Д. Кавелина // Историческая память и общество : Эпохи, культуры, люди : материалы науч. конф., посвящ. 90-летию исторического образования в Саратовском университете / под ред. А. Н. Галамичева. Саратов, 2008. С. 53–58.
- ² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 647. Оп. 1. Д. 50. Л. 56.
- ³ См.: *Eklöf D.* Introduction // *Russia's Great Reforms, 1855–1881.* Indianapolis, 1994 ; *Field D.* The End of Serfdom : Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge (Mass.), 1976 ; *Lincoln B. W.* The Great Reforms. Autocracy, Bureaucracy and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb, 1990 ; *Idem.* Nikolai Miliutin : An Enlightened Russian Bureaucrat of the 19th Century. Newtonville, 1977.

- ⁴ См.: *Медушевский А.* Бюрократия и Великие реформы в России (1860–1870-е гг.). Современная англо-американская историография : Научно-аналитический обзор. М., 1996. С. 47 ; *Его же.* Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно исторической перспективе : Научно-аналитический обзор. М., 1990. С. 15. В последние годы проблема, связанная с просвещенной (либеральной) бюрократией, стала предметом изучения отечественных историков. Напр. см.: *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века : М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006 ; *Ружницкая И. В.* Просвещенная бюрократия 1800–1860-х гг. М., 2009. Автор рассматривает вопрос о просвещенной бюрократии николаевского царствования на примере трех высших сановников Российской империи : Д. А. Блудова, П. Д. Киселева, М. А. Корфа.
- ⁵ См.: *Березовая Л. Г., Берлякова Н. П.* Введение в историю русской культуры. М., 2002. С. 117.
- ⁶ См.: *Проскуракова Н. А.* Власть и реформы в России в XIX веке в контексте модернизационного подхода. URL: //http://www.politstudies.ru/fulltext/2011/5/10.pdf (дата обращения: 01.05.2017).
- ⁷ См.: *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 гг.) в воспоминаниях бывшего члена-эксперта и заведывавшего делами Редакционных Комиссий : в 3 т. Пг., 1915. Т. 3. С. 10–11.
- ⁸ См.: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д. А. Милютин, 1816–1843 / под ред. Л. Г. Захаровой. М., 1997. С. 65.
- ⁹ См.: *Lincoln B. Nikolai Miliutin...* P. 3.
- ¹⁰ Воспоминания генерал-фельдмаршала... С. 71.
- ¹¹ См.: *Leroy-Beaulieu A.* Un home d'etat russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inedite. Etude la Russe et a la Pologne pedant le regne d'Alexandre II (1855–1872). P., 1884. P. 8.
- ¹² Род Милютиных получил потомственное дворянство при императрице Анне Иоанновне.
- ¹³ См.: *Назарова Т. А.* Общественно-политические взгляды Ю. Ф. Самарина. М., 1998.
- ¹⁴ Цит. по: *Нольде Б.* Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 14.
- ¹⁵ *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания // Вестник Европы. 1890. Кн. 12. С. 519.
- ¹⁶ См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2002. С. 118–119.
- ¹⁷ Московский благородный пансион располагался на Тверской (здание не сохранилось ; на его месте сейчас находится Центральный телеграф). До 1830 г. он имел права высшего учебного заведения, но Николай I, будучи разгневан тем приемом, который был ему оказан в этом учебном заведении, сделал его гимназией (29 марта 1830 г. Высочайшим указом Правительствующего Сената). Подробнее см.: *Миклашевский А. М.* Михаил Юрьевич Лермонтов в заметках его товарища // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 110.
- ¹⁸ См.: *Милютин Д. А.* Из воспоминаний // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях... С. 76.
- ¹⁹ «Мой дом везде, где есть небесный свод...». М. Ю. Лермонтов и Тамбов / отв. ред. Г. Б. Буянова, Н. Л. Потанина. Тамбов, 2014. С. 6.
- ²⁰ См.: *Миклашевский А. М.* Указ. соч. С. 109–110 ; *Межевич В. С.* Из статьи о стихотворениях Лермонтова // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях... С. 80 ; Русский библиофил. 1913. № 8. С. 32–33.
- ²¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 869. Оп. 1. Д. 65. Л. 39–52, 56–57.
- ²² Подробнее см.: *Морозова Е. Н.* Н. А. Милютин в воспоминаниях и эпистолярном наследии его жены, М. А. Милютиной // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 26–27.
- ²³ См.: *Шилов Д. Н.* Указ. соч. С. 464.
- ²⁴ Воспоминания генерал-фельдмаршала. С. 141.
- ²⁵ *Нольде Б.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁶ *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Указ. соч. С. 11.
- ²⁷ Цит. по: *Нольде Б.* Указ. соч. С. 40.
- ²⁸ См.: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1950. С. 244, 414.
- ²⁹ См.: *Кочукова О. В.* Указ. соч. С. 52.
- ³⁰ В 1850 г. по приезде Т. Н. Грановского в Петербург Н. А. и Д. А. Милютины специально явились для встречи с ним. См.: *Якушкин В. Н.* А. Милютин и Редакционные комиссии // Русская старина. 1897. Т. 92, кн. 6. С. 142, 157.
- ³¹ См.: *Палий Е. Н.* Салон как феномен культуры России XIX века : традиции и современность : автореф. дисс. ... д-ра культурологии. М., 2008. 78 с. ; *Канторович И. В.* Московские литературные салоны 2-ой четверти XIX века в общественно-культурной жизни России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 26 с.
- ³² См.: *Канторович И. В.* Указ. соч. С. 2.
- ³³ Там же. С. 9.
- ³⁴ В. Ф. Одоевский имел свой литературно-художественный салон. Здесь обсуждались и общественно-политические вопросы. По свидетельству К. Д. Кавелина, именно здесь В. Г. Белинский произнес свою знаменитую фразу : «Наши порядки исправит мать святая гильотина». См.: *Кавелин К. Д.* Воспоминания : в 4 т. М., 1899. Т. 3. С. 197.
- ³⁵ Братья Жемчужниковы, А. К. Толстой были создателями знаменитой литературной маски «Козьма Прутков».
- ³⁶ См.: *Панаев И. И.* Указ. соч. С. 285.
- ³⁷ *Панаева А. Я.* Воспоминания. М., 1972. С. 221–223.
- ³⁸ Русская старина. 1880. Т. 27, кн. 2 (февраль). С. 389.
- ³⁹ *Панаева А. Я.* Указ. соч. С. 200, 265.
- ⁴⁰ См.: *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. М., 1978. С. 192–203.
- ⁴¹ См.: *Березовая Л. Г., Берлякова Н. П.* Указ. соч. С. 255.
- ⁴² Головин, давно знакомый с Панаевым, присылал ему приглашенные записки на свои вечера. См.: *Панаева А. Я.* Указ. соч. С. 200, 265.
- ⁴³ *Герштейн Э.* Лермонтов и кружок шестнадцати // Жизнь и творчество Лермонтова. М., 1941. С. 101. Эта же мысль повторяется и в современных исследованиях. См.: *Цимбаев Н. И.* Московские споры либерального времени // Русское общество 1830-х годов XIX в. М., 1991. С. 5–43. Poleмический характер

- общения как атмосферу бытия и роль устных споров в развитии славянофильства отмечал В. А. Копелев. См.: *Копелев В. А.* Общественно-политическая борьба в России 40-х гг. XIX в. Вологда, 1982.
- 44 И. П. Арапетов (1811–1887?), близкий друг братьев Милютиных, чиновник II отделения Е. И. В. канцелярии. По свидетельству современников, И. П. Арапетов, «человек высококультурный», «блестящего ума, живой и остроумный, обладающий тонким эстетическим чутьем, он попал рано в среду литераторов и стал другом Боткина, Панаева, Дружинина, Кавелина». В молодости известен как активный участник так называемой «маловской истории» в Московском университете. См.: *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Указ. соч. С. 10.
- 45 Вернадский И. В. (1821–1884). Профессор Московского университета по кафедре политэкономии и статистики.
- 46 Веселовский К. С. (1819–1901). Экономист, статистик, непреременный секретарь Академии наук (1857–1890).
- 47 К. Д. Кавелин был связан «тесной и неизменной дружбой» и с Н. А. Милютиным и со старейшим его другом Заблоцким-Десятовским. См.: *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Указ. соч. С. 15, 25–26.
- 48 Грот К. К. (1815–1897). Директор Департамента неокладных сборов Министерства финансов; инициатор упразднения откупов и введения акцизной системы.
- 49 С В. П. Боткиным в 1846 г. Н. А. Милютин путешествовал по Испании. См.: *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Указ. соч. С. 11.
- 50 *Lincoln B. Nikolai Miliutin...* P. 22–23.
- 51 «Кружок шестнадцати» состоял, по свидетельству К. Браницкого, из университетской молодежи и частью из кавказских офицеров. См.: *Браницкий К.* Из предисловия к книге «Славянские нации» // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 248–249. Предисловие Браницкого было написано в форме открытого письма в 1843 г. И. С. Гагарину, вступившему в орден иезуитов. Примечания // Лермонтов в воспоминаниях... С. 478.
- 52 *Браницкий К. С.* Указ. соч. С. 478.
- 53 Там же.
- 54 Записка эта, написанная на французском языке и переведенная Э. Герштейн, имела эпиграфом перефразированное: «Amicus Gagarinus, magis amica veritas». См.: *Герштейн Э.* Лермонтов и «кружок шестнадцати». С. 99–101.
- 55 Строфы поэмы Лермонтова «Сашка» о достоинстве России можно рассматривать как ответ П. Я. Чаадаеву: «Или, трудясь как глупая овца, / В рядах дворянства, с рабским униженьем... / И поклоняться немцам до конца / Так чем же немец лучше славянина? / ... Он не рожден под нашим небом; наша степь святая / В его глазах бездушных – степь простая...». См.: *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 507.
- 56 *Герштейн Э.* Судьба Лермонтова. М., 1964. С. 386–379.
- 57 *Герштейн Э.* Лермонтов и «кружок шестнадцати». С. 101.
- 58 Там же.
- 59 Там же. С. 110.
- 60 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 258. Л. 1, 38, 45, 72. До учреждения Временного отделения существовала Комиссия при Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, закрытая в 1842 г.
- 61 Результаты описаний составили 8 томов. Так, в Нижегородской губернии были проведены исследования в 7 уездных городах. См.: РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 263. Л. 1–3.
- 62 Там же. Д. 258. Л. 35, 54.
- 63 Там же. Д. 355. Л. 16.
- 64 Там же. Д. 258. Л. 34.
- 65 Там же. Д. 355.
- 66 См.: *Нольде Б.* Указ. соч. С. 45–57. О сложном пути формирования взглядов Ю. Ф. Самарина на вопросы отмены крепостного права см.: *Самарин Ю. Ф.* О крепостном состоянии и переходе из него к гражданской свободе // Самарин Ю. Ф. Сочинения: в 12 т. М., 1877–1911. Т. 2. М., 1878. С. 17–20.
- 67 РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 175. Л. 4–5.
- 68 П. А. Валуева с Остзейским краем связывала более чем десятилетняя служба. В июле 1849 г. коллежский советник П. А. Валуев получил письмо от генерал-губернатора кн. А. С. Суворова, который сообщал, что по высочайшему повелению для начертания проекта будущего устройства городского управления и общины в г. Риге должен быть создан комитет в составе 2 коронных чиновников, 2 чиновников по назначению от МВД и 7 человек от городского сословия г. Риги во главе с лифляндским вице-губернатором фон Кубе. См.: РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 175. Л. 1.
- 69 Там же. Л. 4–5.
- 70 Там же. Д. 258. Л. 50–51.
- 71 См.: *Валуев П. А.* Дума русского // Русская старина. 1893. Кн. 9. С. 508–514. Вполне возможно, что ее название является реминисценцией лермонтовской «Думы». Явно, что П. А. Валуев был знаком с этим произведением, будучи участником кружка «шестнадцати».
- 72 См.: *Рибер А.* Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 45.

Образец для цитирования:

Морозова Е. Н. Пути формирования нового поколения либеральной бюрократии (конец 1830-х – 1840-е годы) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 433–440. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-433-440.

Cite this article as:

Morozova E. N. Ways of Formation of a new Generation of Liberal Bureaucracy (the Late 1830s–the 1840s). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 433–440 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-433-440.

УДК 34(091)+349.42

ЗАРОЖДЕНИЕ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 60–70-е ГОДЫ XIX ВЕКА

И. Н. Коновалов

Коновалов Иван Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и социологии политики, Саратовская государственная юридическая академия, i.n.konovalev@mail.ru

Исследуются организационные и идеологические вопросы зарождения кооперативного движения в российской деревне в 60–70-е годы XIX века. Наибольшее внимание в статье уделяется либеральной кооперативной программе петербургского кооперативного кружка А. И. Васильчикова и созданного им Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах.

Ключевые слова: кооперативное движение, кооперативные ассоциации, артели и ссудосберегательные товарищества, кредитные кооперативы, кооперативная идеология.

The Origin of the Cooperative Movement in the Russian Village in the 1860–70s

I. N. Konovalev

Ivan N. Konovalev, ORCID 0000-0002-7359-9160, Saratov State Academy of Law, 1, Volska Str., Saratov, 410056, Russia, i.n.konovalev@mail.ru

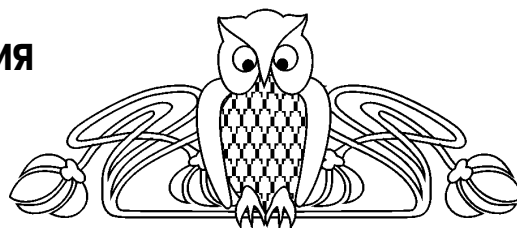
The author examines the organizational and ideological issues of the origin of the cooperative movement in the Russian village in the 1860–70s. Special attention is paid to the liberal cooperative program of the St. Petersburg Cooperative Circle of A. I. Vasilchikov and the Committee of rural savings and industrial partnerships he created.

Key words: cooperative movement, cooperative associations, artels and savings cooperatives, loan cooperatives, cooperative ideology.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-441-444

К середине XIX в. крестьянское кооперативное движение в большинстве стран Западной Европы превратилось в серьезную общественную и экономическую силу. Опыт западной крестьянской кооперации широко изучался учеными, общественными деятелями, передовыми помещиками. Монографии, статьи, переводная литература о крестьянской кооперации издавались большими тиражами. Однако нельзя утверждать, что кооперация в российской деревне возникла лишь под влиянием опыта, накопленного западными странами. Важную роль в этом сыграли общинные и артельные традиции, которые издавна существовали среди самых широких слоев крестьянского населения.

Географические и климатические условия России способствовали выработке у крестьян духа коллективизма и солидарности, привычки действовать сообща. Здесь сельская кооперация

развивалась не только на принципах английских, немецких и французских кооперативов, но и впитывала профессиональные навыки и духовные ценности крестьянской артели.

Традиции коллективного труда и коллективного потребления были накоплены в артелях, которые получили широкое распространение в России. Они начали создаваться еще в эпоху татарского нашествия (слово «артель» происходит от татарского «артос»). С XIV в. артели рыболовов встречаются у берегов Белого моря и Ледовитого океана, а артели охотников – на Севере России. В XVI и XVII вв. артельные организации захватывают новые области труда: возникают артели грузчиков, плотников, каменщиков, кузнецов, земледельцев. Характерными чертами этих организаций являлись коллективная ответственность и зависимость их от властей.

Богатейший опыт артельного самоуправления был использован в работе первых крестьянских кооперативов, возникших в пореформенный период. Общественная ситуация, сложившаяся в это время в России, способствовала появлению целого ряда мировоззренческих концепций и социальных проектов преобразования аграрной сферы экономики на кооперативных началах. Впервые об этом заявили представители революционно-демократического направления – Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов¹. После того как на русский язык была переведена книга Дж. С. Милля «Основания политической экономики», этот труд, снабженный примечаниями Н. Г. Чернышевского, стал первым русским источником кооперативной мысли. Помимо него за идею трудовых артелей агитировал и Н. А. Добролюбов, впервые использовавший выражение «кооперативное общество» в статье «Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ» (1859) вместе с термином «ассоциация».

Менее изучена кооперативная программа либералов. Ее идеологами являлись представители петербургского кооперативного кружка во главе с А. И. Васильчиковым². По мнению первого исследователя деятельности петербургского кружка Б. И. Подколзина, его члены были сторонниками «практической постепенности» в ходе «сознательно-мирного» экономического прогресса. Они считали, что задача обновления России была гораздо сложнее и решение ее лежало глубже, чем сокрушение существующего строя. Она должна была решаться органично, в согласии с имеющимися социальными институтами. Следовало соз-

дать «первичные клеточки» новых общественных отношений и, в частности, различные вольные ассоциации, с помощью которых крестьяне могли бы наработать навыки самодеятельности и самоуправления³.

По инициативе членов кружка был разработан проект кредитного учреждения, в основе которого лежали некоторые германские принципы ссудных артелей со значительными, однако, видоизменениями и дополнениями.

С целью развития кредитной кооперации в деревне члены кружка занимались активной кооперативной пропагандой. Они выступали с докладами, публиковали статьи, брошюры, писали примерные уставы ссудосберегательных товариществ. В 1871 г. с помощью Московского общества сельского хозяйства и ряда земств члены кружка создали полуофициальный Комитет о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах, программа и сфера деятельности его были одобрены правительством. В скором времени открывается С.-Петербургское отделение комитета, которое превращается в научный, методический и организационный центр кооперативного движения в России. Отделению оказывало содействие Министерство финансов. Оно выделяло ему денежные средства и помещение для работы. Первоначально отделение занималось только вопросами мелкого кредита. В дальнейшем в его структуре было создано три отдела: 1-й – учреждений мелкого кредита, 2-й – промышленных товариществ, артелей и сельскохозяйственных обществ, 3-й – потребительских обществ. Отделы выполняли роль научных секций и организационно-методических центров по соответствующим видам кооперации. Отделение насчитывало около 100–150 индивидуальных членов. Общее собрание избирало Совет отделения в составе председателя, заместителя, секретаря отделения и руководителей отделов. Совет стремился распространять кооперативные знания путем издания журналов, книг, брошюр; содействовать учреждению кооперативов, подготавливая для них проекты уставов и договоров; оказывать помощь товариществам в подготовке счетоводов и делопроизводителей; обследовать деятельность кооперативов и собирать статистические сведения о них; проводить консультации и осуществлять инструктирование товариществ на местах; устраивать кооперативные съезды и совещания. За наиболее значительные труды по проблемам кооперации Совет учредил премию в размере 500 рублей. В губерниях работали члены-корреспонденты Отделения, которые были его представителями на местах.

Первые кооперативные учреждения в России появились до создания Комитета. В 1863 г. с целью изучения опыта кредитных кооперативов костромские помещики Святослав и Владимир Лугинины и управляющий именем Нил Колю-

панов побывали в Германии, где познакомились с устройством ссудных товариществ. Личные наблюдения и знакомство с их деятельностью заинтересовали С. Лугинина и Н. Колюпанова настолько, что возникла идея создать подобное учреждение у себя дома. В 1864 г. С. Лугинин составил устав ссудосберегательного товарищества для крестьян с. Дороватова (Рождественского) Ветлужского уезда Костромской губернии, который и был утвержден властями 22 октября 1865 г. После смерти С. Лугинина делами товарищества стал руководить В. Лугинин. Его активным помощником был местный священник Федор Лужнин. Н. Колюпанов занялся пропагандой кооперативных идей⁴. Спустя четыре года основывается Феллинская ссудосберегательная касса Лифляндской губернии. После этого Комитет министров и Министерство финансов получили право по согласованию с Министерством внутренних дел разрабатывать «образцовые статуты», сходные на началах своих с уставами Рождественского ссудосберегательного товарищества и Феллинской ссудосберегательной кассы. Первый устав стал типовым уставом преимущественно для крестьянских кооперативов, второй – почти исключительно для ссудосберегательных касс городского типа⁵.

В массовом порядке ссудосберегательные товарищества появляются в 1870-е гг. С начала возникновения первого ссудосберегательного товарищества в 1865 г. и по 1 января 1899 г. Министерством финансов было разрешено 568 товариществ. Однако 206 из них закрылись по разным причинам, 102 так и не смогли развернуть своей деятельности. В 1900 г. отчеты о своей работе прислали всего 260, то есть 45,7% от разрешенного количества товариществ⁶.

Одной из главных причин массовых банкротств крестьянских кредитных кооперативов было запрещение уставами 70–80-х гг. залоговых операций и краткосрочность ссуд. И то и другое было следствием недостаточного понимания на местах идеи мелкого кредита, плохого знания западного опыта, отсутствия представления о подлинных потребностях крестьянских хозяйств. Больше всего заемщики страдали от краткосрочности ссуд, которые выдавались на срок не более года. Положение осложнялось медленной оборачиваемостью капиталов в сельском хозяйстве и недостаточным уровнем развития товарно-денежных отношений.

Например, одни из первых ссудосберегательных товариществ Саратовской губернии – Сосново-Мазинское и Булгаковское – имели паевой и запасный капиталы, проводили вкладные и ссудные операции. Однако сумма просроченных ссуд в них достигала значительной величины – 13 и 53,6 %⁷. Прямым следствием запретов залоговых операций и долгосрочных ссуд являлась распространенная в товариществах «переписка»

выданных ссуд с одного года на другой с сохранением высокого ссудного процента, что приводило к разорению заемщиков и самого кооператива. Ссуды, бравшиеся крестьянами на покупку земли, скота, строительство подсобных помещений, приобретение инвентаря, не могли принести прибыль в течение года.

Членами ссудосберегательных товариществ были главным образом представители зажиточного слоя крестьянства. Однако и они не всегда имели достаточно денег, чтобы внести паевой взнос. В товариществах была распространена практика вычитания его из ссуды. К концу 90-х гг. ссудосберегательные товарищества так и не смогли привлечь в достаточном количестве средства населения. Средний размер вклада в кооперативах составлял менее 100 рублей. Порочная практика переписывания ссуд продолжалась и спустя 20–25 лет, что не дало возможности этим кредитным учреждениям стать процветающими. Количество нераспавшихся кооперативов, начавших свою деятельность в первый период и продолжавших успешно работать, не превышало 15–20%.

Общий обзор развития ссудосберегательных товариществ этих лет убеждает в том, что большинство их членов не были готовы к участию в кооперативах. У них не было ни опыта, ни простых навыков финансово-хозяйственной деятельности, поэтому большинство товариществ быстро прекращало свое существование. Роковую роль в жизни многих кооперативов играла повальная «переписка ссуд». Бухгалтерские дела многих учреждений велись крайне безграмотно. «Насажение» товариществ сверху приводило к тому, что в них отсутствовала подлинная самостоятельность. Все это вместе взятое стало причиной ликвидации большинства ранних ссудосберегательных товариществ. Многие кооперативы, созданные во второй половине 70-х гг., прекратили свое существование уже в 80-е гг. Несмотря на неудачи первых кредитных учреждений, ими был накоплен необходимый опыт кооперативного строительства в деревне. Среди кооперативов было немало сильных в финансовом отношении товариществ с балансовыми оборотами, достигавшими сотен тысяч рублей. Образованное в начале 70-х гг. Отделение Комитета сыграло в последующем решающую роль в распространении и пропаганде кооперативных знаний и навыков. Многие деятели Отделения (М. И. Туган-Барановский, М. Л. Хейсин, Н. В. Чайковский, С. Н. Прокопович, С. Л. Маслов, А. В. Меркулов, Б. Р. Фроммет, В. Ф. Пекарский и другие) стали выдающимися теоретиками кооперативного движения.

Кооперативные деятели нового поколения продолжили теоретические разработки, начатые основателями кооперативного движения. Дальнейшее строительство кооперативной системы в России было невозможно без решения одной из

центральных проблем кооперативной теории – определения сущности кооперации как общественно-экономической организации, ее места в условиях капиталистического и социалистического обществ⁸.

Исходным тезисом большинства концепций по этой проблеме являлось признание кооперации более «высокой формой экономической организации» по сравнению с капиталистическими предприятиями. Авторы кооперативных теорий считали кооперацию порождением капиталистического строя, основу которой составляли мелкие товаропроизводители и потребители. Цель этих организаций – отстоять и улучшить экономическое положение мелкого собственника и потребителя в условиях проникновения капитала и капиталистических отношений в сельское хозяйство, внедрения новых орудий, развития предпринимательства, распространения наемного труда. Крестьянским кооперативам были свойственны такие неотъемлемые атрибуты рыночного хозяйства, как прибыль, паевой капитал, конкуренция. Чтобы выжить в рыночной системе, кооперативы должны были действовать как капиталистические предприятия.

Чем же они отличались от капиталистических предприятий? По мнению С. Н. Прокоповича, главная задача всякого капиталистического предприятия состояла в получении максимальной прибыли на капитал. Целью кооперативного товарищества, напротив, являлось достижение возможно большей продуктивности труда его членов, или наиболее выгодная продажа произведенных ими продуктов, или, наконец, наиболее экономное приобретение нужных им средств производства и продуктов⁹.

Следовательно, перед кооперативами стояла задача не только организации производства, рынка сбыта, но и объединения потребителей. Российские теоретики кооперативного движения считали, что по форме кооператив ничем не отличается от капиталистического предприятия, но по содержанию «в своем капиталистическом теле кооператив скрывает душу, враждебную капитализму»¹⁰. Кооператив является формой самозащиты трудящихся.

Примечания

- ¹ Революционеры-демократы главное внимание уделяли производственным ассоциациям (см.: *Yoshio Imai*. N. G. Chernyshevskii : Pioneer of the Russian Cooperative Movement // Imperial power and development : papers on pre-revolutionary russian histori. Selected Papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies. Washington D. C., 1988. P. 134–151).
- ² См.: *Егоров В. Г.* Кооперация в современной России. СПб., 2013. С. 22–23.
- ³ См. подробнее: *Подколзин Б. И.* Петербургский кружок князя А. И. Васильчикова и зарождение кооперативного

- кредита в России : 60–70-е годы XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 13, 14.
- ⁴ См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 525. Л. 42 ; *Скворцов В.* Безвестный юбилей // Колокол. 1915. 25 октября.
- ⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 3. Д. 1388. Ч. 1. Л. 2.
- ⁶ Там же. Оп. 54. Д. 45. Л. 113–117.
- ⁷ РГИА. Л. 126.
- ⁸ См.: *Файн Л. Е.* Отечественная кооперация : Исторический опыт. Иваново, 1994. С. 103.
- ⁹ См.: *Прокопович С. Н.* Кооперативное движение в России : Ее теория и практика. М., 1913. С. 14–15.
- ¹⁰ *Туган-Барановский М. И.* Социальные основы кооперации. 2-е изд. М., 1918. С. 93.

Образец для цитирования:

Коновалов И. Н. Зарождение кооперативного движения в российской деревне в 60–70-е годы XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 441–444. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-441-444.

Cite this article as:

Kononov I. N. The Origin of the Cooperative Movement in the Russian Village in the 1860–70s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 441–444 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-441-444.

УДК 94(47).083

«ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА ВО ВЛАДИВОСТОК»: К ВОПРОСУ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ПО ПОВОДУ ФИНАНСИРОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М. В. Зайцев

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ZaytsevMV@mail.ru

В статье рассматривается проблема финансирования российским правительством вооруженных сил в начале XX в. Изучены противоречия между Военным министерством и Министерством финансов, возникшие по данному вопросу. Дается оценка роли министра финансов В. Н. Коковцова в обеспечении модернизации российских вооруженных сил денежными ресурсами.

Ключевые слова: история России начала XX в., финансирование армии и флота накануне Первой мировой войны, Совет министров Российской империи, В. Н. Коковцов, А. Ф. Редигер, В. А. Сухомлинов.

**«The Journey from St. Petersburg to Vladivostok»:
on the Contradictions in the Russian Government
Concerning the Army Provisions before the First World War**

М. V. Zaytsev

Maxim V. Zaytsev, ORCID 0000-0003-2035-2786, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ZaytsevMV@mail.ru

The article examines the problem of financing the armed forces by the Russian government in the early 20th century. The contradictions between the War Ministry and the Ministry of Finance that have arisen on this problem are considered. An assessment of the role of the Finance Minister V. N. Kokovtsov in providing the modernization of the Russian armed forces with monetary resources is given.

Key words: history of Russia in the early XIX century, financing of army and navy before the First World War, Council of Ministers of the Russian Empire, V. N. Kokovtsov, A. F. Rediger, V. A. Sukhomlinov.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-445-451

Проблема модернизации российских вооруженных сил в период после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. давно привлекает внимание исследователей, поскольку она напрямую связана с определением степени готовности России к Первой мировой войне и выявлением причин неудачного развития событий на ее начальной стадии.

С этой точки зрения особое внимание привлекает деятельность правительства Российской империи по финансовому обеспечению армии и Военно-морского флота в 1900–1910-е гг., которая оценивается далеко не однозначно. В последнее

время появляются исследования, объясняющие замедленное развитие вооруженных сил ведомственными противоречиями, имевшими место в правящих сферах. Примером такого подхода является недавно опубликованная статья Р. С. Авилова¹. Эта работа посвящена поездке министра финансов В. Н. Коковцова на Дальний Восток в 1909 г. и составленному им докладу для Николая II с предложениями по усилению обороноспособности указанного региона. На основе анализа этого сюжета автор пытается ответить на более масштабные вопросы, касающиеся роли министра финансов в развитии вооруженных сил. Наибольшее внимание уделено отношениям Коковцова с военным министром В. А. Сухомлиновым по поводу выделения кредитов на усиление Владивостокской крепости и другие военные нужды.

Рассматривая конфликтную ситуацию между министрами, Р. С. Авилов справедливо отмечает, что на взгляды исследователей оказывает сильное влияние мемуарное наследие обоих государственных деятелей, заставляющее историков вставать на ту или иную сторону². При этом сам автор, на мой взгляд, не смог полностью избежать отмеченного им влияния и «принял сторону» Военного министерства. Только этим можно объяснить встречающиеся в данной статье уничижительные отзывы о Коковцове. Так, по выражению Р. С. Авилова, министр финансов «интересовался абсолютно всем, имея привычку высказывать свое мнение даже по тем вопросам, в которых решительно ничего не понимал». Кроме того, ««бухгалтерское» видение В. Н. Коковцевым (фамилия передана неверно в оригинале. – М. З.) вопросов обороны государства, его постоянные передедгивания и привычка с упорством, достойным лучшего применения, «совать нос» во все мелкие детали военного и морского дела, находящиеся далеко за пределами не только его компетенции, но и понимания, создавали очень много проблем, поскольку Военному и Морскому министерствам приходилось постоянно давать огромное количество справок и разъяснений по каждому мелочному вопросу, что топило в бездонной бюрократии решение любой серьезной проблемы»³. Такие инвективы еще объяснимы, если исходят непосредственно от оппонентов министра финансов (А. Ф. Редигера или В. А. Сухомлинова), но вряд ли уместны со стороны историка, стремящегося сохранить объективность.

Основной вывод Р. С. Авилова сводится к тому, что «корень зла» заключался в неумении или нежелании многих министров, и прежде всего Коковцова, ставить государственные интересы выше ведомственных. «В то время, – утверждает автор, – как военные пытались объяснить, что без серьезных военных реформ империя может просто не выжить, министр финансов интересовался лишь “сведением баланса”, смотря на все практически исключительно сквозь призму насущной необходимости “всемерного сокращения расходов Государственного Казначейства”. С одной стороны, это было правильно, поскольку устойчивость финансовой системы, безусловно, является необходимым, хотя и не достаточным условием успешного развития экономики страны, а ее разбалансированность в ситуации послереволюционного и послевоенного кризиса, из которого медленно выбиралась страна, могла погубить Россию внутренними потрясениями не хуже любого неприятеля. С другой – именно такой “ведомственный подход” привел к блокированию по финансовым соображениям многих жизненно важных преобразований в стране, начиная от образовательной реформы и заканчивая увеличением количества казенных военных заводов, которые пришлось аврально создавать уже во время Первой мировой войны»⁴.

Другая публикация этого же автора выдержана в более осторожном тоне и недостатки в развитии вооруженных сил объясняются не исключительно «бухгалтерской» ограниченностью Коковцова, а особенностями существовавшей в России административной системы, приводившей к постоянному противоборству трех ведомств – военного, морского и финансового⁵.

Очевидно, что данная проблема требует дальнейшего серьезного и, самое главное, объективного изучения. Цель моей работы – дать более взвешенную оценку противоречиям в политике России по поводу финансового обеспечения модернизации вооруженных сил в конце 1900 – начале 1910-х гг. и конкретно роли министра финансов Коковцова в этом обеспечении.

После окончания неудачной войны с Японией, которая выявила неудовлетворительное состояние российских вооруженных сил, Военное министерство, возглавляемое А. Ф. Редигером (1905–1909), стало настойчиво добиваться увеличения бюджетных расходов на оборону. Важно понимать, что происходило это в условиях масштабной реформы государственного строя России. В апреле 1906 г. Николай II утвердил новую редакцию Основных законов Российской империи, согласно которой законодательные функции приобрели Государственный Совет и Государственная Дума, и все законопроекты, в том числе касающиеся казенных расходов, должны были получать их одобрение. Членам Совета министров теперь приходилось считаться с новыми условиями, хотя привыкали к ним главы

ведомств с разной скоростью. Как известно, с первой Государственной Думой правительство не смогло найти общего языка, в связи с чем ее состав в июле 1906 г. был распущен, а в период до открытия заседаний нового созыва законопроекты могли утверждаться непосредственно императором согласно 87 статье Основных законов «если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере»⁶. Статья 17 «Правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов» гласила: «Если испрошение в порядке, установленном для утверждения росписи, разрешения на производство неотложного расхода представляется по краткости времени, в течение коего должен быть произведен расход, невозможным, то необходимый на покрытие такого расхода кредит открывается по постановлению Совета министров». Подобные ассигнования, производившиеся в период прекращения занятий Думы, должны были вноситься на ее утверждение в течение двух месяцев с начала новой сессии⁷.

Не желая замедлять восстановление боеспособности страны из-за перерыва думской деятельности, а возможно сознательно пытаясь избежать обсуждения вопроса об усилении армии представителями левых партий, Редигер в октябре 1906 г. внес в Совет министров представление об увеличении в 1907–1908 гг. предельного бюджета своего ведомства. Идея заключалась в том, чтобы войсковые части, сформированные во время Русско-японской войны, были сохранены на постоянной основе с созданием для них полноценной инфраструктуры – «интендантских, артиллерийских и медицинских запасов». Эта мера увеличила бы постоянную численность армии на 134 тыс. чел., а добавка к смете составила 215 млн руб., причем Военное министерство настаивало на проведении этого расхода по 87-й статье Основных законов и 17-й статье бюджетных правил⁸.

Коковцов по этому поводу направил председателю Совета министров П. А. Столыпину официальное отношение, в котором резко возражал намерению Военного министерства проводить предложенную меру по 87-й статье. По мнению министра финансов, буквальный смысл закона состоял в том, что «применение этой статьи может иметь место лишь при наличии чрезвычайных обстоятельств» и продолжительность действия принятых таким путем мер «ограничивается сроками, необходимыми для рассмотрения в Государственной Думе и Государственном Совете» соответствующих законопроектов. Поэтому увеличение численности войск как меру постоянную и сопряженную с крупными расходами он не считал возможным предпринимать в порядке 87-й статьи Основных законов и 17-й статьи бюджетных правил. Коковцов настаивал на необходимости отложить решение этого вопроса до «наступления нормальной деятельности Государственной думы». В свете тяжелого положения казны и предстоящего дефицита бюджета на 1907 г. он

особо подчеркнул, что только законодательные учреждения могут разрешить правительству открывать новые источники доходов. Причем он имел в виду не только букву закона, но и реальное положение дел, так как не одобренные Думой финансовые мероприятия правительства не пользовались доверием деловых кругов. И поэтому реализация государством займа, предпринятого вне установленного законодательного порядка, могла встретить серьезные препятствия.

Дополнительно глава финансового ведомства предложил запланировать примерно на 10–15 лет крупные затраты на оборону, определив перед этим какой политики намерено придерживаться государство (оборонительной или наступательной), и проводить их через законодательные учреждения⁹.

С этого момента было положено начало ведомственным трениям между Министерством финансов и Военным министерством, продолжавшимся все последующие годы. Редигер, а также его коллеги, возглавлявшие Морское министерство – А. А. Бирилев (1905–1907) и И. М. Диков (1907–1909) – оказывали постоянное давление на Коковцова, требуя все новых и новых ассигнований на развитие порученных им отраслей. При этом они не желали считаться с такими факторами, как, во-первых, тяжелое состояние государственного бюджета, выкарабкивающегося из трудностей, вызванных войной и революцией, во-вторых, необходимость утверждать все расходы в законодательных палатах и, в-третьих, аналогичные претензии, предъявляемые Министерству финансов другими ведомствами. Так, в частности, П. А. Столыпин, возглавивший Совет министров в июле 1906 г., имел широкую программу преобразований, в центре которой была аграрная реформа. И все планируемые реформы требовали расширения государственных затрат. В таких условиях нагрузка на и без того кризисный бюджет росла сразу по нескольким направлениям. Однако военный и морской министры не желали входить в сложное положение министра финансов, заботясь лишь о вверенных им подразделениях.

Чтобы заключить их требования в разумные рамки, Коковцов 1 ноября 1907 г. обратился к Николаю II со всеподданнейшим докладом «О желательных изменениях в порядке удовлетворения расходов Военного и Морского ведомств». В докладе подчеркивалось, что за последние годы расходы России на оборону росли быстрее, чем в Германии, Франции и Австро-Венгрии. Но в отличие от этих стран, утверждал Коковцов, в России имеется масса неотложных «культурных потребностей», которые удовлетворяются недостаточно. Среди них он на первое место ставил «поднятие хозяйственных сил главной массы населения империи – крестьян». Вместе с тем Военное министерство определяло размер необходимых на развитие армии средств приблизительно в 2,5 млрд руб., а десятилетняя

судостроительная программа, готовившаяся в это время военно-морским ведомством, требовала не менее 870 млн руб. (при том, что годовой бюджет государства составлял тогда около 2,5 млрд руб.). Коковцов скрупулезно изложил причины, по которым резкое увеличение расходов на оборону было в ближайшее время невозможно. «Как ни настоятелен, – писал он, – после тяжелых неудач прошлой войны скорейший приступ к военным реформам, отпуск новых кредитов на эти реформы, требующий предварительного разрешения законодательных учреждений, может встретить серьезные препятствия со стороны этих учреждений по недостатку средств казны. А при этом условии главнейшие заботы правительства в настоящее время должны быть, по необходимости, направлены к лучшему использованию отпускаемых ныне средств по сметам Военного и Морского ведомств и к возможному улучшению за счет этих средств организации наших вооруженных сил»¹⁰.

Министр финансов указывал, что оба ведомства могли бы изыскать значительные внутренние резервы за счет сокращения количества войск, крепостей и личного состава центральных и местных учреждений, а освободившиеся средства как раз употребить на улучшение качества армии и флота. При этом он остроумно поддел военного министра: «О том, что качество армий понижается в военное время вследствие большой их численности, имеется вполне компетентное мнение генерала Редигера в его труде, удостоенном Академией наук полной Макарьевской премии “Комплектование и устройство вооруженной силы”»¹¹.

Однако Военное министерство продолжало настойчиво добиваться все новых и новых ассигнований, а рекомендации Коковцова к более производительному использованию уже отпущенных средств и заблаговременному планированию новых расходов оставляло без внимания. В январе 1908 г. Редигер поднял вопрос об ассигновании чрезвычайного кредита на армию в сумме 207 млн руб. Для Коковцова такое требование было «как снег на голову», поскольку при составлении бюджета на 1908 г. (всего за три месяца до этого) Военное министерство и не упоминало об этой цифре, которая практически совпадала с размером ожидаемого дефицита всей росписи. Министр финансов категорически заявил, что «отпуск в текущем году такой огромной суммы затруднителен для государственного казначейства», предложив военному ведомству изыскивать требующиеся средства в отпущенных ему кредитах, и еще раз указал на необходимость разработать общий план преобразования вооруженных сил¹². В 1908 г. такой проект был, наконец, разработан и после некоторых «торгов» между Министерством финансов и Военным министерством Совет министров утвердил сумму его в размере 293 млн руб., которые предполагалось отпустить в 1908–1915 гг. Однако Дума отклонила этот план, предложив

вносить конкретные сметы необходимых расходов ежегодно в обычном порядке¹³.

С 1906 по 1909 г. между двумя министрами длилась «тяжба» по поводу «экономических капиталов». Речь шла о суммах, выделенных воинским частям, участвовавшим в Русско-японской войне, на хозяйственные нужды. Коковцов добивался, чтобы их неиспользованный остаток 11,9 млн руб. был возвращен в казну, однако Редигер всеми силами сопротивлялся этому и даже пошел – по его собственному признанию – на должностное преступление, не выполнив высочайше утвержденное решение Совета министров, окончившее дело в пользу мнения министра финансов¹⁴.

Важно подчеркнуть, что ведомство Редигера, постоянно требуя кредитов, не могло использовать полностью даже те, которые ему выделялись. Так, на 1907 г. по разделу чрезвычайных государственных расходов Военному министерству было отпущено 97 млн руб., из которых оно смогло истратить только 72,6 млн. В 1908 г. отпущено 45,6 млн, израсходовано 24,9 млн, в 1909 г. – 64,8 млн и 4,8 млн руб. соответственно (неиспользованные остатки переходили на последующие годы)¹⁵. Сухие отчеты Государственного контроля – независимого от Коковцова ведомства – фиксировали неспособность Военного министерства осваивать даже выделенные ему средства, что неизбежно вскрывалось на заседаниях Совета министров.

Постепенно ведомственный конфликт стал приобретать оттенки личного. При составлении бюджета на 1909 г. Коковцов обратился к Редигеру с просьбой о том, чтобы новая смета его ведомства не превышала сметы 1908 г. Военный министр в ответ на это капризно распорядился внести в смету «все наиболее настоятельные новые меры, не стесняясь ее увеличения», в результате чего она возросла почти на 100 млн руб. Действия Редигера ярко характеризует его собственное признание: «Уезжая на лето в отпуск, я запретил Поливанову (товарищ военного министра. – М. З.) соглашаться на какие-либо урезки по смете ... дабы выторговать побольше»¹⁶. В итоге прибавка к бюджету военного ведомства составила 48 млн руб.

С учетом этой прибавки расходы одного Военного министерства должны были составить в 1909 г. 470 млн руб., или около четверти всех обыкновенных расходов. В своем стремлении положить предел дальнейшему росту этой части бюджета Коковцов встречал понимание и поддержку со стороны других членов кабинета. Редигер в своих мемуарах объясняет это с позиции глав других ведомств, которые считали в то время, что с удовлетворением нужд армии можно не спешить и, кроме того, сами стремились таким путем обеспечить успех собственных ходатайств об отпуске средств¹⁷. Так или иначе, но в начале марта 1909 г. Коковцов добился, чтобы Совет министров не только отклонил новую порцию представлений военного министра о сверхсметных ассигнованиях, но и обязал его разработать проект сокращения

численного состава армии в мирное время, а также штатов центральных и местных учреждений Военного министерства и, кроме того, представить новый общий план реорганизации вооруженных сил с конкретными расчетами требуемых на это расходов¹⁸. Возможно, поражение Редигера в этом противостоянии сыграло определенную роль в его последующей скорой отставке с поста военного министра.

Тем не менее новый министр В. А. Сухомлинов стал продолжателем политики своего предшественника, поэтому перманентный конфликт между финансовым и военным ведомствами не прекращался и в дальнейшем. Вскоре после назначения в июне 1909 г. Сухомлинов категорически настаивал в Совете на невозможности уменьшения численности армии¹⁹.

В таком положении находились дела к осени 1909 г., когда состоялась поездка Коковцова на Дальний Восток. Проблема укрепления обороноспособности этого региона приобрела особое значение после проигранной войны с Японией. Интересно, что при обсуждении данного вопроса Советом государственной обороны еще в 1906 г. Редигер вообще призывал отказаться от укрепления Владивостока, а взамен организовать оборону в районе Никольска-Уссурийского. Министр финансов категорически возражал против такой меры и тогда его поддержали Столыпин, министр иностранных дел А. П. Извольский и Сухомлинов. Причем Сухомлинов на следующий день после заседания горячо благодарил Коковцова за «спасение нашего бедного Владивостока от грозившей ему опасности от узкого и непонятного взгляда военного министра»²⁰.

Редигер, даже оставшись в меньшинстве, не изменил своей точки зрения и к усилению обороны Владивостока относился прохладно, поэтому при нем по данному направлению почти ничего не делалось. Сухомлинов буквально через несколько дней после назначения его военным министром в апреле 1909 г. обратился к Коковцову с требованием безотлагательно предоставить в его распоряжение 9 млн руб. на первоочередные работы по крепости Владивосток. Тогда же он апеллировал к императору, которому доложил, что оборона Дальнего Востока в безнадежном положении и «все это происходит исключительно от того, что он не может добиться получения согласия министра финансов на отпуск самых необходимых средств для улучшения оборонительных сооружений Владивостока»²¹.

Коковцов, неприятно удивленный таким обвинением, был вынужден доказывать документально, что его ведомство за три последних года ни разу не предлагало никаких сокращений в кредитах на Владивосток. На заседании Совета министров он заявил, что кредит, отпущенный еще при Редигере, «лежит без употребления уже третий год». А виновника такого порядка «военный министр ищет не у себя в ведомстве, а в тех двух ведомствах, Госу-

дарственном контроле и Министерстве финансов, которые виноваты только в том, что не возражали против новых ассигнаций (так в оригинале. – М. З.), когда и со старыми не умеют справляться». После тягостного молчания, которым встретили члены правительства эту информацию, Сухомлинов «ничтоже сумняшеся» объяснил ситуацию так: «Вероятно какой-нибудь молодой и неопытный полковник Генерального штаба просмотрел не все дело»²².

Любопытно, что данный инцидент в статье Р. С. Авилова изложен исключительно с точки зрения военных министров, хотя в мемуарах Коковцова он описан весьма подробно и не дает возможности подозревать их автора в сильном искажении фактов. Уважаемый коллега в обеих публикациях, посвященных данному вопросу, подчеркивает отсутствие кредитов на усиление обороны Владивостока до 1909 г., ссылаясь при этом только на неоднозначную фразу из мемуаров Редигера²³. Однако упускает из виду, что таких ассигнований не было, поскольку при рассмотрении бюджетов на 1908–1909 гг. Военное министерство не включало в них средств на этот предмет²⁴. Обвинения Сухомлинова носили голословный характер, что и выяснилось на заседании Совета министров.

Тогда же, по существу дела, министр финансов на притязания Сухомлинова ответил, что «не уполномочен законом открывать дополнительных кредитов, не разрешенных в установленном порядке», и что единственным средством «удовлетворения столь жгучей потребности было бы немедленное внесение в законодательные учреждения представления об отпуске испрашиваемого кредита». Коковцов указывал, что необходимые на это средства военное ведомство могло бы изыскать в неиспользованных ресурсах собственного бюджета. И действительно, например, из кредита «на экстренные хозяйственные запасы», ассигнованного по сметам 1908–1909 гг., неизрасходованными к осени 1909 г. оставались более 85 млн руб. Но Военное министерство заявляло, что «кредит на запасы имеет свое назначение и не может быть даже временно обращен на другие потребности»²⁵.

Через несколько месяцев Коковцов отправился в служебную командировку на Дальний Восток, которая имела три главных цели: 1) ознакомление с положением КВЖД с точки зрения ее охраны и условий управления; 2) оценка влияния отмены свободного ввоза иностранных товаров («порто-франко») на развитие Дальнего Востока; 3) выяснение состояния обороны в данном регионе. В ходе поездки Коковцов лично убедился в недостаточной обороноспособности дальневосточных рубежей и по возвращении предложил несколько мер для улучшения ситуации. Например, он рекомендовал морскому министру выделить вопрос об усилении обороны Владивостока с моря из общей программы судостроения, прочно засевшей в третьей Думе, чтобы облегчить его законодательное утверждение, а также организовать производство миноносцев и

других малых судов прямо на месте. В отношении Военного министерства он, как и ранее, твердо придерживался той точки зрения, что оно должно направить на укрепление Дальнего Востока неиспользованные остатки выделенных ранее кредитов, а на будущие нужды заблаговременно вносить представления, которые можно будет провести через законодательные учреждения²⁶.

Рассмотрев предложения Коковцова, Совет министров предоставил двум противоборствующим ведомствам совместно найти необходимый источник средств на укрепление обороны Дальнего Востока²⁷. Однако такое «соломоново решение», естественно, не могло способствовать ликвидации конфликта. Военное министерство по-прежнему не справлялось с освоением выделяемых ему средств. За три с половиной года (с 1908 до июня 1911 г.) ему было ассигновано «на чрезвычайные расходы по заготовлению запасов и усилению боеспособности армии» в общей сложности 215,5 млн руб., из которых оно смогло истратить лишь половину, а 104,1 млн руб. лежали мертвым грузом в кассах Министерства финансов. Только в начале 1911 г. Коковцову удалось добиться, чтобы Военное министерство обратило на усиление крепости Владивостока часть этих средств²⁸.

Вопрос об усилении обороноспособности Дальнего Востока являлся частью более широкой проблемы модернизации всех вооруженных сил России. Конкретный план модернизации, на необходимости которого настаивал министр финансов, военное и морское ведомства разработали только к февралю 1910 г. Необходимые на это средства исчислялись в сумме 1.265 млн руб., а израсходовать их предполагалось в течение десяти лет. При обсуждении этой программы в Совете министров Коковцов потребовал, чтобы ассигнования на эти цели проходили по разделу обыкновенных расходов государственного бюджета и соответственно покрывались исключительно обыкновенными доходами. Средства предполагалось получить за счет повышения цен на продажу алкоголя, а также за счет повышения существующих и введения новых прямых налогов. Министр финансов пытался добиться, чтобы ассигнования были рассрочены на несколько более длительный период времени, но Николай II, утвердивший программу в марте 1910 г., в своей резолюции подчеркнул, что она должна быть выполнена обязательно в десятилетний срок²⁹.

Из общей суммы этого плана на Военное министерство приходилось 715 млн руб., соответственно ежегодные ассигнования должны были составлять 71,5 млн руб. Однако план 1910 г., как и план 1908 г., не был утвержден законодательными учреждениями. Дума снова разрешила лишь испрашивать кредиты в счет этого плана на каждый год в обычном порядке, и хотя таких кредитов было занесено в роспись 1910 г. на 50 млн руб., 1911 г. – 48,6 млн руб., 1912 г. – 70 млн руб., то есть меньше предполагаемых ежегодных ассигнований

(71,5 млн), но и они, по данным Государственного контроля, расходовались военным ведомством далеко не в полном объеме³⁰.

Периодически вопрос об отпуске сверхсметных кредитов на усиление боеготовности поднимался на заседаниях правительства, но обсуждение его происходило все в том же ключе. Так, 31 октября 1912 г. вследствие осложнения международной обстановки из-за событий на Балканах Сухомлинов заявил о необходимости отпуска его ведомству чрезвычайных ассигнований в размере 66 млн руб., причем в порядке применения статьи 17 бюджетных правил, поскольку Дума четвертого созыва должна была открыться только 15 ноября этого года. Коковцов, который к тому моменту являлся еще и председателем Совета министров, прежде всего, возражал против осуществления такой операции в чрезвычайном порядке. Он опять указал на неизрасходованные остатки прежних ассигнований (всего 106 млн руб., отпущенных по сметам 1909–1912 гг.) и рекомендовал военному министру сначала использовать их для снабжения армии. Кроме того, глава Министерства финансов отметил, что модернизация вооруженных сил сдерживается низкой производительностью отечественной промышленности, неспособной «исполнять в краткие сроки предоставляемые ей военным ведомством заказы»³¹.

В Особом журнале, излагающем ход заседаний по данному вопросу, подчеркивалось: «Статс-секретарь Коковцов <...> уже многократно заявлял Совету министров и даже повергал на благовоззрение Вашего императорского величества, что современное финансовое положение дает полную возможность дальнейшего усиления средств нашей государственной обороны и что отпуски последних никогда не были им подчинены соображениям финансового свойства»³².

По результатам обсуждения Совет министров санкционировал сверхсметное ассигнование в размере 53 млн руб., в порядке применения статьи 17 бюджетных правил, но обязал Военное министерство взять их из средств уже имеющихся в его распоряжении. Учитывая неспособность российской промышленности полностью обеспечивать нужды армии, допускалось размещение военных заказов и в других странах. Но по этому поводу высказывались два пожелания: «1) Чтобы военное ведомство при заключении контрактов на поставку заграничных изделий воздерживалось, по возможности, от выдачи крупных задатков и 2) чтобы при распределении заказов на изготовление боевого снабжения были приняты в особое внимание современные политические осложнения и допустимое их будущее развитие, в смысле принадлежности отдельных заводов к странам, не входящим в состав дружественной нам политической комбинации»³³.

В таком духе отношения между Министерством финансов и Военным строились и на протяжении 1913–1914 гг. Модернизация вооруженных

сил продолжала осуществляться медленными темпами, хотя причины этого крылись отнюдь не в «бухгалтерском» подходе Коковцова. Государственный контролер П. А. Харитонов в своем докладе Николаю II от 6 июня 1913 г. сообщал о двух факторах, замедлявших производство «артиллерийских заготовлений», – недостаточная продуктивность отечественных заводов и несвоевременная высылка им чертежей и технических условий заказов Военным министерством. При этом он подчеркивал «полное обеспечение операции денежными средствами»³⁴.

По подсчетам К. Ф. Шацилло, за время между окончанием Русско-японской войны и началом Первой мировой на перевооружение армии и флота государством было ассигновано всего 1,8 млрд руб., из которых к 1914 г. израсходована только пятая часть – 376,5 млн руб.³⁵ Так что проблема заключалась не в недостатке средств и тем более не в личных качествах министра финансов Коковцова, а в низкой эффективности российской бюрократической машины (в данном случае Военного и Морского министерств), неспособной своевременно удовлетворять возникающие насущные нужды, а также в недостаточной производительности российской военной промышленности.

Определенную негативную роль также сыграла трансформация российской государственности в 1905–1907 гг. Осуществленный согласно Основным законам Российской империи от 23 апреля 1906 г. принцип разделения властей заставлял исполнительную ветвь считаться с появлением законодательных палат. Главам ведомств волеиневольно приходилось согласовывать свою работу с позицией Государственной Думы, но привыкание членов правительства к новым политическим реалиям шло с разной скоростью. И если у таких людей, как Столыпин или Коковцов процесс перестройки сознания шел достаточно быстро, то для Сухомлинова и ему подобных, считавших себя прежде всего «слугами царя», необходимость учитывать роль Думы в государственных делах так и не стала очевидной. Это порождало дополнительные трудности в деле финансового обеспечения модернизации вооруженных сил.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-01046 а2 «Жизнь и деятельность В. Н. Коковцова (по материалам российских и зарубежных архивов)».

Примечания

- ¹ *Авилов Р. С.* По Транссибу на Восток. Визит министра финансов В. Н. Коковцова в Приамурский военный округ в 1909 г. // *Вестн. Том. гос. ун-та.* 2016. № 405. С. 38–49.
- ² Там же. С. 38.
- ³ Там же. С. 40, 46–47.
- ⁴ Там же. С. 47.

- ⁵ См.: *Авилов П. С.* «Кредитов до сих пор мы не имеем...»: проблемы взаимоотношения военного и финансового ведомств Российской империи (на материалах истории Владивостокской крепости (1909–1911 гг.)) // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : История России.* 2016. № 3. С. 9–15.
- ⁶ Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. (Изд. 1906 г.). Свод основных государственных законов. С. 20.
- ⁷ Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. (Изд. 1906 г.). Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов росписью не предусмотренных. С. 5–6.
- ⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 298. Л. 1 об.–2.
- ⁹ Там же. Л. 2 об.–7 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 296. Л. 29–37 об.
- ¹¹ Там же. Л. 37 об.
- ¹² Там же. Д. 299. Л. 1–8.
- ¹³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 966. Оп. 1. Д. 15. Л. 3 об.–7.
- ¹⁴ См.: *Редигер А. Ф.* История моей жизни : в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 85–87, 300.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 15. Л. 27, 30, 34 об.–35.
- ¹⁶ *Редигер А. Ф.* Указ. соч. С. 220, 226.
- ¹⁷ Там же. С. 89.
- ¹⁸ См.: Особые журналы Совета министров 3 и 11 марта 1909 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 год. М., 2000. С. 83–87, 101–102.
- ¹⁹ См.: Особый журнал Совета министров 9 июня 1909 г. // Особые журналы... С. 224.
- ²⁰ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. : в 2 т. Париж, 1933. Т. 1. С. 359.
- ²¹ Там же. С. 362.
- ²² Там же. С. 366–367.
- ²³ *Авилов П. С.* По Транссибу на Восток. С. 39 ; *Его же.* «Кредитов до сих пор мы не имеем...». С. 10–11. Редигер в конце 1909 г. на заседании Финансовой комиссии Государственного совета при обсуждении доклада Коковцова о его поездке на Дальний Восток заявил : «Сказанное в докладе о состоянии Владивостока верно ; но там не сказано, что, вообще, вся наша оборона находится в столь же жалком состоянии ; заявление же о всегдашней готовности давать средства на существенные нужды обороны есть обычная у Коковцова ложь! Что может быть важнее мобилизационной исправности войск? А между тем я нужные на то одиннадцать миллионов рублей получил лишь путем преступления : неисполнением высочайше утвержденного решения Совета министров! Впервые чрезвычайные средства на улучшение обороны были получены летом 1908 года, и из них ничего не было уделено на Владивосток ; но полученные средства являются лишь каплей в море наших потребностей, а усилить Владивосток теперь, когда Амурская железная дорога еще так далека от окончания, не имеет смысла, так как в случае новой войны с Японией до окончания железной дороги оборона наших владений на Тихом океане все равно является безнадежной! Получаемые средства мы раньше всего должны употреблять на усовершенствование армии и ее снаряжения, а не на столь бесполезные затеи ; иначе мы еще долго должны будем сознаваться в своей неготовности к войне» (см.: *Редигер А. Ф.* Указ. соч. С. 300).
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 303. Л. 40.
- ²⁵ Там же. Л. 40–41.
- ²⁶ Там же. Л. 37–38 об., 40 об.
- ²⁷ См.: Особый журнал Совета министров 28 ноября 1909 г. // Особые журналы... С. 458–461.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 304. Л. 10–12 об.
- ²⁹ См.: Особый журнал Совета министров 24 февраля 1910 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910 год. М., 2001. С. 128–137.
- ³⁰ РГИА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 15. Л. 9–11.
- ³¹ Там же. Л. 42–51.
- ³² Там же. Л. 52–53.
- ³³ Там же. Л. 56.
- ³⁴ Там же. Л. 58–61 об.
- ³⁵ См.: *Шаццло К. Ф.* Последние военные программы Российской империи // *Вопр. истории.* 1991. № 7–8. С. 224–233.

Образец для цитирования:

Зайцев М. В. «Путешествие из Петербурга во Владивосток»: к вопросу о противоречиях в правительстве России по поводу финансирования вооруженных сил накануне Первой мировой войны // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2017. Т. 17, вып. 4. С. 445–451. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-445-451.

Cite this article as:

Zaytsev M. V. «The Journey from St. Petersburg to Vladivostok»: on the Contradictions in the Russian Government Concerning the Army Provisions before the First World War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 445–451 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-445-451.

УДК 94(47).083+929

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РОМАНТИЗМ РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. ГРИНА

С. В. Мосолкин

Мосолкин Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и культуры, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., mosolkinsv@mail.ru

В статье рассматривается малоизученная сторона жизни А. Грина – его революционная деятельность. Описывается влияние революционного опыта А. Грина на его ранние произведения, написанные в стиле романтизма.

Ключевые слова: Александр Грин, идеологический образ, революционная деятельность, социалисты-революционеры, система ценностей.

Revolutionary Romanticism in the Early Works of A. Grin

S. V. Mosolkin

Sergei V. Mosolkin, ORCID 0000-0002-5514-9086, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politehnicheskaja Str., Saratov, 410054, Russia, mosolkinsv@mail.ru

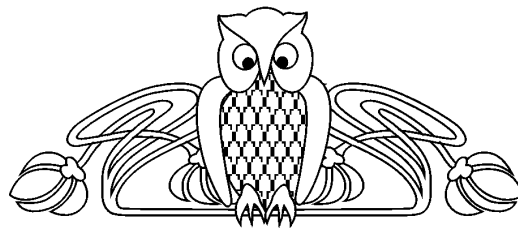
The article considers a poorly studied aspect of A. Grin's life – his revolutionary activities. The research describes the impact of the revolutionary experience of A. Grin on his early works written in the romantic style.

Key words: Alexander Grin, ideological image, revolutionary activities, socialist-revolutionaries, system of values.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-452-455

В статье рассматривается ранний период жизни Александра Грина, связанный с революционной деятельностью, и его воплощение в творчестве писателя. Начав свой литературный путь еще в 1906 г., А. Грин создал в предреволюционное десятилетие целый цикл рассказов, которые до сих пор не исследованы полностью. Революционно-романтические произведения А. Грина с их «всечеловеческим» гуманизмом долгое время оставались на периферии литературного движения. В результате библиографических поисков становятся известными забытые рассказы писателя. Обнаруживаются все новые факты биографии А. Грина. Из связи с эсерами, ранее дававшей повод для обвинений, теперь делается вывод: революционный опыт А. Грина оказывал непосредственное влияние на его ранние произведения, написанные в стиле революционного романтизма.

Анализ основных событий в жизни Александра Грина, в частности документальных сведений о его отношении к революционному движению, позволит более объективно представить тот идео-

логический образ писателя, который был создан в советское время и просуществовал до наших дней.

Рассматриваемый материал также связан с вопросами о психологии терроризма и мотивационной сфере террориста, которые как никогда актуальны в настоящее время, когда терроризм становится проблемой мирового масштаба. Особый интерес вызывает анализ того, что происходит с системой ценностей человека, когда он встает на путь террора.

Основными источниками для написания статьи послужили «Автобиографическая повесть»¹ и воспоминания супруги писателя Нины Николаевны Грин², а также короткие мемуарные эссе современников Грина. Правда, нужно иметь в виду, что «Автобиографическая повесть», написанная Грином в последний год жизни, не является, строго говоря, биографическим свидетельством. Как было установлено в работе В. Сандлера «Вокруг Александра Грина»³, реальные воспоминания в повести переплетаются с художественным вымыслом.

Большая работа по восстановлению событий из жизни писателя была проделана его женой Ниной Николаевной. Ее мемуары наиболее точно описывают не только факты биографии, но и помогают лучше раскрыть сложную и противоречивую личность А. Грина. Ею были собраны воспоминания многих людей, знавших его. Необходимо отметить, что многие материалы, позволяющие восстановить факты биографии А. Грина, стали доступны только в последние десятилетия.

Александр Грин известен широкому кругу читателей, прежде всего, как автор повестифеерии «Алые паруса», волшебной истории, повествующей о прекрасных вещах: о счастье и о чуде, которые можно сотворить человеческим трудом и верой. Но мало, кто знает, что Александр Гриневский, он же писатель Грин, имел бурную революционную молодость, являясь членом партии социалистов-революционеров. На этой странице в биографии Грина стоит остановиться подробнее, так как долгое время она почти не рассматривалась. Партия социалистов-революционеров принимала участие в революционной борьбе за лучшее будущее народа, однако нельзя забывать, что она представляла собой одну из самых грозных террористических организаций в России начала XX века⁴. Главным методом борьбы партии являлись политические убийства. Теракты совершались как в обеих российских столицах, так и в уездных городах,

а жертвами часто становились случайные прохожие и невинные люди⁵. Поэтому, естественно, участие А. Грина в такой революционной борьбе относилось к отрицательным фактам его биографии, эта сторона жизни Грина долгое время умалчивалась. Однако идеологический образ писателя, созданный в советское время, был далек от реального. Эта часть его биографии мало освещена в литературе и историографии. Возможно, это связано также и с тем, что сам А. Гриневский, как писала Н. Н. Грин: «Совершенно явно проявлял полное нежелание распространяться о своей жизни»⁶.

А. Гриневский в молодые годы попал в эсеровскую организацию волею случая. Он не пришел туда в результате душевных терзаний или идейных убеждений, а именно попал случайно. В 1902 г. А. Грин был зачислен в резервный пехотный батальон. Порядки военной службы его не устраивали, из-за чего он постоянно попадал в карцер. Не вынеся условий, через шесть месяцев он бежал. Дезертира поймали в Камышине, но ему снова удалось бежать. Помогли ему в этом эсеровские пропагандисты, с которыми он познакомился в армии. Далее они продолжали помогать ему скрываться от властей в Симбирске⁷. С этого момента их пути пересеклись.

Эсеры вербовали в свои ряды молодых людей, которых было легко увлечь философией героического террора. Они становились исполнителями терактов – убийцами и самоубийцами одновременно. 22-летний А. Гриневский представлял собой хороший материал для партийных агитаторов. Он успел испытать трудности солдатской жизни, познакомиться с проблемами российской действительности. Он был достаточно обижен на общество, чтобы объявить ему войну. Поэтому эсеры решили использовать А. Грина в своей террористической деятельности и отправили его на «карантин» в Тверь. Однако, «пребывая в карантине в полном покое, он разобрался в своих мыслях и чувствах, увидел, что убийство кого бы то ни было, претит его натуре»⁸. Так что «террористом» А. Грин все же не стал. Тем не менее вопрос о терроре как методе революционной борьбы был им глубоко прочувствован, и это отразилось в его раннем творчестве. Как уже отмечалось, ранние рассказы А. Грина написаны в стиле революционного романтизма. Главные герои его произведений устремлены в будущее, полны освободительных идей, их жизнь связана с борьбой за свободу и счастье людей.

В одном из самых первых его рассказов «Марат» показан молодой революционер накануне совершения террористического акта. Романтическая личность, несущая в себе бунтарство и отрицание, ярко воссоздана в рассказе: «Я жестокость отрицаю... Но истребить, уничтожить врагов – необходимо! С корнем, навсегда вырвать их! Вспомните уроки истории... Совсем, до одного, навсегда, без остатка, без претендентов! Чтобы ни одна капля

враждебной крови не стучала в жилах народа. Вот что – революция!»⁹.

Прототипом главного героя рассказа – Яна – являлся Иван Каляев. Историю именно этого террориста поведал нам в своем сочинении А. Грин. Исторические факты совершения преступления И. Каляевым в точности воспроизведены в тексте. Герой произведения, так же как и Каляев, несмотря на одержимость террором, не сразу готов на убийство, так как в карете, в которую он должен был бросить бомбу, ехали не только предполагаемая жертва, но также жена и дочь человека, которого он должен был убить. В реальной жизни И. Каляев только на другой день совершает покушение¹⁰. Этот сюжет повторяется и в рассказе.

О романтическом отношении А. Грина к насильственным действиям свидетельствует текст его произведений: «Совершилось чудо», – говорит его персонаж об убийстве¹¹. Возможно, автор этим хотел показать веру революционеров в чудесное избавление народа от тирании.

Хотя сам автор не одобряет террористических методов борьбы и не разделяет взглядов своего героя, но личный жизненный опыт писателя, несомненно, помог ему в создании литературного образа.

Ближе автору по своим взглядам герой другого рассказа А. Грина «Карантин». Молодой человек по имени Сергей, так же как когда-то и сам писатель, приезжает по заданию партии в провинциальный город. После того как он убедится, что полиция не следит за ним, он должен был совершить террористический акт. Проходит время, и Сергей начинает понимать, что на теракт он не пойдет, что «умирать он не собирался, не хотел и не мог хотеть»¹². Далее А. Грин описывает конфликт между посланцем партии эсеров и Сергеем. Представитель партии, желая вызвать чувство вины, возмущается тем фактом, что герой рассказа передумал совершать убийство: «Вы надоели центральному комитету! ...вы чуть ли не со слезами на глазах просили и кланчили... Ведь были же другие?»¹³. В свое время и А. Гриневскому тоже пришлось испытать это чувство вины перед партией. После того как беглый солдат А. Гриневский отказался участвовать в террористических актах, эсеры решили использовать его для пропаганды своих взглядов. Будущий писатель, стремясь загладить свою вину, оказался талантливым агитатором. Особенно ему удавалась агитация среди солдат. А. Гриневский так хорошо знал быт и проблемы солдат, что выступая перед ними, сразу же находил со слушателями общие темы. Это внушало к нему доверие.

В ноябре 1903 г. А. Грина арестовали. Интересно то, что выдали его те, кого он агитировал. Завербованные полицией двое его слушателей несколько дней следили за ним, пока в отхожем месте на Графской набережной А. Грин не был задержан. А. Гриневский принадлежал к тем людям, которые очень тяжело переносят тюремное

заклучение. Конечно, никому не нравится сидеть в тюрьме. Но А. Грину тюрьма, можно сказать, была противопоказана. Поэтому он несколько раз совершал попытки побега, хотя они не увенчались успехом. Вышел он из тюрьмы лишь два года спустя.

Дело рядового Зарайского полка А. С. Гриневского слушалось в Севастополе. Обвинялся он в пропаганде среди матросов и распространении литературы партии социалистов-революционеров. Подсудимый не желал отвечать ни на какие вопросы суда. Такое поведение А. Грина послужило причиной того, что прокурор требовал для него двадцать лет каторжных работ. В газете «Революционная Россия» за 25 апреля 1905 г. писалось, что хотя «улик против Гриневского почти не было, но проявленная на суде закоренелость вызвала раздражение судей, а потому эти представители российского правосудия и вынесли ему непомерно строгий приговор»¹⁴.

А. Грина спасло лишь то, что защищал его адвокат Зарудный¹⁵. Благодаря его блестящей речи Гриневского присудили только к десяти годам каторги. Прибыв по этапу в Тобольскую губернию, он сразу совершил побег, добрался до Петербурга и жил там под чужим именем. В это время начинается его литературное творчество. После побега из ссылки в 1906 г. был напечатан его первый рассказ «Заслуга рядового Пантелеева». Этот рассказ был написан по заказу эсеров.

Своим «крестным отцом в литературе» А. Грин называл одного из эсеровских деятелей Наума Быховского. Член ЦК партии эсеров Наум Яковлевич Быховский первым рассмотрел у него литературный талант. Н. Н. Грин вспоминает, что, прочитав одну из статей, написанных Гриневским по заказу партии, Н. Я. Быховский сказал: «А знаешь, Гриневский, мне кажется, из тебя мог бы выйти писатель»¹⁶. Конечно, не только эти слова, произнесенные невзначай, «сделали» Гриневского писателем. Именно эсеры помогли ему набраться жизненного опыта, без которого невозможен настоящий писатель. Чтобы полюбить жизнь, нужно близко стоять рядом со смертью. Именно этот опыт молодой писатель получил, будучи членом партии социалистов-революционеров. Эсеры сделали из Грина писателя, а не революционера. Он прошел испытание выбором: жизни и смерти, свободы и тюрьмы. Не случайно позже в рассказе «Приключения Гинча» автор напишет: «Три темы постоянно привлекают человеческое воображение, сливаясь в одной туманной перспективе, глубина ее блестит светом, полным неопределенной печали: «Смерть, жизнь и любовь»»¹⁷.

Все это он испытал, находясь в боевой организации эсеров. В это же время он встретил свою первую любовь – Катю Бибегель. Чувство было сильным и страстным, но не взаимным. Как писала первая жена А. Грина В. П. Калицкая: «обоих, естественно, сближала общность взглядов, настроений и мыслей. Она хорошо относилась

к Грину, но не любила его»¹⁸. Разрыв был очень болезненным для А. Грина. Встреча после разлуки была бурной. «За свою деятельность революционера А. С. поплатился двумя годами одиночного заключения и приговором к ссылке в Восточную Сибирь. Это очень утомило, измучило А. С. и романтика подвига и риска для него потускнела. Захотелось покоя, отдыха и счастливой личной жизни. Но Е. А. по-прежнему целно отдавалась революционной деятельности. Она работала в военной организации»¹⁹.

Е. А. Бибигель интересовала только революционная борьба, а не любовные отношения. Вспыльчивый Грин в ярости чуть было не убил ее из револьвера. «Она держалась мужественно и вызывающе, а я знал, что никогда не смогу убить ее, но и отступить тоже не мог», – говорил А. Грин²⁰. «Пуля попала ей в грудь. Девушка была доставлена в Обуховскую больницу, где ее оперировал знаменитый хирург – профессор И. И. Греков»²¹. Операция прошла успешно, но после этого Е. А. Бибигель и А. Грин больше не встречались²².

А. Грин использовал Е. А. Бибигель в качестве прототипа в своем дальнейшем литературном творчестве. В ранних рассказах ее образ очень трогательный. В 1915 г. вышла книга «Штурман четырех ветров». Прототипом героини одного из рассказов романа «Маленький комитет» была Катя Бибигель. Грин даже отправил ей томик книги на каторгу, где она находилась в то время. О безысходности неразделенной любви идет речь в повести «Земля и Вода».

А. Грин являлся членом партии социалистов-революционеров чуть более двух лет. Его удерживали в партии романтика и возможность жить нелегально на партийные деньги. То, что эсеры имели различные источники получения денег, является установленным историческим фактом²³. И члены организации получали немалые деньги от партии.

Подводя итог, можно сказать, что для распространения своей идеологии эсеры вербовали новых сторонников в разных слоях общества. В этот исторический период террор становится привлекательным как для лиц с революционным настроением, так и для отдельно взятых личностей, которые руководствовались сугубо личными мотивами. При попытке нравственного оправдания убийства идеологами терроризма использовались разные методы, призванные вовлечь в террор и сгладить моральные угрызения. Политические и мировоззренческие потрясения, происходившие в России в период Первой русской революции, не могли не отразиться на жизни и деятельности творческой интеллигенции. И в этом плане судьбы А. Грина очень показательны. В начале 1908 г. произошел окончательный разрыв Гриневского с эсерами. И хотя существующие в обществе порядки он ненавидел по-прежнему, он начал формировать свой позитивный идеал, который

был совсем не похож на эсеровский. Разочаровавшись в революции, писатель не смог смириться с существующей действительностью. Романтизм позволил ему прямо выразить свой взгляд на нормы общественного поведения людей. Он рисовал своих героев такими, какими всегда хотел бы видеть человека. Именно в этой концепции человека таится секрет неумиряющего воздействия романтизма писателя. Только многосторонний анализ творчества А. Грина делает возможным уяснение причин его популярности и места, занимаемого его романтическими произведениями в духовной жизни нашего современника.

Примечания

- ¹ См.: Грин А. С. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Правда, 1965. Т. 6.
- ² См.: Грин Н. Н. Воспоминания об Александре Грине / сост. Н. Кобзеви, Л. Корякина. Симферополь : Крым. учеб.-пед. гос. изд-во, 2000.
- ³ См.: Воспоминания об Александре Грине / сост. В. Сандлер. Л. : Лениздат, 1972.
- ⁴ См., напр. : Гейфман Анна. Революционный террор в России 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М. : КРОН-ПРЕСС, 1997.
- ⁵ См. более подробно : Мосолкин С. В. Создание образа «героя – террориста» в ходе политических процессов над эсерами в 1905 году // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 30–31.
- ⁶ Грин Н. Н. Указ. соч. С. 287.
- ⁷ См.: Варламов А. Н. Александр Грин. М. : ЭКСМО, 2010. С. 32–39.
- ⁸ Там же. С. 30.
- ⁹ Грин А. С. Марат // Рассказы 1907–1912 : в 6 т. Т. 1. М. : Правда, 1980. С. 5.
- ¹⁰ См.: Жалоба, поданная Каляевым И. П., на приговор судившего его Особого присутствия Сената // ГАРФ. Ф. 5831. Д. 565. Л. 3.
- ¹¹ Грин А. С. Марат. С. 6.
- ¹² Грин А. С. Рассказы. М. : Эй-Ди-Лтд, 1994. С. 9.
- ¹³ Там же. С. 13.
- ¹⁴ Из общественной жизни Севастополя // Революционная Россия. 1905. 25 апр. № 65. С. 11.
- ¹⁵ Политические процессы в России 1901–1917 гг. Ч. 1. 1901–1905 / под ред. Л. И. Гольдман. М., 1932. С. 97–98.
- ¹⁶ Грин Н. Н. Указ. соч. С. 435.
- ¹⁷ Грин А. С. Собр. соч. Т. 2. М. : Правда, 1980. С. 1.
- ¹⁸ Смиренский В. В. «Первая любовь Грина». Заметка // РГАЛИ. Ф. 127. Оп. 4. Ед. хр. 10.
- ¹⁹ Чагин П. И. Конспект содержания и отдельные главы Воспоминаний В. П. Калицкой об А. С. Грине // РГАЛИ. Ф. 2550. Оп. 2. Ед. хр. 620.
- ²⁰ Цит. по: Грин Н. Н. Указ. соч. С. 452.
- ²¹ Смиренский В. В. Указ. соч. // РГАЛИ. Ф. 127. Оп. 4. Ед. хр. 10.
- ²² Чагин П. И. Указ. соч. // РГАЛИ. Ф. 2550. Оп. 2. Ед. хр. 620.
- ²³ См.: Свалов А. Н. Из истории Второго Интернационала. М. : ИРМОС, 1996. С. 85–86 ; Революционная Россия. 1905. № 63. 5 апр. С. 16 ; Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М. : Вагриус, 2006. С. 184.

Образец для цитирования:

Мосолкин С. В. Революционный романтизм ранних произведений А. Грина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 452–455. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-452-456.

Cite this article as:

Mosolkin S. V. Revolutionary Romanticism in the Early Works of A. Grin. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 452–455 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-452-455.

УДК 94(410) + 94(57) : 94(47)“1918/20”

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И СИБИРЬ В НАЧАЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

М. И. Вторушин

Вторушин Михаил Иванович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и таможенного дела, Омский государственный технический университет, vtorushin-m2013@yandex.ru

В статье рассматривается политика Британской империи в отношении Зауральской колонии России эпохи социально-политических катаклизмов 1917–1918 гг. Изучены причины притязаний на Сибирь правящих кругов Великобритании; выявлены внешние и внутренние противоречия при проведении политики интервенции, механизмы влияния на политические события в Сибирском регионе.

Ключевые слова: кризис, колония, интервенция, Британская империя, Антанта.

The British Empire and Siberia at the Beginning of the Civil War in Russia

M. I. Vtorushin

Michail I. Vtorushin, ORCID 0000-0003-1829-8899, Omsk State Technical University, 11, Avenue peace, Omsk, 644050, Russia, vtorushin-m2013@yandex.ru

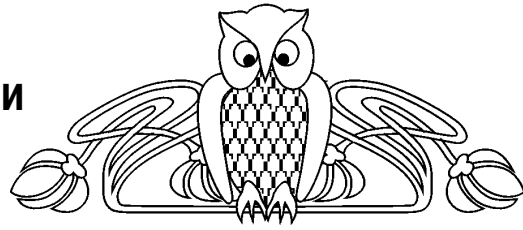
The article considers the policy of the British Empire concerning Russian Transuralian colony in the period of social and political cataclysms of 1917–1918. The reasons of the British ruling classes' claims to Siberia are studied; the interior and exterior contradictions in conducting the intervention policy and the mechanisms of influence on the political events in Siberia are elicited.

Key words: crisis, colony, intervention, British Empire, Entente.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-456-461

Развитие социально-политического кризиса России в период Великой революции 1917 г. привело к дезинтеграции бывшей Российской империи. Под воздействием центробежных сил и общей слабости Советского правительства на первом этапе существования сложилась ситуация, позволявшая ведущим империалистическим державам аннексировать под тем или иным предлогом окраинные территории России. В этом плане представляет интерес дальнейшее исследование проблем интервенции держав Антанты на востоке России и, в первую очередь, политика интервенции правительства Британской империи.

Внутриполитическая стабильность России в послеоктябрьский период революции в определенной мере зависела от внешнеполитических условий, так как ее характер вышел за национальные рамки и поставил под вопрос весь комплекс существующего мироустройства. Президент США

Вудро Вильсон писал: «Яд большевизма только потому получил такое распространение, что является протестом против системы, управляющей миром»¹. Международный характер Октябрьской революции обусловил вмешательство во внутренние дела бывшей Российской империи правительств как ведущих империалистических держав, так и сопредельных стран. В меру сил и возможностей они стремились в своих интересах использовать внутрисоветский политический кризис, опираясь на антисоциалистические и антисоветские общественные группы в самой России, играя на их патриотических чувствах². Революция в России и ее временная внешнеполитическая слабость параллельно давала возможность разрешить за ее счет ряд острых империалистических противоречий, возникших еще в довоенный период, например, между той же Россией и Англией по «азиатскому вопросу»³, которые на время Первой мировой войны отошли на второй план.

Державы центрального военного блока, в первую очередь Германия, используя свое неоспоримое военное превосходство в отношении обесиленной войной России, реализовали свои империалистические планы в полной мере, навязав Советскому правительству «похабный» Брестский мир. В этот период государства Антанты, связанные тяжелым положением своих армий на Западном фронте, могли вмешиваться лишь косвенным образом, используя близкие им по политической ориентации российские антисоветские силы⁴.

Неспособность держав Согласия известное время участвовать активно как в борьбе с советским режимом власти в России, так и в территориальном разделе «романовского наследства», дала Советскому правительству время, используя «мирную передышку» весны 1918 г., сформулировать теоретически и приступить к реализации первого варианта политики государственного капитализма, который спустя три года уже в новых исторических условиях получил название новой экономической политики партии большевиков.

Вмешательство во внутренние дела России велось, в первую очередь, на ее окраинах, так как именно здесь Советская власть была установлена позднее, чем в центре страны, при этом ее введение было по времени продолжительным, непоследовательным и не получило в конечном итоге своего логического завершения. Сибирский регион, где еще не были завершены процессы советизации, в этом плане был примером данной политической ситуации весной 1918 г. в России⁵.

Сибирь в этот период рассматривалась правительствами держав Антанты в качестве трамплина в деле свержения Советской власти в России⁶. В этом стремлении они были едины, но серьезно расходились во взглядах по вопросу о дальнейшей судьбе бывшей земледельческой колонии Российской империи после окончания мировой войны, так как считали, что в России территориальная дезинтеграция приобрела необратимый характер, и поэтому каждая из держав стремилась получить свою долю «романовского наследства»⁷. Итогом такого понимания сути внутреннего кризиса России стала противоречивая и непоследовательная политика в «сибирском вопросе», характерная для каждой из членов антигерманского военного блока⁸.

Противоречивый курс держав Антанты в отношении Советской России вызвал дискуссию в исторической науке о времени начала интервенции и ее конечных целях, так как были непонятны ее общие приоритеты. Английский историк Дж. Киган, оправдывая интервенцию, пишет: «Летом 1918 г. западные союзники окончательно запутались в отношениях с большевиками и их русскими противниками. Ввязываться во внутрироссийский конфликт вовсе не входило в их планы. Как ни бедственны были последствия Октябрьской революции и как ни отвратительна была программа большевистского правительства, у союзников было достаточно реализма в тактике осуществления политики, чтобы удержаться от непоправимого разрыва отношений с режимом, который управлял российской столицей и выжил, несмотря на все странности его административной системы»⁹.

Противоречивость политики западных союзников по «сибирскому» и в целом по «русскому» вопросам, неясный характер ее приоритетов во многом зависели от идеологических пристрастий вождей Антанты. Характерным было поведение политической элиты Англии. Так, военный министр правительства Великобритании У. Черчилль крайне негативно и эмоционально отнесся к Октябрьской революции. Являясь идеологом и вдохновителем антисоветской интервенции, он выступал в Кабинете министров против каких-либо контактов с Советским правительством. Позже Д. Ллойд Джордж в мемуарах с иронией отозвался о мысли своего военного министра, который утверждал, что Россия потерпела поражение, «когда победа была близка»¹⁰, заметив, «Черчилль, описывая катастрофу, говорит: “Пароход утонул близ заветной гавани”. Эта нелепая картина кажется привлекательной только потому, что прекрасный художник вставил ее в рамку блестящей риторики»¹¹. В контексте негативного отношения к Октябрьской революции У. Черчилль направлял в Россию для ведения интервенции наиболее непримиримых врагов большевизма из числа своих подчиненных, примером которого в Сибири был советник Верховного правителя России А. В. Колчака генерал А. Нокс.

Премьер-министр правительства Великобритании Д. Ллойд Джордж по «русскому вопросу» придерживался «золотого правила» министра иностранных дел Британии середины XIX в. лорда Г. Пальмерстона: «У Англии нет постоянных друзей, у Англии нет постоянных врагов, у Англии есть постоянные интересы»¹², проводя линию сбалансированного поведения в отношении Советского режима власти в России, понимая, что революция в этой стране была закономерной, вытекавшей из общих объективных причин, которые сложились на рубеже XIX–XX вв. Позже он признал: «Если бы революции не было или революция произошла позже, Россия могла бы выйти из хаоса только при помощи активного вмешательства союзников, которые предложили и провели полную реконструкцию страны. Ничто другое не могло бы вывести Российскую империю из того хаоса и беспорядка, в котором она находилась, благодаря управлению царя и его советников»¹³. Исходя из этого признания главы правительства Британии, стоит признать, что независимо от того, взяли бы большевики государственную власть в октябре 1917 г. или нет, но в той или иной форме интервенция стран Антанты была предопределена.

Следствием такого понимания истоков революции в России и варианта ее вывода из общенационального кризиса стала политика лавирования в отношениях с Советским правительством и его врагами вовне и внутри страны. Так, Д. Ллойд Джордж предупреждал У. Черчилля, учитывая его болезненную ненависть к Советам, лишавшую его шанса беспристрастно анализировать ее причины: «Я убедительно прошу Вас не ввергать Англию в чисто сумасшедшее предприятие из-за ненависти к большевистским принципам. Дорогая агрессивная война против России будет служить делу укрепления большевизма в России»¹⁴.

Двойственная политика по отношению к России и Сибири была характерна и для политической элиты США. Президент В. Вильсон и его советник по международным делам полковник Э. М. Хауз выступали против открытой военной интервенции, отдавая приоритет методам дипломатического и экономического давления на Советское правительство для сохранения позиций американского капитала в России и в Сибири, полученным до революции и по соглашениям с Временным правительством, которые оценивались на сумму в 10 млрд руб.¹⁵ В этой связи в ноябре 1917 г. Э. М. Хауз изложил установку правительства США на встрече с союзниками о возможности интервенции и ее целях, вызвавшую глубокие противоречия среди ее участников, следующим образом: «Поскольку это касается США, любая попытка интервенции была бы ошибкой, разве только она была бы предпринята по просьбе русского правительства»¹⁶.

В это же время государственный секретарь США Р. Лансинг и его ведомство были адептами интервенции, «большевики являются “опасными

радикальными социалистами-революционерами», угрожающими Америке и мировому порядку»¹⁷. Посол США в России Д. Френсис через голову Советского правительства в ноябре 1917 г. обратился с воззванием «К народам России», что в условиях территориальной дезинтеграции бывшей Российской империи являлось неприкрытым призывом к сепаратизму национальных окраин и казачьих областей, отказаться от перемирия с Германией¹⁸. Это воззвание было с энтузиазмом воспринято в Сибири на Областническом съезде декабря 1917 г., который исключил какую-либо возможность заключения мира с государствами германского блока: «Съезд изыщет истинные и верные пути к скорейшему заключению демократического мира в интересах демократии Российской республики и трудящихся всего мира»¹⁹.

Оценивая планы интервенции держав Антанты, важно различать позицию Англии и Франции, с одной стороны, и интересы США и Японии – с другой. Первым заботил прежде всего вопрос о спасении Западного фронта, а вторых – послевоенное устройство мира, так как поражение Англии и Франции в империалистической войне не означало автоматического поражения США и Японии, отделенных от Германии океанами. Разные цели держав Антанты не могли не вызвать противоречий, так как у каждой из них были свои планы в отношении России и ее окраин, в первую очередь Сибири. В своих мемуарах Д. Ллойд Джордж, объясняя ситуацию, цинично, но очень точно определил суть взаимоотношений между союзниками по блоку Антанта периода мировой войны, экстраполированные затем на их отношения в годы Гражданской войны в Сибири: «Россия, Франция, Англия и Сербия были союзниками, но не товарищами, сражавшимися за общее дело в общей битве»²⁰.

Для Британской империи при разрешении «сибирского вопроса» важно было сохранить влияние английских компаний, полученное в начале XX в., в горнодобывающей и золотой промышленности Сибири, не допустив в эту сферу приложения капитала американских конкурентов. Также требовалось удержать преобладание в маслодельном производстве Западной Сибири и монополизировать хлебный экспорт из Сибири Северным морским путем. Все это было важно правящим кругам Англии в качестве гарантии возвращения долгов всех прежних правительств России, так как она в годы Первой мировой войны была главным кредитором своего русского союзника, предоставив ему, по данным Временного правительства, займы на 6 млрд 750 млн рублей²¹.

На планы правящих кругов Великобритании сохранить в Сибири свое экономическое господство влиял продовольственный кризис на Британских островах, который вынуждал правительство Англии проводить политику жесткой экономии²². Тем более, что закупки продуктов питания в США по высоким ценам увеличивали ее долг²³. Еще до войны главными статьями ввоза на острова Брита-

нии были сырье для промышленности и продукты питания. На их долю приходилось 3/4 импорта. От общего спроса зернопродукты в импорте составляли 75% и мясопродукты 40%. Спрос на сахар полностью зависел от импорта, в больших объемах ввозились и молочные продукты²⁴.

Вывоз из Сибири дешевого хлеба, масла и мясных продуктов должен был параллельно снять проблему как снабжения Англии продуктами питания, так и компенсации русского долга этой стране в натуральной форме. О наличии таких планов говорит массовый вывоз аграрного и лесного сырья, других местных товаров из северных и других районов России в период их оккупации британскими войсками и монополизация морского фрахта между Россией и Европой в грузоперевозках Северным морским путем²⁵.

Однако Сибирь в «русской политике» правительства США уже занимала особое место, которое в интересах американского капитала строило планы установления полного экономического господства в Северной Азии, вытеснив из нее своих союзников, используя для этого свое монопольное положение на финансовом и товарных рынках мира. Секретарь английской делегации Г. Никольсон на Парижской мирной конференции 1919 г. был вынужден признать решающее влияние США на ход работы международного форума: «Президент располагал безграничной материальной силой, чтобы настаивать на своих взглядах. Мы все тогда зависели от Америки в отношении не только ресурсов войны, но и ресурсов мира. Наше продовольственное снабжение, наши финансы были целиком подчинены влиянию Вашингтона»²⁶.

Приоритеты внешней политики США в этот период были полностью подчинены проблеме разрешения «сибирского вопроса». Отмечая феномен американской внешней политики, историк П. Флеминг пишет: «К июню 1918 г. сибирский вопрос стал «основной проблемой американской внешней политики», а американская внешняя политика всегда была для Антанты основной проблемой сибирского вопроса»²⁷. Позиция США по «сибирскому вопросу» превратила ее союзников по антигерманскому блоку в непримиримых соперников в этой части мира. В первую очередь, это касалось Японии, с которой уже был конфликт интересов в Китае.

Острые противоречия между союзниками блока Антанта по вопросу о судьбе Сибири негативно отразились на судьбе русской восточной контрреволюции, так как ни Временное Сибирское правительство, ни Всероссийское правительство адмирала А. В. Колчака, ни какое-либо иное государственное образование в Сибири так и не получили официального признания как легитимной власти, без чего антисоветское движение обрекалось на поражение. Стремление держав Антанты разделить на сферы влияния бывшую Российскую империю оказалось важнее и выше

признания национальных интересов антисоветских сил России.

Необходимо отметить, что цель главного организатора интервенции в Сибирь – Великобритании – состояла в попытке разрешить по «русской» и «сибирской» проблемам триединую задачу, каждая из частей которой была обусловлена временными факторами. Во-первых, на первом этапе, т. е. весной 1918 г., косвенно или прямо поддержать те антисоветские силы, например, в Сибири, которые выступали за продолжение войны до победного конца, но без «аннексий и контрибуций», как это относилось к правым социалистам, что позволило бы захватить русскую сферу влияния в Персии и те области Турции, которые должны были отойти к России после победы в войне над Германией согласно тайным договорам стран Антанты 1915 и 1916 гг.²⁸

Позиция П. Н. Милюкова, по мнению английского историка Р. Уорта – «ядовитый туман шовинизма»²⁹, заявившего союзникам в ноте от 18 апреля 1917 г. о правах новой России на Черноморские проливы, вопреки известному мнению, не вызвала у союзников энтузиазма в отношении цензовой демократии, видя в ней преемника империалистической политики свергнутого царского режима³⁰. Поэтому уход с министерских постов лидеров кадетов и октябристов в мае 1917 г. не встретил в Англии и Франции возражений, хотя до Февральской революции они поддерживали либералов в их противостоянии с царским режимом, в этот период уже сделавших ставку на правых социалистов во главе с А. Ф. Керенским³¹, обещавшим «бескорыстно» воевать за интересы союзников, т. е. без аннексий и контрибуций, предоставив им после войны монопольное право территориального раздела мира³².

В начале 1918 г. правительство Великобритании, исходя из данной заманчивой перспективы, стремилось установить в Сибири региональный вариант режима «керенщины». Так, лорд У. Уайзмен 1 мая 1918 г. сообщил мнение английских правящих кругов правительству США: «Мы можем призвать Керенского и других деятелей первоначальной республиканской революции, побудить их образовать правительственный комитет в Маньчжурии»³³. Позже белый историк Н. Н. Головин отмечал проантантовские взгляды правых эсеров, которые позволяли надеяться на возобновление в России режима «керенщины»: «Представители союзников вели переговоры со всеми противобольшевистскими группировками русской интеллигенции. Они приложили все усилия, чтобы вступить в соглашение с партией социалистов-революционеров»³⁴.

Во-вторых, после преодоления военно-стратегического кризиса весны 1918 г., вызванного успешным наступлением германских войск во Фландрии, когда стало ясно, что Германия и ее союзники неминуемо в войне потерпят поражение, правительство Великобритании «вспомнило»

вновь о государственном долге России западным союзникам. Это было очень важно для правящих кругов этой страны в связи с тем, что размеры русского долга Англии были почти равны ее государственному долгу США, и который неуклонно увеличивался³⁵. Возврат всех «русских долгов» позволил бы правительству Англии, общие расходы которого за войну составили 9,7 млрд фунтов³⁶, расплатиться в полном объеме со своим заокеанским заемщиком. В таком случае Сибирь должна была стать надежной гарантией и залогом выплаты долгов России всем кредиторам.

В-третьих, правящими кругами Англии с аннексионными целями уже осенью 1918 г. проводилась политика лишения России статуса великой державы, что надежно бы исключило участие любого русского правительства в разрешении проблем Азии и Европы в послевоенный период и позволило бы установить над Сибирью британский протекторат с возможным отторжением. Исходя из такой постановки «сибирского вопроса», Англия, как и руководство США, не была заинтересована в тот период в признании ни де-юре, ни де-факто как советского, так и антантофильских антисоветских правительств³⁷, тем более что последние по своему статусу в юридическом плане были нелегитимными, в первую очередь, правительство адмирала А. В. Колчака.

Как заявил по этому поводу Р. Лансинг: «Россия как единая страна никогда не будет возглавлена Петроградскими большевиками. Более вероятно, что она распадется на отдельные части, претендующие на независимость. Для нас было бы удачей, если бы создалось несколько отдельных государств, осуществляющих самостоятельную политику»³⁸. Французский посол М. Палеолог, предвидя углубление революции, еще 30 марта 1917 г. отметил в своем дневнике, что в условиях политических катаклизмов, «Финляндия, Лифляндия, Эстляндия, Польша, Литва, Украина, Грузия, Сибирь требуют для себя независимости или, по крайней мере, полной автономии»³⁹. Эти тенденции державы Антанты использовали в русле общего понимания проблемы разрешения «русского вопроса». Правительство Великобритании в меморандуме союзникам от 21 декабря 1917 г. сообщило свое мнение: «Мы считаем необходимым поддерживать связи с Украиной, Финляндией, Сибирью, Кавказом»⁴⁰, что в перспективе должно было обеспечить расчленение России по территориальному или национально-территориальному признакам.

Для реализации этой задачи в отношении Сибири союзниками была использована оказавшаяся полезной в качестве повода к интервенции доктрина областников Сибири об «особом сибирском народе», а также идейные воззрения сибирских эсеров-автономистов, заявивших на съезде эсеров Енисейской губернии августа 1917 г. о «русском сибирском населении», стремившемся «к самостоятельному распоряжению своей жизнью в пределах населенной им территории»⁴¹. В

связи с этими обстоятельствами агенты Антанты вели зондаж политических настроений областников и эсеров-автономистов края на предмет интервенции.

По нашему мнению, все колебания правительств держав «Сердечного соглашения» в отношениях с Советским правительством в период зимы и весны 1918 г., невнятные приоритеты по «сибирскому вопросу» и «русской проблеме» в целом при организации интервенции, вызывавшие между союзниками по антигерманскому блоку противоречия и отразившиеся на развитии внутренних катаклизмов Сибирского региона, усугубившие его общий кризис, во многом обуславливались ключевым вопросом: какое правительство России – советское или не советское – будет выплачивать «русские военные долги» странам Антанты и каким образом? Империалистическая война была выгодным коммерческим предприятием, но связанным с рисками потери вложенного в этот «кровавый бизнес» капитала. В конечном итоге Антанта, в первую очередь правительство Великобритании, была готова признать тот режим власти в России, который в ходе политических катаклизмов, обусловленных Гражданской войной, покажет себя устойчивым, чтобы возобновить с ним экономический диалог и разрешить все проблемы, связанные с военными долгами предыдущих русских правительств.

Это важно было правительствам держав Антанты в связи с катастрофическими итогами Первой мировой войны для мировой экономики. Так, на III конгрессе Коминтерна Л. Д. Троцкий провел сравнительный анализ мирового богатства до мировой войны и всех потерь, связанных с этим военно-политическим конфликтом. Он сообщил, что совокупное довоенное национальное богатство стран, которые участвовали в войне, равнялось 2 400 млрд марок золотом. За время войны было уничтожено в общей сложности богатств на 1 200 млрд марок. Кроме того, упадок производительности труда в народном хозяйстве всех стран участников войны ежегодно равнялся еще 100 млрд марок⁴².

Важно, что на масштабную интервенцию державы Антанты ни при каких обстоятельствах идти не могли и не столько из-за протестов общественности своих стран или альтруизма, сколько из-за больших людских потерь. Выделить для экспедиции в Россию даже один батальон было сложной задачей, поскольку весной 1918 г. германская армия «перемалывала» одну дивизию союзников за другой, а также вследствие общего материального и финансового истощения. Это предприятие было бы не менее затратным, чем война с Германией, имея в виду просторы России, сложность переброски войск, их материальное снабжение и т. д.

Ставка была сделана на движение белых унитаристов Сибири. Тем более что торгово-промышленные и военные круги региона требовали установить военную диктатуру. Выбор диктатора

антисоветского движения на востоке России имел для всех правительств стран Антанты принципиальное значение, так как от этого выбора в известной мере зависело окончание войны в Европе. Правительство Великобритании заранее подготовило требуемую кандидатуру на роль военного диктатора в лице адмирала А. В. Колчака⁴³. Этот шаг выявил решение правящих кругов Англии поставить под свой политический контроль важный регион мира накануне окончания Первой мировой войны, отеснив своих союзников по совместной борьбе против Германии. Для них надежной гарантией от «казуса Гришина–Алмазова», когда часть сибирских военных кругов заявила устами военного министра Временного Сибирского правительства о независимости русских вооруженных сил в выборе союзника⁴⁴, могло быть вручение верховной власти в Сибири несамостоятельному в политике военному лицу и убежденному стороннику Антанты и англофилу.

Самым верным вариантом в этой ситуации, по мнению агентов Англии, было назначить на роль диктатора на востоке России офицера британских вооруженных сил адмирала А. В. Колчака при кураторстве генерала А. Нокса. 31 августа 1918 г. глава британской миссии в Сибири записал в дневнике: «Несомненно, он – наиболее подходящая фигура из русских из наших целей на Дальнем Востоке»⁴⁵. Позже У. Черчилль уточнил, опираясь на телеграмму в военное министерство генерала А. Нокса: «Колчак был наиболее подходящим из действовавших в то время в Сибири людей»⁴⁶. Параллельно союзники приняли решение отказаться от ориентации на бывшего главу Временного правительства А. Ф. Керенского, попытавшегося вернуться во власть, посетив для этого Англию и Францию в июле 1918 г.⁴⁷ Тем более что антисоветские силы не желали приезда в Сибирь политика, с именем которого они связывали приход к власти большевиков. Учитывая эти настроения, эмиссар США в Лондоне А. Булер, сообщил полковнику Э. М. Хаузу: «Носится слух, что Керенский тренируется для роли Венизелоса. Я надеюсь, что нет. Оппозиция против человека, который обманул великие надежды, несомненно, сильна. Слепой конь лучше дохлого»⁴⁸.

Подводя итоги, стоит признать, что общенациональный кризис России в 1917 г. обусловил активные притязания великих держав мира на ее территории вне зависимости от их участия в том или ином военно-политическом блоке в годы мировой войны. Наибольшую ценность представляла Сибирь, которую державы Антанты рассматривали как колониальное владение Российской империи, поэтому не считали ее коренной территорией страны. В организации интервенции наибольшую активность проявляло правительство Великобритании, которое за счет Сибири предполагало разрешить ряд своих важных геостратегических и экономических проблем, например, оплатить огромный кредитный долг

США и гарантировать поставки продовольствия и сырья на Британские острова. Возникшие империалистические противоречия по «сибирскому вопросу» обусловили колебания в правящих кругах Британской империи при выборе методов реализации этих планов. В конечном итоге, ставка была сделана на военную диктатуру движения белых унитаристов, которая должна была гарантировать все аннексионные планы Великобритании.

Примечания

- 1 История дипломатии : в 3 т. М. ; Л., 1945. Т. II. С. 367.
- 2 См.: *Зиновьев Г.* Армия и народ : Советская власть и офицерство. Пг., 1920. С. 15–18.
- 3 См.: *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Пг., 1924. С. 388–391.
- 4 См.: *Вацетис И. И., Какурин Н. Е.* Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002. 672 с.
- 5 См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары : пер. с англ. : в 6 т. М., 1938. Т. VI. С. 87–88.
- 6 См.: *Троцкий Л. Д.* О Сибири // Северная Азия. 1927. № 3. С. 14–17.
- 7 См.: *Бухарин Н.* Долой международных разбойников. М., 1918. С. 3–4.
- 8 См.: *Левидов М.* К истории союзной интервенции в России : дипломатическая подготовка. Л., 1925. С. 20.
- 9 *Кизан Дж.* Первая мировая война : пер. с англ. М., 2004. С. 503.
- 10 *Черчилль У.* Мировой кризис : пер. с англ. М., 2003. С. 133.
- 11 *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935. Т. III. С. 373.
- 12 *Виноградов В. Н.* Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 41.
- 13 *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. III. С. 373.
- 14 *Галин В.* Война и революция. М., 2004. С. 385.
- 15 См.: *Емец В. А., Лебедев В. В.* Проникновение американского капитала в горную промышленность России // Исторический архив. 1957. № 3. С. 154–159.
- 16 Архив полковника Хауза : в 4 т. : пер. с англ. М., 1939. Т. III. С. 273.
- 17 *Галин В.* Указ. соч. С. 84.
- 18 *Боярский В. А.* Вторжение империалистов США в Советскую Россию и ее провал. М., 1961. С. 10.
- 19 Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-1015. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.
- 20 *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935. Т. IV. С. 393.
- 21 См.: Вестник Временного правительства. 1917. 13 (26) сентября. № 152.
- 22 См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1934. Т. I–II. С. 630–632.
- 23 См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. III. С. 441.
- 24 См.: *Шигалин Г. И.* Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956. С. 264.
- 25 См.: *Миц И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М. ; Л., 1931. С. 133–140.
- 26 *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 году : пер. с англ. М., 1945. С. 51–52.
- 27 *Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака. 1918–1920 : пер. с англ. М., 2006. С. 66.
- 28 См.: *Готлиб В. В.* Тайная дипломатия во время Первой мировой войны : пер. с англ. М., 1960. С. 89–92.
- 29 *Уорт Р.* Антанта и русская революция. 1917–1918 : пер. с англ. М., 2006. С. 58.
- 30 См.: *Ванаг Н.* Русская «парламентская» делегация за границей в 1916 г. // Красный архив. 1933. № 3. С. 3–5.
- 31 См.: *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата : пер. с англ. М., 1991. С. 250.
- 32 См.: *Палеолог М.* Дневник посла : пер. с фр. М., 2003. С. 773.
- 33 Архив полковника Хауза. С. 297.
- 34 *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. : в 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 155.
- 35 См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. III. С. 441.
- 36 См.: *Флеровский И.* Мировая война. М., 1924. С. 6.
- 37 См.: Архив полковника Хауза. С. 274.
- 38 *Гвишиани Л.* Советская Россия и США. М., 1970. С. 26.
- 39 *Палеолог М.* Указ. соч. С. 777.
- 40 *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1938. Т. V. С. 88.
- 41 См.: Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии. Март 1917 – ноябрь 1918 гг. Томск, 1991. С. 91.
- 42 *Варга Е.* Экономические причины и следствия мировой войны // Десятилетие мировой войны. М., 1925. С. 72.
- 43 См.: *Флеминг П.* Указ. соч. С. 119.
- 44 См.: *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2008. С. 126–127.
- 45 *Флеминг П.* Указ. соч. С. 79.
- 46 *Черчилль У.* Указ. соч. С. 234.
- 47 См.: *Керенский А. Ф.* Россия в поворотный момент истории : пер. с англ. М., 2006. С. 482–483.
- 48 Архив полковника Хауза. С. 297.

Образец для цитирования:

Вторушин М. И. Британская империя и Сибирь в начале Гражданской войны в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 456–461. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-456-461.

Cite this article as:

Vtorushin M. I. The British Empire and Siberia at the Beginning of the Civil War in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 456–461 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-456-461.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(368)

ГНЕЗНО И ПОЗНАНЬ: СПОР О ПЕРВОЙ СТОЛИЦЕ ПОЛЬШИ

М. Г. Лушина

Лушина Мария Григорьевна, аспирант кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, maria_lushina@mail.ru

В статье анализируются две точки зрения на вопрос о первой столице Польши. Аргументам классической теории, основывающейся на признании древнего города Гнезно первой столицей, противопоставляется идея о столичном статусе другого города – Познани. Автор признает значимую роль обоих городов в судьбе Великой Польши в раннее Средневековье, а также делает предположение о том, что первоначально статус столицы не был закреплен за определенным городом. Преимущество Гнезно объясняется сохранением статуса коронационного города в глазах потомков, а также закреплением в трудах хронистов мысли о единой столице Польши.

Ключевые слова: история Польши, Гнезно, Познань, Великая Польша.

Gniezno and Poznan: the Dispute Concerning the First Capital of Poland

M. G. Lushina

Maria G. Lushina, ORCID 0000-0002-8030-2927, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, maria_lushina@mail.ru

The article analyzes two viewpoints concerning the issue of the first Polish capital. The arguments of the classical theory, based on the recognition of the ancient city of Gniezno as the first capital, are opposed to the idea of the capital status of another city – Poznan. The author admits the significant role of both towns in the fate of Great Poland in the Early Middle Ages, and also makes the assumption that the original status of the capital was not assigned to one city. The advantage of Gniezno was caused by the preservation of its status of the coronation city and by fixing the idea about the unified capital of Poland in medieval annals.

Key words: history of Poland, Gniezno, Poznan, Greater Poland.

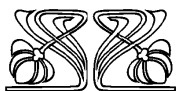
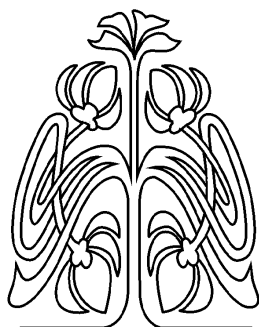
DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-462-464

Страницы раннесредневековой истории Великой Польши как колыбели Древнепольского государства представляют огромный интерес для исследователей. Это подтверждают продолжающиеся в наши дни археологические раскопки древних городов Великопольского региона, а также выход в свет новых работ, посвященных отдельным аспектам его средневекового развития.

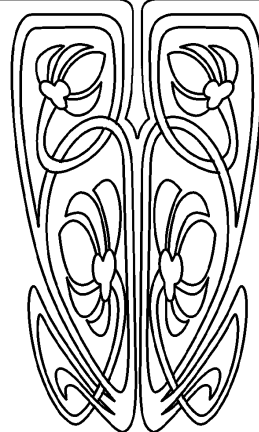
В последнее время предметом дискуссии стал вопрос о местоположении первой столицы Польши.

Если обратиться к советской и российской учебной и научно-популярной литературе, то обобщенный вопрос может вызвать недоумение: во всех монографиях и обобщающих работах содержится однозначный вывод о том, что колыбелью Польского государства был древний город с выразительным названием, подтвержденным его исторической судьбой, – Гнезно.

Название «Гнезно» обозначало род, племя или семью. Город был родовым гнездом Пястов, княжеской династии удачливых военных предводителей, оттеснивших в процессе образования государства на

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

задний план племенную аристократию. Гнезно достаточно рано стал центром религиозной жизни страны. Крещение Мешко I и построенная в 966 г. церковь стали символом прихода новой веры. Известности Гнезно способствовал и национальный святой Чехии и Польши Адальберт Пражский, в городе находилось место его первого захоронения. Немаловажным фактором были также труднодоступность города, сильная княжеская власть. Однако ключевую роль в обретении статуса столицы сыграло все же основание архиепископства. С 1000 г. в истории Гнезно происходит важнейшее событие – он становится столицей польского архиепископства. Это факт говорит не только о силе Польского государства, но и об авторитете Гнезно, который был хорошо известен в Европе того времени. В этом же году император Священной Римской империи Оттон III посетил Гнезно и поклонился гробу святого Адальберта. Наконец, славу Гнезно принесла коронация Болеслава Храброго 18 апреля 1025 г. в соборе Успения Пресвятой Девы Марии в Гнезно.

Однако в последнее время исследователями высказывается другая точка зрения, сторонники которой полагают, что первой столицей Польши был другой древний город, располагающийся в пределах той же исторической области Великой Польши – Познань.

Вопреки учебникам и академическим трудам профессор Познанского университета Ханна Кочка-Кренц¹ полагает, что первой столицей Польши была Познань, а не Гнезно.

Данное предположение нельзя, на наш взгляд, считать лишённым оснований. В его основу положено несколько достаточно веских аргументов. Как известно, основание в 1000 г. в Гнезно архиепископства принесло городу международную славу². Между тем задолго до знаменательных событий 1000 г. в Познани уже существовало епископство и кафедральный собор, и именно он был первым в Польше. О существовании собора и епископства в Познани свидетельствует грамота римского папы Иоанна XII от 968 г., текст которой, как и ряд других первостепенно важных документов по ранней истории Польши, помещен в первом томе многотомной публикации «Дипломатический кодекс Великой Польши»³.

Грамота упоминает также имя первого познанского епископа – Иордана. Учитывая дату основания Познанского епископства (968 г.), можно предположить, что в это время, непосредственно следовавшее за моментом крещения в 966 г. основателя Польского государства Мешко I именно Познань он рассматривал в качестве своей главной резиденции (столицы).

Нельзя оставить без внимания и такой многозначительный факт, что именно в познанском соборе осуществлялись захоронения первых представителей княжеской династии Пястов в конце X – первые десятилетия XI в. (в Познани были похоронены Мешко I, Болеслав I, Казимир I).

Следует обратить внимание и на то, что упоминания о городе содержат не только польские хроники. Так, знаменитый саксонский хронист Титмар Мерзебургский⁴ также пишет о Познани под 970 г., сообщая об избрании нового познанского епископа.

Стоит отметить, что Познань не находилась полностью в тени Гнезно: город был широко известен еще с раннего Средневековья. В частности, Галл Аноним называет в одном ряду первую столицу Польши и Познань при перечислении городов, в которых были размещены войска Болеслава Храброго, причём на первом месте стоит именно Познань (цитата: «Ведь в Познани он имел 1300 рыцарей с 4 тыс. щитников, в Гнезно – 1500 рыцарей»⁵).

Археология подтверждает гипотезу об особом статусе Познани данными об основательности воздвигнутых здесь в X в. оборонительных сооружений. Так, польский археолог Анджей Буко сообщает, что город (как и столица) был обнесен деревянно-земляным валом, шириной в десять метров у основания и выполнял административные функции⁶. При этом нельзя не отметить, что укрепления Гнезно не уступали валам и стенам Познани.

Природно-географические условия Познани также способствовали экономическому развитию города.

Как же найти путь к решению вопроса о первой столице Польши? Какая из двух точек зрения ближе к истине?

Осмелимся высказать собственные предположения на этот счёт. Как нам представляется, в Древнепольском государстве в первые века его истории могло и не быть единой столицы. Представления о единственной столице окончательно сложились в процессе образования централизованных монархий в Европе. Наиболее ярким примером выступает в этом отношении Венгрия, где роль коронационного города играл Секешфехервар, и даже после проведения коронаций в новой столице – Эстергоме, в Секешфехерваре по-прежнему проводились венчания королей.

Подобную ситуацию можем отметить и в ряде других стран. Так, в Древней Руси на протяжении долгого времени Киев и Новгород соперничали друг с другом. Вероятно, что во времена Олега, похороненного в Старой Ладоге, а не в Киеве, последний ещё не воспринимался в качестве княжеской столицы.

Нельзя не вспомнить и о том, что даже Карл Великий, создавший огромную империю и заложивший во время своего правления такие традиции, которые оказали существенное влияние на всю последующую историю Средневековой Европы, предпочитал не находиться в единственном городе, а передвигаться вместе с «кочующим двором». Хотя в конце правления после коронации в 800 г. в Риме в качестве императора главной резиденцией Карла стал город Аахен, все же и тогда

он не в полной мере обрёл статус единой столицы.

Таким образом, говорить о единой столице применительно к раннесредневековой Европе достаточно сложно. В реальной действительности могло иметь место разделение функций между главными городами-центрами государственной власти. И именно это может помочь определить характер взаимных отношений между Гнезно и Познанью. Косвенным фактом служит местоположение городов. Расположенные неподалёку друг от друга города отлично подходили для размещения войск в них, что подтверждается свидетельствами источников. Болеславу Храброму для постоянных походов требовалась настолько большая по численности дружина, что её не могли вместить стены одной крепости, и потому она была рассредоточена в разных городах.

Несмотря на указанные аргументы в пользу признания Познани первой столицей Польши, именно Гнезно сохранился в памяти потомков в качестве таковой и даже спустя тысячелетие сохраняет свой статус в массовом сознании.

Что же могло оказать решающее влияние на становление этой традиции? Главным аргументом в пользу Гнезно стало основание архиепископства в 1000 г., слава о котором разнеслась не только по Польше, но и по всей Европе, поскольку в акте основания архиепископства принял личное участие император Оттон III. Важную роль сыграло также захоронение в Гнезно останков одного из самых знаменитых святых Западной Европы эпохи раннего Средневековья – святого Адальберта (Войтеха). Наконец, ещё более укрепила статус Гнезно коронация Болеслава королевской короной в Гнезно в 1025 г.

Названные события оттеснили в тень роль Познани, которую играл этот город в первые десятилетия истории Польского государства. Это

было тем более естественным, что предания о начальном периоде Польского государства были записаны только в начале XII в. хронистом Галлом Анонимом, писавшим после драматических событий XI в., в ходе которых было поставлено под вопрос будущее Польского государства и церкви, а затем в процессе возрождения Польши, столицей страны стал древний Краков – центр другой исторической области, вошедшей в историю под названием Малой Польши.

В пользу окончательного утверждения Гнезно в статусе первой столицы сыграли и укоренившиеся с течением времени стереотипы о необходимости единственной столицы для единого государства.

Сформировавшиеся представления, закреплённые в трудах средневековых хронистов, на долгие годы сделали непоколебимым признание Гнезно первой польской столицей.

Примечания

- 1 См.: *Kócka-Krenz H.* Najstarsze dzieje Poznania. Poznan, 2004. S. 7.
- 2 См.: *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей польских / вступ. ст., пер. и коммент. Л. М. Поповой. М., 1961. С. 38.
- 3 *Codex diplomaticus majoris Polonia.* URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (дата обращения: 1.02.2017).
- 4 См.: *Титмар Мерзебургский.* Хроника / пер. с лат. И. В. Дьяконова. М., 2005. С. 25.
- 5 См.: *Галл Аноним.* Указ. соч. С. 38.
- 6 См.: *Vuko A.* Early Medieval archaeology in Poland : the beginnings and development stages // *Postclassical archaeologies.* Mantova, 2012. S. 362.

Образец для цитирования:

Лушина М. Г. Гнезно и Познань: спор о первой столице Польши // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 462–464. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-462-464.

Cite this article as:

Lushina M. G. Gniezno and Poznan: the Dispute Concerning the First Capital of Poland. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 462–464 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-462-464.

УДК 94(437)[9/13]

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРАГИ: РЕЗИДЕНЦИЯ ГЛАВЫ ЧЕШСКОЙ ЦЕРКВИ И РАЗВИТИЕ ГОРОДА

А. Н. Галямичев

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, galyamichev57@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о характере взаимоотношений и взаимозависимости резиденции главы чешской церкви – пражского епископа и города Праги в X – середине XIV в., выявляется своеобразие этих взаимоотношений сравнительно с развитием городских центров Западной Европы – церковных митрополий.

Ключевые слова: Прага, Пражское епископство, средневековый город.

**An Abstract from the History of Medieval Prague:
the Residence of the Head of the Bohemian Church
and the Development of the City**

A. N. Galyamichev

Alexandr N. Galyamichev, ORCID 0000-0001-9508-0901, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, galyamichev57@mail.ru

The article discusses the question of the nature of the relationship and interdependence of the residence of the head of the Bohemian Church, the Bishop of Prague, and the city of Prague in the X – the mid XIV centuries, reveals the peculiarity of these relations in comparison with the development of the urban centers in Western Europe – the Church metropolitanates.

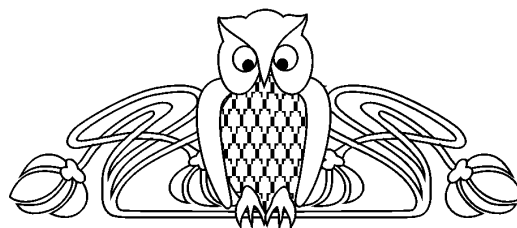
Key words: Prague, Prague bishopric, medieval city.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-465-470

Пражское епископство было учреждено на рубеже 960–970-х гг. решением папы Иоанна XIII (965–972)¹. С этого момента Чешское государство обрело самостоятельность в решении церковных дел в пределах своей территории, что способствовало укреплению его внутренней прочности и международно-правового статуса.

В начальный период своего существования церковная организация в Чехии, как и в других странах Центральной Европы, по сути дела сливалась в единое целое с государством. Выполняя ряд важнейших социальных функций, чешская церковь не имела на первых порах собственных источников материального обеспечения духовенства и содержалась княжеской властью.

Сообразно этому резиденцией главы чешской церкви стал Пражский град, выстроенный в последней четверти IX в. в качестве укрепленной резиденции князей из рода Пржемысловичей –

первой династии правителей Чехии, представители которой правили до 1306 г.

С момента основания епископства факт пребывания в Праге главы чешской церкви стал одним из важных факторов развития столицы Чехии. Задача настоящей статьи – рассмотреть характер его влияния на социально-экономическое и политико-правовое развитие средневековой Праги, прежде всего на становление её как средневекового города.

Вначале хотелось бы высказать несколько сравнительно-исторических наблюдений. Применительно к истории средневековых городов стран Западной Европы можно говорить о значительной роли резиденций епископов и архиепископов в процессе становления городских центров и их раннем развитии. В эпоху Великого переселения народов и последовавшие за ней столетия раннего Средневековья именно резиденции епископов во многих случаях являлись теми пунктами, где, несмотря на волны варварских вторжений, хозяйственную и культурную деградацию и запустение целых областей, тлели очаги античного наследия, чтобы сказать своё слово в процессе рождения средневековых городов. Многие (немецкие Кёльн, Майнц, Вормс, Страсбург, города античного корня в Италии и Франции) из них выросли вокруг резиденций епископов, а затем развернули против своих духовных сеньоров освободительное коммунальное движение.

Вместе с тем было и немало других путей возникновения средневековых городов на Западе (в этом случае действовала другая последовательность: сначала город, затем епископ), а особенности социально-экономического и политического развития Средних веков приводили к очевидным несоответствиям структуры церковной и государственной организации: достаточно сослаться на пример двух (не считая Рима) самых знаменитых и стабильных столиц Европы – Лондона и Парижа, не являвшихся церковными митрополиями (Лондон подчинялся архиепископу Кентерберии, а Париж – Санскому архиепископу).

В Чехии столица государства и церковная митрополия находились не только в одном месте, но и в непосредственном соседстве друг от друга. Местопребыванием чешских князей и пражских епископов был в X – середине XI в. Пражский град, в пределах которого возвышались дворцы князя и епископа, а также кафедральный собор св. Вита.

Последний, построенный во времена правления Святого Вацлава (921–935), был в начале

второй половины XI в. перестроен и значительно увеличился в размерах. Как сообщает Козьма Пражский, «в лето от рождества Христова 1060, когда князь Спитигнев² на праздник св. Вацлава прибыл в Прагу, он увидел, что церковь св. Вита не столь велика и не вмещает всего народа, который приходит на святое празднество. Эту церковь воздвиг ещё сам св. Вацлав, он построил её наподобие круглой римской церкви, в ней находилось тело самого св. Вацлава. Вацлав построил также и другую церквушку – смежную, расположенную как бы в портике [той] церкви. Посреди неё, в узком месте, стояла гробница св. Адальберта. [Спитигнев], полагая, что лучше будет, если обе церкви будут уничтожены, а вместо них будет построена одна большая для обоих святых, сразу же большим кругом обозначил место для [новой] церкви и приказал заложить её основу; закипела работа, стали воздвигать стены»³.

Пребывание в одном месте резиденций глав светской и церковной власти было однозначно благоприятным фактором для развития средневековой Праги, превращения её в крупнейший в стране центр ремесла и торговли. Помимо того что княжеский и епископский дворы сами по себе являлись центрами потребления ремесленных изделий и услуг, в том числе доставляемых иноземными купцами дорогих предметов международной торговли, центр митрополии привлекал к себе постоянный поток посетителей, решавших на епископском дворе вопросы повседневной жизни церкви и духовенства, а кафедральный собор с его знаменитыми во всём христианском мире святынями – мощами святых Вацлава и Адальберта – притягивал к себе многочисленных паломников.

Характерно, что перестройке собора св. Вита предшествовала перестройка самого Града, происходившая в годы правления отца Спитигнева князя Бржетислава (1034–1055). Строительные работы производились таким образом, что некоторые строения прежнего, изначального Пражского града пришлось сносить. Хронист Козьма Пражский донёс до нас интересное свидетельство этого. Повествуя о правлении и характере князя Спитигнева, Козьма писал: «Как-то его отец, Бржетислав, перестраивал стены вокруг всего города Праги, и Спитигнев ... возводил со своими людьми стену вокруг монастыря св. Юрия. И получилось так, что стену никак нельзя было правильно провести, не разрушив стоящую там печь аббатисы». Несмотря на высказанное аббатисой неудовольствие по этому поводу Спитигнев «с громким смехом приказал сбросить тотчас же печь в речку Брусницу»⁴.

Изменение очертаний крепостных сооружений было обусловлено как задачами военно-инженерного характера, так и потребностями знатных обитателей Града. Град не только уменьшился в размерах, но и в гораздо большей степени, чем прежде, обособился от окрестной территории. Вокруг него выросло, а отчасти и выделилось из него самого новое поселение – так называемое

подградье, населённое прежде всего ремесленным и служилым людом, занятым обслуживанием разнообразных потребностей знатных обитателей града, – князя и его дружины, епископа и его окружения, духовенства располагавшихся в столице Чехии храмов и монастырей⁵. На правом берегу Влтавы, возле удобных для перехода через реку в районе Пражского града бродов, в середине XI в. появилось постоянное поселение немецких купцов⁶.

Нельзя в контексте нашей работы не отметить тот факт, что в первые столетия существования Чешского государства взаимоотношения светских правителей и церковных иерархов далеко не всегда складывались гармонично и мирно. Достаточно вспомнить тот хорошо известный факт, что уже второй из пражских епископов, св. Адальберт (Войтех) (982–996) вступил в конфликт с князем Болеславом II, покинул Прагу и погиб в землях язычников-прусов, пытаясь проповедовать среди них христианство⁷.

Гораздо более острый характер противоречия между светским правителем и епископом приобрели в годы епископского правления Яромира Гебхарда (1068–1089), пришедшиеся на время спора императора Генриха IV и папы Григория VII за инвеституру.

Яромир был четвёртым сыном князя Бржетислава I. Ещё в юности предопределённый к духовному поприщу, он после смерти отца оставил учение и вернулся в 1061 г. в Чехию, надеясь получить часть наследства. После смерти пражского епископа Севера Яромир был вторично посвящён в сан священника и занял епископский престол, получив новое имя – Гебхард.

Став епископом, Яромир Гебхард решительно выступил против учреждённого в 1063 г. на землях Моравии Оломоуцкого епископства, добиваясь его упразднения. Во время этих событий пражский епископ в полной мере обнаружил свой крутой нрав: прибыв в Оломоуц ко двору епископа Яна и будучи им любезно принят, Яромир затеял ссору и, по свидетельству Козьмы Пражского, «схватив обеими руками своего брата епископа за волосы, высоко поднял его и бросил на пол, как пучок соломы»⁸. Яромир Гебхард нашёл при папском дворе влиятельную заступницу в лице своей дальней родственницы, знаменитой Матильды Тосканской.

Однако одержать победу в этом споре ему помешал старший брат, князь Вратислав, который на Майнцском сейме 1085 г. получил от императора Генриха IV королевский титул (без права передачи его по наследству) за верную службу в годы спора за инвеституру.

Противостояние Вратислава и Яромира Гебхарда во многом напоминало конфликт Генриха IV и Григория VII. Козьма Пражский писал: «Король не желал считать брата равным себе, а епископ не хотел быть ниже брата. Первый хотел быть во главе, а второй не хотел быть в подчинении.

Первый хотел властвовать и главенствовать так, как это подобает королю, а второй не желал подчиняться его повелениям и приказам и признавал себя подчиненным только императору, от которого и получил епископство. Иногда непримиримость между ними доходила до такой степени, что король иногда в праздничные дни не имел при себе епископа, который должен был возлагать корону на его голову»⁹.

Ещё в 1070 г. князь Вратислав, желая освободиться от опасного соседства с властолюбивым епископом, перенёс свою резиденцию в Вышеград¹⁰, где был учреждён Вышеградский капитул, подчинявшийся непосредственно римскому папе.

После этого на длительное время (до 1140 г.) Пражский град стал по преимуществу резиденцией епископа, поскольку преемники Вратислава также предпочитали жить на Вышеграде, постоянное население которого составлял лишь размещавшийся здесь гарнизон и духовенство придворного капитула.

Противостояние князей и епископов, оставившее столь яркий след в труде автора «Чешской хроники», не оказало заметного воздействия на жизнь торгово-ремесленных поселений Праги. Оно сыграло скорее даже благоприятную роль, ускорив процесс обретения ими самостоятельности, собственной, не связанной исключительно с обслуживанием потребностей резиденции князя и епископа¹¹, экономической основы – товарного производства и обращения. В столице страны, к которой стекались все сухопутные и водные пути, для этого имелись наиболее благоприятные в чешских землях условия.

Центр тяжести торгово-ремесленного поселения прочно переместился в район гостиного двора – Тына – и прилегавшей к нему рыночной площади. Источники более позднего времени¹² донесли до нас характерное название этого поселения – Междуградь (оно находилось на правом берегу Влтавы примерно в равном удалении от Пражского града и Вышеграда).

Вышеград оставался главной резиденцией Пржемысловичей до 1140 г., когда вступивший в этом году на чешский престол князь Владислав II (в 1158 г. император Фридрих I Барбаросса пожаловал ему титул короля во время итальянского похода) вернул Пражскому граду статус резиденции правителей страны.

Возвращение Пржемысловичей на Пражский град сопровождалось его крупномасштабной перестройкой. Один из продолжателей хроники Козьмы Пражского, так называемый Вышеградский каноник отметил под 1135 г., что в этом году предшественник Владислава, князь Собеслав I, начал обновлять главный город Чехии Прагу «по образцу латинских городов»¹³.

Помимо крепостных стен, возведение которых продолжалось до 1182 г.¹⁴, в середине XII в. преобразился внешний облик светских и культовых построек Пражского града, так что он

превратился «в одну из самых величественных резиденций правителей тогдашней Европы»¹⁵.

Период гармонизации взаимоотношений между главами светской и церковной власти в Чехии сменился в последние десятилетия XII в. новой волной конфликтов. Они были порождены глубинными процессами социально-экономического и политико-правового развития чешского общества, вступившего во второй половине XII в. в период разложения системы градской организации.

В условиях разложения системы градской организации наряду с формированием в Чехии светского феодального землевладения наблюдался стремительный рост земельных богатств чешской церкви, которая в первые столетия своей истории находилась в зависимости от княжеской власти, обеспечивавшей материальные условия её существования. Стремление упрочить независимость церковной власти от светской имело следствием дальнейшее разрастание двора пражских епископов и его уподобление двору светских монархов, что было особенно характерно для епископов, происходивших из княжеских родов – Фридрихе (1169 – 1179) и Генрихе Бржетиславе (1182 – 1197)¹⁶.

В неразрывной связи с этими процессами находился острый, затянувшийся на несколько десятилетий конфликт светской и духовной властей Чехии¹⁷.

Очевидным проявлением стремления пражских епископов упрочить своё независимое положение стало основание ими новых резиденций за пределами Пражского града. Одной из них стал неприступный замок Руднице¹⁸. В самой же столице за пределами Града, хотя и в близком соседстве с ним, был основан епископский двор на Малой Стране¹⁹.

Новая резиденция епископа была основана ближе к центру набиравшей всё более оживлённый ритм городской жизни в столице Чехии – выросшему вокруг рыночной площади правобережному торгово-ремесленному поселению. Обретая собственную экономическую основу, церковь начинала активно участвовать в хозяйственной жизни, в том числе в рыночных связях.

Не случайно вопросы хозяйственной жизни (частичное освобождение земельных владений церкви и её подданных от государственных налогов и повинностей) заняли столь большое место в так называемых «Больших привилегиях чешской церкви» – грамоте, изданной королём Пржемыслом Оттокар I 10 марта 1222 г.²⁰, которая ставила окончательную точку в его конфликте с пражским епископом Андреем, вспыхнувшем в 1216 г., когда епископ, находясь в Риме, под влиянием решений IV Латеранского собора обвинил короля в нарушении церковных прав в стране²¹.

Главным же итогом этого спора стало создание правовой основы для начала формирования в Чехии сословия духовенства – чётко отделённой

от остального населения правовой корпорации, представители которой «к концу XIII в. приобрели независимость от действий институтов раннефеодального государства», она в целом «представляла собой замкнутую структуру с развитой автономией внутренней жизни и собственными институтами управления»²².

Что касается резиденции пражских епископов, то она, как позволяют заключить специальные исследования, обрела в полной мере новое качество во времена епископа Микулаша из Ризенбурка (1240–1258). Именно тогда оформилась постоянная епископская канцелярия и была основательно обустроена новая резиденция во дворе на Малой Стране – левобережной части Пражской агломерации²³.

Особенностью развития средневековой Праги было то, что епископ, возглавлявший огромный диоцез, не выступал по отношению к городу в качестве феодального сеньора. Это было обусловлено своеобразием социально-экономического и политико-правового развития чешских земель, включая церковь и города.

Параллельно с формированием сословия духовенства и замкнутой структуры церковной организации, обладавшей обширными земельными владениями, в Чехии начиная с первых десятилетий XIII в. под покровительством королевской власти развернулся процесс формирования городского сословия. Его первоначальную основу составили немецкие колонисты – переселявшиеся в чешские земли из Германии ремесленники, купцы и горные предприниматели. Немецкие колонисты образовывали в Чехии самоуправляющиеся поселения на основе сложившегося в предшествующие времена в Германии городского права, которые не подчинялись органам местного управления, а находились под прямым покровительством и в непосредственном управлении короля.

В Праге в течение XIII в. имело место три крупных события, связанных с немецкой колонизацией и утверждением новой, типологически близкой западноевропейской модели городского строя.

На пороге 1230-х гг. в качестве самоуправляющейся на основе немецкого права городской общины оформилось торгово-ремесленное поселение, выросшее в XI–XII вв. в Междуградье, вокруг рыночной площади и известное под названием Старого Места Пражского²⁴.

Вслед за этим в непосредственном соседстве со Старым Местом, существовавшим до начала широкой немецкой колонизации и лишь изменившим свой правовой статус, в 1230–1240-е гг. на незастроенной ранее территории немецкими новопоселенцами был основан «Новый город возле костела святого Галла» («*nova civitas circa sanctum Gallum*»)²⁵, который до 1287 г. сохранял самостоятельность, но в конечном счёте слился в единую городскую общину с более экономически мощным и многочисленным Старым Местом²⁶.

В 1257 г. на левом берегу Влтавы в непосредственной близости от Пражского града обосновалась ещё одна община немецких горожан²⁷, за которой закрепилось название Меньшего города Пражского, или Малой Страны.

Именно на территории последнего оказался двор пражских епископов, на котором в XIV в. во время долгого пребывания в должности епископа Яна IV из Дражиц (1301–1343) на месте уничтоженных пожаром деревянных построек были возведены каменные²⁸.

К этому времени в положении чешской церкви и пражского епископа произошли значительные перемены. Церковь заняла прочное место в системе имущественных и властных отношений общества с оформившейся сословной структурой, а в годину суровых испытаний – так называемых «злых лет», последовавших после гибели в битве на Моравском поле короля Пржемысла Оттокара II в 1278 г., когда в годы малолетства его сына и преемника Вацлава II на Чехию обрушились стихийные бедствия, в стране бесчинствовали отряды регента-опекуна маркграфа Бранденбургского Оттона V, удерживавшего наследника чешского престола на положении заложника, а соседние правители задумывались о разделе её земель²⁹, именно пражский епископ Тобиаш из Бехине (1278–1296) возглавил движение чешских сословий за укрепление государства. Он способствовал скорейшему возвращению в страну и коронации в 1283 г. двенадцатилетнего Вацлава II чешской короной.

30 апреля 1344 г. пражское епископство было преобразовано в архиепископство. Первым архиепископом стал Арношт из Пардубице (1344–1464, до этого в 1343–1344 гг. – епископ), хорошо образованный человек, принимавший деятельное участие во многих начинаниях короля Чехии и императора Священной Римской империи Карла IV, в особенности в деле основания Пражского университета.

Уже 21 ноября 1344 г. началась готическая перестройка кафедрального собора св. Вита на Пражском граде³⁰, в результате которой он превратился в один из ярчайших памятников готической архитектуры европейского Средневековья.

Вслед за этим, по всей вероятности, в третьей четверти XIV в. на средства бюргеров Старого Места Пражского началась столь же грандиозная перестройка собора Девы Марии перед Тыном на Староместской площади³¹, который до настоящего времени является второй, наряду с собором святого Вита, архитектурной доминантой исторического ядра Праги.

В этой архитектурной дихотомии нашло, на наш взгляд, монументальное выражение своеобразие отношений города и резиденции епископа в Праге. В отличие от стран Западной Европы, где отношения между городом и епископом первоначально вписывались в структуру вассально-сеньориальных связей господства и

подчинения, обретая новое качество в ходе (далеко не всегда успешной) коммунальной борьбы и централизаторской политики королевской власти, в столице Чехии вплоть до начала Гуситских войн они были подобны сообщающимся сосудам, существуя и развиваясь в тесной взаимной связи и зависимости.

Примечания

- 1 Об обстоятельствах основания Пражского епископства рассказывает хронист Козьма Пражский (*Козьма Пражский*. Чешская хроника. М., 1962. С. 64–66), а текст учредительной грамоты опубликован в классическом собрании чешских грамот: *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae* / ed. G. Friedrich. Praga, 1904. Т. I, № 371. Р. 342. Хотя Козьма Пражский датирует основание Пражского епископства 967 годом, в литературе эта датировка неоднократно подвергалась сомнению. В современной чешской историографии основание Пражского епископства принято связывать с его официальным признанием на съезде князей Священной Римской империи в Кведлинбурге в 973 г. См.: *Dějiny země Koruny české*. Praha; Litomyšl, 2003. Д. I. С. 38.
- 2 Князь Спитигнев правил в Чехии в 1055–1061 гг.
- 3 *Козьма Пражский*. Указ. соч. С. 126–127.
- 4 Там же. С. 122.
- 5 Систему поселений служилых людей и ремесленников, занимавшихся обеспечением потребностей концентрировавшейся в пределах градов военно-служилой знати, в исторической литературе принято называть системой служебной организации. См.: *Тржешистик Д.* Средневековая модель государства периода раннего феодализма // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей*. М., 1987. С. 124–133.
- 6 Древнейшая из дошедших до нас привилегия немецкого купеческого поселения в Праге, пожалованная им в 1174–1178 гг. князем Собеславом II, ссылается на более раннюю привилегию князя Вратислава (1061–1092): «Поэтому я разрешаю этим немцам жить по закону и праву немцев, как это было установлено для них со времени [правления] моего деда короля Вратислава» (*Codex juris municipalis regni Bohemiae* / ed. J. Čelakovský. Praga, 1886. Т. I. Р. 1).
- 7 Подробный очерк жизни и деятельности св. Адальберга (Войтехы), основанный на тщательном анализе источников см.: *Nový R.* *Slavníkovci v rané středověkých Čechách* // *Slavníkovci ve středověkem písemnictví*. Praha, 1987. С. 11–92.
- 8 *Козьма Пражский*. Указ. соч. С. 138.
- 9 Там же. С. 157.
- 10 Вышеград – практически неприступная крепость, располагавшаяся на отвесной скале в 3,7 км от Пражского града вверх по Влтаве на правом берегу реки. На Вышеграде начиная с X в. нередко обосновывались чешские князья во времена иноземных вторжений и междоусобиц.
- 11 Разумеется, и та и другая оставались крупными потребителями ремесленных изделий и услуг, причём потребности епископского двора росли, по всей вероятности, опережающими темпами в связи с всё большим проникновением в ряды церковных иерархов представителей высшей аристократии, переносивших в церковную среду традиции и обычаи светских дворов. Характерный тому пример – слова Яромира Гебхарда, адресованные оломоуцскому епископу Яну во время их ссоры, как их доносит до нас Козьма Пражский: «Когда Яромир увидел у постели [Яна] объедки сыра, тмин и лук на блюде, а рядом сухой хлеб – всё, что случайно осталось от вчерашней трапезы епископа, – Яромир пришёл в крайнее негодование, как будто обнаружив большую и заслуживающую наказания провинность [Яна]. Яромир сказал ему: “Почему ты живёшь так скупо? Для кого ты, несчастный нищий, бережешь? Клянусь, неприлично епископу жить в скупости!”». См.: *Козьма Пражский*. Указ. соч. С. 137–138.
- 12 Речь идёт о сохранявшихся в течение веков древних юридических формулах еврейской общины Праги. См.: *Podiebrad D. J.* *Altertümer der Prager Josefstadt*. Praga, 1870. С. 6.
- 13 «Eodem anno metropolis Bohemiae Praga more Latinarum civitatum coepit renovari» (*Fontes rerum Bohemicarum*. Praga, 1874. Т. II. Р. 222).
- 14 *Vančura J.* *Hradčany*. Pražský hrad. Praha, 1976. С. 69.
- 15 *Poche E.* *Hradčany* // *Poche E., Wirth Z., Kozák B.* *Hradčany a Malá Strana*. Praha, 1962. С. 11.
- 16 *Hleděková Z.* *Biskupské a arcibiskupské centrum ve středověké Praze* // *Pražsky sborník historický*. Praha, 1994. Sv. XXVII. С. 7–9.
- 17 Условной точкой отсчёта этих конфликтов принято считать провозглашение в 1187 г. Фридрихом I Барбароссой пражского епископа самостоятельным князем империи, находившимся в непосредственной ленной зависимости от императора, а кульминацией – 1193–1197 гг., когда честолюбивый Генрих Бржетислав по повелению императора Генриха VI объединил в своих руках светскую и духовную власть в королевстве, осаждал Пражский град и вынудил низложенного императором короля Пржемысла Оттокара I бежать из страны.
- 18 О Рудницком замке-резиденции епископа см.: *Пон И. И.* *Искусство Чехии и Моравии*. М., 1978. С. 70.
- 19 До настоящего времени нет ясного ответа на вопрос о времени основания епископского двора на Малой Стране. Одни авторы склонны полагать, что это произошло в последние десятилетия XII в. (*Wirth Z.* *Malá Strana* // *Poche E., Wirth Z., Kozák B.* *Hradčany a Malá Strana*. Praha, 1962. С. 26), другие говорят о рубеже веков (*Diviš J., Holec F., Huml V.* *Dějiny Prahy v datech*. Praha, 1988. С. 39), третьи связывают появление двора с самым острым из конфликтов светских правителей Чехии и пражских епископов – конфликтом короля Пржемысла Оттокара I и епископа Андрея (*Janaček J.* *Malé dějiny Prahy*. Praha, 1983. С. 34), когда после возвращения последнего с IV Латеранского собора в 1215 г. конфликт светской и церковной властей достиг своей кульминации.
- 20 *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae*. Praga, 1912. Т. II, № 227. Р. 210–213.
- 21 См.: *Žemlička J.* *Spor Přemysla Otakara I s pražským biskupem Ondřejem* // *Československý časopis historický*. 1981. Roč. XXIX. Č. 5. С. 704–730.

- ²² Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 80. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/442883/> (дата обращения: 25.02.2017).
- ²³ Hleděková Z. Op. cit. S. 9.
- ²⁴ До наших дней не дошла учредительная грамота Старого Места, поэтому в качестве хронологического ориентира для историков служит факт возведения городских стен в начале 1230-х гг. См., напр. : Челяковский Я. О началах городского устройства Старого Города Пражского. СПб., 1905. С. 18.
- ²⁵ Первое упоминание о нём содержится в грамоте 1265 г. : Codex juris municipalis regni Bohemiae. Pragaе, 1895. Т. II, №. 351. P. 720–721.
- ²⁶ Об истории «нового города возле костела святого Галла» и спорах вокруг неё см. подробнее: Галямичев А. Н. Из истории Праги в XIII веке (civitas circa sanctum Gallum) // Средневековый город. Саратов, 2002. Вып. 15. С. 28–35.
- ²⁷ Fontes rerum Bohemicarum. Pragaе, 1874. Т. II. P. 294.
- ²⁸ Fontes rerum Bohemicarum. Pragaе, 1884. Т. IV. P. 368.
- ²⁹ См.: Wyprawowani o złých létech po smrti krále Přemysla Otakara II // Fontes rerum Bohemicarum. Pragaе, 1874. Т. II. P. 335–368.
- ³⁰ Для возведения собора Арношт из Пардубице ввёл всеобщий налог (Čtení o Karlu IV. a jeho době (z pramenů). Praha, 1958. S. 147–152).
- ³¹ См.: České umění gotické. 1350–1420. Praha, 1970. S. 91.

Образец для цитирования:

Галямичев А. Н. Из истории средневековой Праги: резиденция главы чешской церкви и развитие города // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 465–470. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-465-470.

Cite this article as:

Galyamichev A. N. An Abstract from the History of Medieval Prague: the Residence of the Head of the Bohemian Church and the Development of the City. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 465–470 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-465-470.

УДК 94(44).028/029

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ ВО ФРАНЦИИ ПЕРИОДА РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН XVI ВЕКА

И. Я. Эльфонд

Эльфонд Ирина Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры дизайна архитектурной среды, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., iyelfond@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы становления национальной идентичности французов в XVI веке. Автор анализирует понимание ее в ходе гражданских и религиозных войн, а также методы обработки массового сознания в пропаганде эпохи.

Ключевые слова: идентичность, нация, пропаганда, «чужой», массовое сознание.

National Identity and Public Consciousness in France during the Religious Wars of the XVI Century

I. Ya. Elfond

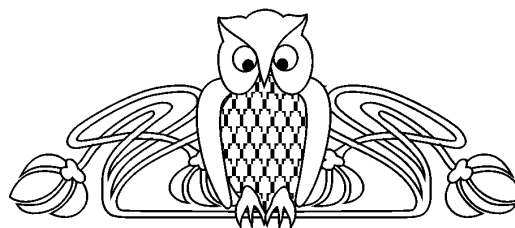
Irina Ya. Elfond, ORCID 0000-0002-8665-5926, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politehnicheskaja Str., Saratov, 410054, Russia, iyelfond@mail.ru

The paper deals with the problem of French national identity formation in the 16th century. The author analyzes its specificity during civil and religious wars as well as ways of impact on mass consciousness in contemporary propaganda.

Key words: identity, nation, public relations, «alien», public consciousness.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-471-479

Развитие общественной мысли Ренессанса во многом определялось интересом к поиску своих национальных корней и было обусловлено стремлением к национальной самоидентификации и становлением национального самосознания каждого отдельного народа. Особенностью французского варианта этой общей тенденции оказалось то, что этот процесс приобретает различное наполнение в зависимости от того, в какой политической и религиозной среде он формировался. Огромную роль в этом сыграло обращение идеологов к проблеме национальной идентичности, что неизбежно повлекло за собой и конструирование образа врага Франции и французов и, что вполне естественно, пересмотр уже сложившихся в массовом сознании стереотипов в отношении французов к различным этносам Европы. Проблема национальной идентичности, тем более национальной самоидентификации, становится одной из ведущих идеологических проблем в эпоху становления национальных государств, и решение ее достаточно сложно и неоднозначно.

Формирование национальных государств обусловило во всех странах Европы начало процесса национальной самоидентификации, и само понятие национальной идентичности в этот период (да и в дальнейшем) приобретало ряд общих черт. Во-первых, представления об идентичности проявляются и осмысляются, как правило, в периоды перелома или конфликта в обществе. В этой связи вырабатываются стереотипы в массовом сознании под влиянием определенной идейной обработки его. Как правило, эти стереотипы наиболее четко выражены в культурно-исторических и политических мифах и ритуалах. Наконец, важнейшим элементом национальной идентичности является коллективный образ национального прошлого¹, и особое значение при этом приобретает проблема этногенеза. И если эти тенденции получили рассмотрение на примере Италии², то для Франции проблема становления национальной идентичности в отечественной науке мало изучалась³.

Интерес к своему национальному во Франции был сформулирован очень отчетливо и нередко сопровождался негативным отношением ко всему чужому, в том числе и по отношению к наследию античного Рима. При этом в ренессансной французской историографии, как правило, утверждалась концепция слияния разных этносов в единый французский народ, хотя иные из протестантских историков жестко настаивали на германском происхождении французов и нередко объявляли германцами даже галлов.

Становление национальных государств, формирование национальной идеологии, процесс самоидентификации способствовали смене идеологических стереотипов; образ «чужого» в XVI в. обычно совпадает с образом врага. Сам процесс формирования национальной идентичности неизбежно сопровождался выработкой модели врага. На это оказали влияние войны XVI в., воспитывавшие французов во вражде к иностранцам, и религиозный раскол в Европе, который в представлении большинства ассоциировался и с противостоянием народов. Типичная для XVI в. характеристика образа «чужого» – понимание его в прямом смысле слова как иностранца, идентификация всего негативного и скверного с иноземцами.

Политическая идеология Франции этой эпохи в целом построена на строго охранительных позициях, на неприятии всего инородного. Даже особые качества королевской династии основывались на том, что король «принадлежит к чисто

французскому роду»⁴. Поэтому формирование ее оказалось неразрывно связано с оформлением представлений, связанных с национальной самоидентификацией французов, с их взглядами на *origo* и прошлое народа, богоизбранность нации, идеализацией своих институтов, монархии и самой династии, которую нередко объявляли богоизбранной. Интерес к национальному началу определил и изучение древнейших традиций и родного языка, обращение к *origo*, происхождению французской нации, и лозунги верности древнейшим обычаям времен Хлодвига.

Формирование политической идеологии во Франции позднего Средневековья, таким образом, исторически во многом оказалось связанным с проблемами этнической самоидентификации, этногенеза французской нации и происхождения национальной династии. Не менее важными были утверждение и сознательная интериоризация в массовое сознание и культуру этой идеологии, основанной на прославлении или опровержении абсолютной монаршей власти и ее древности, а также обращение к специфике политического устройства страны, исторически сложившейся структуры всех социальных и государственных учреждений, подчеркивающих исключительность государства французского и особенности развития французского народа. При этом огромную роль в условиях политической и конфессиональной конфронтации играл культурно-исторический (нередко становившийся и политическим) миф.

История французского абсолютизма на каких-то этапах его развития определяла потребности и характер политической пропаганды, ее приемы и методы; все это способствовало смене вех и возникновению новых культурно-исторических мифов. В силу этого особое значение как в исторической мысли, так и политической пропаганде эпохи приобретает проблема *origo*, связанная с вторжениями в Галлию и формированием французской нации из многих племен и народов и роли в этих процессах различных этнических элементов. Выбор был невелик: теоретики колебались между римским, кельтским (галльским) и германским началом; еще в первой половине XVI в. активно использовался «троянский миф», который позволял относить генезис французского народа к древнейшим временам, и подчеркнуть более древнее по сравнению с другими европейскими народами происхождение собственных правителей, в частности династии Меровингов. Рецепция этого мифа на рубеже XV–XVI вв. оказалась связана как с развитием историографии, так и формированием политической идеологии абсолютной монархии. Почти одновременно окончательно сложилась концепция власти – французские короли избраны богом; в начале XVI в. возникает стремление доказать, что французское государство и династия суть самые древние в Европе. Немалую роль здесь играет момент, определивший особое внимание к германцам в выявлении генетических корней

французов: стремление опровергнуть историческое существование особого значения титула императора, его превосходства над королевским.

Однако даже в начале XVI в. не все поддерживали «троянский миф», и с конца XV в. историки все чаще обращаются к проблемам германистики⁵. К середине века споры велись уже о галлах и германцах. Пожалуй, первым выступил против этого культурно-исторического мифа и поддержал прогерманскую точку зрения историк Жан дю Тийе. Юрист, советник Парижского парламента, в дальнейшем секретарь Генриха II, дю Тийе, как и многие его собратья, от права переходит к истории и интересуется, прежде всего, национальной историей, по преимуществу на ранних ее этапах. Его критика, вероятно, вызывалась тем, что он обратился к рукописным источникам и все свои положения строго подтверждал документами, что и наводит его на сомнения относительно правильности традиционной точки зрения по проблеме этногенеза французов.

Основное сочинение дю Тийе «Сборник о французских королях, их короне и королевском доме» вышло в свет в 1548 году. Автор очень осторожен, он опровергает тезис об извечном существовании единого государства у галлов и франков (считая, что завоевание римлян было облегчено раздробленностью)⁶ и говорит о существовании разных точек зрения относительно происхождения французского народа. Свой взгляд на проблему он декларирует в самом начале своего труда. По мнению дю Тийе, «те, кто пишут, что французы по своему происхождению подлинны германцы, должны почитаться больше тех, кто считает, что они происходят от троянцев»⁷. В другом, более раннем своем сочинении «Хроника франкских королей» (*De regibus Francorum Chronicon*) дю Тийе высказывается куда более определенно: по его мнению, «род франков из германской знати прибыл в Галлию и основал королевство»⁸. Постепенно создавалась и распространялась прогерманская версия «троянского мифа».

Согласно ей, после отказа платить дань римлянам троянцы, превратившиеся, таким образом, во франков, перебрались на территорию Германии во времена, когда во главе их стоял король Маркомир. Последний же оказался прародителем легендарных пращуров Меровингов, то есть тех монархов, которых упоминает Григорий Турский – Фарамонда, Хлодиона и Меровея. Объективно Ронсар в своей версии «троянского мифа» также настаивает на германском происхождении французов, идентифицируя при этом франков и троянцев. К середине века значительно возрастает количество сторонников кельтского происхождения французов, но это не умаляло количество сторонников германских корней нации.

Большую роль в спорах о роли германского элемента в истории Франции и в особенности процесса этногенеза французов сыграл крупнейший из французских историков-эрудитов Э. Пакье. Уже

в первом издании его «Изысканий о Франции» (1561) он поднимает этот неожиданно ставший актуальным вопрос. Критика «троянского мифа» в его труде сочеталась с анализом проблемы роли германских племен и народов в становлении постантичной Европы.

Значение концепции Пакье важно еще в одном аспекте – он ставит и исследует вопрос не только о роли франков и других германских племен в истории Франции, но и в целом о роли германцев в истории Европы эпохи Великого переселения народов. Большая часть первой книги его «Изысканий о Франции» посвящена роли отдельных этносов, по преимуществу германцев в Великом переселении народов, падении Римской империи и формировании новых европейских государств. В его представлении Римская империя «стала игрушкой в руках варваров», а последние «постепенно отделяли от великой империи большую часть ее провинций»⁹. Согласно ему именно германские племена сыграли в этом процессе решающую роль.

В целом несколько глав первой книги сочинения Э. Пакье посвящены истории разных германских племен в Европе и расселению германских племен в Европе и на территории Галлии. Начало этого процесса он связывает с пришествием на территорию империи вандалов, квадов, лангобардов, бургундов, вестготов и остготов, франков, англо-саксов, маркоманнов, алеманнов. Больше всего в его представлении от германцев досталось Галлии, где были разрушены и разграблены Майнц, Шпейер, Амьен, Аррас, Реймс, Страсбург, Теруань. С учетом того, что для Пакье признаком цивилизации и прогресса служило как раз количество городов, очевидно, что для гуманиста варвары, германские племена были разрушителями цивилизации, варварами в полном смысле слова. Очень любопытно, что историк говорит о противоречиях и борьбе германских племен друг с другом, а также противопоставляет одних германцев другим, в частности франков – готам, различая их по степени цивилизованности. Могущество первых, по его мнению, объяснялось тем, что «франки не были грубыми (*agrestes*) племенами, как прочие варварские народы (*nations*), поскольку были более цивилизованы и утончены»¹⁰.

Естественно, что историка-эрудита интересуют по преимуществу те германские племена, которые оставили след на территории будущей Франции, он прямо указывает, что французам важно «знать о франках, готах, бургундах и прочих народах, которые обосновались в нашей стране»¹¹. Больше внимание, естественно, уделено франкам, отдельные главы посвящены также бургундам и вестготам. Он характеризует все народы, которые исторически проживали на территории Галлии, по его мнению, «наиболее древними следует считать галлов, а вслед за ними германцев»¹².

К середине века французская историография и общественная мысль отмечают миф о троянском происхождении франков (и французов) и

окончательно переходят к германистской или прогалльской точке зрения. Стремление доказать еще большую древность происхождения французского народа приводило исследователей к изучению истории галлов как автохтонного населения территории будущей Франции, народа особо избранного и его роли в становлении французской нации. В результате формируется концепция синтезного происхождения французов, наличия у народа особых духовных ценностей, которые нашли материальное воплощение в политических институтах и традициях Франции, в том числе и характере монархической власти. Большую роль в этом сыграл знаменитый идеолог гугенотской партии Ф. Отман. Его апологетика порядков древних германцев не только принесла ему впоследствии славу «отца германистики», но стала, по сути дела, основой для попыток вернуть «старые добрые времена».

Отличие от Пакье он фактически не говорит о разных германских племенах. Все его внимание сконцентрировано на франках, именно с ними Отман связывает все политические традиции и институции французского государства, как и становление французского народа. Кроме того, он полагает, что франки – обобщающее имя для германцев, во всяком случае неоднократно упоминает об этом. В основе его концепции национальной идентичности лежит понятие свободы. В изображении Отмана страсть к свободе сближает галлов с франками, и благодаря призыву одних в Галлии появились другие: «поскольку у них не хватало своих воинов, чтобы низвергнуть римскую тиранию, то они использовали древнейший опыт – брать на службу германских наемников, призывая их к себе на помощь»¹³. Характеристика франков как поборников свободы почти совпадает с образом галлов. Франки изображены как народ, превосходящий все прочие по своей страсти к свободе, в том числе и остальных германцев: «те, кто оказался величайшими вождями и поборниками вновь обретенной свободы, называли себя франками, что у германцев означает “свободные”, “не испытывавшие рабства”»¹⁴. Тем самым ранняя история франков конструируется как культурно-исторический миф, ставший основой для решения проблемы *origo* и не только ее.

Франки всегда готовы к борьбе с тиранией. Отсюда и весьма вольная интерпретация проблемы появления франков на территории Галлии: «Когда франки покинули свою собственную территорию с этими намерениями, они освободили Галлию, как и свою германскую родину от римской тирании, и, перейдя Альпы, освободили большую часть Италии»¹⁵. Отман просто фальсифицирует историю, во-первых, приписывая франкам действия всех германских племен, а во-вторых, давая им весьма специфическую мотивировку действия. Франки в изображении Отмана руководствовались в своих действиях страстью к, насколько можно понять, всеобщей свободе,

а потому «франков называли правильно, так как они свергли рабство, установленное тиранами, и сочли долгом сохранить свою почетную свободу, хотя и жили тогда под властью королей»¹⁶. Таким образом, Отман культивирует страсть к свободе как основную черту французов – наследников франков, как определяющий признак национальной идентичности.

Это нашло выражение в его концепции французской государственности и роли в ее становлении германцев в лице франков. Потому-то галлы ничего не имели против сосуществования на одной территории с германскими племенами: «Ничего нет удивительного в том, что когда полчища германцев начали вторгаться в Галлию, то галлы были далеки от того, чтобы сдерживать это нашествие, но активно поддержали его»¹⁷.

Хотя исторические франки поселились на территории Галлии как федераты с санкциями имперских властей и охраняли империю от вторжений, Отман доказывает, что племя прибыло, во-первых, по нижайшей просьбе коренного населения (галлов), а во-вторых, с целью уничтожения римского владычества и тирании; пафос автора призван соотнести далекое прошлое с современной политической ситуацией в стране: «наши предки поистине являлись франками, а, значит, подлинными стражами свободы; они не подчинялись по своей воле власти какого-либо тирана или палача, который мог бы относиться к своим гражданам так, как если бы они являлись скотом. Напротив, они ненавидели всякую тиранию и в особенности господство любого тирана по турецкому образцу»¹⁸.

Политический смысл новой мифологии сомнений не вызывал – предельно тенденциозная трактовка истории прошлого призвана была служить конкретным политическим задачам. Обращаясь же к прошлому Франции, Отман утверждает, что галлы и франки развивались в теснейшем контакте, обусловленном этнической близостью и одинаковым пониманием проблемы свободы и прав народа. Он настаивал на принадлежности франков к германским народам и на формировании франкской народности вследствие борьбы с римской империей.

Он подчеркивает синтезный характер этногенеза французов и огромную роль в этом процессе германского начала: «после основания королевства Франкогаллии образовалась единая народность из двух, так если этот народ был дважды рожденным, а в результате их взаимопроникновения возник единый язык, а также сплавились воедино установления, учреждения и обычаи»¹⁹. Национальная идентичность французов в его объяснении связана с культурно-историческим и институциональным синтезом, особое значение в этой концепции приобрела проблема синтеза галльского и германского начал и автор последовательно проводит идею слияния кельтов и германцев в единый современный народ.

Все эти моменты не только присутствуют в политической идеологии на протяжении всего века, но находят свое адекватное отражение в исторических сочинениях и даже в художественной культуре. В целом сам процесс развития истории во Франции в XVI в. можно квалифицировать как стремление отказаться от попыток придать сложившимся мифам историческое значение и перейти к мифологизации (если не фальсификации) истории, чем и объясняется резко возросший интерес к национальной истории и, в частности, к ее начальному периоду зарождения и утверждения монархии и династии, а также к институциональной истории французов. Результатом же становится рождение национального мифа именно благодаря культуре Возрождения.

Следует отметить, что формирование новых идей, сопряженных с концепцией национальной идентичности, как и сам процесс национальной самоидентификации были связаны с деятельностью крупнейших политических теоретиков и историков эпохи. Помимо идеи особого происхождения нации (что нередко квалифицировалось как богоизбранность), теоретики того времени как особый специфический признак национальной идентичности рассматривали древность государства, символ его – монарха, при этом подчеркивая исключительную древность династии. Они также настаивали на особой роли исторически сложившихся политических институтов как показателя национальной исключительности, что и дает основу для осознания особого предназначения своей нации. Все эти моменты, в свою очередь, служили предметом национальной гордости и самосознания. Уже Пакье и Отман пропагандируют патриотизм как основу национальной идентификации, и идентичность включает в себя национальное самосознание, военное превосходство (все-таки победители Римской империи), наличие большого количества культурных героев и национальных святых, особую древность политических традиций и институтов.

Но сам процесс становления национальной идентичности имел еще и вторую сторону: интериоризацию новых представлений о Франции и французах в массовое сознание. Помимо проповедей (а их характер заслуживает специального рассмотрения), здесь огромную роль сыграл невиданный дотоле поток публицистических сочинений, приспособленных к представлениям среднего грамотного француза. В них и излагались новые представления о национальной идентичности на доступном для читателя уровне. В течение гражданских войн конструируется система политической пропаганды, тиражировавшая новые политические идеи и внедрявшая их в массовое сознание. В условиях предельного накала политической и религиозной борьбы новым фактором оказалась ставка теоретиков на массовость: появляется публицистика, рассчитанная на разный уровень читателя. Именно благодаря этому обстоя-

ятельству новые идеи популяризировались среди населения.

Изучение массового материала памфлетов всех партий *in corpori* позволяет выделить несколько особых приемов политической пропаганды, использовавшихся независимо от партийной и религиозной принадлежности и ставших общими в публицистике того времени. Совокупность их позволяла манипулировать массовым сознанием, тем более что подавался материал, как отмечалось, на предельно доступном для массы уровне. Гигантскую роль в этом процессе сыграло обращение к проблеме национальной идентичности, апелляция к французам как народу, к их патриотическому сознанию.

Патриотическая тематика в публицистике, как правило, была связана с обращением к современному состоянию страны. Образ страдающей Франции и «бедного французского народа» становится одним из центральных в политической публицистике с постоянным рефреном «бедные французы». Национальная идентичность трактуется своеобразно: нация стала жертвой агрессии, возникает особый политический штамп. На ранних этапах гражданских войн страдания Франции в основном подавались в ламентациях общего характера: «Сколько бедствий принесли те, кто решил против всех законов и божественных и человеческих причинить столько зла своей родине»²⁰. Позднее речь идет о прогрессирующем беспорядке в стране; раздаются «вопли и жалобы народа», сначала из лагеря гугенотов и политиков, а затем и католиков. В этом противники солидарны, хотя причины и пути выхода из ситуации ими определяются абсолютно по-разному.

В целом формирование образа страдающей Франции завершается к 70-м годам, сменяя образ великой героической Франции (выработанный ранее). По мнению пропагандистов, главное – это «угнетение, осуществляемое по отношению к этому бедному народу»²¹. Создается пропагандистское клише, которое используется для нагнетания атмосферы ожидания грядущей окончательной катастрофы: «Бедное королевство придет в самое жалостное состояние и обнищает, будет разрушено, разорится до крайности, больше чем когда бы то ни было»²². Публицисты предрекали неизбежный мрачный конец: «разорение бедной Франции и гибель благородного государства»²³. Они рисуют повседневную жизнь французам как совокупность страха и страдания: «ужасы и бедствия происходят ежедневно и порождают слезы и жалобы в бедной Франции», «разрушение бедного несчастного королевства» неизбежно²⁴. Смысл этих ламентаций сводится не только к тому, чтобы утратить население; они должны ему напомнить о высоком предназначении народа и его особых традициях и направить его гнев на виновников ситуации, поднять весь народ на борьбу, так как граждане должны противостоять «угнетению этого бедного народа и будущих потомков»²⁵. Создавался логи-

ческий мостик между трогательным описанием страданий народа и поиском виновников.

Описание страдающей Франции, идея чужеземной агрессии, апелляция к национальным чувствам народа и национальным духовным ценностям ориентировали социум на поиск виновников. Классический для демагогической пропаганды вопрос: «Кто виноват?» – получил разработанный ответ. Образ врага в процессе самоидентификации в этих условиях неизбежно выходил на передний план. Врагом, естественно, становился чужеземец. Факт нефранцузского происхождения должен был ориентировать французов на борьбу, независимо от того, кто были эти люди и как служили Франции. Речь шла об этническом единстве нации, о национальной идентичности и французам вменялось в обязанность «действовать против всех иностранцев, которые готовят нам всеобщую гибель»²⁶.

Внутренняя ситуация в стране сначала определила обыгрывание тезиса о чужеземном происхождении врага и его изначальном сознательном стремлении вредить Франции и французам. Уже к концу 60-х годов пропаганда освоила тезис о ксенократии, направленной на гибель Франции и ее населения. С точки зрения публицистов, власть может идти против своего народа, выполняя чей-то приказ или установки лишь в одном случае: если правитель не является прирожденным государем и не является французом по крови. А потому он в лучшем случае безразличен к проблемам народа, законам и судьбам родины: отсюда все налоги, поборы и обложения, которые возлагаются на бедный народ по «злобе и наущению чужестранцев вопреки древним законам и порядкам этого королевства»²⁷. Следовательно, подобная власть нелегитимна.

Меньшее значение в выработке образа приобретает традиционная идея внешнего врага, доказавшего свою готовность к постоянной борьбе и интервенции. Нередко эти факторы могли переплетаться, причем подходы враждующих партий были одинаковы: с равным успехом католики могли напоминать о традиционном враге недавнего прошлого – Англии, а протестанты о совсем свежих событиях итальянских войн и главном противнике – Испании. Но главный враг – это враг внутренний, не француз по крови, верно служащий врагу внешнему, проблема национальной идентичности приобретает в этой связи особую значимость.

Образ врага выстраивался по нескольким основным параметрам. Главная линия была намечена протестантской публицистикой: основным врагом Франции являются итальянцы, обосновавшиеся во Франции. Антиитальянская тема становится самостоятельным приемом пропаганды. На этой позиции сказались не только влияние проблемы «чужого»: романский элемент во Франции отрицался на любом витке истории в связи с негативным отношением к современным

итальянцам и, прежде всего, к папству и королеве-матери Екатерине Медичи. Негативно оценивался даже процесс романизации древней Галлии (а иной раз отрицался вообще, о галло-римской народности речи не было, зато подчеркивалось противостояние автохтонного населения агрессорам-римлянам). Наиболее последовательные противники итальянцев распространяли свое отношение к ним и на древних римлян, говоря о «тирании Рима», о «зломном духе римлян». Таким образом, проблемы развития национальной истории и этногенеза французов были тесно связаны с понятием «чужого» (что уже сыграло свою роль в национальной самоидентификации) и конструированием образа врага – в данном случае римлян, точнее итальянцев.

При системном противопоставлении образа «чужого» интересам страны и этноса сохранилась общая для французской общественной мысли того времени концепция синтетного происхождения французского народа. Отсюда и сам термин «франкогаллы» (обозначение этноса, сложившегося в результате синтеза двух народов) был направлен на самоидентификацию населения и противопоставлялся тем представителям народа, которые сражались с итальянцами. Проблемы этногенеза и истории нации в период жесточайшей политической и конфессиональной конфронтации служили задачам политической пропаганды, доказательству тезиса о том, что французы как народ стали объектом уничтожения со стороны «чужого». Потому-то образ врага, последовательно внедрявшийся в массовое сознание, – это, прежде всего, образ врага-чужеземца. Естественным следствием разработки этой проблемы становились попытки интериоризировать в массовое сознание идеи ксенократии и ксенофобии. Страх перед итальянцами сопровождался ненавистью к ним: «Итальянцы завоевали такую милость и такое доверие при дворе, благодаря своему искусству и изобретательности в деле вытягивания денег из простого народа»²⁸. Довод о грабеже автохтонного населения пришлым врагом был доходчив и способствовал объединению нации в борьбе с врагом.

Подлинные французы (с легкой руки Отмана «франкогаллы») становились объектами в лучшем случае обмана, в худшем – уничтожения. Образ врага, захватчика власти, грабителя приобретает inferнальные черты; «итало-галлы сосут кровь и мозг из несчастного франкогалльского народа»²⁹, подобно вампирам. Именно они для автора – враги Франции: «для французского королевства было гораздо больше пользы от гордых германцев, чем от итало-галлов»³⁰. Очень существенно само введенное понятие: врагами оказываются не выходцы из Италии, но итало-галлы, т. е. французы, покорившиеся итальянцам и служащие им. Самоидентификация, таким образом, включала еще и размежевание между группами этноса: теми, кто следовал представлениям о подлинных французах

и их исторической миссии как носителей принципа свободы, и тех, кто был безразличен к судьбам своего народа и его государственности. Понятие врага начинает применяться к уроженцам самой Франции, вина их состоит в том, что они предали интересы своей родины, по сути, перечень их «провинностей» сводится к коллаборационизму. В силу этого они, став врагами своего народа, перестали быть французами, утратили идентичность.

На идеи неприятия иностранцев базировалась и концепция недопустимости женского правления во избежание прихода к власти нефранцуза, что означает утрату национальной идентичности, ибо король – ее символ. А королевы-регентши, кричали публицисты, не могут проводить политику в интересах страны и народа, поскольку они – уроженки иных стран и в лучшем случае не могут ориентироваться в местных проблемах, в худшем – готовы предать Францию на заклятие. Особую ненависть вызывали лица испанского и итальянского происхождения, что вполне корреспондировалось с политическими пристрастиями и антипатиями протестантов.

Не меньшую антипатию теоретики протестантов (и «политиков») питали к Лотарингскому дому и Испании. Многочисленные памфлеты (от «Тигра» (1560) до «Анти-Гизара» (1986)) подчеркивали чужеземное происхождение Гизов, из-за которого те готовы погубить Францию: «все беды из-за Лотарингского дома, инициатора последних новшеств, направленных на то, чтобы раздуть новую гражданскую войну в этом королевстве, призвать в страну иноземцев и проделать все это на деньги испанского короля»³¹. Подобная пропаганда активизировалась, когда в полемику вступил декан Тулузского университета Пьер де Беллуа. Он требовал, чтобы «французов оставили в покое при своих законах, под властью и милостью наших королей»³², доводы основывались на концепции национальной идентичности. Символом ее становились монархи: Генрих Наваррский – «сын нашего рода, не англичанин, не испанец, но истинный француз»³³, а власть правящей династии посему «по своей природе священна, свята и неотчуждаема»³⁴.

Католики первоначально эту проблему не затрагивали, для них образ врага был связан с образом инаковерующего. Вскоре они пошли по тому же пути, идея национальной идентичности и для них становится едва ли не ведущей в полемике. Лигеры настаивали, что Наваррские короли – чужестранцы, хотя Наварра уже давно управлялась французами по крови, а потому пропагандировался тезис о том, что «титул и звание короля Наваррского является фатальным и приносит бедствия Франции»³⁵. Даже принцы крови, приняв титул королей Наваррских, сразу становятся врагами Франции: «Шарль д'Эвре, принц крови, стал королем Наварры в силу прав своей жены, и причинил столько бед Франции, что наши историки зовут его вторым Нероном».

Именно в отношении Генриха Наваррского ими применялась формула «чужой»: «бедняк – чужой по рождению и нравам»³⁶.

В итоге среди ближайших соседей Франции не осталось ни одного народа, который не получил бы от французских публицистов всех партий свою порцию оскорблений. Так, оппонент Отмана П. Массон «именует немцев свиньями, а их родину – свиным хлебом». В адрес немцев звучит и другое обвинение, ставшее хрестоматийным: «немцы – пьяницы»³⁷. Лигеры не упускали случая обругать «английскую Иезавель» (в их представлении сторонницу врагов Франции) за лицемерие и смену религии. Для Пакье национальное сознание во Франции вообще вырабатывается в ходе борьбы с англичанами, «буйным народом», правители которых отличались «страшной грубостью и жестокостью». Главный внешний враг в итоге – «демон юга»; по мнению многих (включая умеренных католиков), «в этом королевстве командует не кто иной, как король Испании»³⁸. Католик А. Арно подчеркивает «варварское» происхождение испанцев, бросая тень на их «чистоту крови» из-за длительного сосуществования с арабскими завоевателями. В его трактовке «испанцы – раса готов и сарацин»³⁹.

Особенно апелляция к национальной идентичности усиливается в 90-е годы, когда на повестку дня прямо встал вопрос о возможности перехода короны к испанцам, а их войска уже находились на территории Франции. «Мениппова сатира» направлена против испанцев и «испанской панацеи» от всех бед. Авторы популяризируют известную мысль: испанцы – заклятые враги Франции. Сторонники Лиги готовы жизнь положить не за Францию, а «за Лотарингских принцев и, если понадобится, и за короля Испании». Характерно, что в памфлете даются не только политические рекомендации всем французам подчиниться власти законного государя, француза по крови, но и советы избавиться от недостатков, приобретенных французами в результате общения с чужестранцами, от «испанского хвастовства, неаполитанской лже-доблести и склонности к мятежу валлонов»⁴⁰.

Образ «врага», как отмечалось, органически связан с идеей ксенократии, ненациональной и антинародной власти – дурное правление безоговорочно объяснялось происками итальянцев, немцев, лотарингцев и испанцев (или наваррцев, англичан и тех же немцев). Легитимность власти даже законного монарха вызывала сомнения, если он активно сотрудничал с чужестранцами: так, автор прокатолического памфлета с показательным названием «Добрый француз или война галлов» заявлял, что «добрых католиков мучает, что король Франции заключил странный союз с англичанами, Женовой, Седаном и другими еретиками»⁴¹. Генрих III «продал Францию немцам». Отсюда обвинение монарха в недостаточной преданности интересам Франции. Одни были недовольны королями Франции из-за преследований, другие – из-за

недостаточных, по их мнению, преследований инакомыслящих. В 1580-е гг. король провозглашался Лигой врагом французов: тот, «кого Бог сподобил родиться старшим в самом древнем, самом великом и самом процветающем доме в мире»⁴², был объявлен воплощением антихриста, «королем-еретиком», «бесчестным тираном, который дышит только ради разрушения и преследования своих подданных»⁴³, к тому же он был наполовину итальянцем, значит, не французом.

Ксенократия, как заклинали население Франции памфлетисты, обязана своим возникновением либо незаконному присвоению власти, либо ее прямому захвату и результатом ее должна была стать утрата национальной идентичности. Тезис о торжестве ксенократии во Франции служил для разжигания ненависти к чужакам, приводившей к ксенофобии.

Пожалуй, идеи ксенофобии и ксенократии оказались неразрывно связаны со становлением национального самосознания и национальной самоидентификацией народа. Неприятие «чужого», противопоставление его национальным традициям и порядкам, апология всего французского составляли важную часть доводов теоретиков различных лагерей.

Второй модификацией образа «врага» оказался иноверец. Вопрос о религиозном инакомыслии в политической пропаганде также оказался связан с проблемой национальной идентичности. М. Ярдени доказала, что для национальной самоидентификации в то время было характерно отождествление французов с католиками⁴⁴. Уже Франциск I считал католицизм «главной основой королевства, от коей зависит наше процветание и благополучие»⁴⁵. Для ярых католиков иноверец – это еретик, а они «во сто раз хуже, чем турки, сарацины и язычники». Значит, необходимо «полностью искорчевать врагов католической веры»⁴⁶, война с ними – священна, а признание их французами – отказ от национальной идентичности.

Сама система пропаганды строилась на обыгрывании элементов национальной идентичности, воздействию на национальные чувства населения благодаря апелляции к страданиям народа и любви к родине, дискредитации врага, внедрении сомнений в легитимности власти. Важным моментом стала успешная разработка образа врага как виновника бедствий и взвинчивание масс против иностранцев и иноверцев. Еще более важной можно считать идею ксенократии, которая вела к появлению националистической истерии вплоть до призывов к погромам и физическому истреблению.

Эти приемы стали типичными в истории политической пропаганды, методика их пережила свое время, и судьба этой пропаганды (события Варфоломеевской ночи, Лиги и т. д.) показала, какие методы воздействия на массы оказались эффективными. Восприятие ее демонстрирует уровень масс, степень их интеллектуальной, по-

литической и психологической зрелости. Именно наиболее демагогические приемы – сознательное искажение или тенденциозный отбор фактов, обращение к национальной идентичности, и в особенности к патриотическим чувствам народа, вражда к «чужому», недоверие к власти – оказались долговечными. Таким образом, проблема национальной идентичности и национальной самоидентификации особое значение приобретает в эпоху гражданских войн второй половины XVI в., и понимание национальной идентичности внедрялось в массовое сознание благодаря многочисленной публицистике, воспринимавшейся французским обществом.

В итоге и оформляется национальная идея, которая секуляризуется, например, в трудах того же Э. Пакье, формируется «коллективное понятие христианнейшего королевства»⁴⁷, а апелляция к национальной идентичности во многом определила ментальный поворот нации к государю-французцу и победу Генриха IV. Гражданские войны поставили перед французским обществом проблему выбора между национальным началом и конфессиональным единством, и в конечном итоге после жестоких войн торжествовала концепция национальной идентичности.

Примечания

- ¹ Проблемам национальной идентичности и самоидентификации в последние десятилетия было посвящено немало работ, из которых необходимо указать следующие : *Anderson B.* Imagined Communities : Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. L., 1983 ; *Hastings A.* The Construction of Nationhood, Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997 ; *Kristof L.* The state idea, the national idea, and the image of Fatherland // *Orbis.* 1967. № 11 (spring). P. 238–254 ; *Smith A.* National identity. L., 1991 ; *Wodac R., Cillia R. de, Reisinger M., Liebhart K.* The discursive constructions of National Identity. Edinburgh, 1999 ; *Geary P.* The Myth of nations. The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002 ; *Smith A.* Theories of Nationalism. N. Y., 1983.
- ² На русский язык была переведена работа П. Берка. См.: *Берк П.* Язык и идентичность в Италии начала Нового времени // Новое литературное обозрение. 1999. № 36 (2). С. 5–25 ; см. также: *Якушкина Т. В.* Петраркистский канон в контексте проблемы национальной идентичности // Итальянский сборник. СПб., 2007. № 10. С. 76–104.
- ³ За рубежом эти проблемы поднимались уже с 60-х гг. XX в. См.: *Lestocquoy J.* Histoire du patriotisme en France des origines à nos jours. P., 1968 ; *Beaune C.* Naissance de la nation Française. P., 1985. Применительно к более позднему периоду см.: *Bell D.* The Cult of the Nation in France 1689–1800. Princeton, 2001.
- ⁴ (Arnault A.) Fleur de Lys. P., 1593. P. 7.
- ⁵ *Ricius M.* De regibus francorum. Basel, 1534 ; *Gaguin R.* De rebus gestis francorum. P., 1514.
- ⁶ *Du Tillet J.* Recueil des roys de France, leurs couronne et maison. P., 1548. P. 7.
- ⁷ Ibid. P. 1.
- ⁸ Цит. по статье : *Jouanna A.* La quête des origins dans l' historiographie française de la fin de XV siècle et de début du XVI siècle // La France de la fin du XV siècle. Renaissance et apogée. P., 1985. P. 307.
- ⁹ *Pasquier E.* Les Recherches de France. P., 1643. P. 5.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid. P. 6.
- ¹² Ibid. P. 10.
- ¹³ *Hotman F.* Francogallia. Cambridge, 1972. P. 200.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid. P. 202.
- ¹⁷ Ibid. P. 180.
- ¹⁸ Ibid. P. 342.
- ¹⁹ Ibid. P. 284.
- ²⁰ Responce à un certain escrit publié par l'Amiral et ces adherens, pretendans couvrir et excuser le rapture qu'ils ont faite del'edict de pacification. P., 1568 P. Iijj.
- ²¹ Protestation de par Monseigneur le prince de Conde avec advertissement fait sur cette protestation. S. L., 1568. P. Biiij-r.
- ²² Les moyens pour pacifier les troubles en cette Royaume par Monseigneur de Conde. S.L., 1562. P. C-i.
- ²³ Advertissement sur la faulseté des plusieurs mensonges semez par les rebelles. P., 1562. P. F-r.
- ²⁴ France-Turquie. Orlean, 1576. P. 4 ; Brief discours sur les moyens qui tient le cardinal de Lorraine pour empêcher l'establisement de la paix et ramener les troubles en France. S. L., 1568. P. Gijj-r.
- ²⁵ Protestation de par Monseigneur le prince de Conde avec advertissement fait sur cette protestation. S. L., 1568.
- ²⁶ Exhortation a la paix. S. L., 1563. P. Biiij-r.
- ²⁷ Declaration et protestation du Monseigneur de Damville, Marechal de France. Strasbourg, 1575. P. B2.
- ²⁸ Responce à une lettre escrete à Compiègne de 4 jour d'ouost touchant les mescontennants de la noblesse de France. S. L., 1567. P. B3-r.
- ²⁹ *Hotman F.* Matagonis de matagonibus decretorum baccalauvrey monitoriale adversus Italogalliam sive antifrancogalliam Anthonii Matharelli alvernogeni. S. L., 1574. P. 22.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Declaration et protestation de Monseigneur Henry de Montmorency. S. L., 1586. P. 10.
- ³² *Belloy P. de.* L'Examen du Discours public contre la maison royale de France et particulièrement contre la branche de Bour bon seule reste d'icelle sur la Loy Salique et succession du Royaume. S. L., 1587. P. 12.
- ³³ *Belloy P. de.* Apologie contre libelles declarations ; advis et consultations ; escrete et publiées par les liguez perturbateurs du repos du Royaume de France. S. L., 1585. P. 42.
- ³⁴ Anti-Guisart. P., 1986. P. 83.
- ³⁵ Responce à l'Anti-Espagnol, seme ces jours passes par les rues et carrfours de la ville de Lyon de la part des conjures qui avoyent conspire de livrer la dicte ville en le puissance des heretiques. Lyon, 1590. P. 60.

- ³⁶ Le remerciement des catholiques unis fait à la declaration et protestation de Henri de Bourbon, dit le Roy de Navarre. Lyon, 1589. P. 6, 62. (При этом как-то забыли, что Жанна Французская – дочь французского короля Людовика X.)
Dorlean L. Responce des vrays catholiques françois. S. L., 1588. P. 27.
- ³⁷ *Hotman F.* Strigilis Papirii Massoni, sive Remediale charitativum contra radiosam frenesim Papirii Massoni Iesuitae escucullati. S.L., 1578. P. 32, 30.
- ³⁸ Responce á une lettre escrete á Compiegne du 4 jour d'Aoust touchant les mescontennants de la noblesse de France. S. L., 1567. P. Biiij-r .
- ³⁹ [Arnaud A.] Fleur de Lys. S. L., s/a. P. 39.
- ⁴⁰ La Satyre Ménippée de la Vertu du Catholicon d'Espagne et de la tenue des Estats de Paris. P., 1889. P. 26, 260.
- ⁴¹ Le bon francois ou la guerre des gaulois. S. L., 1589. P. 7.
- ⁴² [Arnaud A.] Fleur de Lys. S. L. P., s.a. P. 8
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ *Yardeni M.* Le conscience national en France pendant les guerres de religion. P., 1977.
- ⁴⁵ Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution. P., s.a. V. 12. P. 2.
- ⁴⁶ *Dorlean L.* Advertissement des catholiques anglois aux françois catholiques. S. L., 1586. P. 16r. Graces et louanges deves à Dieu pour la justice faicte du cruel tyran et ennemi capital de la France. P., 1589. P. 16.
- ⁴⁷ *Ле Руа Ла Дюри Э.* Королевская Франция. М., 2004. С. 355.

Образец для цитирования:

Эльфонд И. Я. Национальная идентичность и массовое сознание во Франции периода религиозных войн XVI века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 471–479. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-471-479.

Cite this article as:

Elfond I. Ya. National Identity and Public Consciousness in France during the Religious Wars of the XVI Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 471–479 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-471-479.

УДК 94 (4)

АНТИНАПОЛЕОНОВСКАЯ ПРОПАГАНДА СОЮЗНИКОВ И КАМПАНИЯ 1814 ГОДА

А. В. Гладышев

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, заведующий кафедрой региональной истории и музееведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Gladav2002@mail.ru

Военная кампания зимы 1814 г., как и предыдущие Наполеоновские войны, сопровождалась активной пропагандистской кампанией. В статье рассматривается один из эпизодов «войны перьев» – использование союзниками прокламаций для воздействия на общественное мнение французов. Противопоставляя Наполеона французскому народу, тексты прокламаций формируют у читателей триединый образ деспотичного, амбициозного и недоговороспособного императора, чьи интересы противостоят интересам французского народа; угнетаемой и разоренной в настоящий момент Франции, которая станет в будущем при помощи союзников единой, независимой, процветающей; союзников – миролюбивых, дисциплинированных, уважающих общественный порядок, не мстительных, но в то же время сильных, решительных, последовательно добивающихся своей цели и умеющих наказывать непослушных.

Ключевые слова: Наполеон, кампания 1814 г. во Франции, антинаполеоновская пропаганда, Александр I.

The Anti-Napoleonic Propaganda of the Allies and the Campaign of 1814

A. V. Gladyshev

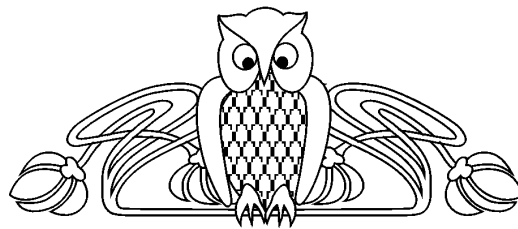
Andrei V. Gladyshev, ORCID 0000-0001-6935-3048, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Gladav2002@mail.ru

The campaign of 1814, as well as previous Napoleonic wars, was accompanied by active propaganda. The article deals with one of the episodes of the «pen war» – the use of proclamations by the allies in order to influence the public opinion of the French. Opposing Napoleon to the French people, the texts of the proclamations form a triune image for readers: despotic, ambitious and incompetent emperor, whose interests contradict the interests of the French people; France – oppressed and ruined at the moment, which will become unified, independent and prospering with the help of the allies; Allies – peaceful, disciplined, respectful of public order, unwilling for revenge, but at the same time, strong, resolute, consistently pursuing their goal and capable of punishing the disobedient.

Key words: Napoleon, campaign of 1814 in France, anti-Napoleonic propaganda, Alexander I.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-480-488

Если поверить Уэйну Хенли¹, утверждавшему, что история использования Наполеоном пропаганды – яркий пример того, что в напо-

леонистике еще есть малоизученные области, то история пропагандистских усилий союзников в кампании 1814 г. должна быть отнесена к областям еще менее известным.

Конечно, пропаганда союзников в 1814 гг. не была чем-то принципиально новым даже в условиях Заграничного похода. Помимо работ, посвященных в целом «войне перьев» в годы Наполеоновских войн², есть исследования, посвященные специально наполеоновской пропаганде³ и антинаполеоновской пропаганде⁴, но они не касаются специально «атаки прокламаций», развернутой союзниками в конце 1813–1814 гг., предварявшей и сопровождавшей продвижение союзнических войск по территории Франции.

Главная цель пропаганды союзников – внести раздор в общественное мнение французов, противопоставить личные амбиции Наполеона интересам Франции, предостеречь возможные народные волнения и ответственную войну французов. Задача Наполеона – сплотить вокруг себя нацию, задача союзников – изолировать императора.

Не успела закончиться военная кампания 1813 г., как началась пропагандистская подготовка новой кампании. Уже 1 октября 1813 г. в Париж, Лион, Нант, Бордо, Страсбург рассылаются послания, в которых утверждается, что силы союзников столь велики, что у Бонапарта нет шансов на победу⁵.

15 ноября Наполеону переданы «франкфуртские предложения». Главное из них – Франция сводится к «естественным границам» (Рейн, Альпы, Пиренеи). Опубликованные в «Moniteur» эти весьма умеренные «предложения» союзников были многими французами восприняты с воодушевлением. И министры, и военные, включая Л. А. Бертье, советовали Наполеону заключить мир. Но расчет союзников был как раз на то, что Наполеон из гордости откажется и противопоставит себя общественному мнению французов.

М.-П. Рей пишет, что это под личным влиянием Александра I союзники решили прибегнуть к оружию пропаганды. Императора же России, в свою очередь, на это сподвиг «большой знаток французской ментальности», проживший несколько лет в Париже в качестве доверенного лица русского императора и военно-дипломатического агента, генерал-адъютант А. И. Чернышев⁶. По прибытии в главную квартиру во Франкфурт-на-Майне в ноябре 1813 г. он представил Александру I записку, в которой предлагал принять

декларацию, которая бы успокоила французский народ⁷. Обращаясь к Александру I как к «освободителю Европы», он пишет, что нельзя дать Наполеону время внушить несчастным французам ложные представления о предлагаемых союзниками условиях мира (о разделе Франции и т. п.). К несчастью, «легкомысленный и легковерный характер французов» делает их жертвами обмана со стороны правительства, в то время как союзники ничего не делают, чтобы разрушить выдуманное Бонапартом. Такой вывод Чернышев сделал, по его собственному признанию, из общения со многими пленными, «достаточно образованными и думающими людьми». В этих обстоятельствах было бы хорошо, если бы Александр I, «будучи душой и главой священной лиги», инициировал подготовку бумаги, в которой бы от имени всех союзников заявлялось о чувствах, что движут ими в этой войне. Французов надо убедить, что союзники не имеют никаких намерений унижить эту нацию, что идея доминирования над европейскими народами не принесет французам счастья, что она противоречит естественному порядку вещей. Манифест этот, по мысли Чернышева, должен был заканчиваться ясной и четкой декларацией об условиях мира. Комбинируя геополитические и психологические аргументы, Чернышев подчеркивал необходимость придерживаться миролюбивых интонаций. Он довольно четко обозначает главную задачу: надо разорвать связь между узурпатором трона и народом, в итоге французы должны были сами убедиться, что «единственная причина продолжения войны – эгоизм Наполеона». Таким образом, заканчивает Чернышев, Александр I пойдет на врага, держа в одной руке пучок молний Юпитера, а в другой – оливковую ветвь мира⁸. М.-П. Рей, которая обильно процитировала эту записку Чернышова, приходит к выводу, что ее «эхом» будет Франкфуртская прокламация⁹.

1 декабря 1813 г. увидела свет «Франкфуртская декларация», в которой обозначен главный враг союзников: война ведется не с Францией и французами, а с Наполеоном, стремящимся к гегемонии в Европе. В этом документе говорилось, что французское правительство должно остановить новый набор 300 000 призывников и не провоцировать союзные державы, готовые перед всем миром обнародовать соображения, которыми они руководствуются в этой войне, принципы, которые лежат в основе их поведения. Союзные державы ничуть не ведут войны с Францией: но к несчастью и для Франции, и для Европы император Наполеон слишком долго действовал вне границ своей империи и нарушил баланс сил¹⁰. Победы над ним привели армии союзников к Рейну, к границам Франции. Первым желанием союзных суверенов является предложить мир императору французов. Союзные монархи желают видеть Францию большим, сильным и счастливым государством. Они хотят, чтобы возродились французские торговля и искусство, чтобы французы

были счастливы, ибо «великий народ не может быть спокойным, если он не счастлив». Но и союзные державы также хотят быть свободными, счастливыми и мирными. Они хотят, чтобы мир, мудрый баланс сил впредь охранял народы от тех бесчисленных зол, что в течение 20 лет потрясали Европу. Это истинная цель усилий союзников, и они не оставят оружие пока не добьются благоприятного для себя результата, пока не вступят в свои права незыблемые принципы, пока святость договоров не обеспечит наконец истинный мир в Европе¹¹.

Союзники готовились к вторжению и стремились, выражаясь словами К. Меттерниха, «воздействовать на дух Франции»¹². Поэтому главное, что обещалось во Франкфуртской декларации – сохранение Франции сильной, богатой и счастливой, в границах до 1792 г.: никто не собирался «уничтожать и расчленять Францию». Как констатирует М.-П. Рей, объясняя французскому народу мотивы вторжения, Франкфуртская декларация ставила целью если не привлечь французов на свою сторону, то хотя бы добиться их нейтралитета¹³. Исследовательница подчеркивает: «Если текст и был составлен по указке Меттерниха, то он, по меньшей мере, как политически, так и стилистически нес на себе личный отпечаток царя». Об этом свидетельствуют аллюзии на необходимость для «справедливого эквилибра» установления мира «благородного» и «либерального» и почти мистическая идея «священных договоров»¹⁴.

6 декабря франкфуртская декларация нашла свое место на страницах «La Gazette de Francfort». Союзники не пожалели средств, чтобы сделать ее достоянием общественности. Газета «Journal de l'Empire» писала в начале января, что через почту Базеля эта декларация была отправлена многим французам¹⁵.

20 декабря союзники начали переправу через Рейн и вступили на территорию Франции. Интервенция, конечно, потребовала от союзников новых агитационных усилий: наполеоновская пропаганда теперь получала новый материал для борьбы за умы французов. Уже сам факт интервенции предоставлял возможность попытаться возбудить среди населения чувство патриотизма, поднять французский народ на борьбу с оккупантами, использовать архетипический страх французов перед «нашествием варваров», «дикарей», противопоставляя цивилизованные народы «нецивилизованным». Даже хитроумные австрийские дипломаты, желавшие заключить мир с Наполеоном, писали Александру I, что союзники рискуют в общественном мнении сменить образ борцов за мир на образ завоевателей и агрессоров.

Союзники понимали, какое представление о них формирует наполеоновская пропаганда. Прусский генерал К. Мюфлинг утверждал, что «французские газеты постоянно стараются представить нас народу как воров и грабителей, ко-

торые пересекли Рейн с одной целью – поделить Францию между собой»¹⁶. Поэтому переход границ сопровождался еще одним залпом прокламаций и распоряжений. Командование союзников (в первую очередь, Александр I) проявило чуткость к патриотическим чувствам не только французов, но и швейцарцев.

Когда было принято непростое решение о продвижении к границам Франции через территорию Швейцарии (через Базель и Женеву), то союзники опасались, что в случае потери войсками (в данном случае это были австрийские войска) дисциплины, распространения мародерства и насилия по отношению к местному населению может начаться стихийный народный протест.

При вступлении войск союзников на территорию Швейцарии 20 декабря 1813 г. главе исполнительной власти кантона (ландману) была передана декларация полномочных представителей Австрии и России за подписью И. Каподистрии. В декларации говорилось, что Швейцария на протяжении веков была счастлива сама по себе, но полыхающий уже двадцать лет в Европе огонь революции и войны не пощадил и ее. На руинах федеративной конституции Швейцарии Наполеон под маской протектора установил свое господство. Швейцарцам напоминалось об их традиционном нейтралитете и утверждалось, что союзные суверены хотели бы видеть эту страну свободной, независимой и в прежних границах: «армии союзников, вступая не территорию Швейцарии, надеются найти здесь только друзей»¹⁷.

В обращении от 21 декабря из Лорраха (Loerach) К. Шварценберга к солдатам говорилось, что они вступают на территорию Швейцарии «как друзья и освободители», и поведение солдат должно соответствовать этому обстоятельству. Речь о том, чтобы, как бы тягостно при этом не было, славно закончить то, что столь славно начали: и родина, и весь мир ждут от солдат, чтобы они проявили храбрость и упорство в установлении достойного и длительного мира¹⁸. В тот же день Шварценберг подписал и обращенную к жителям Швейцарии декларацию, в которой пояснялись причины и цели вторжения войск союзников. В частности, выражалась уверенность, что «справедливость мотивации и чистоту намерений» союзников оценят все швейцарцы – истинные друзья прежней независимости и процветания, сторонники федеративного устройства. Шварценберг писал, что он не боится сопротивления профранцузски настроенной части швейцарцев, но он боится недовольства и возмущения тех швейцарцев, которые вполне справедливо рассматривают вторжение на территорию их государства иностранных войск как наибольшее зло. Поэтому обещались строгая дисциплина в войсках и четкая и скрупулезная оплата всех расходов и убытков, связанных с перемещением и расквартированием войск¹⁹. В другой пространной декларации, изданной также 21 декабря в Лоррахе и посвященной

вопросам нейтралитета Швейцарии, говорилось, что вторжение войск союзников в Швейцарию диктуется не только их оперативными военными планами, но и заботой о будущем устройстве этой страны. В частности, опять обещалось вернуть дореволюционные порядки и границы²⁰.

Для швейцарцев готовили декларации, для французов – прокламации... 21 декабря была подготовлена прокламация Шварценберга и для французов. В ней, в частности, говорилось: мы не ведем войны с Францией, мы хотим отбросить подальше то иго, что ваше правительство пыталось установить над нашими странами и народами, в то время как они имеют те же права на независимость и счастье, что и французы. В прокламации французов призывали безбоязненно оставаться у своих очагов. «Поддержка общественного порядка и уважение к частной собственности, самая строгая дисциплина», – будут визитной карточкой пребывания войск союзников на территории Франции. У них «абсолютно отсутствует жажда мести», они вовсе не хотят причинять французам те многочисленные бедствия, что французы причиняли другим народам в течение более 20 лет. Единственное их желание – установить прочный мир, для этого они и вступают на французскую землю²¹.

Франкфуртская декларация от 1 декабря и прокламация Шварценберга от 21 декабря были распечатаны в большом количестве экземпляров и по мере того как войска союзников продвигались вглубь Франции, эти декларации и прокламации передавались муниципальным властям и доводились до сведения населения²². Аналогичные прокламации составляли командиры и других союзных армий. С обращениями к населению выступали главы оккупационных администраций²³.

Особенным вниманием к проблемам отношения солдат к мирному населению отличались заявления русского командования.

Сначала последовало обращение к солдатам от 3 января 1814 г. из Базеля Барклай де Толли. В нем говорилось, что французы ждут, когда их освободят от гнета, и единственными намерениями солдат, пересекающих границу Франции, должно быть стремление прикончить своей победой амбиции императора Франции, дать народам мир, и, ведя себя доброжелательно и обходительно, вернуться на милую родину. Барклай де Толли увещевал: «Нашей целью должно быть уменьшение, а не увеличение бед и несчастий этой страны»; лучшие добродетели солдата – храбрость и благородство. Но не обошлось и без угрозы: если же среди солдат найдутся те, кто останутся глух к зову долга и чести, те, кто прибегнет к насилию в отношении местного населения, то они будут наказаны со всей строгостью «как враги общественного порядка»²⁴.

Через три дня последовал известный приказ Александра I от 6 января из Фрибура (Фрайбург-им-Брайсгау) «кротким поведением в земле не-

приятельской» победить ее «великодушием своим, сколько и оружием»²⁵.

Как считает современная исследовательница М.-П. Рей, желание Александра I минимизировать насилие над гражданским населением Франции – это не просто пропагандистский трюк, некий успокоительный акт²⁶. М.-П. Рей, выясняя сокровенные желания Александра I, помимо приказа от 6 января, ссылается на его письмо от 3 января 1814 г. из Фрибура своему бывшему наставнику Ф. С. Лагарпу. Это довольно эмоциональное и личное послание, в котором Александр I выражает радость, что благодаря Провидению, памятуя о наставлениях своего учителя, он теперь может послужить «делу независимости Европы». М.-П. Рей считает, что Александр I искренне желал «независимости Европы». И такая мессианская идея заставляет его с особой строгостью следить за поведением войск союзников относительно гражданского населения: невинные не должны пострадать, ибо идут не мстительные варвары, а освободители!²⁷

В какой-то степени эти замечания М.-П. Рей перекликаются с восхвалениями Александра I А. И. Михайловским-Данилевским (который, правда, опубликовал у себя только первую половину приказа Александра I от 6 января). В его записках содержатся многочисленные пассажи, подчеркивающие благородство и миролюбие Государя. «По его воле войскам было строго подтверждено о дружественном обхождении с французами и о соблюдении подчиненности. Успокоенные словами Его и печатными объявлениями Главнокомандующего, в которых изложены были миролюбивые виды союзных монархов, жители тех мест, куда вступала Главная армия, нигде не оказывали сопротивления и охотно выносили на биваки жизненные припасы, сено, овес и дрова»²⁸.

В приказе Александра I от 6 января говорилось: «Воины! мужество и храбрость ваша привели вас от Оки на Рейн. Они ведут нас далее: мы переходим за оный, вступаем в пределы той земли, с которою ведем кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили отечество свое, возвратили Европе свободу ея и независимость. Остается увенчать подвиг сей желаемым миром. Да водворится на всем шаре земном спокойствие и тишина! Да будет каждое царство под единою собственною правительством своего властия и законами благополучно! Да процветают в каждой земле, ко всеобщему благоденствию народов вера, язык, науки, художества и торговля! Сие есть намерение наше, а не продолжение брани и разорения. Неприятели, вступая в средину царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели за оное страшную казнь. Гнев божий поразил их. Не уподобимся им: человеколюбивому богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. Забудем дела их, понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку. Слава Россиянина низвергать ополченного врага,

и по исторжении из рук его оружия благодетельствовать ему и мирным его собратьям»²⁹. Александр I апеллирует к основам православной веры: «любите враги ваша, и ненавидящим вас творите добро». Он призывает к кротости, великодушию, христианскому благочестию, сохранению доброго имени и славы «мужественного и добронравного народа», но, одновременно, (как это было и в конце обращения Барклея де Толли) напоминает о «строгим мерах», к которым прибегнут командиры по отношению к непослушным³⁰.

Этот приказ будет распространяться во Франции наравне с декларациями и прокламациями союзников³¹.

Для сравнения отметим, что другие сюзерены и командующие могли быть гораздо менее внимательны к чувствам французов и не слишком сдерживаться в своих речах и прокламациях.

24 декабря 1813 г. король Пруссии Фридрих-Вильгельм во Франкфурте на Майне также подписал прокламацию «К моей армии». Но в этой прокламации не было призывов к миролюбию, прощению и т. п. Король сообщал, что он уже утвердил новую награду – Железный крест – для тех, кто отличится в наступающей кампании. Также из пушечного металла, что захвачен у врага, решено отчеканить медаль с надписью «1813 год». С цветами плакетки пока еще он не определился, но за этим дело не станет. В завершение выражалась надежда, что 1814 г. будет годом завершения «нашей благородной борьбы», чему, кстати, будет посвящена еще одна медаль³².

Довольно прямолинейен был и прусский командующий Силезской армией Г. Л. Блюхер. В своей прокламации от 1 января жителям левобережного Рейна он не слишком заботился об умеренности оборотов речи. Сначала заявлялось, что Силезская армия пересекла Рейн в целях установления мира и независимости наций, поэтому «все жители городов и деревень могут спокойно оставаться в своих домах, а работники на своих постах продолжать выполнять свои обязанности». Но далее следовало грозное предупреждение: все коммуникации с правительством Наполеона следовало прекратить. Те же, кто нарушит этот приказ, будут признаны виновными в измене, предстанут перед военным судом и будут наказаны смертью³³.

Вслед за приказом Александра I от 6 января последовал приказ Шварценберга от 8 января из Монбейера о порядке и дисциплине в армии. В связи со вступлением союзнических войск на территорию Франции Шварценберг обращает внимание командующих дивизиями, что те должны напомнить командирам полков, батальонов, отрядов о необходимости поддержания порядка, соблюдения дисциплины и хорошего поведения солдат по отношению к местным жителям, чтобы не требовали ничего сверх установленных армейских тарифов. В приказе Шварценберг обратил внимание, что о соблюдении дисциплины

и порядка войсками много говорится в декларациях и обращениях суверенов к французскому народу. И поведение солдат союзников должно подтвердить гарантии, данные суверенами и их заверения, что война ведется не с французами, а только ради прочного мира. И современники, и потомки должны быть восхищены не только храбростью, но и отличной дисциплиной солдат. Всякое нарушение будет караться со всей строгостью военного времени³⁴.

Но в заключение, как это было и у Блюхера, говорилось, что всякий француз, захваченный с оружием, будет отправлен к командиру дивизии, предстанет перед военным трибуналом и будет приговорен к смерти. Равно все города и деревни, в которых союзники встретят сопротивление со стороны местных жителей, будут преданы огню³⁵.

После занятия Нанси Блюхер обратился 20 января к горожанам с пространном обращением, в котором удивительным образом сочетал национальную риторику и коммерческую аргументацию. Новоиспеченный генерал-фельдмаршал заверял, что это «Провидение и справедливость» привели войска союзников на территорию Франции. Вся Европа поднялась против амбиций человека, который 14 лет деспотически управлял Францией. Чтобы обеспечить свою безопасность народы с берегов Волги, Дуная, Эльбы и т. д. покинули свои жилища и пришли во Францию. Некоторые из них долгое время были дружны с французами, но, вдруг, стали врагами. Почему? Из-за амбиций одного единственного человека. Посмотрите на португальцев, на голландцев, которые сбросили иго и взялись за оружие. Справедливость восторжествовала, в двух кампаниях исчезли 600 000 французов – «несчастные жертвы амбиции щедрого расточителя крови народа, которому сам он был чужаком»³⁶. Так, Наполеон оказался противопоставлен французам и в национальной отношении.

И для чего было пролито столько крови? Блюхер едва ли не сентиментален: «Целое поколение истреблено войной», промышленность, сельское хозяйство, торговля в упадке и население стонет под тяжестью налогов. Немец обращается к французам: жандармы все еще собирают ваших детей под знамена, чтобы защищать обогатившихся на грабежах и бесчестных махинациях. Несчастный народ! Храбрость наших войск приведет нас к победе, «мы завоюем нашу национальную независимость и свободу торговли», наперекор вашему хозяину, который хотел закрыть все порты, что Провидение дало народам. Блюхер не обещал французам избавить их от всех тех зол, что влечет за собой война, но он обещал их минимизировать³⁷.

Командующий корпусом Ф. Ф. Винцингероде в своей прокламации из Намюра от 5 февраля 1814, как и Шварценберг, ссылается на заявления союзных суверенов: читайте прокламации союзных суверенов и увидите, что главное их желание – желание мира. Расспросите своих

соотечественников о том, как обходятся с ними наши солдаты, и вам скажут, что наши солдаты вступают в ваши города как друзья. Винцингероде убеждает: встречайте хорошо наших солдат, и они не попросят у вас ничего кроме пищи, а если будут какие-то эксцессы, то сообщайте о них лично мне: «вы в любой час найдете меня готовым вас выслушать и наказать тех, кто нарушает приказы моего суверена, осмеливаясь обижать или грабить французов»³⁸. Пусть каждый гражданин остается в своем жилище, а каждый функционер – на своем рабочем месте (им будет оказано соответствующее уважение), что поможет избежать беспорядков: «Мы воюем только с солдатами Наполеона». Заканчивается прокламация предостережением: если хоть один житель откажется от условий этой мирной оккупации и возьмется за оружие, то целые селения будут отданы для мести казаков³⁹.

Некоторые прокламации были реакцией на пропаганду наполеоновских властей.

Короткая, но эмоциональная прокламация Шварценберга из Везуля от 19 января – прямой ответ на клеветническую пропаганду наполеоновского правительства. Прокламация гласила, что правительство, которое желает, как и все остальные нации Европы мира, должно отказаться от клеветнических листовок, содержащих самые тяжкие оскорбления. Нельзя без возмущения читать речь Ф. П. Сегюра, произнесенную им в Труа 2 января, в который он осмелился заявить, что союзники потребовали от муниципалитета Базеля контрибуцию в 2 млн. Какое доверие может внушать правительство, которое столь грубую ложь, публикует в официальном документе?! «Повсюду, где прошли союзнические армии, они просили только мира и дружбы», только такой контрибуции жаждут их сердца, – уверял Шварценберг⁴⁰.

В другой прокламации от 10 марта, которая начинается словами «Французы, вас призывают к восстанию», Шварценберг предупреждает: если французы хотят избавиться от оккупации (понятно, что ситуация в оккупированных департаментах, вынужденных кормить войска союзников, была весьма сложной), то они должны заставить свое правительство заключить предлагаемый союзниками мир. Принять или не принять предложения Европы о мире зависит только от французского правительства. Союзники вовсе не хотят захватывать Франция, но они хотят мира, который бы установил как у них, так и в самой Франции прочное спокойствие. Французам обещалась национальная независимость: «ни вы, ни ваши дети больше не будут проливать кровь за чуждые вам интересы». Только после заключения мира иностранные армии покинут территорию Франции. Если же французы поддадутся на уговоры правительства и продолжат сопротивление, это обернется против них⁴¹.

Эта прокламация – ответ на призыв французского генерала Ж. А. Ф. Алликса от 6 марта к всеобщему восстанию.

Другим ответом на этот призыв стал приказ Шварценберга из Труа от того же числа. По этому приказу всякий гражданский, который будет задержан с оружием в руках, должен был быть приравнен к военнопленному и отправлен «в отдаленные провинции одного из союзных государств». Тот же, кто убьет или ранит солдата союзников, будет в 24 часа предан военно-полевому суду. Всякая коммуна, в которой будут бить в набат, чтобы поднять народ на сопротивление союзникам, будет сожжена⁴². Вводилась коллективная ответственность: если коммуна как-то связана с убийцей, то она выплачивает контрибуцию: коммуны в 20 тыс. жителей платят 500 000 франков контрибуции, от 10 до 20 тыс. жителей – 300 000 франков, от 5 до 10 тыс. – 200 000 франков, от 1,5 до 5 тыс. – 100 000 франков, менее 1,5 – в пропорции аналогичной их средствам. Командирам отрядов разрешалось брать заложников из наиболее видных горожан. Оказавшие массовое сопротивление коммуны подлежали разграблению и сожжению. Те, кто будут замечены в распространении воззваний Алликса, будут приравнены к шпионам и расстреляны⁴³.

Прокламации издавались от имени суверенов, командующих армиями, командующих корпусами. Командирам летучих отрядов предписывалось лишь распространять эти декларации, и излишняя инициатива в этом отношении пресекалась. Так, командир летучего отряда Ф. Гейсмар, который был назначен служить под началом командующего всеми саксонскими войсками герцога Карла Августа Саксен-Веймарского, принялся распространять прокламации, которые содержали прямой призыв в пользу Бурбонов: «... Людовик XVIII, ваш соотечественник, ваш законный король, прибыл на континент. Уже тысячи его сторонников объединились вокруг него. Поторопитесь последовать этому прекрасному примеру. Не мешкайте, чтобы сменить иностранного тирана на отца, рожденного среди вас»⁴⁴. Но распространение по указанию герцога Саксен-Веймарского пробурбоновских прокламаций вызвало негативную реакцию со стороны Александра I. Содержание таких прокламаций через начальника штаба 3-го корпуса герцога Саксен-Веймарского барона Л. Вольцогена было доведено до сведения начальника главного штаба Александра I князя П. М. Волконского, а через него и до русского императора. Со стороны последнего последовало довольно строгое порицание. Волконский писал 5 марта герцогу Саксен-Веймарскому, что Александр I «очень недоволен поведением полковника Гейсмара», который издает прокламации и вступил в связи с «авантюристом Фришаром» (написание его фамилии варьировалось). Со слов начальника штаба, Александр I полагал, что не дело офицера заниматься политическими делами и настаивал на прекращении издания и распространения подобных прокламаций⁴⁵.

Вопрос о том, какой эффект на население Франции имели эти прокламации, потребует специального исследования, но, что определенный эффект был, признавали и сами современники, и историки. Многие французские провинциальные чиновники отказались от идеи организовать сопротивление наступающим частям союзников, боясь мести и репрессий с их стороны. Как вспоминал П. Бери, вступлению союзников в Лангр и Шомон предшествовали успокаивающие прокламации, в которых утверждалось, что союзники не злопамятны и намерены добиться у населения расположения в свою пользу. Поэтому их ждали и их встречали как друзей и освободителей от деспотизма⁴⁶.

Прокламации союзников использовались внутренними противниками наполеоновского режима. А. Россиньо, утверждал, что «дерзость врагов императорского режима возросла». В качестве доказательства он приводит обзор вражеских прокламаций, представлявших союзников как «друзей человечества», который был отправлен по почте подписчикам «Journal de l'Empire». А. Россиньо также процитировал отрывки из нескольких обнаруженных им в частной библиотеке прокламаций, составленных, как он, видимо, полагал, роялистами: «Французы не верьте слухам, распространяемым клеветниками, смотрите на армии союзных суверенов только как на друзей человечества, которые являются врагами только для врагов мира. Ваши родители, ваши друзья, ваши братья, ваши дети содержатся в заключении в чужих землях, присоедините их голоса к нашим во имя мира, который будет для них означать возвращение к семьям»⁴⁷.

Автор другой прокламации, которая называется «Один француз французам», сетовал на нынешние разрушения и разорения его родины, которую ее «отчее правительство» когда-то сделало столь счастливой. Автор задает риторическим вопросом о том, можно ли надеяться на мир, когда правительство Франции все делает для того, чтобы война затянулась до бесконечности, чтобы ожесточить союзников, которые дали священное обещание покинуть территорию Франции, как только Европе будет гарантирован стабильный мир⁴⁸.

Прокламации союзников, по словам А. Колленкура, были большим злом, чем их оружие. А. Шюке полностью с ним согласен: «Искусные, примирительные, полные предосторожностей, опускающие факты, которые могли бы задеть самолюбие или возбудить умы, – они отделяли императора от нации»⁴⁹. Не хотевшие больше воевать французы верили тому, чему (и кому) хотели верить: поражения и экономический кризис имели следствием, отмечает Т. Ленц, падение популярности императора как среди знати, так и среди народа⁵⁰. Ленцу вторят и другие современные исследователи: многие тогда во Франции принимали заявления союз-

ников за чистую монету, полагая, что Наполеон напрасно отказывается от предлагаемого мира. В государственных элитах с ноября 1813 г. нарастали пораженческие и капитулянтские умонастроения⁵¹.

Пропаганда стала для союзников не только средством внести раскол в правящие элиты, но и противоядием от партизанской войны, на которую рассчитывал Наполеон: местному населению разъясняли, а своим солдатам строго грозили. Прокламации, обращенные к французскому народу, содержали в себе три основных образа: Наполеона, настоящего и будущего Франции, союзников.

Упоминание императора Франции соседствует в текстах прокламаций с такими лексемами, как «иго», «гегемония», «деспотизм», «личные амбиции». Иногда Наполеона прямо называют не французом, а чужестранцем. Император недоговороспособен, его интересы противоречат интересам французского народа.

Французскому народу указывали на упадок в настоящее время экономики, на тяжесть налогов, на угнетение, на понапрасну пролитую кровь, на детей и отцов семейств, оторванных от дома и томящихся в далеком плену. А в будущем французам обещают целостность страны, независимость, спокойствие, стабильность, процветание, богатство, счастье, мирное сосуществование как равных с равными.

Наконец, союзники предстают в прокламациях как мудрые, миролюбивые, отменно дисциплинированные, доброжелательные, обходительные, уважающие общественный порядок, не мстительные, а умеющие прощать, верные христианским принципам кротости и великодушия, мужественные и добронравные одновременно. Но в то же время любящие свою родину, независимость, сильные, решительные, последовательно добивающиеся своей цели и умеющие наказывать непослушных.

Союзником удалось реализовать известный принцип: разделить и властвовать. Французов убедили, что война ведется не с ними, а с Наполеоном и, если население будет оставаться спокойным и не оказывать сопротивления, ему будут гарантированы неприкосновенность личности и имущества. Историки почти единодушны в оценке реакции французам: начавшееся вторжение если и ужаснуло население, то оставило его безучастным. Как с сарказмом отмечал А. Уссэ, казаки, башкиры, калмыки не были членами Тугендбунда и эти прекрасные прокламации и суровые приказы или вообще не дошли до сознания этих неграмотных дикарей или были очень скоро забыты⁵². Поэтому сопротивление интервентам будет нарастать, но эта тема для отдельного разговора.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

Примечания

- ¹ *Hanley W.* The Genesis of Napoleonic Propaganda, 1796 to 1799. Columbia University Press, 2005. URL: <http://www.gutenberg-e.org/haw01/frames/fhawack.html>). О том же, в сущности, писал и Д. М. Туган-Барановский: «Но в огромной литературе остались в тени, на мой взгляд, весьма существенные вопросы: какими способами Наполеон достигал политического успеха и какое место в достижении этого успеха он отводил общественному мнению?». См.: *Туган-Барановский Д. М.* «Лошадь, которую я пытался обуздать» (печать при Наполеоне) // Новая и Новейшая история. 1995. № 3. С. 158.
- ² *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967. В. Г. Сироткин, когда говорил о «фронте военно-дипломатической пропаганды», дополняясь другие фронты Наполеоновских войн, имел в виду в первую очередь газетную публицистику. См.: *Сироткин В. Г.* Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804–1815 гг. // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. М., 1987. С. 222–243; *Его же.* Наполеон и Александр I. М., 2003; *Губина М. В.* «Война перьев» в 1812 году // Французский ежегодник. 2013. М., 2013. С. 194–200. На другом полюсе – многочисленные статьи отечественных и зарубежных авторов по истории Наполеоновской эпохи с общей постановкой темы: «то-то и то-то на страницах газеты такой-то»...
- ³ *Compton T. E.* Napoleon and the Moniteur // Royal United Services Institution. Journal. 1919. Vol. 63, № 454. P. 255–270; *Holtman R.* Napoleonic Propaganda. Baton Rouge, 1950; *Leith J. A.* The Idea of Art as Propaganda in France, 1750–1799. Toronto, 1965; *Durand Ch.* Quelques idées de Napoléon sur le régime de la presse // Société belge d'études napoléoniennes. 1969. № 69. P. 17–25; *Hanley W.* The Genesis of Napoleonic Propaganda, 1796 to 1799. Columbia University Press, 2005; *Беглов С. И.* Наполеоновская пропаганда – орудие диктатуры и экспансии победившей буржуазии // Внешнеполитическая пропаганда. Очерк теории и практики. М., 1981. С. 236–242; *Митрофанов А. А.* Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды // Французский ежегодник. 2006. Наполеон и его время. К 100-летию А. З. Манфреда (1906–1976). М., 2006. С. 130–145; *Промыслов Н. В.* Французская пропаганда о России накануне и во время войны 1812 года // История: электронный науч.-образоват. журн. 2013. Т. 4, вып. 1(17). Не считая таких обобщающих работ по истории прессы во Франции при Наполеоне, как: *Welschinger H.* La Censure sous le premier empire. P., 1887; *Terrou F.* Histoire générale de la presse française. Vol. 1, Des origines à 1814. P., 1969; *Cabanis A.* La presse sous le Consulat et l'Empire 1799–1815. P., 1975; *Тарле Е. В.* Печать во Франции при Наполеоне I // Собрание сочинений: в 12 т. М., 1958. Т. 4; *Туган-Барановский Д. М.* «Лошадь, которую я пытался обуздать»... С. 158–179; *Гладышев А. В.* «Казаки» и антирусская наполеоновская пропаганда в 1814 г. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 70–76.
- ⁴ *Абалихин Б. С.* Русская армейская пропаганда и на-

- ционально-освободительное движение в Германии (1812–1813 гг.) // Из истории национально-освободительной борьбы в дореволюционной России. Волгоград, 1968. С. 102–110 ; *Его же*. Военно-публицистическая деятельность русского командования среди солдат и населения Германии в 1812–1813 гг. // Бесмертная эпопея : к 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988. С. 243–260 ; *Горбунов А. В.* Характеристика неприятеля в русских армейских листовках 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы VII Всерос. науч. конф. (Бородино, 1998 г.). Бородино, 1999. С. 6–13 ; *Мельникова Л. В.* Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг. : формирование образа внешнего врага // История : электронный науч.-образоват. журн. 2013. Т. 4, вып. 4 (20) ; *Йор Й.* Движение протеста и антинаполеоновская пропаганда в Голландии 1806–1813 гг. // История : электронный науч.-образоват. журн. 2012. Т. 3, вып. 4 (12). С. 265–294.
- 5 *Могилевский Н. А.* От Немана до Сены : заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. М., 2012. С. 171.
  - 6 *Rey P.-M.* 1814, un tsar à Paris. P., 2013. P. 69.
  - 7 Рапорт составлен до 8 (20) ноября 1813 г. См.: *Безотосный В. М.* Наполеоновские войны. М., 2012. С. 297.
  - 8 Докладная записка А. И. Чернышева императору Александру I // Сборник Русского исторического общества : в 148 т. 1906. Т. 121. С. 232–235.
  - 9 *Rey P.-M.* Op. cit. P. 70.
  - 10 На этой фразе из декларации обычно и акцентирует внимание историки. См.: например : *Weil M.-H.* La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne : la cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814. 4 t. P., 1891–1896. Т. 1. P. 5.
  - 11 Декларация эта вошла в различные сборники документов, публиковалась в качестве приложения к исследованиям или просто щедро цитировалась на страницах книг. См. : *Koch C.-G.* Histoire abrégée des traités de paix, entre les puissances de l'Europe, depuis la Paix de Westphalie. Bruxelles : Gide, 1818. Т. 10. P. 370–372 ; *Develay V.* La France devant les deux invasions 1814–1815. Pièces Justificatives. P., 1864. P. 223–225 ; *Rey P.-M.* Op. cit. P. 70–71.
  - 12 Аналогичная пропаганда велась и в других землях : массово издавались и распространялись обращения к населению Польши и Германии. В них подчеркивалась освободительная миссия русской армии. Сообщалось, например, что специальным указом Александр I амнистировал всех тех поляков, которые служили Наполеону.
  - 13 *Rey P.-M.* Op. cit. P. 70.
  - 14 *Ibid.* P. 71–72.
  - 15 Journal de l'Empire. 1814. 04.01. P. 2.
  - 16 *Muffling F. K. F.* Passages from my life : together with memoirs of the campaign of 1813 and 1814. L., 1853. Цит. по: *Hantraye J.* Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. P., 2005. P. 228.
  - 17 Recueil de pièces officielles destinées à détromper les François sur les événemens qui se sont passés depuis quelques années : Campagne de 1814. Т. 2. P., 1814. P. 3. Еще одна нота Каподистрии будет передана ландману 31 декабря. В ней обещался возврат Конфедерации завоеванных Францией территорий и свободное утверждение желаемой швейцарцами конституции. См.: Recueil de pièces officielles... P. 20–22. На эти обращения 4 января из Цюриха будет получен благожелательный ответ.
  - 18 Recueil de pièces officielles... P. 5.
  - 19 *Ibid.* P. 7.
  - 20 *Ibid.* P. 11–12.
  - 21 *Ibid.* P. 16–18. Цитируется у Дюмениля. См.: *Dumenil A. J.* Les Cosaques dans le Gatinais en 1814. Paris, 1880. P. 8.
  - 22 24 декабря в полдень войска союзников вступили в принадлежавший тогда Франции Поррентруи ; в городе распространили прокламацию Шварценберга от 21 декабря. См.: *Heyer V.* Dernières batailles napoléoniennes dans le Haut-Rhin : invasions de 1813, 1814 et 1815. Réchésy, 2009. P. 106. Когда 30 декабря Платов получил приказ перейти Рейн и выдвинуться к Вогезским горам, то помимо прочего казакам вменялось «распространение в муниципалитетах прокламаций к французскому народу». См.: *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 1. P. 33–34.
  - 23 Во главе департамента Вогезы поставлен баварец граф Йозеф-Людовик Армансперг (*Armansperg*), который в специальной прокламации, обращенной к вогезцам, утверждал, что он хочет управлять «как по справедливости, так и по-отечески». См.: *Bouvier F.* Les Premières combats de 1814 : prologue de la campagne de France dans les Vosges. P., 1895. P. 138.
  - 24 Recueil de pièces officielles... P. 24. То, что это обращение Баркляя де Толли отражает позицию Александра I прямо свидетельствует письмо от 24 декабря (5 января) из Базеля Баркляя де Толли М. И. Платову. В этом письме сообщается, что главная квартира 26 декабря (7 января) переходит в Алткирх, куда должен был следовать и отряд Платова. При этом движении предписывалось соблюдать строжайшую дисциплину и порядок, «наказывая без всякого послабления всякое насилие и грабеж, несмотря ни на какое лицо, ибо раздражение жителей повлечет за собою весьма неприятные последствия и поставит преграду благонамеренной цели Государя Императора». См.: Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. : сб. документов. Ростов н/Д, 2012. С. 521.
  - 25 Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 152.
  - 26 *Rey P.-M.* Op. cit. P. 72. То же см.: *Mir J.-P.* La Bataille de Paris. P., 2004. P. 32.
  - 27 *Rey P.-M.* Op. cit. P. 61–62.
  - 28 *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание похода во Францию в 1814 году : в 2 т. СПб., 1836. Т. 1. С. 57.
  - 29 Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов... С. 151.
  - 30 Там же. С. 152. Ср.: Recueil de pièces officielles... P. 28–29.

- ³¹ 12 февраля 1814 г. мэру города Пуизо (Puisseaux) передали отпечатанный экземпляр приказа от 25 декабря 1813 г. (6 января 1814 г.), адресованного Александром I русским солдатам, в котором император «призывал отказаться от мести и ненависти и вести себя по отношению к гражданским лицам дружески, ибо это против чести русского человека плохо обращаться с безоружным врагом». Дюмениль посчитал, что этот призыв к умеренности сделан «под вдохновением великого религиозного волнения» и «под влиянием успехов русского оружия». См.: *Dumesnil A. J.* Op. cit. P. 23.
- ³² *Recueil de pièces officielles...* P. 18–20. Короткая прокламация шведского короля от 12 февраля 1814 г., в которой он позиционирует себя перед французами как защитник интересов шведского народа, все еще переживающий за своих бывших соотечественников. Карл XIV Юхан заверяет, что суверены не хотят войны наций, но они хотят, чтобы государства были независимы. Все «просвещенные люди» хотят сохранить Францию, но они хотят, чтобы она больше не была бичом людей. См.: *Recueil de pièces officielles...* P. 97.
- ³³ *Dumesnil A. J.* Op. cit. P. 9.
- ³⁴ *Recueil de pièces officielles...* P. 30–31.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Ibid. P. 48.
- ³⁷ Ibid. P. 49.
- ³⁸ Ibid. P. 86.
- ³⁹ Ibid. P. 88.
- ⁴⁰ Ibid. P. 45.
- ⁴¹ Ibid. P. 169.
- ⁴² Ibid. P. 171.
- ⁴³ *Recueil de pièces officielles...* P. 172.
- ⁴⁴ *Fauchille P.* Une chouannerie flamande au temps de l'empire (1813–1814) : Louis Fruchart, dit Louis XVII, d'après des documents inédits. P., 1905. P. 223. Подробнее см.: *Гладышев А. В.* «Летучий» отряд Ф. К. Гейсмара в кампании 1814 года // Военно-исторические исследования в Поволжье : сб. науч. тр. Саратов, 2014. Вып. 10. С. 140–184.
- ⁴⁵ *Weil M.-H.* Op. cit. T. 4. P. 454. См. также: *Fauchille P.* Op. cit. P. 223.
- ⁴⁶ *Bérault P.* L'Empereur Alexandre à Bar-sur-Aube en 1814. P., 1816. P. 7.
- ⁴⁷ Н. А. Могилевский ссылается на обнаруженное в архиве воззвание к гражданам Франции, которое текстуально совпадает с цитируемой Россиньо прокламацией : «Французы! Не верьте ложным слухам, которые распускают недоброжелатели; расценивайте союзных монархов только как сторонников милосердия, которые сражаются лишь с противниками мира». См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4120. Ч. 1. Л. 91. Цит. по: *Могилевский Н. А.* От Немана до Сены : заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. М., 2012. С. 217.
- ⁴⁸ *Rossigneux A.* Un chapitre de l'Histoire d'Auxere. L'année 1814 // Bulletin de la Société des sciences historiques et naturelles de l'Yonne. 1911. T. 15 (65). P. 87, 106–107 note.
- ⁴⁹ *Chuquet A.* L'Alsace en 1814. P., 1900. P. 75.
- ⁵⁰ *Lentz T.* Nouvelle histoire du Premier Empire. T. 2. L'effondrement du système napoléonien 1810–1814. P., 2004. P. 497.
- ⁵¹ *Jego Y.* La campagne de France. P., 2013. P. 37.
- ⁵² *Houssaye H.* 1814. P., 1900. P. 47.

Образец для цитирования:

Гладышев А. В. Антинаполеоновская пропаганда союзников и кампания 1814 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 480–488. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-480-488.

Cite this article as:

Gladyshev A. V. The Anti-Napoleonic Propaganda of the Allies and the Campaign of 1814. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 480–488 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-480-488.

УДК 327.83

ИСЛАМ В КОЛОНИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ФРАНЦИИ В ТУНИССКОМ ПРОТЕКТОРАТЕ В 1881–1914 ГОДАХ

Н. Б. А. Каздагли

Каздагли Нежмеддин Бен Абделькадер, кандидат исторических наук, старший преподаватель истории и русской культуры, Высший институт языков Туниса, Университет Картаж, Тунис, Тунисская Республика, kazlabarum@gmail.com

В статье исследуется роль исламского фактора во французской колониальной политике в протекторате Тунис на протяжении 30 лет – от захвата Туниса Францией до начала Первой мировой войны. Автору удается четко выделить два основных этапа французской стратегии в отношении исламских институтов Туниса, дать анализ основного содержания этой политики и ее долгосрочных последствий. Особое внимание в статье уделено позиции, которую занимало исламское духовенство – улемы Туниса – по отношению к французской оккупации и зарождающемуся национально-освободительному движению.

Ключевые слова: французский колониализм, Тунис, ислам, улемы, светские реформы, традиционализм.

Islam in the Colonial Strategy of France in the Tunisian Protectorate in 1881–1914

N. B. A. Kazdaghli

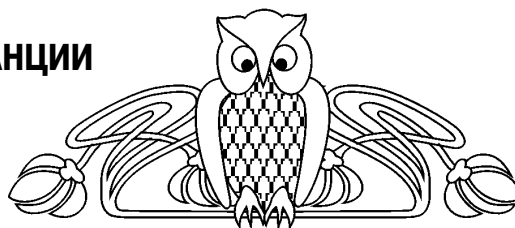
Nejmeddine B. A. Kazdaghli, ORCID 0000-0002-7440-4732, Higher Institute of Languages, Tunis (Universit de Carthage), BP-77, Rue Ibn Maja, cite El Khadra, Tunis, Tunisie, 1054, kazlabarum@gmail.com

The article investigates the role of the Islamic factor in French colonial policy in the protectorate of Tunisia for 30 years – from the capture of Tunisia by France to World War I. The author manages to allocate two main stages of the French strategy concerning the Islamic institutes of Tunisia, to give the analysis of the main maintenance of this policy and her long-term consequences. Special attention in article is paid to a position which was taken by Islamic clergy – ulama of Tunisia – in relation to the French occupation and the arising national liberation movement.

Key words: French colonialism, Tunisia, Islam, ulama, Secular reforms, traditionalism.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-489-494

На протяжении длительного времени, начиная с XVII в., Франция стремилась укрепиться в Тунисе, подорвав там турецкое влияние. Установление французского протектората над Тунисом было логическим завершением финансово-экономического, политического и военного покорения Магриба французами. Непосредственный захват произошел в 1881 г., когда был спровоцирован пограничный инцидент, и французские войска 12 апреля получили приказ перейти тунисскую границу. Бей Туниса Мухаммед ас-Садок принужден был подписать навязанный французами до-

говор об установлении протектората над страной. Теоретически в соответствии с буквой договора Тунис сохранил национальную государственность и, вместе с ней, все внешние атрибуты суверенитета – флаг, герб, правительство, суд и даже национальную армию. Юридически Тунис сохранил также монархическую форму правления. На деле вся полнота власти принадлежала генеральному резиденту Франции.

Режим протектората был значительно выгоднее для Франции по сравнению с откровенной аннексией, как это было в Алжире. Во-первых, он вызывал меньшую тревогу у других великих держав, заинтересованных в сохранении паритета сил в этой части Средиземноморского бассейна. Во-вторых, режим протектората на первых порах создавал видимость будто ничего, кроме «небольших» изменений в старом порядке вещей, не произошло. Поэтому он мог быть легче воспринят коренным населением страны и таким образом избавлял от необходимости проводить длительную и дорогостоящую военную экспедицию. Глава французской католической миссии в Тунисе кардинал Лавижери сказал по этому поводу: «Режим протектората в Тунисе позволил нам сэкономить на религиозной войне»¹.

Французская колониальная стратегия формируется уже в первое десятилетие Третьей республики (1870–1880). Лидер Республиканской партии Жюль Ферри, занимавший пост главы правительства Франции в 1880–1881 и 1883–1885 гг., был основным инициатором колонизации на практике и стал ведущим ее теоретиком. Доктрина Ферри содержала в себе откровенно захватнические цели, прикрываемые аргументами гуманистического характера: колониальный патернализм подразумевал распространение среди «варварских» рас благоденствия Науки, Разума и Свободы. Однако у этой либеральной колониальной стратегии были оппоненты в лице сторонников жесткой линии. И «колонизаторы», и «либералы» преследовали единую цель – утверждение господства Франции в Тунисе, но они не были едины в выборе формы и средств. «Колонизаторы» настаивали на аннексии и прямом правлении, полагаясь при этом на применение силы; «либералы» предпочитали протекторат при сохранении внутреннего суверенитета Туниса, действуя через создание базы поддержки со стороны местного населения. Карт-бланш на проведение преобразований в вновь образованном протекторате был дан постоянному посланнику Франции в Тунисе,

генеральному резиденту с 1882 по 1886 г. Полю Камбону. Талантливый дипломат, противник прямой аннексии, он сумел взять верх в конфликте с главнокомандующим французскими войсками в Тунисе генералом Буланже, представителем правых политических кругов Франции.

П. Камбон проявил осторожность и такт в осуществлении продиктованных из Франции и разработанных в ее министерствах юридической, административной и финансовой реформ. Уже первая из них, юридическая, требовала более внимательного отношения к религиозным чувствам местного населения. В 1883 г. началось введение в Тунисе французского законодательства и организация французских судов. Из дипломатической переписки того времени известно о трудностях, с которыми пришлось столкнуться властям протектората в ходе проведения юридической реформы. Один из иностранных консулов в Тунисе писал: «французам едва ли удастся победить упорное сопротивление мусульманского духовенства и вместе с ним Бея и подчинить без насилия действию своего судопроизводства тунисских мусульман. Замена священного, обычного права (“шариат”) постановлениями Наполеоновского кодекса (Наполеоновский кодекс – французский гражданский, коммерческий и уголовный кодексы норм буржуазного права, выработанных при личном участии Наполеона. – *Н. К.*) была бы для последних крайне тягостна. Пример неудачного опыта подобной замены налицо – в Алжире. Тамоснее население не может по сию пору свыкнуться с французским законодательством, противоречащим коренным образом складу жизни и верованиям мусульман»². Администрация протектората решила не вмешиваться в мусульманское религиозное правосудие. Бейский суд, рассматривавший уголовные дела тунисцев, продолжал работать в столице под присмотром французской администрации. Это был, безусловно, дальновидный шаг властей протектората.

Отказ от открытого вмешательства в дела религии и культа объяснялся самими французами как духом патернализма, свойственным Франции, так и политическими соображениями: «Франция хотела сохранить верования и традиции мусульманских народов, которых она колонизовала. Это был, без сомнения, политический расчет. Вместе с тем это было проявлением французского либерального духа и врожденного уважения к религиозным ценностям. Разве входит в задачу опекуна ломать мебель в старом доме, который берут на сохранение?» – рассуждал французский социолог А. де Монтети³.

Последователи П. Камбона на посту генерального резидента Франции в Тунисе Ж. Массико (1886–1892) и Р. Мийе (1894–1900) продолжили его либеральный курс. Они сделали ставку на исламский модернизм. Так как автохтонное население Туниса в религиозном отношении было в подавляющем большинстве однородно и испо-

ведовало ислам суннитского толка, французская администрация уделяла основное внимание тому влиянию, которое ислам оказывал на урбанизованное население. Французы прилагали максимум усилий для поддержки прогрессивных элементов в тунисском обществе. Стратегия в отношении веры крестьян и кочевников – так называемого народного ислама, который характеризовался деятельностью религиозных братств и культом святых, – была также гибкой. Деятельность 17 религиозных братств и 178 завий (обителей) марабутов постоянно отслеживалась французскими властями⁴. В 1883 г. они отменили право убежища в завиях, отчего братства и марабуты лишились возможности непосредственно влиять на политику. Но известно, что в 1890-е гг. власти протектората обеспечивали лояльность со стороны братства Тиджания освобождением от налогов его членов.

Самым мощным и действенным из новых средств колонизации стало европейское образование. Создание новой европеизированной, получившей французское образование интеллигенции, которую в Тунисе стали называть «эвалюэ», было предметом особой заботы властей протектората. Французы отводили этим людям двойной культуры, просвещенные взгляды которых признавали способность ислама к обновлению, роль посредников между новыми властями и традиционным обществом.

Первым примером сотрудничества подобного рода стало создание в 1888 г. газеты на арабском языке «Аль-Хадира». Газету, субсидируемую французскими властями, возглавил 29-летний Али Бушуша, получивший образование в Англии. Администрация протектората так формулировала основную задачу газеты: «Мы готовим общественное мнение для восприятия наших реформ. Газета пользуется авторитетом у местной публики. Ее редакторы – хорошие мусульмане и в то же время знают современные запросы Туниса»⁵. Редакция «Аль-Хадиры» вела агитацию с умеренно-либеральных позиций, затрагивая такие темы, как совместимость ислама с научным прогрессом, современным образованием. Например, статья, посвященная образованию женщин, начиналась так: «Многие наши единоверцы убеждены в том, что женщина должна быть изолирована от любых проявлений общественной жизни... Они ошибаются: мусульманка должна быть образована». Но, оставаясь умеренным в своих требованиях и не переходя границ дозволенного, автор пишет далее: «Мы никогда не посоветуем вам отправлять дочерей в школы, мы лишь утверждаем, что девочки могут получать образование путем, согласующимся с принципами ислама»⁶.

Система образования Туниса традиционно считалась сферой влияния мусульманского духовенства. Поэтому, когда в 1896 г. было образовано просветительское общество «Аль-Джамиа аль-Халдуния» – еще один плод сотрудничества французских либералов и тунисских интеллектуа-

лов, это вызвало беспокойство и неприятие среди улемов. Общество, которое финансировалось властями протектората и имело целью распространение среди тунисцев современных знаний на арабском языке, было задумано как придаток к мусульманскому университету аз-Зейтуна. Этот оплот ислама, основанный еще в IX в., ко времени установления протектората пришел в упадок. Образование, которое там давалось, было религиозным и по своему духу могло сравниться с европейским университетом XIII в. После появления «Аль-Джамиа аль-Халдуния» студенты этого религиозного учебного заведения получили возможность дополнять свое традиционное образование современными предметами. Обществу удалось привлечь к сотрудничеству лишь нескольких улемов, согласившихся преподавать там классический арабский язык.

В 1898 г. власти протектората решили, что пора приступить к реформированию и самой цитадели исламского образования – университета аз-Зейтуна. Один из высокопоставленных сотрудников французской администрации в Тунисе, директор отдела образования Л. Машюэль писал: «Я мечтал иметь в Магрибе, который теперь находится под французским контролем, арабский интеллектуальный центр, влияние которого простиралось бы и на другие арабские страны – нечто вроде исламского университета, где арабские студенты будут получать современные знания при современном уровне преподавания... Эта мечта могла быть реализована – ведь кроме старых реакционных преподавателей здесь были и другие – молодые и более открытые прогрессу, способные поддержать наши реформы. Но эти реформы следовало проводить с крайней осторожностью и осмотрительностью, необходимо было сначала подготовить тунисцев к их восприятию»⁷.

Л. Машюэль отмечает негативную роль генерального резидента Р. Мийе, человека амбициозного и нетерпеливого – «хорошего администратора, но имевшего недостаточно опыта обращения с институтами и людьми Туниса». Генеральный резидент «хотел преобразовать аз-Зейтуну радикально, реформируя обучение, методы, традиции и даже дух мечети»⁸. Согласно предложенному Р. Мийе плану аз-Зейтуна должна была стать еще более влиятельным и известным центром исламского обучения, чем аль-Азхар в Египте. Тем самым и Франция превращалась в величайшую «исламскую» державу, лишив Великобританию, сферой интересов которой был египетский аль-Азхар, части ее традиционного влияния на арабский мир.

Генеральный резидент распорядился создать комиссию по проведению реформы аз-Зейтуны, в которую вошли кроме чиновников представители просветительского общества «Аль-Джамиа аль-Халдуния» и тринадцать улемов, включая главного религиозного авторитета в государстве шейха аль-ислам Мухаммеда Байрама и главное долж-

ностное лицо в системе религиозного суда Туниса баш муфтия Ахмада ибн Шарифа. На первом заседании комиссии 10 мая 1898 г. французами были предложены следующие изменения: разделение обучения на три ступени (начальное обучение, среднее и высшее); требование о сдаче экзаменов при переходе от одной ступени к следующей; введение в учебное расписание современных наук; разнообразие методов обучения: необязательность заучивания наизусть, замещение старых книг специально составленными учебниками. Улемы пообещали изучить эти предложения.

Следующее заседание комиссии состоялось 18 мая. Шейх аль-ислам Мухаммед Байрам взял слово и заявил, что обучение в аз-Зейтуне не может быть подвергнуто ни малейшим изменениям. Один из улемов, кади Исмаил ас-Сафаихи, поддержал его, напомнив, что образование, получаемое в аз-Зейтуне, существует, чтобы учить шариату, мусульмане нуждаются в нем, потому что шариат является основой их жизни и религии, социальных и политических институтов. Улемы дали понять, что студенты аз-Зейтуны могут самостоятельно изучать светские науки, но светское образование никогда не станет обязательным для них, тем более за счет сокращения часов на исламские курсы.

Понадобилось еще немало времени, чтобы стороны могли найти компромисс: все современные науки будут преподаваться в «Аль-Джамиа аль-Халдуния», посещение которого будет добровольным. Но для выпускников аз-Зейтуны, прошедших эти курсы, создавались привилегии при поступлении на государственную службу. Обязательным стало лишь посещение занятий по арифметике, географии и истории, на которые в расписании аз-Зейтуны отводился один час в день, и учебники по этим дисциплинам должны были быть написаны авторами-мусульманами.

Провал реформы был несомненным: в учебных отчетах за 1900 г. указано, что курс математики посещали только 5 студентов, курс истории – 15, тогда как 43 курса арабской грамматики посещались 770-ю студентами, а 31 курс исламского права – 700-и студентами аз-Зейтуны⁹. Таким образом, это была полная победа мусульманских традиционалистов над альянсом франко-тунисских реформаторов.

Поддержка прогрессивно мыслящих тунисских сторонников реформ, особенно если речь шла о вопросах религии, была стратегической задачей французской администрации. В 1898 г. в Тунисе стал распространяться египетский журнал «аль-Манар», орган сторонников исламской модернизации, издававшийся лидерами этого направления Рашидом Ридой и Мухаммедом Абдо. Журнал приобрел популярность в Тунисе. В 1904 г. вышел в свет тунисский журнал «аль-Саада аль-узма», редакция которого поставила перед собой цель способствовать диалогу сторонников модернизации с представителями традиционалистских кругов. С редакцией сотрудничали

несколько улемов, сторонников реформ, но он также предоставлял право высказываться и шейхам-консерваторам. Несмотря на умеренный тон и попытки примирения, «аль-Саада аль-узма» рассматривалась духовными властями Туниса как издание, подрывающее религиозные устои, так же как это, по их мнению, делал и «аль-Манар». Вскоре улемы направили ноту протеста премьер-министру Туниса Бу Аттуру, требуя закрыть «аль-Сааду аль-Узму» и запретить распространение в стране «аль-Манара». Требования улемов поставили власти в затруднительное положение. В результате был найден компромисс: «аль-Саада аль-узма» прекратил свое существование, но «аль-Манар» не был запрещен в Тунисе.

Рубеж веков явился для Франции временем перехода большинства в парламенте Третьей республики от лево-центристской к право-центристской позиции. Рост социалистических тенденций испугал либералов-центристов и умеренных, они перешли к поддержке правых сил. Разумеется, эти изменения не могли не оказать влияния на характер колониальной стратегии Франции. Перемены последовали уже после отъезда из Туниса генерального резидента Р. Мийе и особенно С. Пишона (1901–1906). Конечно, сторонники либеральной колониальной стратегии пытались защитить свою позицию: Р. Мийе выступил в 1908 г. на конгрессе по Северной Африке с докладом «Совместим ли ислам с современной цивилизацией», но ситуацию это уже не могло изменить. Новая администрация во главе с генеральным резидентом Г. Аляпетитом (1906–1918) положила конец политике сотрудничества с тунисской интеллигенцией. Наоборот, по мере того как возрастала международная напряженность ввиду приближения Первой мировой войны, администрация занимала оборонительную позицию и стала заискивать перед традиционалистами.

Первым следствием изменения французской колониальной стратегии стал рост appetitов «колониальных капиталистов»: колонизация, бывшая в первые годы существования протектората делом частных лиц, к 1905 г. становится объектом вмешательства государства с целью обеспечить «заселение» страны французами, то есть государственной колонизацией. Это, в свою очередь, повлекло разочарование тунисских «эвалюэ» в политике сотрудничества с властями протектората. Радикализация взглядов национальной элиты привела к созданию в 1907 г. Партии младотунисцев («Хизб Тунис аль-фатат»), что можно рассматривать как начало периода борьбы за независимость в Тунисе. Поняв, что Франция не намерена принять требования тунисцев, сформулированные в формуле «Мы требуем общих прав для всех, справедливости и свободы», младотунисцы сделали ставку на помощь турецкого султана и объявили себя сторонниками панисламизма. Эта тенденция особенно усилилась во время итало-турецкой (1911–1912) и Первой мировой войн.

Если учесть, что в преддверии Первой мировой войны главным соперником Франции на международной арене была Германия, союзник Турции, бывшей для большинства мусульман символом халифата, то становится понятным раздражение властей протектората. В 1912 г. они объявили Партию младотунисцев вне закона, закрыли «панисламистскую» прессу, а лидера партии Башира Сфара назвали «агентом панисламизма в Тунисе». Германия действительно предпринимала неоднократные попытки нанести урон французскому владычеству в Северной Африке, используя авторитет Османской империи среди мусульман. И после успеха революции младотурков в 1908–1909 гг. Германия продолжила использовать панисламистскую идеологию в своей внешней политике. Младотурки в союзе с Германией способствовали появлению в Стамбуле таких панисламистских организаций североафриканцев, как «Мухаммеданское общество», «Комитет борьбы за независимость Туниса и Алжира».

Принимая во внимание попытки Германии использовать свой союз с Турцией для создания общественного мнения в арабском мире о себе как о друге ислама, и о Франции как о его враге, авторы новой французской колониальной стратегии решили прибегнуть к той политике, которую проводили ее союзницы Великобритания и Италия: демонстрация благосклонности по отношению к религии и ее институтам и поиск путей примирения с традиционалистами, включая улемов. Это новое направление французской политики предусматривало «борьбу с германо-турецким альянсом, при использовании его же тактики»¹⁰. Так, в 1911 г. в Париже была учреждена межминистерская комиссия по делам ислама. Она разработала несколько проектов, демонстрирующих озабоченность Франции состоянием традиционного ислама: несколько улемов из Северной Африки были назначены представителями при французском правительстве; было выделено полмиллиона франков на строительство в Мекке и Медине общежития для паломников из Магриба; принято решение о строительстве мечети в Париже. Параллельно с британским планом сделать шарифа Мекки «арабским халифом» появился французский план провозгласить марокканского султана халифом Северной Африки¹¹. Словом, как было сказано на одном из заседаний этой комиссии, лучшим противоядием от немецкого панисламизма может стать французская его разновидность.

С целью привлечь и сделать союзниками тунисские умеренные и традиционалистские круги власти протектората частично отказались от идеи реформировать страну. Политика благоприятствования традиционализму дала себя знать в 1910 г., когда опять был поднят вопрос о реформировании системы образования в аз-Зейтуне. На сей раз ее инициаторами выступили сами студенты. 15 апреля была начата забастовка, лидеры студенчества

требовали сделать образование более современным. Главным недостатком учебной программы они называли ее схоластический характер, она состояла только из религиозных наук. «Выпускники аз-Зейтуны не знали ничего об окружающем мире», – писал один из современников¹². Кроме того, претензии были и к методам преподавания: процесс обучения сводился к цитированию пророка и его последователей. Справедливым считалось лишь то, что можно подтвердить словами пророка и хадисами. Инакомыслие не допускалось и наказывалось.

Студентов поддержали члены Партии младотунисцев – как участием в митингах, так и в средствах печати. Декрет о реформе аз-Зейтуны пришлось ждать два с половиной года, только в сентябре 1912 г. появился компромиссный документ. Опять, как и в 1898 г., консерваторы не позволили внести каких-либо серьезных изменений в систему обучения в аз-Зейтуне. В отличие от младотунисцев, администрация протектората на протяжении всего конфликта соблюдала нейтралитет. 25 апреля 1910 г. орган младотунисцев газета «Ат-Туниси» писала, что власти протектората нельзя обвинить в том, что они способствуют проведению реформ, «потому что они умыли руки в этом вопросе, подобно Пилату»¹³. Несомненно, французы саботировали реформы в расчете добиться благосклонности улемов, их нейтрализации по отношению к французским властям. События вокруг аз-Зейтуны имели один несомненный результат: обострение противоречий и враждебности в отношении религиозных авторитетов к младотунисцам. Улемы рассматривали поведение молодых националистов как дерзкое вмешательство в дела религии.

Новые приоритеты возобладали и в порядке назначения на важные духовные посты в протекторате. Если раньше для французских властей главным критерием были прогрессивное мышление улема и его желание сотрудничать с администрацией, то уже в 1910 г. ситуация стала обратной. Шейх Мухаммед аль-Нахли, сочувствовавший студенческим требованиям, был назначен на пост заместителя инспектора аз-Зейтуны, но генеральный резидент Г. Аляпетит наложил вето на это назначение, потому что в среде улемов взгляды шейха аль-Нахли считались отклонением от ортодоксального ислама. Такая же ситуация имела место и при назначении нового шейха аль-ислам Туниса. После смерти Мухаммеда ибн аль-Худжа его пост должен был занять шейх Хасан ибн аль-Кади, человек умеренно-либеральных взглядов. Но вопреки традиции шейхом аль-ислам стал Ахмад Байрам, «архиреакционер».

Время свободы в выражении неортодоксальных взглядов религиозными деятелями также подошло к концу: к началу 1910-х гг. относятся последние выступления улемов, сторонников реформ. Одним из последних актов такого рода стала книга шейха Мухаммеда аль-Хидра ибн

аль-Хусейна «аль-Дава иля аль-ислях» (1910). Говоря о совместимости западных институтов с традициями ислама, автор подчеркивает, что только улемы в силу профессионализма способны трансформировать западные институты и идеи в исламской среде, не нарушив норм шариата. Эта книга призывает к умеренным реформам в рамках, дозволенных исламской этикой. Ибн аль-Хусейн вскоре после выхода книги вынужден был покинуть Тунис и эмигрировать в Стамбул, что свидетельствовало о неблагоприятной для исламского модернизма обстановке в предвоенном Тунисе.

После запрета Партии младотунисцев в 1912 г. французская администрация продолжала следовать политике потворства традиционалистским кругам. Так, в 1913 г., когда французы проводили статистические исследования в Тунисе, к работе были привлечены два кади, чтобы гарантировать полное следование исламским традициям. Некоторые улемы не стеснялись публично заявлять о своей лояльности по отношению к властям протектората. Маликитский кади Тахир ибн Ашур объявил, например, что тунисские мусульмане, служащие во французской армии, освобождаются от поста в месяц Рамадан¹⁴. А заместители инспектора аз-Зейтуны периодически докладывали властям о «подрывной» деятельности студентов, близких к младотунисцам. Такое поведение улемов рассматривалось молодыми националистами как согласие сотрудничать с французскими колонизаторами, данное в обмен на обещание французов сохранить в неизменном виде исламские институты.

Но неучастие улемов в национальном движении не должно рассматриваться как желание сохранить протекторат. Оно скорее объясняется страхом перед секуляризацией. Вынужденные выбирать из двух зол – иностранной оккупацией и светской разновидностью национализма – улемы предпочли остаться вообще в стороне от политических событий. Преобладающее влияние на общественные настроения стали оказывать отнюдь не религиозные лидеры, а представители зарождающегося национального движения. Эта позиция невмешательства, занятая религиозными авторитетами на ранней стадии становления национального движения в Тунисе в 1907–1912 гг., сохранилась и на весь последующий период борьбы за независимость в Тунисе вплоть до 1952 г., предопределив особенности исторического развития Туниса по сравнению с другими североафриканскими странами. И одной из главных причин этого была «исламская» политика французской администрации протектората.

Примечания

¹ Soumille P. *Europeens de Tunisie et questions religieuses (1892–1901)*. P., 1975. P. 5.

- ² Жерлицына Н. А. К истории установления консульских отношений между Россией и Тунисом // Куда идешь, Африка? / под ред. В. А. Субботина, В. В. Грибановой. М., 2004. С. 25–37.
- ³ Ворончанина Н. И. Ислам в общественно-политической жизни Туниса. М., 1986. С. 40.
- ⁴ См.: Иванов Н. А. Кризис французского протектората в Тунисе. М., 1971. С. 22.
- ⁵ Green A. The Tunisian Ulama. Leiden, 1978. P. 159.
- ⁶ Al-Habib Bularas. Tarih Tunisi. [History of Tunis]. Tunis, 2015. P. 387.
- ⁷ Delafontaine M. L'établissement de la France en Tunisie. Lille, 1989. С. 243.
- ⁸ Delafontaine M. L'établissement de la France en Tunisie. С. 243.
- ⁹ Abdel Moula M. L'universite zaytounienne et la societe tunisienne. Tunis, 1971. С. 105.
- ¹⁰ Жерлицына Н. А., Сологубовский Н. А., Филатов С. В. Диалог цивилизаций. М., 2006. С. 26.
- ¹¹ Ganiage J. L'expansion coloniale de la France sous la Troisième République (1871–1914). P., 1968. P. 165.
- ¹² Себа П. Тунис. М., 1953. С. 202.
- ¹³ Abdel Moula M. Op. cit. P. 268.
- ¹⁴ Жерлицына Н. А. Российско-тунисские отношения. 1780–1991. М., 2014. С. 53.

Образец для цитирования:

Каздагли Н. Б. А. Ислам в колониальной стратегии Франции в Тунисском протекторате в 1881–1914 годах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 489–494. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-489-494.

Cite this article as:

Kazdagli N. B. A. Islam in the Colonial Strategy of France in the Tunisian Protectorate in 1881–1914. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 489–494 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-489-494.

УДК 94(73)|19/20|+929Буш-младший

ДЖОРДЖ БУШ-МЛАДШИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКА

О. К. Рыбалко

Рыбалко Ольга Константиновна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, rybalkook@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению биографии Джорджа Уокера Буша до его прихода в большую политику. Анализируются факторы, повлиявшие на выбор Бушем-младшим политической карьеры. Особое внимание уделяется роли семьи и деятельности Буша-младшего в сфере бизнес-администрирования. Отмечаются особенности индивидуального имиджа и стиля управления будущего президента, сформированных в этот период.

Ключевые слова: Джордж Буш-мл., биография, 43-й президент США, история США.

George W. Bush: Becoming the Politician

О. К. Rybalko

Olga K. Rybalko, ORCID 0000-0001-9001-8287, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, rybalkook@gmail.com

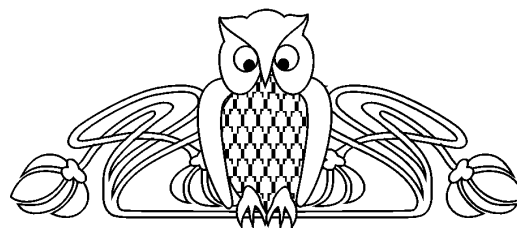
The article is devoted to a review of George Walker Bush's biography before his arrival in the big-time politics. The author analyzes the factors that influenced Bush's choice of political career. Particular attention is paid to the role of the family and the activities of Bush Jr. in the field of business administration. Peculiarities of the future president's individual image and his style of management, formed during this period, are noted.

Key words: George Bush Jr., biography, 43th President of the USA, US history.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-495-499

Джордж Буш-мл. – одна из самых неоднозначных фигур в ряду американских президентов. Его рейтинг претерпел резкий перепад от заоблачно высокого уровня после терактов 11 сентября 2001 г. и во время первого этапа войны с террором, когда лидер государства стал символом сплочения и защиты нации, до крайне низкого – после провала иракской кампании и ставшей очевидной неудачи всей ближневосточной политики республиканской администрации. В 2009 г. Джордж Буш-мл. покидал Белый дом с ореолом самого непопулярного со времен Ричарда Никсона президента США¹.

С течением времени американское общественное мнение несколько смягчилось – у граждан США появились более актуальные объекты для критики. К середине 2015 г. большинство

из них возлагало вину за проблемы в Ираке уже на Барака Обаму². С началом предвыборной кампании-2016 на фоне резких неоднозначных высказываний республиканских кандидатов даже представители мусульманского мира, невзирая на «крестоносное» прошлое Буша-мл., стали почти с нежностью вспоминать о 43-м президенте США как об образце толерантности и дипломатичности³. Разумно и взвешенно звучат суждения экс-президента и по сравнению с заявлениями нового лидера, эксцентричного Дональда Трампа⁴.

Негативный образ Буша-мл. стал тускнеть, постепенно уступая место снисхождению и даже ностальгии. Автор многочисленных «бушизмов», перешедших в разряд исторических анекдотов, вызывает уже не раздражение и презрение, а скорее симпатию, как человек, умеющий признавать свои ошибки, шутить и смеяться над самим собой⁵. Пересматривается отношение и к ряду его решений, ранее категорически осуждавшихся. О Джордже Буше-мл. чаще стали говорить как о человеке, уберегшем Америку от повторения террористических атак и выбравшем верный курс на упреждение угрозы⁶.

В американском общественном сознании бывший президент предстает уже не в образе одиозного «ковбоя» с низким интеллектом и талантом попадать в нелепые ситуации под прицелами камер, не в облике «военного преступника», а в более нейтральном и даже положительном свете – как решительный и достаточно грамотный руководитель, ставший жертвой обстоятельств. И это вполне соответствует действительности. Невзирая на имидж «своего парня из Техаса» с его видимым простодушием, Джордж Буш-мл. со всей очевидностью не случайный человек в американской политике. Сам факт его прихода на пост президента США, его стиль руководства и вектор принимаемых решений во многом были обусловлены происхождением и этапами биографии, о которых речь пойдет ниже.

Джордж Уокер Буш родился 6 июля 1946 г. в семье, которая дала Америке целый ряд видных деятелей, включая 14-го президента США Франклина Пирса⁷. Буши всегда принадлежали к американской элите, пополняя ряды видных финансистов, бизнесменов и политиков.

Прадед Буша-мл. – Самюэль Прескотт Буш – после окончания Первой мировой войны участвовал в реализации программы модернизации американского ВПК, отвечая за артиллерийское и стрелковое оружие, а в начале 1920-х гг. вхо-

дил в число советников президента Г. Гувера по экономическим вопросам. Другой патриарх семьи – Джордж Герберт Уокер – был основателем «Браун Бразерс Харриман», одной из известнейших компаний Уолл-стрит, а кроме того, являлся финансистом избирательных кампаний Франклина Рузвельта.

Одним из наиболее известных политиков в роду Бушей является дед Дж. Буша-мл. Прескотт Буш, который с 1952 по 1963 г. занимал пост сенатора США от штата Коннектикут. Именно Прескотт Буш сформировал три устойчивых мифа о Бушах, которыми те успешно пользовались на протяжении нескольких поколений. Эти мифы строятся на следующих постулатах: «я всего добился сам», «на самом деле я не богат» и «я живу, чтобы служить стране»⁸. Однако прежде чем последовать за этим высоким призванием, Прескотт Буш сделал себе имя на Уолл-стрит и обеспечил надежную финансовую поддержку, считая, что в политику надо идти, имея достаточный для этого капитал. Это было еще одним из его жизненных правил. В сфере финансовых предприятий работали и четверо из пяти его сыновей⁹.

Преемником Прескотта Буша на благородной ниве народного служения стал его второй сын Джордж Герберт Уокер Буш или, как его сейчас называют, Джордж Буш-старший. Прежде чем занять высшую государственную должность и стать 41-м президентом США, Буш-старший успел, будучи военным летчиком, отличиться в боях Второй мировой войны, окончить Йельский университет, уехать в Западный Техас и открыть там нефтяной бизнес. Его политическая карьера началась в 1966 г., когда он был избран в Палату представителей, после чего у него были две неудачные попытки баллотироваться в Сенат. Более успешно он работал в органах исполнительной власти, получив должность постоянного представителя в ООН и главы Национальной республиканской комиссии при Никсоне, должность посла в Китае и пост главы ЦРУ при Форде, а также место вице-президента при Рейгане. Обожаемый в семье, он был для своих детей непререкаемым авторитетом и примером для подражания¹⁰.

Среди американцев Бушей прозвали «тихая династия» – ее не сопровождал шлейф громких трагедий, скандалов или излишней публичности, в отличие от «шумных» Кеннеди и Клинтон¹¹. Рожденный «с серебряной ложкой во рту» Джордж Буш-мл. имел прекрасные стартовые позиции для построения карьеры – связи, капиталы и репутацию уважаемого семейства. В то же время принадлежность к «династии» накладывала определенные обязательства и диктовала направление развития ее отпрыска.

Жизненный путь старшего сына Джорджа и Барбары Буш в юношеские годы во многом походил на биографию отца – обучение в Академии Филиппса в Эндовере, Йельский университет, военная служба в ВВС, занятие нефтяным биз-

несом. Правда, Буш-мл. с трудом мог выдержать сравнение с талантливым героическим родителем. В учебе он не преуспел и был в числе отстающих как в Эндовере, так и в Йеле. Военной славы не снискал – срок своей службы, пришедшейся на период обострения ситуации во Вьетнаме, Буш-мл. отбывал в ВВС Национальной гвардии Техаса, что исключало риск отправления в зону боевых действий. Его бизнес-предприятие также не было успешным – основанная в 1977 г. нефтегазовая компания «Арбусто Энерджи» (Arbusto Energy Inc.), позже переименованная в «Буш Эксплорейшн» (Bush Exploration), в середине 1980-х гг. в результате падения цен на нефть стала банкротом и была поглощена более преуспевающей компанией¹². Не увенчались успехом и первые политические инициативы – в 1978 г. Джордж Буш-мл. баллотировался в Конгресс, но проиграл.

Тем не менее ряд неудач не был свидетельством полной бездарности Буша. Он не блистал в науках, однако уже в университете начал проявлять себя как хороший организатор с прекрасными коммуникативными данными. Эти качества были развиты им в Гарвардской школе бизнеса, которую он окончил в 1974 г., получив диплом магистра делового администрирования (МВА). Он легко располагал к себе людей, был очень популярен среди однокашников и за время учебы в Йеле и Гарварде обзавелся кругом полезных знакомств и рядом влиятельных друзей, которые впоследствии инвестировали в его бизнес и предвыборные кампании.

История с компанией «Арбусто» в этом отношении весьма показательна. Невзирая на все риски нефтяного бизнеса и на то, что Буш-младший имел лишь очень небольшой опыт в добывающей отрасли, к числу его инвесторов присоединились многие видные бизнесмены и политики. Часть из них, например, экономист и политик Льюис Лерман, глава крупной химической корпорации Джон Макомбер, известный венчурный капиталист Уильям Дрейпер III (все выпускники Йеля разных лет), были привлечены благодаря связям отца и дяди, Джонатана Буша. Других «завербовал» Джордж Уокер¹³.

В значительной степени готовность инвесторов вкладывать деньги в сомнительное предприятие объяснялась доверием к имени Бушей, которое было своего рода брендом. Немаловажную роль сыграл и тот факт, что к 1981 г. Джордж Буш-мл. был сыном вице-президента США и в будущем мог оказаться и оказаться сыном главы государства. Многие из тех, кто инвестировал в «Арбусто», финансировали предвыборные кампании старшего Буша в 1980 и 1988 гг. Но и сам Джордж Уокер внушал большое доверие и привлекал бизнес-партнеров своей энергией, потенциалом и управленческими талантами. Один из его ближайших деловых партнеров Уильям ДеВитт-мл. на вопрос о том, действительно ли решающим был тот факт, что Буш являлся сыном

вице-президента, отвечал: «Очевидно, была какая-то польза от того, кем был Буш. Но он не открыл нам никаких дверей – наши двери уже были открыты... Нам нужны были лидерские качества Джорджа и его административные способности, которых не было у нас»¹⁴.

О Буше-младшем как о грамотном руководителе отзывались и рядовые сотрудники его компании. По воспоминаниям одного из управляющих, Буш очень тщательно подходил к подбору персонала и организовывал работу так, чтобы, самому не вмешиваясь в процесс, позволить квалифицированным специалистам со всей ответственностью заниматься порученным им делом. При этом он мог быстро принимать решения и умел задавать правильные вопросы. В течение нескольких месяцев запомнив ответы на эти вопросы, он стал очень хорошо разбираться в специфике нефтяных месторождений¹⁵. Подобный подход, подразумевающий пристальное внимание к формированию кадрового аппарата, стремление создать для себя четкое понимание проблемы и принять волевое решение по ее устранению, был характерен для Буша-мл. в будущем и когда он только готовился стать президентом, и когда уже занял Овальный кабинет.

Буш-мл. обращал на себя внимание и в силу проснувшихся политических амбиций. К концу 1980-х гг. он имел уже значительный опыт в этой области – помогал отцу на выборах в Сенат в 1964 г., на выборах в Палату представителей в 1966 г., а также во время второй попытки Буша-старшего попасть в Сенат в 1970 г. В 1968 г. на протяжении нескольких месяцев он работал в качестве помощника конгрессмена Э. Герни, в 1972 г. курировал политические вопросы в кампании сенатора Р. Блаунта, а в 1976 г. принимал участие в республиканских праймериз президента Дж. Форда. После собственной первой неудачной избирательной кампании Джордж Уокер не оставил политику, продолжая помогать отцу в его начинаниях. Он участвовал в обеих президентских кампаниях Буша-старшего, проявив недюжинный талант пропагандиста. В 1988 г. он ездил по стране, занимался сбором средств и воодушевлял волонтеров, обеспечив своему отцу 80% голосов избирателей-евангелистов¹⁶.

Однако после окончания этой кампании Джорд Уокер с семьей – женой Лорой и двумя дочерьми – покинул Вашингтон. К этому времени у него уже оформилась идея побороться за пост губернатора штата Техас. Для построения собственной политической карьеры необходимо было зарабатывать личную репутацию и создавать индивидуальный имидж, не связанный с именем отца. Счастливой возможностью для решения этой задачи стало приобретение доли во владении знаменитым бейсбольным клубом «Техасские Рейнджеры»

Бейсбол для американцев – не просто вид спорта. Это один из символов американского

образа жизни. Несмотря на то что клуб в конце 1980-х гг. переживал сложные времена, находясь в конце турнирной таблицы, связать свое имя с «Рейнджерами» означало получить площадку для создания и раскрутки публичного имиджа, а также трамплин для будущих политических инициатив. Эту сделку горячо поддерживал Карл Роув, который в начале 1970-х гг. работал помощником Буша-старшего, а к началу 1980-х основал фирму по проведению избирательных кампаний и стал принимать участие в судьбе младшего Буша. Бейсбол, как считал Роув, был для последнего «пропуском в славные времена», открывая публике и делая его фигуру запоминающейся для людей¹⁷.

В 1988 г. Буш-мл. создал консорциум инвесторов, которые купили клуб, и был назначен ведущим управляющим партнером. Эта должность возлагала на него ответственность за выработку стратегического курса развития команды и предполагала взаимодействие с широким кругом самых разных людей – от игроков, болельщиков и обслуживающего персонала до местных чиновников, представителей торговых палат и журналистов. Управление делами команды и повышение ее эффективности требовало интенсивной деятельности и принятия решений во многих областях. Буш занимался вопросами повышения кассовых сборов, постоянно ездил в рекламные туры по Техасу, популяризируя бейсбол, отвечал за кадровые перестановки в составе игроков и тренеров и за контакты с Главной бейсбольной лигой. Одним из его видных достижений стало строительство современного стадиона в Арлингтоне – городе, где располагалась база «Рейнджеров». Новая площадка должна была привлечь зрителей и повысить окупаемость клуба. При решении этой задачи вновь проявились организаторские таланты Буша, которому удалось вовлечь в очень капиталоемкое предприятие городские власти Арлингтона и запустить сложный механизм частно-государственного партнерства¹⁸. Результат его энергичных действий был налицо – рейтинги команды и доходы инвесторов возросли, а сам Буш стал настоящей знаменитостью и в 1993 г. выставил свою кандидатуру на пост губернатора Техаса.

В период управления «Рейнджерами» оформились основные элементы образа, который Буш-мл. использовал в борьбе за губернаторское кресло, а затем и во время своей президентской кампании. Это был образ «истинного техасца» – прямого, напористого, непосредственного. В своих словах и манерах он совсем не был похож на Буша-старшего – сдержанного, неконфликтного, аристократичного, – и стремился еще больше дистанцироваться от имени и славы отца, сравнение с которым было неизбежно и играло не в пользу сына. В прессе, публичных выступлениях и биографических обзорах рисовался портрет Буша-мл. как человека, следовавшего своим путем – тернистым путем проб и ошибок: образ рубахи-парня, двоечника и спортсмена,

гуляки и хулигана, который совсем не был похож на отпрыска старинного рода. Красок этому портрету добавлял факт длительной алкогольной зависимости Джорджа Буша-мл. и история избавления от этого порока через обращение к Богу¹⁹. Это был образ человека, чье вхождение в мир политики было не естественным следствием принадлежности к элите, преемственности и связей, а стало результатом честного упорного труда, напряжения воли и развития заложенных от природы способностей.

Демонстративное дистанцирование от «династии» помогло Бушу в борьбе за пост губернатора: техасцы признали в грубоватом политике своего. Из Джорджа Уокера Буша – сына президента он превратился в «Дабью» (техасское произношение буквы «W», с которой начинается его второе имя). Созданный образ был настолько убедительным, что главный соперник Буша-мл. по предвыборной гонке, прежний губернатор Техаса, демократка Энн Ричардс не смогла выстоять в напряженном противоборстве. При этом Ричардс пользовалась большой популярностью среди населения штата и в отличие от рожденного в Коннектикуте Буша действительно принадлежала к «исконным техасцам». В 1994 г. Буш-мл., получив 53% голосов избирателей против 46%, стал республиканским губернатором традиционно демократического Техаса²⁰.

Аналитики отмечали, что в основу успеха Джорджа Буша-мл. легли, с одной стороны, грамотно подобранный состав предвыборного штаба и удачно выстроенная кампания, а с другой – его умение находить подход к различным группам электората и внушать доверие людям с разными взглядами и интересами. В состав команды Буша, помимо будущего старшего советника 43-го президента и заместителя главы его администрации Карла Роува, вошла Карен Хьюз, которая впоследствии в период президентства Буша-мл. стала лицом и рупором Белого дома, отвечая за публичную дипломатию и связи с общественностью²¹.

Выработанную тактику кампании отличал наступательный характер. Дебатируя с Энн Ричардс, которая вела свою линию очень жестко, упирая на «чужеродность» оппонента, его сомнительное прошлое и намекая на его участие в финансовых махинациях, Буш игнорировал провокации и в то же время твердо и настойчиво продвигал свою программу. Программа включала как традиционные для республиканцев лозунги, так и предлагала решение проблем, важных для демократов, доминировавших в законодательном собрании штата. Компромиссность, убедительность и учет интересов широких групп населения обеспечили Бушу-мл. поддержку не только среди белых мужчин республиканского толка, которые, согласно опросам, составляли основу его аудитории, но также привлекли голоса молодежи, женщин и меньшинств, традиционно поддерживавших демократических кандидатов²².

За время первого губернаторского срока, признаваемого очень успешным, Джорджу Бушу-младшему на основе выработанного партийного компромисса удалось добиться принятия законов по тем направлениям, которые он обозначал в ходе своей избирательной кампании: снижение налогов, совершенствование школьного образования и ужесточение уголовных наказаний²³. В 1998 г. Буш-мл. вновь выставил свою кандидатуру на пост губернатора и был переизбран на второй четырехлетний срок. Тогда же им было решено принять участие в президентских выборах – чтобы победить в 2000 г. и стать вторым в истории США, после Джона Куинси Адамса, сыном президента, занявшим эту высшую государственную должность.

Таким образом, вступая на путь, ведущий в Белый дом, Буш-мл., с одной стороны, благодаря семье, располагал серьезным политическим наследством, а с другой – прибегал к навыкам и приемам, отработанным за время самостоятельного управления бизнесом. Развитие получил сформированный во время управления бейсбольным клубом публичный «ковбойский» образ с его подчеркнутой простотой, прямотушием, дружелюбием и плосковатым юмором. Недоброжелателям этот стиль поведения давал повод подозревать Буша-мл. в недостатке ума. Те же, кто работал с ним бок о бок, утверждали, что простота в общении, юмор и умение быть забавным позволяли сократить дистанцию с визави, заставить собеседника расслабиться и говорить то, что он думает, а не то, что хотел бы слышать президент. К. Роув сравнивал в этом отношении Дж. Буша-мл. и Д. Эйзенхауэра, говоря, что оба политика владели «искусством быть недооцененными»²⁴.

Связи отца облегчили будущему президенту задачу подбора опытных консультантов и формирования состава администрации. Карл Роув, Кондолиза Райс, Дик Чейни, Дональд Рамсфельд, занявшие ключевые государственные посты, ранее работали со старшим Бушем. В то же время Буш-мл. применял особую схему взаимодействия с подчиненными, собственную модель анализа ситуаций и принятия решений. Эта модель была выработана в Гарварде и отточена в период его деловой активности. Являясь первым в истории страны президентом со степенью MBA, он управлял Америкой как исполнительный директор крупной корпорацией. В этой схеме президент выступал как стратег и разработчик генерального курса. Он не стремился глубоко вникнуть в каждую из многочисленных возникающих проблем, предпочитая доверять отчетам, составляемым его специалистами. Он задавал тон и рамки задачи, после чего оставлял ее выполнение на откуп членов администрации. Такой подход предполагал ограниченность круга лиц, причастных к процессу принятия решений и исключение утечек информации. Работа настроенной Бушем системы отличалась скоростью, секретностью и вертикальным контролем²⁵.

Данная модель имела как преимущества в плане оперативности политического процесса, так и недостатки. Прямолинейность и стремление президента Буша-мл. оставлять последнее слово за собой, нежелание разбираться в противоречивых комплексных проблемах, присущая его характеру решимость, граничащая с упрямством, не раз подталкивали к односторонним и опасным инициативам, примером которых может служить иракская кампания. Как бы то ни было, корни деятельности Джорджа Уокера Буша на большой политической сцене уходили в период его становления, к истории семьи и ранней бизнес-карьере, и результаты его президентства, особенности личности и специфики управления будут еще не раз осмыслены и переосмыслены специалистами и общественностью.

Примечания

- 1 Saad L. Americans Expect History to Judge Bush Worse Than Nixon. URL: <http://www.gallup.com/poll/113806/americans-expect-history-judge-bush-worse-than-nixon.aspx> (дата обращения: 01.05.2017).
- 2 Agiesta J. Warming on W. : More Americans like George W. Bush than dislike. URL: <http://edition.cnn.com/2015/06/03/politics/george-w-bush-favorability-ratings/> (дата обращения: 01.05.2017).
- 3 Hasan M. Why I Miss George W. Bush // The New York Times. 2015. Nov. 30. URL: https://www.nytimes.com/2015/11/30/opinion/campaign-stops/why-i-miss-george-w-bush.html?_r=2 (дата обращения: 01.05.2017).
- 4 The Guardian view on George W Bush : a welcome return // The Guardian. 2017. Feb. 27. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/feb/27/the-guardian-view-on-george-w-bush-a-welcome-return> ; George W Bush backs free press in rare interview. URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-39107315> (дата обращения: 01.05.2017).
- 5 Jenkins M. Opinion : 43 reasons why people love President George W. Bush. URL: <http://www.politifrog.com/2017/04/20/opinion-43-reasons-why-people-love-president-george-w-bush/> (дата обращения: 01.05.2017).
- 6 Canto S. Iraq then and now : Bush was right, and Obama was wrong. URL: http://www.americanthinker.com/blog/2017/03/iraq_then_and_now_bush_was_right_and_obama_was_wrong.html (дата обращения: 01.05.2017). Kaplan R. Obama's Iraq critics : Bush doctrine was right. URL: <http://www.cbsnews.com/news/obama-critics-on-iraq-violence-bush-doctrine-was-right/> (дата обращения: 01.05.2017) ; Kristol W. George W. Bush Was Right // The Weekly Standard. 2015. Jun. 15. URL: <http://www.weeklystandard.com/george-w.-bush-was-right/article/964919> (дата обращения: 01.05.2017).
- 7 Duffy M, Gibbs N. Fathers, Sons And Ghosts // Time. 2000. Feb. 28. URL: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,996194,00.html> (дата обращения: 25.04.2017).
- 8 Weisberg J. The Bush Tragedy. N. Y., 2008. P. 36.
- 9 Minutaglio B. First Son : George W. Bush and the Bush Family Dynasty. N. Y., 2001.
- 10 Renshon S. A. In His Father's Shadow : The Transformation of George W. Bush. N. Y., 2005. P. 17.
- 11 Schweizer P., Schweizer R. The Bushes : Portrait of a Dynasty // Hoover Digest. 2004. № 3. URL: <http://www.hoover.org/research/bushes-portrait-dynasty> (дата обращения: 24.04.2017).
- 12 Lardner G., Romano L. Bush Name Helps Fuel Oil Dealings // Washington Post. 1999. Jul. 30. P. A1.
- 13 Lewis C. Right on the money : The George W. Bush profile. URL: <https://www.publicintegrity.org/2003/07/08/3154/right-money-george-w-bush-profile> (дата обращения: 01.05.2017).
- 14 Lardner G., Romano L. Bush Name Helps Fuel Oil Dealings...
- 15 Ibid.
- 16 Minutaglio B. Op. cit.
- 17 How George W. Bush scored big with the Texas Rangers. URL: <https://www.publicintegrity.org/2000/01/18/3313/how-george-w-bush-scored-big-texas-rangers> (дата обращения: 01.05.2017).
- 18 Lardner G., Romano L. Bush's Move Up to the Majors // Washington Post. 1999. Jul. 31. P. A1.
- 19 Буш Дж. Ключевые решения / пер. с англ. М., 2011. С. 12.
- 20 Lardner G., Romano L. Bush's Move Up to the Majors...
- 21 Буш Дж. Указ. соч. С. 74–75.
- 22 Poole E., Gwynne S. C., Ratnesar R. The Bush Formula // Time. 1998. Nov. 16. P. 61–62.
- 23 Barone M. Best little governor in Texas // U.S. News & World Report. 1996. Vol. 119, iss. 25. P. 89.
- 24 Brookhiser R. Close Up : The Mind of George W. Bush // The Atlantic. 2003. April. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2003/04/close-up-the-mind-of-george-w-bush/303399/> (дата обращения: 01.05.2017).
- 25 Pfiffne J. P. The First MBA President : George W. Bush as Public Administrator // Public Administration Review. 2007. January /February. P. 6–20.

Образец для цитирования:

Рыбалко О. К. Джордж Буш-младший: становление политика // Изв. Саратов ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 495–499. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-495-499.

Cite this article as:

Rybalko O. K. George W. Bush: Becoming the Politician. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 495–499 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-495-499.

УДК 94(5)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ В XXI ВЕКЕ

С. В. Крупин

Крупин Станислав Вадимович, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, staskru34@gmail.com

Автор делает попытку осветить основные факторы, сформировавшие конфликтогенную среду на Арабском Востоке. Он также анализирует степень влияния того или иного фактора на распространение экстремизма среди арабского населения. Исследователь приходит к выводу, что основными компонентами-раздражителями арабского населения стали культурологические особенности, связанные с исламом, а также негативная социально-экономическая обстановка в большинстве стран арабского региона.

Ключевые слова: экстремизм, Арабский Восток, Ближний Восток, конфликт.

Historical Sources and Internal Causes of the Spread of Extremism in the Arab East in the XXI Century

S. V. Krupin

Stanislav V. Krupin, ORCID 0000-0002-5569-6477, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, staskru34@gmail.com

The author makes an attempt to highlight main factors that have shaped the conflict-prone environment in the Arab East. He also analyzes the degree of influence of different factors on the spread of extremism among the Arab population. The researcher comes to the conclusion that the main irritants of the Arab population are culturological peculiarities connected with Islam, as well as negative social and economic situation in most countries of the Arab region.

Key words: extremism, Arab East, Middle East, conflict.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-500-503

Ближний Восток определяется двумя дихотомичными чертами. С одной стороны, это регион, в котором пересекаются важнейшие торговые пути, где сосуществуют древние культуры, в частности, Арабский Восток – колыбель ислама и христианства. Регион имеет богатые залежи полезных ископаемых и значительные трудовые ресурсы. С другой стороны, это один из самых нестабильных регионов на планете. Его отличительной чертой на протяжении последних десятилетий остаются политическая турбулентность и перманентное военное положение, в котором находятся страны региона. Государства Арабского Востока обладают крайне низкой устойчивостью к внутренним и внешним шокам. Регион охвачен волной насилия

и террора, которые, в свою очередь, представляют угрозу всему миру.

В XXI в. экстремизм и нетерпимость на всем Ближнем Востоке приобрели новые черты, в частности, террористические группы стали обладать формами квазигосударственного объединения. Кроме ставшего традиционным арабо-израильского противостояния, выход из которого по-прежнему не просматривается, уровень жестокости в регионе значительно повышается с распространением религиозного экстремизма, который основывается теперь не только на ненависти к иудеям, но и к другим мусульманам. Однако современная конфликтогенность региона определяется совокупностью факторов, сформированных в большинстве в XX веке. Для организации эффективного диалога между враждующими сторонами как внутри, так и за пределами Арабского Востока, а также анализа политических неудач крупнейших внерегиональных держав в деле урегулирования местных конфликтов необходимо определить компоненты, сформировавшие идеологию экстремизма на Ближнем Востоке и степень их влияния на настроение населения региона.

Одним из очевидных компонентов, повлиявших на накопление негативного опыта политических событий у арабского населения, стала борьба ряда ближневосточных государств с европейскими державами за независимость после Второй мировой войны. В ходе этой войны практически весь регион за исключением Саудовской Аравии был занят британскими войсками. Одной из первых попыток самостоятельного объединения стран региона стал межарабский конгресс в Александрии 7 октября 1944 г., на котором обсуждались варианты ближневосточных интеграционных проектов.

С одной стороны, на конференции удалось договориться о создании регионального межправительственного объединения – Лиги арабских государств (ЛАГ). В ее состав вошли Сирия, Трансиордания, Ирак, Египет и Ливан¹. Позже к ЛАГ присоединились Саудовская Аравия и Йемен. С другой стороны, на конгрессе обозначился раскол между арабскими государствами по поводу присутствия Британии в регионе. Трансиордания и Ирак полагали, что военно-политическое присутствие Англии необходимо. Египет и Саудовская Аравия выступали за отстранение Лондона от дел Ближнего Востока.

Впоследствии Египет обратился к Великобритании с просьбой ревизии двустороннего

договора 1936 г., согласно которому на египетской земле базировался британский контингент, в основном в районе Суэцкого канала. Стороны до начала первой арабо-израильской войны так и не смогли договориться о пересмотре договора. В дальнейшем в борьбе против британского контингента в районе Суэца активное участие принимали отряды радикальной исламской организации «Братья-мусульмане», которые уже в XXI в. в очередной раз громко заявили о себе на политической арене Египта.

Начало арабо-израильской войны было вызвано активной миграцией евреев в 20–30-е годы XX века в Палестину. К концу Второй мировой войны численность еврейского населения Палестины достигла 600 тысяч человек. Ситуацию накаляли действия сионистских боевых отрядов в Палестине, жертвами которых становилось местное арабское население. Арабские государства отказывались признать право евреев на собственное государство, и, выразив несогласие с резолюцией № 181 Генеральной ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г.², объявили войну Израилю.

В этой связи среди основных раздражителей арабского населения, сформированных еще в середине XX в., можно выделить борьбу за независимость с внерегиональными державами, внутренние противоречия по вопросу присутствия Великобритании в регионе, а также создание крайне враждебного для них государства Израиль на территориях, которые арабы считали своими историческими землями. Эти три компонента можно объединить во внешнеполитический фактор, определивший конфликтогенность региона. Однако стоит отметить, что внешнеполитические раздражители в XX в. влияли на развитие не только Ближнего Востока. Европа за это время дважды становилась ареной крупнейших военных конфликтов в истории.

Принято считать, что важным фактором конфликтогенности региона является мирный по своей сути, но используемый в злонамеренных целях ислам. Исламский экстремизм усугубляет ситуацию как во внутренних конфликтах (Ливия, Ирак, Йемен), так и во внешних (арабо-израильская война, американо-иракская война 2003–2011 гг.). Несмотря на то что терроризм не имеет общепризнанного определения и не имеет конкретную религиозную принадлежность, абсолютное большинство людей и группировок, вовлеченных в террористическую деятельность на Арабском Востоке, заявляя, что являются приверженцами ислама. Свои действия они называют «джихадом», что, в свою очередь, формирует представление о связи террористов с политическим исламом.

Такая форма правления, как политический ислам подразумевает «осуществление политики, включая принятие политических решений и руководство их реализацией, в соответствии с предписаниями ислама»³. Чертами политического ислама является неотделимость религии и

политики, реализация доктрины «джихада» (не обязательно военного) и установление порядка, основанного на каноническом праве. В этой связи у членов таких обществ есть почва для возникновения представлений, согласно которым все люди, не живущие по исламским канонам, ведут несоответствующий образ жизни.

Типичным воплощением политического ислама является египетская фундаменталистская партия «Братья-мусульмане и ее ответвления. Партия и ее сторонники внутри и за пределами Египта являются одним из самых мощных религиозно-политических движений на Арабском Востоке. Быстрой популяризации «Братство-мусульман» среди жителей Ливана, Сирии Трансиордании и Палестины способствовала в свое время поддержка последней, сбор пожертвований в пользу палестинских арабов, пропагандистские антиизраильские кампании и участие их «батальонов джихада» в войне с Израилем⁴.

Радикализация движения происходила на фоне и во многом благодаря периодическому преследованию его сторонников на своей исторической родине – в Египте. «Братья-мусульмане» в период своей легальной деятельности представлялись умеренной исламской оппозицией правящим режимам А. Садата и Х. Мубарака. При этом «Братья» неизменно категорично выступали против налаживания отношений между Египтом и Израилем, обнажая свою фундаменталистскую сущность.

Одной из ключевых линий разлома среди мусульманской общины является приверженность суннитской или шиитской ветви ислама. Противоречия внутри уммы сказываются не только на взаимоотношениях между странами (Саудовская Аравия – Иран, Турция – Сирия), но и на развитии внутри страны (Ирак, Сирия). Наличие размежевания по конфессиональному признаку приводит к тому, что в ситуации политической дестабилизации ранее относительно мирное сосуществование суннитов и шиитов выливается в полноценную гражданскую войну. Так, к концу первого десятилетия XXI в. в Ираке почти перестали существовать районы со смешанным суннитско-шиитским населением⁵.

Исламский фактор популярности экстремистских настроений среди арабского населения тесно переплетается с историческим фактором. Так, промышленная революция, расцвет которой на европейском континенте пришелся на XIX в., укрепила военно-политическую и, как следствие, культурную мощь западных держав. Эта же промышленная революция обошла стороной мусульманские страны Арабского Востока. Возникшая в результате разница в развитии привела к неспособности арабов сопротивляться колониальной экспансии. Эффект западного политического господства усиливался проникновением европейской культуры.

На этом фоне в XIX–XX вв. в арабских странах набирал популярность салафитский фунда-

ментализм. Фундаменталистские силы, особенно укрепившиеся в Ливии и Саудовской Аравии, категорически отвергали европейские ценности и политическое устройство. Они считали западные веяния опасными как для ислама, так и для социально-политического устройства арабских стран. В этой связи фундаментализм придал дополнительную динамику и агрессивную направленность выступлениям местных племен против западных колониалистов, носивших характер «джихада».

Одним из благоприятных для радикального ислама периодов стало поражение регулярных арабских армий в войне против Израиля 1967 г. Исламисты обвиняли в этом поражении светские государственные режимы, стоявшие во главе этих армий. Для арабского населения еще более ярким символом «праведности» политического ислама стала религиозная революция в Иране 1979 г., которая воспринималась населением некоторых ближневосточных стран как победа ислама над западными угнетателями.

Одновременно с этим в арабских обществах стало складываться ощущение, что регулярные вооруженные силы не способны одолеть даже уступающего по численности врага. В политических и военных кругах некоторых мусульманских государств стала популярной идея, согласно которой в условиях противостояния сильному сопернику нетрадиционная ассиметричная война партизанского характера с использованием террористических атак будет более успешной для достижения военно-политических целей. Для того чтобы сплотить негосударственные субъекты в единую силу, необходима была идеологическая составляющая. Её место заняла комбинация политического ислама и концепции «джихада».

Необходимость формирования справедливого мусульманского государства обосновывалась не только военными соображениями, но и социально-экономическими причинами. Фундаменталисты полагают, что без установления исламского порядка потенциал мусульманского общества не может быть полностью раскрыт, а его военные победы могут превратиться во внутренние поражения. В ряде стран слабость государственных структур и неспособность светских правительств решать существующие социально-политические проблемы привели к растущей политической и социальной поляризации, а различные исламские группы, в том числе крайнего толка, перехватывали инициативу в свои руки⁶. Наступил кризис светской идеологии. Вследствие этого непрекращающиеся социально-политические потрясения в таких мусульманских странах стали неизбежны.

Подводя черту, можно сказать, что политической культуре ряда мусульманских стран на Ближнем Востоке присущи проповедь социально-политической исключительности той или иной общности (будь то сунниты или шииты) и отсутствие неприятия насилия. Возникновению такой политической культуры способствовали,

в том числе, исламистские партии, которые не смогли в достаточной мере отмежеваться от радикальных идей и безоговорочно отвергнуть террор как способ ведения борьбы с внешними и внутренними противниками. Всё это формирует плодородную почву для распространения экстремистских идей среди в целом малообразованного населения без ясных экономических перспектив, о чем будет сказано далее. Таким образом, не ислам стал фактором развития экстремизма на Ближнем Востоке, а экстремизм стал фактором развития мусульманских стран Арабского Востока.

Наконец, еще одним дестабилизирующим с точки зрения восприимчивости арабского населения к радикальным идеям фактором является негативная социально-экономическая обстановка в ряде государств региона, сохраняющаяся на протяжении последних десятилетий. Отметим, что за последнюю четверть века численность возрастной группы от 20 до 24 лет в странах-участницах ЛАГ выросла примерно в 1,5 раза⁷. Позитивные изменения, произошедшие на Арабском Востоке в сфере санитарных условий, медицинского обслуживания и питания, позволили сократить показатели детской и младенческой смертности.

Напомним, что, к примеру, бывший президент Египта Хосни Мубарак обеспечил резкое падение в 1975–1990 гг. смертности вообще и младенческой и детской смертности в частности. На фоне высокой выживаемости молодого населения и структурного экономического кризиса 2000-х около половины безработных в стране к 2011 г. составляла возрастная группа от 20 до 24 лет. С учетом того что общее число безработных в Египте было около 2,5 млн человек, накануне революции в стране было более миллиона безработных молодых людей. Более того, около 43 % египетских безработных имели высшее образование⁸.

Как следствие, молодые образованные люди Арабского Востока, которые в XXI в. имеют современные средства связи и наблюдают за экономическими успехами в западных странах с демократическими системами, не могут реализовать себя. В качестве выхода из ситуации нередко арабская молодежь видит в применении радикальных мер в борьбе за свое будущее.

В качестве особенностей экономического уклада и рынка труда арабских стран стоит отметить, что значительная часть формально работающего населения существует в форме неполной занятости. Среди арабского населения также распространена неформальная занятость – уличные торговцы, сезонные сельскохозяйственные разнорабочие, где оплата труда непостоянна, нет социального и медицинского страхования. Отсутствие стабильной работы и гарантий будущего подталкивает население на изменение существующего общественно-политического строя в стране.

Таким образом, страны Арабского Востока и их население имеют ряд как общемировых социально-политических раздражителей, так и

уникальных для региона черт. Среди истоков и внутренних причин всплеска экстремистских проявлений в XXI в. можно выделить исторический, а также тесно связанный с ним внешнеполитический фактор. Однако основными причинами являются уникальный для региона культурологический фактор, в основе которого находится ислам, а также социально-экономический, в частности, демографический фактор. Своеобразное переплетение этих факторов, прежде всего двух последних, сформировало взрывоопасную атмосферу среди арабского населения, которое может непредсказуемо себя повести и при наличии внешних, и внутренних поводов к вымещению накопленного недовольства своим положением.

Примечания

- ¹ См.: The Alexandria Protocol. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/alex.asp (дата обращения: 03.03.2017).
- ² См.: Резолюция, принятая по докладу специальной (Adhoc) Комиссии по вопросам Палестины. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/040/42/IMG/NR004042.pdf?OpenElement> (дата обращения: 03.03.2017).

- ³ Хаттак Х. Влияние терроризма на политический ислам и демократию в мусульманском обществе // Ближний Восток и современность. 2015. Вып. 49. С. 227.
- ⁴ См.: Кудрявцев А. В. Движение «Братьев-мусульман» в странах Ближнего Востока // Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке / под ред. Е. Я. Сагановского. М., 1999. С. 58.
- ⁵ См.: Cole J. Top 10 Mistakes of former Iraq PM Nouri al-Maliki (That Ruined his Country). URL: <https://www.juancole.com/2014/08/mistakes-maliki-country.html> (дата обращения: 15.03.2017).
- ⁶ См.: K. al-Anani. Extremism Under Sisi // Foreign Affairs. URL: www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2017-01-08/extremism-under-sisi (дата обращения: 19.03.2017).
- ⁷ См.: Филин Н. А. Социально-демографический фактор массовых волнений в арабских странах и Иране // Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы: материалы конф. «круглого стола» / отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М., 2012. С. 41.
- ⁸ См.: Коротаяев А. В., Зинькина Ю. В. Структурно-демографические факторы «арабской весны» // Там же. С. 30.

Образец для цитирования:

Крупин С. В. Исторические истоки и внутренние причины распространения экстремистских проявлений на Арабском Востоке в XXI веке // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 500–503. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-500-503.

Cite this article as:

Krupin S. V. Historical Sources and Internal Causes of the Spread of Extremism in the Arab East in the XXI Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 500–503 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-500-503.

УДК [94+327](55)

ИРАНО-ЕГИПЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ ХОСНИ МУБАРАКА

А. В. Баранов

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, baranovav@mail.ru

В статье анализируется политика Ирана по налаживанию отношений с Египтом после свержения Х. Мубарака. В центре внимания находится период с июня 2011 по июнь 2012 года. На основе материалов иранских СМИ и официальных источников анализируются подходы и методы Исламской Республики в стремлении сформировать положительный имидж в египетском общественном мнении и наладить контакты с исламистскими силами в период парламентских и президентских выборов в Египте.

Ключевые слова: Ближний Восток, Иран, Египет, Исламское пробуждение, Арабская весна, Ассоциация братьев-мусульман, М. Мурси.

The Iran-Egypt Relations after Hosni Mubarak's Overthrow

A. V. Baranov

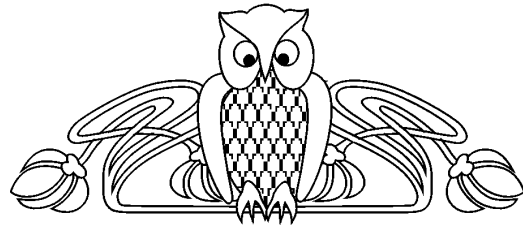
Alexey V. Baranov, ORCID 0000-0003-3351-9258, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, baranovav@mail.ru

The article analyzes Iran's policy of building relations with Egypt after the overthrow of H. Mubarak. The focus is on the period from June 2011 to June 2012. Based on the materials of the Iranian media and official sources, the approaches and methods of the Islamic Republic are analyzed in its effort to form a positive image in Egyptian public opinion and to establish contacts with the Islamist forces during the parliamentary and presidential elections in Egypt.

Key words: Middle East, Iran, Egypt, Islamic Awakening, Arab Spring, Muslim Brotherhood Association, M. Mursi.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-504-509

События 2011 г. на Ближнем Востоке, получившие название «Арабская весна», бесспорно, стали вызовом не только для стран региона, но и всего мира. То, что начиналось как мелкие акции уличных протестов в Тунисе, приобрело «эффект домино», когда за свержением президента Туниса Зийн Аль Абидина Бен-Али, которому удалось сбежать в Саудовскую Аравию 14 января, последовала 11 февраля отставка президента Египта Хосни Мубарака. После чего массовые антиправительственные акции прокатились по Алжиру, Иордании, Саудовской Аравии, Мавритании, Оману, Судану и Бахрейн. В ряде стран региона акции вылились в гражданскую войну (Ливия, Сирия и Йемен).

Сегодня мы наблюдаем процесс формирования новой системы региональной безопасности, в которой активную роль принимают и внерегиональные игроки. В этом плане особый интерес к происходящему испытывает и Россия, которая после начала военной операции в Сирии пристальное внимание уделяет политике региональных стран, выступающих в качестве союзников. В данном случае речь идет об Исламской Республике Иран, которая на фоне событий «Арабской весны» значительно активизировала свою вовлеченность в региональные процессы, превратившись во влиятельную силу.

В Тегеране внимательно отслеживалось развитие событий в странах региона. Верховный лидер аятолла Али Хаменеи, выступая на пятничной проповеди 4 февраля 2011 г. в кампусе Тегеранского университета, признал, что «сегодняшние события в Северной Африке, Египте, Тунисе и некоторых других странах имеют для нас особое звучание и значение», так как происходящее является «эхом голоса иранского народа», поднявшего волну Исламской революции, которая сегодня представляет собой Исламское пробуждение¹. При этом особое внимание уделялось борьбе египетского народа, о чем заявлялось в официальном сообщении МИД ИРИ от 5 февраля, где говорится, что МИД ИРИ внимательно отслеживает ситуацию, понимая всю важность и значимость происходящего. ИРИ также ожидает, что все нации мира поддержат египтян и осудят попытки со стороны США и Сионистского режима заставить свернуть египетский народ с истинного пути².

Свержение режима Хосни Мубарака в Тегеране восприняли как первый шаг на пути кардинального пересмотра не только внутренней, но и внешней политической стратегии Египта. На весну 2011 г. приходится активизация внешнеполитических усилий Ирана по восстановлению дипломатических отношений между двумя странами, которые были разорваны еще в 1980 г.

Однако несмотря на старания иранских властей сохранять позитивный и оптимистичный настрой в отношении перспектив восстановления отношений с Египтом, существовали серьезные причины как внутреннего, так и внешнего фактора, которые не позволили, что называется «на революционной волне» форсированным маршем пройти этот путь³.

Комментируя ситуацию с «заморозкой» переговорного процесса Каиром, МИД ИРИ Али

Акбар Салехи 29 мая 2011 г. озвучил уверенность в улучшении взаимоотношений между Ираном и Египтом, отметив при этом, что для возобновления связей между двумя мусульманскими странами необходимо время и терпение. «Египет в данный момент находится под определенным давлением. Также необходимо, чтобы египетские власти и народ достигли консенсуса в вопросе по улучшению отношений с Ираном как можно быстрее»⁴. Консенсус в обществе может быть сформирован в результате свободного волеизъявления народа на выборах, когда будет создано народное правительство. По словам Салехи, «мяч находится на стороне Египта», Иран ожидает ответа Египта на возобновление отношений между странами. «В данный момент египетская сторона должна выразить свою готовность, когда она будет готова к возобновлению отношений», подчеркнул он на встрече с представителями египетской общественной делегации⁵.

Общий вывод, который можно сделать из высказываний экспертов и политических деятелей Ирана, сводится к тому, что, как заявил спикер Маджлиса Али Лариджани, «свержение египетскими революционерами режима Мубарака – это только первая стадия, на второй стадии должна произойти смена режима»⁶. А она может произойти только после парламентских выборов в стране. Следовательно, Иран, заинтересованный в дружественном Египте, должен ориентироваться и поддерживать те силы внутри страны, чьи программные политические установки совпадают с базисными внешнеполитическими принципами Ирана.

Тегеран довольно быстро определился с той политической силой, на которую необходимо будет опираться в процессе восстановления дипломатических отношений. Такой силой могла стать старейшая исламистская организация не только в Египте, но и в целом в исламском мире – Ассоциация братьев-мусульман (АБМ) и образованная на ее платформе 30 апреля 2011 г. Партия свободы и справедливости (ПСС).

Установление отношений с АБМ открывало Тегерану широкие перспективы по налаживанию диалога с другой влиятельной духовной организацией – улемами Аль-Азхара. Так как Верховный имам Аль-Азхара Ахмед аль-Тейб официально признал идентичность идей АБМ и Аль-Азхара⁷, поэтому в Тегеране восприняли как позитивный знак высказывания одного из лидеров АБМ Камала аль-Халбави в интервью британской ВВС, когда тот выразил благодарность верховному лидеру Али Хаменеи за поддержку египетской революции, а также высказал пожелание, чтобы и его страна развивалась во всех сферах «подобно Ирану, добившемуся больших технологических и научных достижений и ставшего региональным лидером»⁸.

Для установления и налаживания контактов Тегеран пригласил принять участие в работе 24-й

международной конференции по исламскому единству (19–21 февраля 2011 г.) египетскую делегацию, во главе которой оказался как раз Камаль аль-Халбави. Стремясь подчеркнуть важность данного события, члены египетской делегации были приняты на самом высоком уровне, получив аудиенцию у Верховного лидера Али Хаменеи⁹.

Учитывая высказывания политических деятелей АБМ и ПСС, можно было сделать вывод о наличии большого числа точек соприкосновения в подходах, отстаиваемых Ираном. Так, тот же Камаль аль-Халбави в интервью иранской газете «Tehran Times» заявил, что АБМ будет активно участвовать в политической жизни страны, проводя исламские принципы в политику. В отношении критичного для ИРИ палестинского вопроса, он, в частности, заявил: «Если соглашения справедливы, мы будем их соблюдать, если нет, то мы должны будем их расторгнуть»¹⁰. А в отношении заблокированного Сектора Газа аль-Халбави призвал к более активной позиции Египет, который пошел на открытие пограничного КПП Рафах, что явилось зримым следствием отхода от прежней политики Х. Мубарака.

Развернутую программу деятельности АБМ и ПСС в преддверии парламентских выборов в Египте дал в октябре 2011 г. лидер ПСС Мухаммед Мурси. Он заявил, что в основе деятельности партии лежит идея пропаганды мирного смысла религии: «Мы воплощаем заложенные в исламе принципы в жизнь простых людей»¹¹. Цель АБМ заключается в том, «чтобы люди получили настоящую свободу, чтобы власть служила их интересам, потому что в исламе народ – это источник власти». Народ должен сам определять свою судьбу и судьбу государства. «Мы хотим, чтобы египтяне свободно избирали своих руководителей, чтобы народ действительно был источником власти. Это и есть демократия», уверен он. «Но все это должно осуществляться в рамках шариата». Шариат – это общие рамки жизни, «что же касается деталей, их должны определять сами люди и превращать в закон с помощью парламента»¹².

В отношении внешнеполитических приоритетов демократического Египта М. Мурси исходит из того факта, что внешняя политика страны должна быть многовекторной, поэтому необходимо «иметь сбалансированные отношения с Востоком и Западом», уверен он. «В международных отношениях никогда нельзя опираться на какую-либо одну сторону»¹³.

Уязвимость или слабость позиции Ирана в возможности влиять на выгодный для себя расклад внутриегипетских политических сил заключается как раз в отсутствии официальных каналов общения между двумя странами на государственном уровне. Отсутствие дипломатических отношений серьезным образом осложняло процесс восстановления и налаживания добро-

соседских, союзнических связей, хотя Тегеран не раз направлял официальные приглашения, в частности главе МИД АРЕ Набилю аль-Араби. Известно о двух таких приглашениях, озвученных 9 апреля¹⁴ и 29 мая 2011 г.¹⁵, но ответа на приглашения с египетской стороны так и не последовало.

Не имея прямых каналов, Тегеран на официальном уровне был вынужден ограничиваться проведением встреч на «полях» различных международных мероприятий. Однако параллельно этому Иран начал интенсивно использовать неофициальные каналы, обратившись к методам «публичной дипломатии». Практически на протяжении всего исследуемого периода – с июня 2011 года по июнь 2012 года – мы наблюдаем активизацию контактов на различных уровнях между представителями общественной, политической, культурной и научной элиты двух стран в ходе многочисленных визитов египетских делегаций по приглашению иранской стороны.

Надо ли говорить о том, что данные визиты носили не только информационный и экскурсионный характер. Куда большее внимание отводилось их политическому и пропагандистскому значению. Визиты освещались ведущими иранскими СМИ. Делегатам организовывались большие ознакомительные поездки и встречи по стране. Сами визиты длились от нескольких дней до недели. Представителей делегаций принимали на самом высоком государственном уровне. Например, египетская делегация, прибывшая в Тегеран в июне 2011 г., была принята президентом ИРИ Махмудом Ахмадинежадом, МИД ИРИ Али Акбаром Салехи и секретарем ВСНБ ИРИ Саидом Джалили¹⁶. А в мае 2012 г. делегацию принимал директор ВАИП и советник верховного лидера аятоллы Али Хаменеи Али Акбар Велаяти¹⁷. Во время этих встреч официальные лица подчеркивали необходимость сближения между двумя странами, укрепление исламского единства, преодоления расхождений в трактовке религиозных доктрин суннизма и шиизма.

В этом отношении отдельно следует выделить стремление официального Ирана наладить диалог с ведущими улемами Египта и в особенности с верховным имамом Аль-Азхар шейхом Ахмедом аль-Тейбом.

В соответствии с данной инициативой иранская делегация во главе с депутатом маджлиса Насером Судани 26 июля 2011 г. прилетела в Каир для встречи с шейхом Ахмедом аль-Тейбом. В ходе аудиенции Н. Судани передал официальное приглашение от имени спикера маджлиса Али Лариджани посетить Иран¹⁸. По итогам состоявшегося разговора Н. Судани сообщил, что речь шла о необходимости сохранения единства исламской уммы в условиях обострения ситуации в регионе. Шейх аль-Азхар, в частности, призвал Иран, Египет и Турцию основать «исламский

треугольник», который послужит интересам всего исламского мира¹⁹. Также шейх призвал к расширению отношений между арабскими странами и Ираном.

На таком активном информационном фоне иранских инициатив в августе 2011 г. в Каир прибывает первая официальная делегация из Ирана. По признанию иранских СМИ, это первый официальный визит такого уровня, и это стало возможно только после свержения Х. Мубарака. Иранскую делегацию возглавлял глава парламентской комиссии по национальной безопасности и внешней политике Алаэддин Боруджерди.

Официальной целью визита была встреча, состоявшаяся 8 августа 2011 г., с главой ЛАГ и экс-главой МИД АРЕ Набилем аль-Араби, которому Боруджерди передал официальное приглашение от имени спикера маджлиса Али Лариджани посетить Тегеран для участия в работе международной конференции в поддержку Палестины. Но неофициально А. Боруджерди должен был донести до египетской стороны позицию Ирана и наметить возможные точки соприкосновения для скорейшей нормализации двусторонних отношений. По его словам, Ирану важно начать диалог, который должен заложить основы для вывода отношений из тупика. «Мы понимаем нынешнюю ситуацию в Египте», подчеркнул он, «мы уверены, что отношения между странами возобновятся, и взаимные визиты иранских и египетских делегаций доказывают это»²⁰.

С точки зрения Ирана у двух стран должны быть и есть общие подходы по целому ряду региональных проблем, совместное решение которых может вывести взаимодействие на новый уровень. Боруджерди поддержал инициативу шейх Аль-Азхара по расширению сотрудничества с Турцией. В частности, он отметил плодотворность от такого подхода для урегулирования начавшихся беспорядков в Сирии: «Мы готовы сотрудничать с нашими мусульманскими братьями из Турции по Сирии, также мы заинтересованы в сохранении хороших отношений с Турцией в связи с ситуацией в Ираке»²¹.

Дополнительным критерием возможной кооперации усилий может стать ситуация вокруг Палестины. Боруджерди заявил, что иранские власти не проводят и не планируют проводить политику по насаждению шиизма в регионе, назвав подобные заявления «фальшивой пропагандой, продвигаемой общими врагами шиитов и суннитов», чтобы внести раскол. Фактически он обвинил в этом США, призвав Египет к образованию оси для противостояния угрозам региональным странам со стороны Америки. «Потеряв Египет, США сконцентрировали свое внимание на Сирии», заявил Боруджерди. Необходимо сделать все возможное, чтобы обезопасить Сирию, являющуюся главным хабом в поддержке движения сопротивления палестинского народа Сионистскому режиму.

Визит А. Боруджерди продемонстрировал еще раз двойственность положения Ирана в отношении Египта. Визит был официальным, но встретиться с официальными лицами государства не удалось. Набиль аль-Араби хоть и занимал до июня 2011 г. пост главы МИД страны, но фактически в августе представлял уже не государство, а международную организацию, какой и является ЛАГ. В отличие от своих прямых «конкурентов» в лице арабских монархий и Турции, иранские официальные лица не могут совершать государственных визитов и вести официальные двусторонние переговоры на высшем уровне. И как отметил сам Боруджерди по итогам своего визита, «мы уверены, что слишком много у Америки тут своих интересов, которые мешают установлению отношений Ирана с Египтом»²². Для этого необходимо менять всю систему власти, которая была заточена на сохранении статус-кво после свержения режима Х. Мубарака.

Неспадающая волна политической активности масс заставляла военные власти в лице Высшего совета ВС выступать проводником дальнейших мероприятий в рамках демократизации Египта. В октябре 2011 г. недовольные вновь, как и в феврале месяце, выходят на акции протеста на площадь Тахрир. Главное требование протестующих – отмена закона о военном положении в стране и передача власти гражданскому правительству. В ходе исследуемого периода хунта во главе с маршалом Мохаммадом Хуссейном Тантави не была уверена в том, что ее действия по приходу к власти будут поддержаны большинством граждан, а силовой переворот не будет подвергнут критике на Западе. Тем более, выступая под лозунгами защиты принципов февральской революции, они пока не могли их сами же и нарушить. Поэтому, стремясь удержать бразды правления под своим контролем, хунта была вынуждена считаться с сохраняющимся трендом на дальнейшую демократизацию в стране. В данном ракурсе необходимо рассматривать официальное заявление маршала Тантави, сделанное им по ТВ вечером 22 ноября 2011 г. В нем он сообщил об отставке правительства премьера Эссама Шарафа, а также о проведении запланированных на декабрь 2011 г. парламентских выборов, за которыми до июля 2012 г. должны будут пройти и президентские выборы²³.

В Иране с особым вниманием наблюдали за подготовкой и проведением избирательной кампании в Египте, возлагая на них большие надежды. Так, президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад, признавая заслуги Египта в истории исламского мира и отдавая ему дань уважения, заявлял: «Если движение египетского народа достигнет победы и демократическое правительство будет сформировано в этой стране, весь мир благословит этот результат»²⁴. И результат в случае проведения свободных выборов, по мнению Ахмадинежада, будет не в пользу Запада, «так как к власти мо-

жет прийти правительство, выступающее против США и Сионистского режима».

Действительно, состоявшиеся в декабре 2011 г. выборы продемонстрировали ошеломительный успех исламистов. В общем итоге исламистские партии получили 71%, или 358 из 498 депутатских мест в парламенте. Возглавляемый АБМ «Демократический альянс» получил 235 мест, а салафитский блок – «Альянс за Египет» (Ан-Нур, Аль-Асалья и другие) – 123 места. Старейшая светская партия – Аль-Вафд – смогла занять только третье место с 38 депутатскими местами²⁵.

Итоги избирательной кампании в Египте открывали хорошие перспективы для Ирана, стремившегося к налаживанию полноформатных дипломатических отношений с ведущей страной арабского и исламского мира. Так, в официальном заявлении МИД ИРИ по случаю первой годовщины начала февральской революции, 25 января 2012 г., подчеркивалась важность свержения «тоталитарного и диктаторского правящего режима». Далее говорилось, что Иран готов протянуть руку помощи и поддержки, поделиться своим опытом с египетским народом «следованию по пути независимости, справедливости, достоинства, в стремлении основать систему, опирающуюся на религиозную демократию»²⁶. Иран поддерживал, поддерживает и будет поддерживать египетских революционеров, так как победа их революции «подорывает политику держав-гегемонов».

Победа именно кандидата АБМ на президентских выборах, состоявшихся в мае – июне 2012 г., как никогда приближала выполнение стратегической установки внешней политики Ирана. Избрание на пост президента в ходе свободных и открытых выборов, что было признано и мировым сообществом, Мохаммеда Мурси открывало перспективу формирования исламистского правительства. Причем не радикалов салафитского толка из Ан-Нур, а умеренных, ориентирующихся на идеи реформированного ислама.

Тегеран не скрывал своих намерений, открыто заявляя о своих ожиданиях от новых властей Египта, что те кардинально поменяют свой внешнеполитический курс. Глава МИД ИРИ Али Акбар Салехи уже 16 апреля 2012 г. заявил: «ИРИ ищет возможности повысить отношения с Египтом до уровня посольства»²⁷. И это планируется сделать уже в ближайшем будущем.

Куда более эмоционально и откровенно об ожиданиях от итогов президентских выборов высказался президент ИРИ М. Ахмадинежад 16 июня 2012 г., когда второй тур голосования только начался и еще не были известны результаты. Во второй тур прошли два кандидата: Ахмед Шафик – представитель светских сил и свергнутого режима, которому противостоял сторонник АБМ – исламист Мохаммед Мурси. Встречаясь с делегацией египтян, чьи родственники погибли

в дни революции, М. Ахмадинежад заявил, что если Иран и Египет встанут рядом друг с другом, в чем он не сомневается, то «робкие и трусливые» сионисты уйдут из региона. По его словам, ИРИ остро заинтересована в том, чтобы помочь египетскому народу реализовать свои чаяния, добавив при этом, что Иран рассматривает процветание Египта как свой собственный рост и надеется, что египетский народ чувствует то же самое по отношению к ИРИ²⁸.

Подводя итоги деятельности Ирана в анализируемый период, следует сказать, что он оказался не из простых. Тегеран не оставил надежд на восстановление и налаживание отношений после того, как это ему не удалось сделать на волне революции весной 2011 г. Серьезным фактором, затруднявшим этот процесс, что сильно ослабляло позиции ИРИ в возможностях влиять на расклад внутриегипетских сил в свою пользу, было именно отсутствие дипломатических отношений, когда, в отличие от своих конкурентов, тех же арабских монархий, Турции или США с Израилем, он не мог вести прямых двусторонних переговоров на высшем уровне, а был вынужден прибегать исключительно к встречам на «полях» международных мероприятий. В связи с этим Тегеран обратился к практике «публичной дипломатии», пойдя на организацию визитов египетских делегаций в Иран для встреч с представителями власти и общественности, стремясь, тем самым, формировать в египетском обществе положительный имидж страны и народа. Отдельно стоит отметить и инициативу Тегерана по налаживанию контакта с шейх аль-Азхаром для запуска диалога по поиску компромисса между суннитами и шиитами.

Провозгласив себя носителями идей Исламского пробуждения, Иран в своей внешнеполитической деятельности с начала Арабской весны взял за основу поддержку тех политических сил в регионе, которые разделяли или придерживались этих принципов. В отношении Египта для Ирана такой силой стали АБМ и ее политическое крыло – ПСС. Победа исламистских сил в парламентской гонке, а исламистского кандидата в президентской, как никогда до этого приблизило Иран к осуществлению своей задачи, что он и попытался реализовать в период президентства М. Мурси.

Примечания

- 1 См.: Egyptians rising up against servitude to US : Leader // Tehran Times. 2011. February 5. № 11080. P. 1.
- 2 См.: Iran warns US, Israel against meddling in Egypt // Tehran Times. 2011. February 5. № 11080. P. 8.
- 3 Подробнее см.: Баранов А.В. Иранская инициатива по восстановлению отношений с Ираном в 2011 году // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 107–112.

- 4 FM : Resumption of Iran-Egypt Relations Needs Time. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/13268/FM+Resumption+of+IranEgypt+Relations+Needs+Time.html> (дата обращения: 30.05.2011).
- 5 См.: Iran says waiting for Egypt's response on resumption of ties. URL: <http://isna.ir/en/news/9003-08269/Iran-says-waiting-for-Egypt-s-response-on> (дата обращения: 01.06.2011).
- 6 Change of system, next stage of Egypt revolution // Tehran Times. 2011. February 15. № 11089. P. 2.
- 7 См.: Ражбадинов М. З. Египетское движение «Братьев-мусульман». М., 2004. С. 236.
- 8 Muslim Brotherhood hails Leader's support // Tehran Times. 2011. February 8. № 11083. P. 1.
- 9 См.: Egyptians should not allow enemies to misdirect revolution : Leader. URL: <http://en.mehrnews.com/news/44760/Egyptians-should-not-allow-enemies-to-misdirect-revolution-Leader> (дата обращения: 21.02.2011).
- 10 Muslim Brotherhood will run in parliamentary elections : Halbawi // Tehran Times. 2011. February 23. № 11095. P. 1.
- 11 Винницкий Д. И. Мухаммед Мурси : «Мы боремся за власть, но проповедуем мир» // Азия и Африка сегодня. 2011. № 12. С. 2.
- 12 Там же. С. 4.
- 13 Там же. С. 7.
- 14 См.: Saudi Arabia is on the wrong path : Salehi // Tehran Times. 2011. April 10. № 11121. P. 2.
- 15 См.: FM : Resumption of Iran-Egypt Relations Needs Time. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/13268/FM+Resumption+of+IranEgypt+Relations+Needs+Time.html> (дата обращения: 30.05.2011).
- 16 См.: Egyptian delegation in Tehran for talks with authorities. URL: <http://isna.ir/en/news/9003-07087.180565/Egyptian-delegation-in-Tehran-for-talks-with> (дата обращения: 31.05.2011).
- 17 См.: No obstacle to resume ties with Egypt, says Iran's Velayati. URL: <http://en.mehrnews.com/news/51126/No-obstacle-to-resume-ties-with-Egypt-says-Iran-s-Velayati> (дата обращения: 08.05.2012).
- 18 См.: Iranian lawmakers meet with Sheikh al-Azhar. URL: <http://isna.ir/en/news/9005-03594/Iranian-lawmakers-meet-with-Sheikh-al-Azhar> (дата обращения: 27.07.2011).
- 19 См.: Iran, Egypt, Turkey should form an Islamic triangle : Al-Azhar imam. URL: <http://en.mehrnews.com/news/47213/Iran-Egypt-Turkey-should-form-an-Islamic-triangle-Al-Azhar> (дата обращения: 30.07.2011).
- 20 Iran MP says Tehran not in hurry to resume ties with Cairo. URL: <http://isna.ir/en/news/9005-12426/Iran-MP-says-Tehran-not-in-hurry-to-resume> (дата обращения: 09.08.2011).
- 21 Iran seeks alliance to protect Syria against US meddling. URL: <http://en.mehrnews.com/news/47418/Iran-seeks-alliance-to-protect-Syria-against-US-meddling> (дата обращения: 10.08.2011).
- 22 Iran MP says Tehran not in hurry to resume ties with Cairo. URL: <http://isna.ir/en/news/9005-12426/Iran-MP-says-Tehran-not-in-hurry-to-resume> (дата обращения: 09.08.2011).
- 23 См.: Three protesters killed in Egypt. URL: <http://english.>

- irib.ir/news/world/west-asia/item/83180-three-protesters-killed-in-egypt (дата обращения: 23.11.2011).
- ²⁴ West seeking to prevent free election in Egypt: Ahmadinejad. URL: <http://en.mehrnews.com/news/48427/West-seeking-to-prevent-free-election-in-Egypt-Ahmadinejad> (дата обращения: 11.10.2011).
- ²⁵ См.: Ражбадинов М. З. Указ. соч. С. 230–231.
- ²⁶ Iran congratulates Egyptians on first anniversary of revolution. URL: <http://en.mehrnews.com/news/49698/>
- Iran-congratulates-Egyptians-on-first-anniversary-of-revolution (дата обращения : 25.01.2012).
- ²⁷ Tehran plans to open embassy in Cairo. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/1900168/Tehran-plans-to-open-embassy-in-Cairo.html> (дата обращения: 17.04.2012).
- ²⁸ См.: Unity between Iran, Egypt will put Zionists to flight : Ahmadinejad. URL: <http://en.mehrnews.com/news/51608/Unity-between-Iran-Egypt-will-put-Zionists-to-flight-Ahmadinejad> (дата обращения: 16.06.2012).

Образец для цитирования:

Баранов А. В. Ирано-египетские отношения после свержения Хосни Мубарака // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 504–509. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-504-509.

Cite this article as:

Baranov A. V. The Iran-Egypt Relations after Hosni Mubarak's Overthrow. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 504–509 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-504-509.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).046+94(470.331)|1613|

«ТОРОПЕЦКОЕ ОСАДНОЕ СИДЕНЬЕ» 1613 г. И ЕГО УЧАСТНИКИ

Я. Н. Рабинович

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории города Торопца в завершающий период Смутного времени, когда в Москве только что избрали нового царя Михаила Романова. Особое внимание уделено судьбе жителей Торопца, которые героически обороняли свой город от польских войск гетмана Гонсевского, а также приводятся имена многих защитников этой крепости.

Ключевые слова: Александр Корвин Гонсевский, Василий Иванович Туренин, Л. М. Сухотин, документы Печатного приказа, книга сеунчей, разрядные записи, Бельский летописец, воевода, четвертные приказы, кормленные и расходные книги.

The Siege of Toropets of 1613 and Its Participants

Ya. N. Rabinovich

Yakov N. Rabinovich, ORCID 0000-0002-6204-125X, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, RabinovichYN@yandex.ru

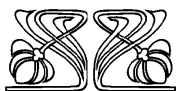
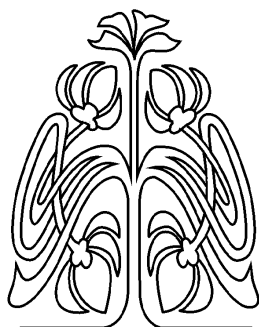
The article deals with the unknown pages of the city of Toropets' history during the late Time of Troubles, when a new tsar, Mikhail Romanov, had just been elected in Moscow. Special attention is paid to the fate of Toropets' inhabitants, who bravely defended their city from the Polish troops of hetman Gonsesky, names of many defenders are given.

Key words: Alexander Corvin Gonsesky, Vasily Ivanovich Turenin, L. M. Sukhotin, documents of the Printing prikaz, book of messengers, Belsky chronicler, voivode, rules governing feudal tenants, feeding and expense books.

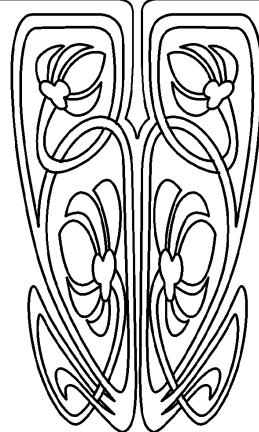
DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-510-519

«Торопецкое осадное сиденье» – это оборона Торопца в феврале – мае 1613 г. защитниками города под командованием воеводы князя Василия Ивановича Туренина от польских войск велижского старосты Александра Корвина Гонсевского. Эти события до настоящего времени еще остаются тайной для исследователей. О «Торопецком осадном сиденье» и его героях ничего не знают и торопецкие краеведы. Попытки автора этих строк пробудить интерес к данному сюжету среди руководителей местных печатных изданий натолкнулись на непонятное равнодушие.

Героическая оборона Торопца в 1613 г. изучена явно недостаточно, хотя сохранилось множество источников о награждении служилых людей из Торопца, Великих Лук и Белой именно за «Торопецкое осадное сиденье». Единственным (осмелюсь предположить) исследователем, кто правильно связал три посылки – время события и представителей противоположного лагеря (1613 г. – кн. В. И. Туренин – А. Гонсевский), был Леонид Михайлович Сухотин, причем еще свыше 100 лет назад. Он указал во вступительной статье при публикации документов о первых месяцах царствования Михаила Романова имена польского военачальника, русского воеводы и точное

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

время осады города, а также состав гарнизона Торопца¹. До этого в трудах краеведов звучали только общие фразы о том, что в Смутное время город и его окрестности часто разоряли поляки, литовцы и запорожские казаки. Исключение составляет капитальная монография о Торопце Ивана Побойнина, написанная в 1902 г., отдельные сюжеты которой посвящены Смутному времени. Однако этот автор считал, что в 1613 г. кн. В. И. Туренин оборонял Торопец от Лисовского. Он писал: «*Можно предполагать, что во главе литовцев, осаждавших Торопец, находился известный Александр Лисовский*»². По-видимому, И. Побойнину не были известны источники, опубликованные через 13 лет Л. М. Сухотиным. Отметим, что эти документы Печатного приказа, введенные в научный оборот Л. М. Сухотиным, а тем более вступительная статья к ним, вплоть до настоящего времени практически неизвестны исследователям истории Торопца.

Фамилия Гонсевский указывалась в труде Б. Лапченко применительно к событиям 1609 г. (поход кн. М. В. Скопина-Шуйского), когда Гонсевскому помогали «сторонники Лжедмитрия II». Современный исследователь А. В. Зорин правильно указал имя воеводы города (В. И. Туренин), однако считал, что царскую награду этот воевода получил за события 1610 г., а противником В. И. Туренина был известный польский авантюрист А. Лисовский. Следует отметить, что А. Лисовский действительно в то время (май 1610 г.) пытался захватить Торопец, но Туренина в городе еще не было. Только В. В. Косточкин вскользь упомянул, что в 1613 г. Торопец выдержал осаду литовцев (при этом имен русского и польского военачальников автор не называл)³.

Основными источниками в данной работе являются опубликованные Л. М. Сухотиным документы Печатного приказа. Этот приказ собирал пошлинные деньги с различных грамот и челобитных. Сохранилось много подписных челобитных служилых людей из Торопца, в которых говорится об освобождении их от уплаты пошлин в связи с бедностью и разорением. В этих челобитных приводится имя польского военачальника и время начала и прекращения осады Торопца, а также ряд интересных подробностей о жизни города и его жителей⁴.

Фраза «Торопецкое осадное сиденье 121 году» часто звучала в опубликованной А. Н. Зерцаловым еще в 1894 г. Кормленной книге Костромской чети, а также Л. М. Сухотиным в 1912 г. Кормленной книге Галицкой чети. В этих источниках приводятся имена многих защитников Торопца и говорится об их награждении⁵. Напомним, что 7121 г. начинается 1 сентября 1612 г. и заканчивается 31 августа 1613 г.

О награде воеводе В. И. Туренину за Торопецкое осадное сиденье мы узнаем из Книги сеунчей и из приходно-расходных книг Казенного приказа⁶.

В архивах сохранились письма А. Гонсевского из окрестностей Торопца разным лицам. К примеру, исследователь Смуты Г. А. Замятин привел выдержку из письма А. Гонсевского Х. Радзивиллу от 9 марта 1613 г., а шведский королевский историограф Ю. Видекинд – письмо А. Гонсевского Я. Делагарди того же времени возле Торопца⁷.

В архиве Делагарди в Тарту имеются письма А. Гонсевского, о которых сообщает В. А. Кордт. Одно из них – это письмо от 8 апреля 1613 г. к шведскому военачальнику, скорее всего Эверту Горну или Якобу Делагарди (оригинал написан на латыни). Место написания письма определено как «In castris ad Roscovam». Также здесь в Тарту хранится письмо А. Гонсевского А. Лисовскому от 20 мая 1613 г. (оригинал на польском языке). Место указано как «Lager bei Roscow». Здесь же в архиве Делагарди имеется письмо англичанина Вильяма Грэхэма от 22 марта 1613 г. к Георгу Грэхэму (оригинал на англ. яз.) около Торопца («Lager vor Toropez»). Это письмо написано в самый разгар осады города. В. А. Кордт указал, что автор письма Вильям Грэхэм является капитаном на шведской службе⁸. В Новгороде в войске у Я. Делагарди действительно были англичане и шотландцы, полком которых командовал Самуил Коброн. В войске Гонсевского под Торопцом также были иностранные наемники на польской службе, в том числе англичане, ирландцы и шотландцы.

Важные подробности осады Торопца А. Гонсевским, сведения о составе его войска приведены в Бельском летописце⁹.

Будущий герой Торопецкого осадного сиденья кн. В. И. Туренин приехал в Торопец из Москвы в самом конце 1612 или в начале 1613 г. Он был участником Нижегородского ополчения, доверенным лицом князя Д. М. Пожарского, отличился в августе 1612 г. в боях под Москвой. В октябре 1612 г. накануне капитуляции польского гарнизона он еще находился под Москвой, подписывал грамоту на Белоозеро¹⁰. Руководители объединенного ополчения Трубецкой и Пожарский вскоре после освобождения столицы отправили его в Торопец, как бы предчувствуя, что вскоре здесь начнутся тяжелые боевые действия, и в этом пограничном городе нужен опытный воевода. Князя В. И. Туренина сопровождали надежные воины, прежде всего, бельские помещики, отличившиеся в боях с гетманом Ходкевичем под Москвой, на которых можно было положиться.

Приехав в Торопец, кн. В. И. Туренин принял энергичные меры для укрепления обороны города. Он стал проводить жесткую политику, укрепляя дисциплину среди жителей города, что вызвало недовольство местного населения, как стрельцов, так и посадских людей. Посыпались одна за другой жалобы в Москву на имя нового царя Михаила от стрельцов, чтобы их судил не воевода, а свой стрелецкий голова, а также от посадских людей, которые писали, что у них есть

уставная грамота еще от царя Федора Ивановича о своем посадском суде¹¹.

Князю Василию Туренину помогал в делах укрепления обороны города разрядный дьячок Богдан Юхов, от которого доставалось и местным помещикам. Один из них, Борис Толбузин, написал челобитную на самоуправство этого торопецкого разрядного дьячка Б. Юхова. 23 июня 1613 г. была запечатана и отправлена грамота в Торопец кн. В. И. Туренину «об управе» на этого Б. Юхова¹².

Еще одним из помощников воеводы Туренина был Воин Обашев. Именно ему была запечатана и отправлена 10 марта в Торопец специальная грамота. В ней говорилось о решении дьяков по поводу спора двух торопчан, один из которых Сергей Левашев написал челобитную на Федора Давыдова «о управе в поклаже». Эта грамота, по которой разбираться на месте пришлось Воину Обашеву, была с положительным решением для Сергея Левашова, хотя челобитчику Левашову пришлось уплатить за нее пошлину полполтины¹³.

Важную роль в обороне города играли стрельцы. Стрелецкий гарнизон (около трех сотен человек) возглавлял стрелецкий голова Ратман Афанасьевич Тарбеев. Р. А. Тарбеев был также одним из помощников воеводы Туренина. Именно стрельцы его приказа в начале марта 1613 г. подали челобитную на имя нового царя Михаила Федоровича о хлебном и денежном жаловании.

Крепостные укрепления Торопца были оснащены мощной артиллерией, для обслуживания которой привлекались свыше 40 пушкарей и затинщиков.

Торопецкий «служилый город» в 1613 г. был довольно многочисленным и насчитывал свыше 200 дворян и детей боярских, хотя многие из местных помещиков служили пешими из-за больших потерь в лошадях. Через несколько лет после этих событий в одной из разрядных записей говорилось, что в Торопце «дворян и детей боярских Торопчан конных 174 ч., да пеших 93 ч.»¹⁴.

Небольшую, но сплоченную корпорацию луцких дворян, нашедших во время Смуты приют в Торопце, возглавляли Петр Иванович Мусорский и Исак Петрович Байков.

Среди многочисленного клана бельских помещиков Тарбеевых в Торопце весной 1613 г. стоит выделить Тимофея Петровича Тарбеева, который в своей челобитной царю писал, что был четыре года в воеводах в Торопце¹⁵.

Обстановка в стране к началу 1613 г. была следующей. Король Сигизмунд, потерпев в ноябре 1612 г. неудачу под Волоком и узнав, что польский гарнизон Кремля капитулировал, прекратил дальнейший поход на Москву и вернулся в Смоленск, а оттуда в Варшаву. Фактически всеми делами в оккупированной поляками части Центральной России руководил А. Гонсевский. Своей основной базой он сделал Белую, откуда и начал в феврале 1613 г. очередное наступление на Торопец.

Бельский летописец сообщает, что в войске Гонсевского были не только польские и литовские люди, но и иностранные наемники. Имена этих «немцев ирляньских» (англичан, шотландцев и ирландцев) хорошо известны. Значительную часть войска Гонсевского составляли также запорожские казаки (черкасы). Среди тех, кто сражался на стороне поляков, были и русские люди, помещики из Белой. Многие из них еще в 1610 г. присягнули польскому королевичу, получили от него земельные пожалования и долго еще сражались против нового московского правительства Михаила Романова. Скорее всего, они присягнули Михаилу Романову после сдачи Белой в начале сентября 1613 г. вместе с «бельскими немцами». Однако некоторые, в том числе Ивашка Мещеринов, оставались на службе у поляков до конца Смуты (возможно, что этот Ивашка Мещеринов был полным тезкой другого бельского помещика Ивана Михайлова сына Мещеринова, служившего царю Михаилу).

О начале осады Торопца в Бельском летописце говорится следующее: «Того же году зимою пришел под Торопец з Белой пан Александр Гонсевской со многими с польскими и с литовскими людми и с немцы ирляньскими, и с черкасы, и с рускими людми, з беляны, которые были с ним на Белой»¹⁶.

О том, что Торопец находится во вражеской осаде, в Москве узнали еще в конце февраля – начале марта 1613 г. Торопецкий помещик Илейка Васильев сын Татарин в начале марта сообщал, что пожалованное ему старое его поместье в 80 чети разорено: «А ныне литовские люди под Торопцом стоят, жены и дети сидят в осаде». 14 марта бояре уже удовлетворили его просьбу о поместье¹⁷.

Торопчане Петр Первого сын Полибин и Фадей Нечаев сын Скворцов тоже сообщали в начале марта о разорении их поместий, «а город и ныне в осаде от литовских людей». 18 марта последовало положительное решение по их челобитной¹⁸.

Бельский помещик Исак Языков одним из первых сообщил в Москве боярам в марте 1613 г. о польском военачальнике Гонсевском. И. Языков писал, что поместье «нынече разорил Гасевский под Торопцом». 2 апреля по его челобитной о разорении пожалованного ему поместья И. Языков был освобожден от уплаты пошлин за ввозную грамоту на это поместье¹⁹.

Луцкий помещик Исак Байков, которому вместо луцкого поместья было дано поместье в Торопце «из порозжих земель», сообщал: «Ныне под Торопцом стоит Литва, то поместье разорено»²⁰.

Белянин Ратман Афанасьев Левашев, отца которого убили литовские люди на службе в Торопце, получил отцовское поместье в Пошехонском уезде. Весной 1613 г. он писал, что находится на службе в осаде в Торопце. По-видимому, кто-то передал его челобитную боярам в Москве²¹.

К началу июня 1613 г. «из Торопца из осады» прислала челобитную вдова Корнилы Чоглокова Арина. Она сообщает, что после гибели мужа ей с детьми даны поместья и вотчина в Торопце и Романовском уезде²².

Тогда же в июне в Москве оказался племянник Корнилы Чоглокова торопецкий помещик Никита Александрович Чоглоков. Он был одним из первых защитников города, который в челобитной указал про свои заслуги, связанные с осадным сиденьем. Ему было дано поместье дяди Корнилы Чоглокова в Торопецком уезде, 130 чети. По его просьбе было решено не брать пошлин «для бедности и разорения и за торопецкое осадное сиденье»²³.

Об осаде Торопца и тяжелом положении жителей города было известно в конце марта – начале апреля 1613 г. новому царю Михаилу Романову. Прибыв в Ярославль, он писал в Москву членам Земского собора 8 апреля: «под Торопцом ныне Литовские люди стоят, и Торопцу ни откуда помочи нету». 14 апреля эта грамота была получена в Москве. Можно считать эту грамоту царским указанием боярам принять неотложные меры для оказания помощи Торопцу²⁴. Возможно, что отправка войска князя С. В. Прозоровского на помощь Пскову, маршрут которого предполагался пройти между шведскими (южнее Старой Руссы) и польскими (севернее Белой) владениями через Торопец, преследовал цель помочь Торопцу.

Пока не обнаружены источники о том, какие отряды служилых людей и откуда прибыли на помощь Торопцу (и были ли вообще отправлены или защитники города сумели обойтись своими силами).

В июне 1613 г. наблюдается приезд в Москву ряда помещиков, которые писали в челобитных, что участвовали в обороне Торопца. К моменту их отъезда из Торопца осада города уже была прекращена, и дорога на Москву стала свободной.

Три помещика Ефим и Тимофей Александровичи Коптевы и Меньшой Смирнов Болотников первыми указали точное время осады Торопца. Конечно же, они отметили и свои заслуги. Они в июне приехали с государевыми отписками из Торопца от воеводы Туренина; в своих челобитных просили дать грамоты на старые отцовские поместья. Эти помещики прямо указывали, что «сидели они в Торопце в осаде от масленицы до троицына дня». 28 июня их челобитные были удовлетворены²⁵. В 1613 г. масленица и Пасха были ранние. Пасха в 1613 г отмечалась 4 апреля, а Троицын день – 23 мая. Судя по словам челобитчиков, прекращение осады Торопца – это день Святой Троицы 23 мая.

В конце июня прибыли в Москву с отписками от воеводы Василия Туренина торопецкие помещики Иван Деденев, Петр и Степан Полибины. Они сообщали, что сидели в Торопце в осаде 5 лет от литовских людей, просили дать им новые поместья, а также не брать с них по-

шлин «для бедности и разорения и за торопецкое осадное сиденье». 30 июня их челобитные были удовлетворены. Ивану Деденеву царь пожаловал поместье – прожиточное поместье сестры 50 ч., Петру Полибину – тоже прожиточное поместье его сестры – 40 ч., Степану Полибину – пустое поместье 90 ч.²⁶

Тогда же в конце июня подали челобитные торопецкие помещики Леонтий Скворцов, Воин Деденев и Михаил Полибин «о бедностях». Они получили две грамоты из Разряда, просили не брать пошлин «для бедности и разорения и для торопецкого осадного сиденья». 2 июля их челобитные были удовлетворены²⁷.

Белянин Позняк Федорович Мистров писал в челобитной, что он «приволокся из Торопца из осады». Ему было дано за его заслуги поместье в вотчину. Выхлопотав такую грамоту, Позняк Мистров просил не брать с него денег, взять их негде. 17 июля было принято решение: если эта вотчина действительно находится в Бельском уезде, то денег не брать. Бельский уезд к тому времени еще не был освобожден, так что П. Ф. Мистров хлопотал о землях, за которые еще надо было воевать. В походе к Белой и Смоленску летом – осенью 1613 г. приняли участие многие бельские помещики. Возможно, что и Позняк Мистров тоже не вернулся в Торопец, а прямо из Москвы пошел отвоевывать свою новую пожалованную ему вотчину²⁸.

Торопчане Яков и Кузьма Масленицкие, прибыв в Москву, сообщали, что им ранее была дана ввозная грамота, которую взяли литовские люди. Обстоятельства, при которых у них захватили литовские люди эту ввозную грамоту на поместье, от кого она была получена и когда, не сообщается. Теперь им дана повторно ввозная грамота на 170 четей. Челобитчики просили не брать пошлин «для бедности и разорения и за торопецкое осадное сиденье». 31 июля 1613 г. по этой челобитной также принято положительное решение²⁹.

В июле 1613 г. еще один защитник Торопца белянин Михаил Дмитриевич Дедешин был пожалован «за службу и за торопецкое осадное сиденье». По царскому указу его испоместили в Вологодском уезде (дали поместье на 50 четей). 2 августа ему была дана эта грамота на поместье³⁰.

Об окончании осады Торопца Гонсевским Бельский летописец сообщает: «И стоял до лета и взял с торопчань перемирье, и пошел ис Торопца опять на Белую»³¹. Судя по данной записи, А. Гонсевский уже после прибытия Михаила Романова в Москву заключил с торопчанами местное перемирие.

Причина прекращения осады Торопца А. Гонсевским и срочное заключение им перемирия с торопчанами ясна. Это не только мужество и упорство защитников Торопца во главе с воеводой кн. В. И. Турениным, но и решение польского сейма в Варшаве (февраль 1613 г), трудности с финансированием польского войска. Поляки получали известия об укреплении позиций нового

царя Михаила, который уже прибыл в Москву, о неудачах атамана Заруцкого, которого оттеснили московские воеводы из Рязанщины к Воронежу, о планируемом наступлении московских войск летом 1613 г. на Смоленском направлении, а также о походе войска кн. С. В. Прозоровского через Торопец к Пскову. Войско кн. С. В. Прозоровского в итоге изменило маршрут движения и освободило Тихвин от шведов 25 мая, но это стало известно Гонсевскому позже.

Вместе с А. Гонсевским летом 1613 г. вернулись из окрестностей Торопца в Белую «бельские немцы» и бельские помещики, сторонники поляков. Они стали готовиться к обороне своей крепости от москвичей (под москвичами будем понимать московских воевод или сторонников царя Михаила Романова из других городов). Сам А. Гонсевский, оставив в Белой своих доверенных людей и получив в июле 1613 г. письмо от своего союзника из Невеля Григория Леонтьевича Валуева о трагических событиях в Заволочье, поспешил к своему Велижу.

Точная дата освобождения москвичами Заволочья, где базировался со своим отрядом известный польский авантюрист Александр Лисовский, указана в письме воеводы Невеля Г. Л. Валуева А. Гонсевскому. Г. Л. Валуев сообщал А. Гонсевскому, что 9 июля 1613 г. ночью под Заволочье, где А. Лисовский оставил немногих людей, пришли, собравшись из Опочки и из Себежа, «воровские люди», замок (крепость) Заволочье взяли, польских литовских и русских людей вместе с их женами и детьми побили, а замок спалили. Г. Л. Валуев просил А. Гонсевского поспешить с войском к Велижу и помочь ему, Валуеву, удержаться в Невеле³².

От некоторых торговых людей, уехавших в Торопец на ярмарку («*da targu*») и вернувшихся к тому времени в Невель, Григорий Валуев узнал о венчании в Москве «на Петров день» нового царя Михаила Романова. Сведения о планируемом венчании в Москве Михаила Романова быстро дошли до Невеля. Это заставило многих людей задуматься о своей будущей судьбе и о выборе дальнейшего пути. Вскоре Г. Л. Валуев также перешел на службу Михаилу Романову. Интересно сообщение Г. Л. Валуева о торговых связях летом 1613 г. жителей Невеля и Торопца. Оказывается, в Торопце возобновилась ярмарка, куда приезжали торговые люди из порубежных городов, в том числе и Невеля.

В августе 1613 г. московские воеводы осадили Белую, и в начале сентября Белая была освобождена. Об освобождении Белой и наградах воеводам хорошо известно. «Бельские немцы» перешли на службу царю Михаилу, русские служилые люди – бельские помещики – с этого времени также присоединились к своим собратьям, длительное время находившимся по другую сторону баррикад – в Торопце и в ополчении под Москвой вместе со смолянами. В плен в Белой попали первый по-

мощник А. Гонсевского судья Матвей Яйковский, три польских ротмистра – Субоцкий, другой Яйковский и Башковский «со всеми их товарищи»³³.

После освобождения Белой кн. Д. М. Черкасский в начале сентября 1613 г. пошел к Смоленску. При этом отдельные отряды были направлены к Велижу против А. Гонсевского. Об этом походе москвичей к Велижу в октябре 1613 г. князя Семена Шаховского подробно сказано в Приходно-расходной книге Разряда: «*122-го ноября в 9 день писали к государю воеводы князь Дмитрий Черкасской да князь Иван Троекуров, посылали они з Белой под Велиж князя Семена Шеховского, а с ним дворян и детей боярских, и атаманов и казаков, и октября в 15 день было дело под Велижем...*»³⁴ В этом бою 15 октября под Велижем отличились многие служилые люди, имена которых известны (донесение получено в Москве 9 ноября).

Все эти события привели к тому, что с лета 1613 г. в течение почти года в районе Торопца наблюдается некоторое затишье. У Гонсевского теперь свои заботы по обороне Велижа и оказанию помощи осажденному Смоленску, ему было не до Торопца.

Положение жителей Торопца продолжало оставаться очень тяжелым. Московское правительство было вынуждено обратить внимание на бедственное состояние торопчан: указом от 8 октября 1613 г. торопецкие дворяне и дети боярские «для их бедности и разоренья» были освобождены от платежа подписных и печатных пошлин с поместных и вотчинных грамот. В этом царском указе кроме Торопца перечислены еще 32 города³⁵. Данный документ подшит в деле 122 года между документами за 6 и 8 октября 1613 г., хотя в тексте публикации напечатано, что указ от 8 октября 123 (1614) г. Документы в этой книге идут строго в хронологической последовательности. С. Б. Веселовский поместил этот документ при подготовке книги к публикации именно на данном месте, а не среди документов за октябрь 1614 г., по-видимому, считая, что речь идет об указе от 8 октября 1613 г.

В конце ноября – начале декабря 1613 г. в Торопец прибыл из Москвы новый воевода князь Алексей Юрьевич Сицкий с помощником князем Федором Елецким. Это говорит о том, какое значение придавало правительство Михаила Романова Торопцу. Кн. А. Ю. Сицкий, доверенное лицо Михаила Романова, родственник царя, вел секретную переписку с матерью Михаила, инокиней Марфой Ивановой. В 1615 г. боярин А. Ю. Сицкий будет одним из руководителей посольства под Смоленском³⁶.

Прежний воевода кн. В. И. Туренин 21 декабря 1613 г. в Кремле получил царскую награду «за Торопецкое осадное сиденье». В Книге сеунчей отмечено, что стольнику князю Василию Туренину «за Торопецкую службу и за осадное сиденье государево жалование у стола кубок..., шуба – 79 рублей». В другом источнике уточняется: «...за

осадное сиденье, что отсидел в Торопце». Здесь же приводится подробное описание кубка и шубы (прил. 1). Это было второе награждение шубой при Михаиле Романове. Перед этим 8 октября награду в виде шубы ценой 95 рублей получил Михаил Бутурлин за взятие Белой. Кн. В. И. Туренин за «Торопецкое осадное сиденье и за службы» получил также придачу к старому поместному и денежному окладу, который к тому времени составлял 800 четей и 70 рублей. Эта придача была довольно ощутимой – 300 четей и 100 рублей. Денежная придача (100 руб.) превысила его прежний денежный оклад (70 руб.). Теперь новый оклад стал составлять 1100 четей и 180 рублей³⁷.

Кормленные книги, в первую очередь Костромской и Галицкой чети, позволяют выяснить имена служилых людей по отчеству, кто отличился при обороне Торопца, отражая вместе с воеводой кн. В. И. Турениным польские атаки. За «Торопецкое осадное сиденье» эти люди были награждены правительством Михаила Романова. Всего удалось выявить по сведениям только сохранившихся частей этих двух кормленных книг 13 торопецких, 3 бельских и 2 луцких помещиков, которые были четвертчиками Костромской чети, а также 9 торопецких, 12 бельских помещиков – четвертчиков Галицкой чети. Сюда прибавим еще одного жильца и одного четвертчика-лучанина из Владимирской чети. Итого 41 человек³⁸. Список четвертчиков помещен в прил. 2.

Это далеко не полный список четвертчиков, оборонявших Торопец в 1613 г. Кроме четвертчиков к числу защитников следует добавить свыше 200 служилых людей по отчеству, получивших жалование не из чети, а с городом, около 300 стрельцов во главе со стрелецким головой Ратманом Афанасьевичем Тарбеевым, до 50 пушкарей, затинщиков, воротников, кузнецов и плотников, а также не менее сотни посадских людей. К сожалению, имен большинства этих людей выяснить не удалось.

Награждения четвертчиков были следующие: одни помещики были «вновь пущены в четь», другие получили придачу к денежному окладу. Прежний денежный оклад определялся разными способами. У одних служилых людей оклад был указан в Торопецком списке, который прислал из Торопца в мае 1613 г. кн. В. И. Туренин. Таких оказалось 15 человек. У некоторых бельских помещиков старый оклад указывали соратники по службе в ходе сыска. К примеру, Елизарий Васильев сын Голохвастов с товарищами указали прежний оклад Тимофея и Семена Тарбеевых, а также Бориса Толбузина.

У некоторых служилых людей так и не удалось выяснить, на основании каких документов был установлен им прежний оклад. Дьяки вынуждены были даже записать: «*А почему ему прежний оклад справлен, того не написано*» или «*А старый оклад в Чети не сыскан*», или «*А старой ево оклад писан по его скаске*». Некоторым

установили старый оклад по разрядному сыску. Жильцу Ивану Голенишеву-Кутузову был легко установлен старый оклад, который он имел при Василии Шуйском. Также легко установлен оклад белянину Исаю Языкову, потому что сохранилась часть Кормленной книги Галицкой чети 118 года, составленной при царе Василии Шуйском, в которой записаны четвертчики с окладом 10 рублей и выше.

Какие же награды получили эти люди (41 человек)? 12 помещиков вновь стали получать жалование из чети в размере 5–7 рублей (3 из Костромской и 9 из Галицкой чети). Остальным 29 четвертчикам были даны придачи к прежнему окладу в размере от 1 до 5 рублей, в том числе 4 человека получили придачу по 1 рублю, 10 человек – по 2 рубля (больше всего людей), 5 человек – по 3 рубля, 6 – по 4 рубля и 4 четвертчика – по 5 рублей.

Чаще всего размер придачи зависел от заслуг данного человека, от его ранения и других личных факторов. К примеру, луцкие помещики, которые несколько лет назад, бросив в Великих Луках свои дома, бежали в Торопец, Петр Красный и Микула Щетнев, получили придачу по 4 и 5 рублей, причем Шетневу добавлено, что придача дана «*за службы, и за полон, и за Торопецкое осадное сиденье*». Федор Чоглоков, Афанасий Зеленой, Долмат Голенищев и Петр Чихачев также получили довольно большую придачу в размере 4–5 рублей. Возможно, что здесь определенную роль сыграли родственные связи некоторых из этих людей.

Торопчанин Михаил Зеленой получил придачу 5 рублей «*за торопецкую службу и за осадное сиденье и за раны*». *Служилые люди из Белой Елизарий Александров, Иван Мещерский и Иван Тарбеев также были ранены во время осадного сиденья (придача им – по 4 рубля, а Мещерскому – 5 рублей)*.

Остается еще выяснить, когда именно были награждены все эти 41 человек. Можно утверждать, что время награждения связано с их приездом в Москву уже после завершения осадного сиденья, после подачи челобитных, рассмотрения их дьяками, сыском и т. д.

Одним из первых был награжден белянин Иван Тарбеев (4 сентября 1613 г.). Еще 7 бельских помещиков получили награды через два месяца, 8 ноября. Скорее всего, после приезда из Торопца в Москву они не вернулись назад в Торопец, а уехали в свой родной город Белую, освобожденную незадолго до того от поляков. Остальные бельские помещики приехали в Москву в январе – феврале 1614 г. вместе с луцкими помещиками.

К тому же отметим, что некоторые из них получили первые награды еще при боях за Подмосковные службы 120 и 121 годов. Это свидетельствует о том, что они вместе со смолянами участвовали в составе Нижегородского ополчения в боях под Москвой против гетмана Ходкевича, а после освобождения Москвы были направлены

князьями Д. Т. Трубецким и Д. М. Пожарским в Торопец (Белая к тому времени оставалась в руках А. Гонсевского). Среди них – Иван Молвьянинов, Парфений Мещеринов, Алексей Дедевшин, Федор Горсткин.

В конце декабря 1613 г. были награждены 5 торопецких помещиков. По-видимому, они приехали в Москву вместе с воеводой Турениным. В январе – феврале 1614 г. получили награду еще 21 человек, в марте – 4, и по одному – в апреле, мае и июне 1614 г.

После сентября 1613 г. в Москве было принято решение в связи с тяжелым финансовым положением упорядочить годовое жалование служилым людям. От этого постановления пострадали некоторые торопецкие сидельцы, помещики-четвертчики, имевшие большие денежные оклады. Всем, кто имел оклады 30–40 рублей, было дано жалование одинаково – по 20 рублей. Однако те, кто имел оклады менее 20 рублей, не пострадали, им было указано давать жалование по их окладу. В документе записано: «*А в нынешнем во 122-м году по государеву указу дано государева жалованья торопецким сидельцом торопчаном, холмичем, лучаном, которые емлют жалованье из четверти по 40 рублев и по 30 рублев, и тем дано по 20 рублев, а з 20 рублем, тем всем дано по их окладом*». В соответствии с этим указом белянину Тимофею Петровичу Тарбееву, четвертчику Владимирской чети, 9 января 1614 г. был установлен прежний оклад 18 рублей, правда, деньги он должен получить уже на новом месте службы воеводой в Волоке из таможенных и кабацких денег³⁹.

С конца лета 1613 г. и вплоть до осени 1614 г. о событиях под Торопцом обнаружить сведений пока не удалось, видимо, здесь наблюдалось некоторое затишье. С одной стороны, шведы в Новгороде и Старой Руссе с момента избрания Михаила Романова превратились из союзников князя Д. М. Пожарского во врагов нового московского правительства. С мая 1613 г. ведутся активные боевые действия между московскими войсками воеводы кн. С. В. Прозоровского и шведами на Удомле, Устьеке, а затем в районе Тихвина. Этот регион находился относительно далеко от Торопца, однако контакты торопчан с соседом с севера Старой Руссой, где базировался крупный шведский гарнизон, теперь были прерваны.

С другой стороны, шведам в Старой Руссе было не до Торопца. Летом – осенью 1613 г. под самой Старой Руссой начинаются ожесточенные боевые действия между шведами и московским войском Андрея Федоровича Палицына, значительную часть которого составляли казаки, присягнувшие Михаилу Романову. Торопец для этого войска А. Ф. Палицына служил как бы тыловой базой, отсюда доставлялось продовольствие в Рамышевский острог под Старой Руссой. Казаки Андрея Палицына стояли по приставствам в южных и юго-западных погостах Старорусского

уезда, «*в Черенчицком и в Коломенском и в Офремовском и в Воскресенском и в Дретенском и в Снежском и в Лосском погосте*». Не случайно шведские войска стремились перекрыть эту дорогу, чтобы полностью блокировать казаков Андрея Палицына. В конце 1613 г. в район Старой Руссы из окрестности Гдова прибыл полк Самуила Коброна. Шотландцы Коброна устроили острожек в семи верстах южнее Рамышево в Черенчицком погосте на реке Ловать, перерезав казакам дорогу на Торопец⁴⁰.

К августу 1614 г. после отступления московского войска князя Д. Т. Трубецкого от Бронниц и ликвидации угрозы Новгороду и Старой Руссе все пространство между Торопцом и Старой Руссой представляло печальное зрелище. Северные волости Торопецкого уезда и значительная часть Старорусского уезда обезлюдели, это была мертвая земля, в самой Старой Руссе едва теплилась жизнь в остроге. Жители Торопца поддерживали в это время тесные связи с Белой и Осташковом, ближайшими московскими крепостями.

В конце 1614 г. вновь наблюдается активизация боевых действий в районе Торопца. Речь идет о походе в декабре 1614 г. польского полковника Корсака. В некоторых источниках упоминается, что здесь в районе Торопца также совершал свои рейды несколько ранее летом – осенью 1614 г. находящийся на польской службе Захарьяш Заруцкий, но эти события выходят за рамки настоящего исследования.

Приложение 1

Описание кубка и шубы, которыми был награжден князь Василий Иванович Туренин за оборону Торопца⁴¹

Государь пожаловал столника князя Василья Ивановича Туренина за осадное сиденье, что отсидел в Торопце, дано ему государева жалованья кубок серебрян золочен, с покрывкою, покрывка гладка, около покрывки веревочка, на верху человек припал на ногу, в руке повеза, на ней клеймо, наведено финифтом лисица, по кубку ложечки короткие, меж ложек мишени белы наведены чернью, по стоянцу резаны травки, под стоянцом подпись царевича Федора, весу 4 гривенки 14 золотников.

Взят с сытново дворца с поставца у погребново ключника у Федора Красново.

Шюба камка бурская,

на червне шелк зелен, лазорев, багров, круги продолговаты, розвода чешойчета с золотом, на соболех с пухом,

пугвицы серебряны золочены половинчатые, одни грани гладкие, другие резные, цена 79 р. 27 ал. 3 д.,

и в том числе камку 22 р. 16 ал. 4 д., снесена с верху в нынешнем во 122 году,

в ожерелье и в опушке бобры 2 р. 26 ал. 4 д., купли нынешнего 122 году;

в подкройке соболи 52 р., что взяты из казанского дворца во 122 году;
в петлех тафта 9 д., купли нынешнего 122 году;
пугвицы 2 р. 16 ал., снесены с верху из мастерские палаты в нынешнем же во 122 году.

Приложение 2

А) Четвертчики Костромской чети, участники Торопецкого осадного сиденья, дата и размер награждения (оклад+придача) – 19 человек⁴²

Торопецкие помещики – 13 чел.
С. 68. Колокольцов Дмитрий Клементьев сын. 26 декабря 1613 г. (10+3)
С. 161. Шокуров Василий Васютин сын. 31 декабря 1613 г. (5+3)
С. 119. Зеленой Афанасий Макарьев сын. 12 января 1614 г. (7+4)
С. 123. Измайлов Петр Леонтьев сын. 25 января 1614 г. (5+2)
С. 197. Колокольцов Данила Клементьев сын. 9 февраля 1614 г. (5)
С. 197. Костентинов Григорий Федоров сын. 9 февраля 1614 г. (5)
С. 107. Нефедьев Федор Иванов сын. 13 февраля 1614 г. (10+2)
С. 131. Голенищев Долмат Иванов сын. 26 февраля 1614 г. (6+4)
С. 161. Голенищев Митрофан Иванов сын. 20 марта 1614 г. (5)
С. 188–189. Кафтырев Кирила Федоров сын. 21 марта 1614 г. (5+1)
С. 174. Татаринцов Матвей Гаврилов сын. 22 марта 1614 г. (5+2)
С. 29–30. Чихачев. Петр Иванов сын. 12 апреля 1614 г. (7+4)
С. 119–120. Чоглоков Федор Иванов сын. 22 июня 1614 г. (6+5)

Бельские помещики – 3 чел.
С. 81. Тарбеев Тимофей Борисов сын. 15 февраля 1614 г. (12+2)
С. 99. Тарбеев Семен Борисов сын. 15 февраля 1614 г. (10+1)
С. 114. Толбузин Борис Иванов сын. 15 февраля 1614 г. (5+1)

Луцкие помещики – 2 чел.
С. 2. Красный Петр Иванов сын. 14 января 1614 г. (9+4)
С. 28–29. Щетнев Микула Петров сын. 7 февраля 1614 г. (10+5)

Жильцы – 1 чел.
С. 26. Голенищев-Кутузов Иван Иванов сын. 31 марта и 5 мая 1614 г. (16+2)

Б) Четвертчики Галицкой чети, участники Торопецкого осадного сиденья, дата и размер награждения (оклад+придача) – 21 человек⁴³

Торопецкие помещики 9 чел.
С. 151. Голохвастов Исая Васильев сын. 31 декабря 1613 г. (7)
С. 152. Жданов Борис Степанов сын. 31 декабря 1613 г. (7)

С. 151. Захаров Мартын Степанов сын. 31 декабря 1613 г. (7)
С. 175. Коведаев Григорий Иванов сын. 23 января 1614 г. (5)
С. 124. Большев Микита Васильев сын. 19 февраля 1614 г. (6+3)
С. 124. Большев Иван Васильев сын. 19 февраля 1614 г. (7+2)
С. 175. Большой Иван Микитин сын. 19 февраля 1614 г. (5)
С. 322. Зеленой Михаил Алексеев. 25 февраля 1614 г. (15+5)
С. 175. Козлов Владимир Посников сын. 27 мая 1614 г. (5)

Бельские помещики 12 чел.
С. 188. Тарбеев Иван Матвеев сын. 4 сентября 1613 г. (5+5)
С. 163. Дедевшин Петр Андреев сын. 8 ноября 1613 г. (5)
С. 163. Кашинцов Федор Федоров сын. 8 ноября 1613 г. (6)
С. 70. Молвянинов Иван Ондреев сын. 8 ноября 1613 г. (8+2)
С. 106. Мещеринов Парфений Исаков сын. 8 ноября 1613 г. (6+3)
С. 164. Мещерский Иван Михайлов сын. 8 ноября 1613 г. (?+4)
С. 163–164. Александров Елизарий Елизарьев сын. 8 ноября 1613 г. (?+4)
С. 176. Воеводин Второй Воинов сын. 8 ноября 1613 г. (5)
С. 151. Дедевшин Алексей Юрьев сын. 30 января 1614 г. (5+2)
С. 186. Языков Исая Васильев сын. 30 января 1614 г. (10+2)
С. 123. Горсткин Федор Юрьев сын. 13 февраля 1614 г. (6+2)
С. 164. Толбугин Яков Дятелин сын. 13 февраля 1614 г. (5+1)

В) Четвертчики Владимирской чети, участники Торопецкого осадного сиденья, дата и размер награждения (оклад+придача) – 1 человек

Бешенцев Дружина Васильев сын (Луцкий помещик?). 10 января 1614 г. (20+3)

Примечания

- ¹ Сухотин Л. М. Предисловие // Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) / под ред. Л. М. Сухотина (далее – Сухотин Л. М. Первые месяцы...). М., 1915. С. VIII.
- ² Побойнин И. Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII века. М., 1902. С. 151.
- ³ Торопец / сост. Б. Лапченко. М., 1974; Зорин А. В. Александр Юзеф Лисовский : герой Смутного времени // История военного дела : исследования и источники. 2012. Т. III. С. 82. URL: <http://www.milhist.info/2012/10/26/zorin> (дата обращения: 12.06.2016); Косточкин В. В. Архитектурные памятники Торопца // Памятники культуры. Исследования и реставрация. М., 1959. Вып. 1. Подробное описание событий мая –

- июня 1610 г. в райное Торопца см.: Рабинович Я. Н. Торопец и его жители в первые годы Смутного времени (1606–1610) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История, Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 12–21.
- 4 Сухотин Л. М. Первые месяцы... М., 1915.
- 5 Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / предисл. Л. М. Сухотина (далее – Сухотин Л. М. Четвертки...) // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете (далее – ЧОИДР). 1912. Кн. 2; Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалов // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 39 т. Т. 15. СПб., 1894.
- 6 Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. : в т. 9. Т. 1. М. ; Варшава, 1995. С. 21, 22; Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг. : Приходно-расходные книги Казенного приказа // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 206.
- 7 Замятин Г. А. Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале XVII в. : Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008. С. 165, 236; Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 255.
- 8 Кордт В. А. Из семейного архива графов Делагарди // Учен. зап. императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1894. Т. 2. С. 83.
- 9 Бельский летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ) : в 43 т. Т. 34. М., 1978. С. 261.
- 10 Отписка воевод и ратных людей, стоявших под Москвой, на Белоозере, о примирении князя Трубецкого с князем Пожарским и о единомысленном намерении их вместе с выборным человеком Козьмой Мининым освободить государство от врагов с повелением во всем относиться к ним обоим и не верить грамотам одного из них. 1612, октябрь // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии Наук (далее – ААЭ) : в 3 т. Т. 2. СПб., 1836. № 215. С. 274–275.
- 11 Сухотин Л. М. Первые месяцы... № 3. С. 32–33; № 228. С. 95.
- 12 Записная пошлинная книга (27 февраля – 12 августа 1613 г.) // Документы Печатного приказа 1613–1615 гг. М., 1994. С. 185.
- 13 Там же. С. 25.
- 14 Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – КР) : в 2 т. Т. 1 (1614–1627). СПб., 1853. Стб. 387.
- 15 Столбцы Галицкой и Владимирской Четвертей 120–126 гг. : Сухотин Л. М. Четвертки... // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 257, 258.
- 16 Бельский летописец. С. 261.
- 17 Сухотин Л. М. Первые месяцы... № 11. С. 35, 36.
- 18 Там же. № 16. С. 37, 38.
- 19 Сухотин Л. М. Первые месяцы... № 63. С. 53.
- 20 Там же. № 186. С. 85.
- 21 Там же. № 195. С. 87.
- 22 Там же. № 369. С. 124.
- 23 Там же. № 361. С. 123.
- 24 Царская грамота о скором выезде государя из Ярославля к Москве, об учинении приговора относительно сбора денег и хлебных запасов, о вершении, по сыску, поместных и вотчинных дел и об оставлении, впредь до указа, вотчин и поместей за лицами, прибывшими к государю в посольстве. 1613, апреля 8 // Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. Т. 1. СПб., 1850. (Прил.). № 21. Стб. 1100.
- 25 Сухотин Л. М. Первые месяцы... № 421. С. 136.
- 26 Там же. № 429. С. 137.
- 27 Там же. № 443. С. 141.
- 28 Там же. № 517. С. 158.
- 29 Там же. № 698. С. 196.
- 30 Там же. № 719. С. 199.
- 31 Бельский летописец. С. 261 :
- 32 Выпись из письма Г. Л. Валуева... : Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польшей (1609–1615) // Сб. Русского исторического общества (далее – Сб. РИО) : в 148 т. Т. 142. СПб., 1913. С. 421, 422.
- 33 Бельский летописец. С. 261 :
- 34 Приходно-расходная книга Разряда 123 г. : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. М., 1912. Т. 28. Стб. 420.
- 35 Записная беспошлинная книга (12 августа 1613 г. позднее 19 августа 1615 г.) // Документы Печатного приказа 1613–1615 гг. М., 1994. С. 305–306.
- 36 Характеристику князя А. Ю. Сицкого см.: Савич А. А. Деулинское перемирие 1618 г. // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. К. Либкнехта. Сер. ист. Т. 4, вып. 2. 1939. С. 62–71.
- 37 Челобитная князя Афанасия Васильевича Лобанова-Ростовского о поверстании его поместным и денежным окладами против его братья, кому он в версту. 1614, апрель // Акты Московского государства, изданные Академией Наук. Разрядный приказ. Московский стол (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634), № 74. С. 112.
- 38 Эти и дальнейшие подсчеты составлены на основании следующих документов : Кормленая книга Владимирской Четверти 7123 г. : Сухотин Л. М. Четвертки... // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 42–59; Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. : Сухотин Л. М. Четвертки... // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 60–188; Столбцы Галицкой и Владимирской Четвертей 120–126 гг. : Сухотин Л. М. Четвертки // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 241–307; Кормленщики Галицкой четверти, их оклады и службы в Смутное время (отрывки) : Сухотин Л. М. Четвертки... // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 308–352; Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов // РИБ. СПб., 1894. Т. 15.
- 39 Память из Разряда во Владимирскую четь о даче жалования Тимофею Петровичу Тарбееву. 9 января

- 1614 г. : Столбцы Галицкой и Владимирской Четвертей 120–126 гг. : Сухотин Л. М. Четвертчики... // ЧОИДР. 1912. Кн. 2, № 26. С. 257, 258.
- ⁴⁰ О событиях под Старой Руссой и действиях воеводы Андрея Палицына см.: Рабинович Я. Н. Андрей Федорович Палицын в Смутное время // Российская история. 2011. № 3. С. 120–126.
- ⁴¹ См.: Приходно-расходные книги Казенного приказа : Расходная книга товарам и вещам // РИБ : в 39 т. Т. 9. СПб., 1884. С. 206.
- ⁴² См.: Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалов // РИБ : в 39 т. Т. 15. СПб., 1894.
- ⁴³ См.: Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 46.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. «Торопецкое осадное сиденье» 1613 г. и его участники // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 510–519. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-510-519.

Cite this article as:

Rabinovich Ya. N. The Siege of Toropets of 1613 and Its Participants. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 510–519 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-510-519.

УДК 94(47).083+929 Корнилов

САРАТОВСКИЙ «ДНЕВНИК» ИСТОРИКА А. А. КОРНИЛОВА: ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ю. В. Варфоломеев

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ybartho@mail.ru

В статье предпринята реконструкция саратовского периода жизни и деятельности выдающегося историка и видного деятеля либерального движения России Александра Александровича Корнилова. В заглавии статьи понятие «дневник» несет две смысловые нагрузки. Во-первых, это повествование о делах, текущих событиях, общественной и личной жизни Корнилова. Во-вторых, непосредственно характеризуется его деятельность как редактора газеты «Саратовский дневник», о чем, собственно, и идет речь в первой части «дневника».

Ключевые слова: А. А. Корнилов, историк, кадет, редактор, «Саратовский дневник».

Saratov «Diary» of the Historian A. A. Kornilov: Part One

Yu. V. Varfolomeev

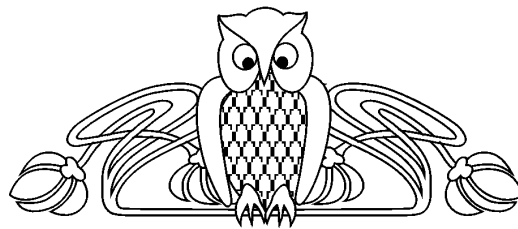
Yuriy V. Varfolomeev, ORCID 0000-0002-4488-6582, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ybartho@mail.ru

The article offers a reconstruction of the Saratov period of life and work of an outstanding historian and a prominent figure in the liberal movement of Russia, Alexander Alexandrovich Kornilov. In the title the concept of «diary» carries two meanings. First, this is a story about everyday concerns, current events, public and private life of Kornilov. Secondly, his activity as the editor of the weekly newspaper «Saratov diary» is characterized, and that is what the first part of the «diary» is about.

Key words: A. A. Kornilov, historian, cadet, editor of «Saratov diary».

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-520-529

Александр Александрович Корнилов – историк, безусловно, первого плана, но оказавшийся, как ни странно, человеком второго плана в истории. Объяснение этому парадоксальному и несправедливому по отношению к таким персоналиям казусу предложил А. А. Кара-Мурза. «Привычное разделение исторических личностей на “героев” и “злодеев”, казалось, навеки лишило их законного места в истории, – поясняет ученый, – они были ей настолько органичны, настолько по жизни легки и неамбициозны, что верным соратникам как-то и в голову не приходило их канонизировать, а врагам – по-настоящему испугаться и проклясть. Лишь вдумчивый анализ контекста, в котором в России вообще возможна и политика, и подлинная культура, позволяет вы-

явить действительную роль этих людей в нашей истории»¹.

Возможно, именно поэтому жизнь и деятельность А. А. Корнилова долгое время находились на периферии исследовательского интереса, а сформировавшаяся историографическая палитра, посвященная ему, выглядела неприлично блекло в соизмерении с масштабом и глубиной личности историка и политика. Между тем имя Корнилова нередко упоминается в работах, посвященных истории либерализма России конца XIX – начала XX в., рассматривается в контексте интеллектуальной истории и, конечно, встречается в историографических обзорах по тематике Великих реформ и общего курса истории России².

В дооктябрьский период деятельность А. А. Корнилова подвергалась анализу в основном через призму его научного творчества, а его концепция крестьянской реформы была взята за основу либеральными историками³, и даже историк-марксист М. Н. Покровский признавал, что он был «одним из первых историков, не состоящих под отлучением»⁴, что само по себе уже являлось определенным достижением.

Изучению жизненного пути и научного творчества Корнилова в советский период историографии практически не уделялось внимания, и на начальном этапе он эпизодически появляется только в общей панораме освободительного движения, в работах, посвященных революционной эпохе и «борьбе классов»⁵. Большинство статей о нем в этот период имеют справочно-биографический характер⁶. Вместе с тем в 60–70-е годы прошлого века на фоне пробуждения исследовательского интереса к истории интеллигенции, деятельности политических партий и общественных организаций персоналия Корнилова встречается все чаще⁷. Среди наиболее значимых работ этого периода по исследуемому сюжету следует назвать труды В. Я. Лавёрычева, Х. М. Астрахана, С. В. Тютюкина, В. И. Старцева, Е. Д. Черменского⁸, посвященных исследованию земского движения, деятельности «Союза освобождения» и эволюции русского либерализма.

Однако на последнем этапе советской историографии в 1980–1990-е годы в связи с актуальной потребностью изучения исторического опыта политического плюрализма в России, исследовательский акцент заметно смещается к исследованию проблематики российского либерального движения⁹. Среди работ этого направления, в которых образ и деятельность А. А. Корнилова обретают

более зримые очертания, выделяются исследования К. Ф. Шацилло¹⁰, Н. Г. Думовой¹¹, В. В. Шелохаева¹². В сборнике «Российские либералы»¹³ авторы статей анализируют работы историка по крестьянской реформе, а также характеризуют начальный этап его общественной деятельности.

В конце XX – начале XXI в. были подготовлены кандидатские диссертации, посвященные персоналиям кадетской партии: П. Н. Милокову, С. А. Муромцеву, Д. И. Шаховскому, Ф. Ф. Кокошкину, И. И. Петрункевичу¹⁴, и, наконец, в рамках этого тематического цикла в 2004 г. была защищена диссертация Г. В. Шагохиной, в которой был исследован процесс становления А. А. Корнилова как общественного деятеля и либерала, указаны причины, повлиявшие на формирование его мировоззрения, а также определены роль и место Корнилова в деятельности кадетской партии, в частности, в российском либеральном движении в целом¹⁵.

Между тем до настоящего времени, пожалуй, самой значительной и по объему, и по широте историографического и источниковедческого анализа остается монография А. А. Левандовского¹⁶, в которой непосредственно рассматривается тема научного творчества А. А. Корнилова, а также представлен многоплановый биографический очерк жизни и деятельности ученого и политика.

Особое место в историографическом поле исследуемой темы занимают труды А. А. Карамурзы, посвященные интеллектуальной антропологии, среди которых несколько его работ, освещающих политические воззрения и научные концепции А. А. Корнилова, в том числе и полихромный интеллектуальный портрет историка и политика¹⁷.

В 2011 г. сотрудником государственного архива Саратовской области З. Е. Гусаковой была осуществлена публикация важного источника, проливающего свет на драматичные страницы жизни Корнилова. Во вступительной статье автор осветила причины, вызвавшие появление этого впервые опубликованного автографа Корнилова, – его заявления на имя саратовского губернатора, в котором он излагал свой взгляд на прошедшие события, связанные с его арестом в Саратове в ноябре 1902 г.¹⁸

Саратовский период, или саратовский «дневник», историка А. А. Корнилова условно можно разделить на два отрезка или две части, заметно отличающиеся по своему внутреннему содержанию. Первая и меньшая часть этого периода (февраль 1902 г. – июнь 1902 г.) прошла под знаком редакторства Корнилова в газете «Саратовский дневник», а также была связана с обустройством семьи ученого на новом месте и знакомством с городом и его людьми. Вторая часть саратовского «дневника» Корнилова (август 1902 г. – май 1904 г.) более пространна, драматична, общественно и творчески насыщена: здесь и его арест в ноябре 1902 г. с последующей борьбой за до-

казывание своей невинности, и тесные связи либерала с передовыми деятелями саратовского земства, и активная научная работа историка. Данная статья из заявленного цикла посвящена первой части саратовского периода Александра Корнилова.

В 80-е гг. XIX века в российском обществе, пресыщенном политическими страстями, призыв добросовестно учиться, а затем применить свои знания и силы на благо народа, оказался весьма популярным. В 1885–1887 гг. в Петербургском университете сформировался подобный круг студентов-единомышленников, который один из его участников – старший сын «отца» судебной реформы С. И. Зарудного – Александр Зарудный, называл кружком В. В. Водовозова¹⁹. Хотя, думается, что более правильно следовало бы назвать его кружком А. А. Корнилова – В. В. Водовозова, так как изначально он образовался по инициативе студентов Петербургского университета, так называемых «варшавян» – Александра Корнилова, братьев Федора и Сергея Ольденбургов, Дмитрия Шаховского и Сергея Крыжановского, которые в качестве своего кредо декларировали «воздержание от политики во имя накопления сил и знаний»²⁰. Если говорить о целях молодых участников студенческого «братства», то Иван Гревс определил их так: «Они хотели, чтобы в студенческой России вырос надпартийный, просвещенный, реально-идеальный, искренний, демократический либерализм... Они горячо любили народ, но высоко ставили миссию интеллигенции, не противопоставляя второй первому, но и не снижая ее перед ним. Они призывали вести свою работу не разрушительным натиском, а положительным строительством. Но они предвидели в борьбе с правительством неизбежность жертвы и готовы были идти на нее. На первый же и перво-степенный план выдвигали... задачи серьезного прохождения через науку: они видели, как просвещение угнетается властью...»²¹

Вскоре в состав этого кружка влились свежие силы столичного студенчества, среди которых были В. В. Водовозов, В. И. Вернадский, И. М. Гревс, А. Н. Краснов, А. С. Зарудный. Вместе со «старожилами» они развернули в студенческой среде работу по самообразованию, легально используя для этих целей научно-литературное общество Петербургского университета. Важным этапом деятельности общества явилось активное участие кружковцев в различных просветительно-благотворительных мероприятиях столичной интеллигенции, а также издание научно-популярных книг для народа.

Большое влияние на умы и настроения передовой молодежи в середине 80-х годов XIX в. оказали взгляды и деятельность Вильяма Фрея. Неординарная, яркая личность Владимира Константиновича Гейнса²² (Вильям Фрей – его псевдоним) приковывала к себе внимание и будоражила сознание, в том числе и кружковцев Зарудных.

«В 1886 году, передавая чувства большинства членов «братства», – вспоминает Зоя Зарудная, – Фрей дал большой нравственный толчок всей мыслящей молодежи, проповедуя, что надо бороться все противоречия жизни и найти главное, необходимое дело для осуществления идеала»²³. Они не только штудировали его произведения, но, может быть, даже и встречались с ним, так как есть указание на то, что, возможно, «Фрей сам читал» свои статьи участникам кружка в квартире Зарудных на Воскресенской набережной²⁴.

Большинство членов этого кружка вполне закономерно оказались впоследствии в либеральном движении. Так, например, Д. И. Шаховской, а также братья С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги стояли у истоков создания конституционно-демократической партии России, а затем стали членами ее ЦК. Полностью погрузившись в научную деятельность, В. И. Вернадский и А. А. Корнилов становились замечательными учеными, однако при этом они не утратили тесных связей с российским земским и либеральным движением. Наряду с самозабвенной общественной работой молодым кружковцам не были чужды и возвышенные чувства. Так, между делом в недрах организации родились молодые семьи: Владимир Вернадский и Наталия Старицкая (двоюродная сестра А. С. Зарудного), Иван Гревс и Мария Зарудная, Д. И. Шаховской и А. Н. Сироткина, С. Ф. Ольденбург и А. П. Тимофеева скрепили свои отношения узлами Гименея²⁵.

Иван Гревс вспоминал о молодом Корнилове: «Александр Александрович Корнилов (в компании “Адя”) был человеком замечательной доброты и дружелюбия, принципиально и серьезно относившийся к жизни с юности, умный и дельный работник. Он вырос в ладной многодетной семье с несколькими младшими сестрами, о развитии души которых радел братски, почти отечески. Он искренне проникнут был патриархальными традициями теплых, крепких домашних привязанностей. Александр Александрович и на друзей переносил свою способность к глубоким интимным отношениям, становившимся почти кровными в его сердце. Он, сам всегда бесхитростный и скромный к себе, высоко ставил членов своего дружеского союза и навсегда остался для тех, кто сами сохранили основы своего духа, верным другом в жизни, незаменимым сотрудником в делах»²⁶.

Ни расстояния, ни долгие разлуки не могли разладить сплоченную и стройную организацию кружковцев. Разбросанные научными командировками или ударами судьбы по разным странам и городам они, в то же время переписывались между собой, обменивались новостями и мыслями. Каждое такое письмо могло долго «ходить по кругу» среди членов кружка, создавая тем самым как бы заочную конференцию по переписке. Вот как вспоминает об этих эпистолярных «собраниях» кружковец В. И. Вернадский: «Адыке послал

письмо Александра (Зарудного. – Ю. В.), да и оно должно идти дальше (Шаховскому)»²⁷.

Следует особо подчеркнуть, что дух и традиции, заложенные в недрах этого молодежного общества, его участники пронесли по жизни, тесно контактируя на протяжении всего жизненного пути и поддерживая друг друга в трудные моменты, как, например, это произошло в саратовский период жизни А. А. Корнилова.

Поначалу в судьбе молодого ученого и чиновника складывалось все благополучно. В 1894–1900 гг. он служил в Иркутске чиновником для особых поручений при генерал-губернаторе А. Д. Горемыкине, занимался крестьянским вопросом, земским и переселенческим делом в Восточной Сибири. В Иркутске он стал членом Восточно-Сибирского отделения Императорского Географического общества, организатором «Общества попечения о распространении народного образования в Иркутской губернии», активизировал деятельность «Общества пособия учащимся Восточной Сибири» и «Комиссии для устройства народных чтений», редактором иркутской газеты «Восточное обозрение». Наряду с этим он принимал участие в деятельности местных либеральных кружков. Однако когда в 1900 г. вместо А. Д. Горемыкина иркутским губернатором был назначен товарищ министра внутренних дел А. И. Пантелеев, Корнилов практически сразу же подал в отставку.

Несмотря на это, в начале 1901 г. Александр Александрович получил заманчивое предложение от начальника переселенческого управления Министерства внутренних дел А. В. Кривошеина занять должность чиновника по особым поручениям при министре, которая открывала для него реальные возможности непосредственной работы с земствами, так как в его обязанности входило бы поддержание контактов с земскими собраниями тех губерний, из которых шли переселенцы. Такая работа и перспективы заинтересовали Корнилова, и он согласился. Однако эти планы нарушило и по сути внесло существенные коррективы в его дальнейшую судьбу событие, в стороне от которого он в силу своих убеждений, конечно, не мог остаться.

В то время всю прогрессивную интеллигенцию Петербурга всколыхнуло избиение студентов на площади у Казанского собора. Мирная манифестация студентов столичных вузов за отмену Временных правил от 29 июня 1899 г. вызвала настолько неадекватную и жесткую реакцию со стороны властей, что слух о печальных событиях 4 марта 1901 г. вызвал негодование не только в Петербурге, но и во всем русском обществе. Вполне закономерно, что самые совестливые, либерально настроенные деятели науки и культуры, литературы и юриспруденции не могли остаться безучастными к этому факту и выступили с обращением. Двадцать первым в списке подписавших этот документ был и А. А. Корнилов²⁸. Подписанты заявили, что ответ на вопрос, кто был виновником избиения учащейся молодежи, «мо-

жет быть дан только судом», но ответ властью им был дан другой – «подписавшие все подверглись репрессиям»²⁹.

Корнилов был арестован и отбыл наказание в виде 20 дней заключения в петербургской одиночной тюрьме, а затем был выпущен на свободу с подпиской о невыезде. 20 июня 1901 г. Департамент полиции разослал губернаторам, градоначальникам, обер-полицмейстерам и начальникам губернских жандармских управлений совершенно секретный циркуляр о том, что в Петербурге выявлена группа лиц, преимущественно интеллигентных профессий, которые «поставили себе задачей путем устройства вечеринок, чтения речей и рефератов на соответствующие темы, а также издания систематически подобранной тенденциозной литературы, готовить в среде молодежи и рабочих противоправительственных деятелей и агитаторов. Лица означенной группы не упускали ни единого случая для возбуждения в обществе недовольствия по поводу разных мероприятий правительства и приготовления всевозможных манифестаций и протестов, причем особенно вредно влияли в том направлении на молодежь»³⁰.

В список этих неблагонадежных лиц попали, в частности, член Вольно-экономического общества, книговед и библиофил Н. А. Рубакин, принявший в скором времени самое живое участие в судьбе своего соратника А. А. Корнилова. Так как решением министра внутренних дел опальному историку последовало «воспрещение проживания в столицах, столичных губерниях и университетских городах сроком на два года»³¹, то он через посредничество Рубакина с радостью откликнулся на предложение председателя саратовской губернской земской управы князя Н. Н. Львова возглавить редакцию только что приобретенной им газеты «Саратовский дневник». «Взять газету в свои руки» Львову, который давно мечтал об издании газеты, посоветовал известный журналист, редактор «Саратовского вестника» Н. М. Архангельский, так как она, по его словам, «чуть-чуть не потерпела крах при предыдущем издателе»³². С этого момента Львов подыскивал сильного редактора, и Рубакин порекомендовал ему на эту должность оказавшегося на тот момент в крайне сложной ситуации, талантливого и близкого по взглядам либеральному земскому деятелю Корнилова. «Оклад жалованья был назначен 3000. Я, не долго думая, – вспоминал Александр Александрович, – послал свое согласие, и так как дело было спешное, то и выехал немедленно»³³.

Взгляды и деятельность земца-конституционалиста Н. Н. Львова были хорошо известны в среде российского освободительного движения, и его политическая репутация, думается, была одним из мотивов принятия Корниловым положительного решения. «Фактически под руководством Львова, блестящего знатока аграрного вопроса, в Саратове сложился тогда своеобраз-

ный научно-издательский центр по проблемам реформаторства в аграрной сфере, – справедливо указывает А. А. Кара-Мурза, (именно в Саратове, например, была впервые издана в 1907 г. знаменитая книга «Вымирающая деревня» молодого тогда А. И. Шингарева – будущего кадетского лидера, а потом и министра Временного правительства)»³⁴.

Беспечные каникулы в имени матери в Галахах Варшавской губернии Корнилову пришлось прервать. К тому же «Население Галах было в это время довольно плотное, – вспоминал он. – Кроме нас, в Галахах жили: бабушка с внуками Васильевыми, которых было шесть человек, Харламовы, у которых было четверо детей, и Насоновы, тоже с четырьмя детьми. Всего-то у бабушки в это время было 25 внуков. Еще кроме своих на даче жил профессор Д. М. Петрушевский с женой и тремя детьми»³⁵. В этой размеренной и далекой от столичной суеты обстановке Александр Александрович с женой, не задумываясь над своим ближайшим будущим, безмятежно прожили в Галахах почти месяц, когда пришло письмо от земского служащего В. К. Самсонова из Саратова, в котором тот сообщал, что председатель губернской земской управы Николай Николаевич Львов купил газету «Саратовский дневник» и что тот, не имея редактора, предлагает ему занять это место. Правда, как оказалось, место своей новой службы Корнилов, «по определению саратовского полицмейстера, выбрал неблагонадежное – редакцию газеты «Саратовский дневник». Четыре сотрудника газеты во главе с редактором В. К. Самсоновым уже состояли под негласным надзором полиции. Теперь добавился пятый поднадзорный»³⁶.

В Саратове Корнилов никогда раньше не бывал. Остановился он сначала в гостинице «Европа», а затем по приглашению Самсонова прожил некоторое время у него и, наконец, снял квартиру в доме Пшеничного на Гимназической (ныне Некрасова) улице, «завел понемногу обстановку и переехал к себе»³⁷.

Еще в 1901 г. начиная с № 241 «Саратовский дневник» официально позиционировался как «газета литературная и политическая, выходит ежедневно, кроме дней послепраздничных». Адрес конторы и редакции значился: Немецкая, д. Онезорге. Издателем и «за редактора» до февральского выпуска «Саратовского дневника» был указан Н. П. Штерцер. Начиная с № 47 (28 февраля 1902 г.), очевидно, с момента приобретения газеты Н. Н. Львовым, официальным издателем газеты, значился врач-гипнолог П. П. Подьяпольский, а редактором – В. К. Самсонов. «Так как «Саратовский дневник» была газета подцензурная, – пояснял фактический редактор А. А. Корнилов, – то официальным ее редактором значился Самсонов, который заведовал земским книжным складом. Он получал в газете маленькое содержание, и участие его в газете было второстепенное»³⁸. Объяснение подобной практики назначения «подставных»

редакторов дает Яна Чистаоль: «Так как большинство желающих издавать газеты были оппозиционно настроены против правительства, а значит, подвергались суду «за преступные деяния», то они не могли официально занимать место редактора или издателя периодического издания. Широко использовались подставные редакторы – издатели с репутацией политически благонадежных лиц, которые в случае преследования газеты согласились бы скрыться или отсидеть в тюрьме»³⁹.

Внешне образ и структура газеты со сменой издателя и редактора не изменились. В ней по-прежнему размещались уже ставшие традиционными постоянные рубрики: «Фельетон» (как правило, на первой странице), «За границей», «Иностранное обозрение», «Обзор печати», «Хроника», «Городская Дума», «Областная хроника», «Вести и слухи», «По России», «Театр и зрелища», «Телеграммы «Саратовского дневника», «Судебный указатель», «Страничка из жизни современной деревни», «Торговый отдел», «Смесь» и, конечно, «Реклама и объявления». В то же время содержание и внутренний настрой заметно изменились и, по мнению Корнилова, «оживили отношение к изданию всей местной публики»⁴⁰. Здесь были и статьи о мелкой земской единице, и фельетоны исторического характера, и фельетоны о нуждах сельской школы, а также статьи, освещавшие все, что творилось в русской жизни. По признанию редактора ему приходилось нередко бороться с цензурой и иногда ездить к цензору, отстаивая зачеркнутые им части статей. «Цензор, впрочем, – по отзыву Корнилова, – был довольно податливый человек, некто С. А. Яблоновский. Во время моего редакторства он дважды получал замечания. Один раз, я помню, за мою статью по поводу выбора Горького в Академию наук»⁴¹.

Состав редакции «Саратовского дневника» на 1902 г. – «год издания XXVI» – был следующий: помощник редактора и заведующий отделом внутренней жизни – Н. М. Архангельский, заведующий отделом внешней жизни – социал-демократ-«искровец», беллетрист и поэт М. В. Морозов, журналист А. М. Рыкачев (внучатый племянник Ф. М. Достоевского), а также ближайшие сотрудники – журналисты И. В. Жилкин, А. А. Гусаков и Н. Н. Миронов. Изредка помещал статьи в газете В. С. Голубев, который заведовал народным образованием в земстве и был редактором «Саратовской земской недели». Также периодически публиковались в «Саратовском дневнике» секретарь городской управы Н. Н. Сиротинин, земский статистик, народник и «человек вообще с разносторонними интересами», – как отреккомендовал его Корнилов, – Н. Д. Россов, старший ветеринарный земский врач Ф. А. Березов, исследователь крестьянской общины К. И. Качаровский, городской агроном (основатель Саратовского краевого сельскохозяйственного института) Б. Х. Медведев, фельетонисты С. А. Сергеев и А. А. Герасимов. «По политическим взглядам

редакция была пестрой, – отмечает Савельев-Архангельский, – но всех объединяло стремление к совершенствованию Саратова и губернии, к защите народных интересов»⁴².

Сам владелец газеты Н. Н. Львов ничего не писал в газете, но принимал в ней активное участие как крупный общественный деятель, задавая общий тон публикациям. «Он был очень богат и купил газету для того, чтобы она являлась свободным представителем земства и русских земских интересов, – считал А. А. Корнилов. – Что касается направления, то его предполагалось выработать сообща. Я был редактором “конституционным” и у нас предполагались еженедельные и чаще собрания, на которых направление газеты должно было выработаться. В общих чертах оно должно было соответствовать направлению “Русских ведомостей”»⁴³.

Вскоре состоялось и знакомство Корнилова с Н. Н. Львовым. В ходе доверительного разговора о концепции газеты Николай Николаевич пояснил новому редактору свое издательское кредо. Его мечта сводилась к тому, чтобы, как он выразился, «подтягивать начальство и проводить интересы свободного земства»⁴⁴. У Александра Александровича сложилось впечатление, что по своим политическим взглядам Львов был правее остальных членов редакции. «Увлекаясь и ненавидя гнет в том виде, в каком он осуществлялся Плеве и Сипягиным, Николай Николаевич хотел способствовать освобождению России от этого гнета», – отмечал Корнилов⁴⁵.

За время общения со Львовым в представлении историка сложился вполне законченный и цельный политический портрет молодого русского земца-конституционалиста. «Сам он мне представлялся иной раз русским старозаветным дворянином, – рисует его образ Корнилов. – Либерализм его шел не далее, как с 1894 г., с “Ходынского поля” во время коронации Николая II. К Александру III он еще относился с почтением и даже земских начальников признавал все же идущими “из общества”. Конечно, он ненавидел произвол, который был предоставлен этим земским начальникам, и огромное большинство из них считал своими врагами»⁴⁶. Более того, однажды и сам князь после горячих споров на общие темы с Корниловым неожиданно открыл ему свое альтер-эго, сказав, что думает про свою голову: «que c'est l'invasion des idees liberates dans une tete feodale»⁴⁷.

В целом редактор констатировал, что иметь дело с владельцем-издателем периодического ежедневника было очень приятно, и он не только ничему не мешал, но даже тот факт, что газета издавалась Львовым, имел огромное значение, придавая ей особый, весомый статус в обществе. Имя князя-либерала, по замечанию Корнилова, «объединяло в Саратовской губернии значительную часть дворянства и земство, включая и третий элемент»⁴⁸.

Между тем идейные позиции сотрудников газеты по поводу её направленности и содержания статей заметно отличались. Корнилову запомнился весьма характерный эпизод, наглядно демонстрирующий поляризацию мнений в редакции, связанный с острым спором, возникшим по поводу установки памятника Александру II. В Саратове была открыта выставка эскизов, представленных на премию, учрежденную земством за лучший памятник царю-освободителю. Все эскизы представляли собой конные статуи, но один из них, по мнению Корнилова, невольно останавливал на себе внимание. Художник взял за основу идею лошади и всадника с картины Франца фон Штука «Война». На этом макете Александр II был изображен на такой «штуковской» согбенной лошади, дошедшей до обрыва, да и сам выглядел также сгорбленным, усталым, что совершенно не соответствовало традиционному представлению о царе и парадной величавости памятника.

По воспоминаниям Корнилова об этих эскизах Н. Д. Россовым была написана статья, в которой предпочтение отдавалось именно этой монументальной трактовке образа императора. По мнению автора, в этом эскизе было выражено общее суждение об императоре Александр II: «...Он признавался государем, много потрудившимся и стремившимся создать блага для своих подданных»⁴⁹. Неудивительно, что эта статья сделалась предметом острой дискуссии на одном из собраний в редакции, в ходе которой «большинство членов собрания обрушились на нее, – отмечал Корнилов. – Я помню, особенно меня поразили нападки на нее Жилкина и даже Рыкачева. В сущности, в статье этой выражался взгляд человека конституционно настроенного, а Жилкин и Рыкачев возражали против самой идеи статьи»⁵⁰. Так как Львова в тот момент не было, то единственными защитниками этой статьи оказались только Корнилов, Россов и отчасти Архангельский. В итоге, несмотря на мнение редактора, статья была отклонена.

Также запомнилась Корнилову по накалу редакционных страстей большая статья Рыкачева, которая вызвала, как он выразился, «страшные споры»⁵¹. Собственно это была большая, глубокая и развернутая рецензия на статью П. Борисова «В чем же истинный национализм»⁵², помещенная в 59-й книжке «Вопросов философии и психологии». Под псевдонимом «П. Борисов» выступал П. Б. Струве, и, очевидно, поэтому автор начал свой критический разбор с освещения истории кризиса русского марксизма. Приветствуя наметившуюся тенденцию «от марксизма к идеализму», Рыкачев в то же время подверг острой критике Струве за то, что тот, по его мнению, «не делал последнего решительного шага: не провозглашал безусловного верховенства этического начала над политическим». В представлении Рыкачева, «этический идеал должен быть поставлен верховным судьей наших требований и действий,

а остальное – и родина, и культура, и богатство, и счастье приложатся»⁵³.

Автор был убежден в благотворном предназначении этического императива, который, как он считал, неизбежно вносит струю терпимости и примирения во всякую идейную борьбу и делает каждое направление более чутким к своим ошибкам и своей односторонности. Этот трактат, – резюмировал Рыкачев, – «проникнутый искренним духом примирения и доброжелательства ко всем формам русского идеализма, посвященный памяти Владимира Соловьева, отдающий дань восторга Льву Толстому и старым славянофилам – насколько это выше, чем схоластические споры старых непримиримых народников и марксистов старого типа!»⁵⁴ Так как в редакции «Саратовского дневника» были представители и того и другого типа, то статья Рыкачева была помещена с редакционной оговоркой.

Между тем Корнилов не считал «возмутителей спокойствия» Жилкина и Рыкачева левее себя по политической ориентации, поэтому он с удовлетворением отмечал, что ему удавалось «довольно легко примирять эти взгляды и сводить их воедино»⁵⁵. В результате магистральное направление газеты благодаря, прежде всего, усилиям редактора не особенно отличалось от «Русских ведомостей».

Через некоторое время, близко познакомившись с сотрудниками и присмотревшись к ним повнимательней, Корнилов решил перераспределить их функции в редакции. Так, М. В. Морозов стал заведовать отделом русской жизни, Архангельский – местными делами и одновременно с этим выпускал по очереди с Корниловым текущие номера газеты. Рыкачев заведовал иностранной политикой. Остальные сотрудники заведовали более мелкими разделами в газете. Между тем «с Морозовым, – отмечал А. А. Корнилов, – приходилось много сражаться, пока я не подвел его под общий тон газеты, и сам он говорил впоследствии, что прошел хорошую школу и научился писать в «Саратовском дневнике»⁵⁶. Следует констатировать, что редакторская «школа» Корнилова действительно помогла в профессиональном становлении В. А. Морозова как редактора: с 1903 г. по 1913 г. он последовательно занимал должности редактора газет «Уралец» в Уральске, «Баку», «Самарканд», «Русский Туркестан», «Парижский вестник».

Сам же Корнилов размещал в газете, как он выразился «по возможности», передовые статьи. В связи с тем, что документы редакции «Саратовского дневника» не сохранились, в настоящее время весьма сложно определить авторство и количество статей, подготовленных непосредственно Александром Александровичем. В то же время, соглашаясь с мнением З. Е. Гусаковой, можно с большой долей вероятности предположить, что ко времени работы Корнилова в «Саратовском дневнике» относятся статьи, которые близки ему и по стилю, и по проблематике, подписанные

инициалами «А. К.». К этим статьям относятся: «Некоторые черты из жизни В. А. Жуковского (к пятидесятилетию со дня его смерти)», «К вопросу о мелкой земской единице», «Судьба одной школы» (о ткацкой школе производства сарпинок и холстинок, открытой новоузенским земством), «На балашовской выставке»⁵⁷.

Постепенно в Саратове налаживалась и личная жизнь Корнилова. После того как он снял квартиру и обустроился на новом месте к нему приехала жена Наталья Антиповна с девятилетним сыном Владимиром. Примерно в это же время и его патрон Н. Н. Львов привез в Саратов свою семью и попросил Корниловых бывать у него с сыном. Львов как «старозаветный дворянин» был отцом многочисленного семейства, в котором старший сын Коля приходился ровесником Володе Корнилову, а «остальные – человек пять – были мал мала меньше»⁵⁸.

С приездом «Тали», как любовно называл свою жену Александр Александрович, оживилась его «светская» жизнь. Корниловы познакомилась с семьями земских служащих: с Сиротиниными, Серебряковыми, Голубевыми, Березовыми и Черненковыми. «Дамы во всех этих семьях были хорошие и подходящего к нам направления, – отмечал глава семейства, – но ближе всех Таля сошлась с Зинаидой Михайловной Серебряковой»⁵⁹. Чета Серебряковых занимала в местной городской жизни заметное место. Зинаида Михайловна хотя и не принадлежала ни к одной партии, но сочувствовала и помогала социалистам-революционерам.

В это время к Корниловым приехала А. А. Белозерова, назначенная в свое время еще Горемыкиным начальницей гимназии в Красноярске и получавшая пенсию за институтскую службу. Однако новый губернатор Пантелеев остался очень недоволен её работой и уволил. Приехав в Саратов, она безвозмездно давала уроки сыну Корнилова и подготовила Володю к поступлению в 1-й класс мужской гимназии.

В Саратов к Корниловым приехали из Сибири также и сестры Натальи Антиповны со старым отцом. Правда, по свидетельству Александра Александровича этот переезд вызвал довольно упорную борьбу со стариком-отцом, который долго не соглашался покинуть привычный Иркутск и променять его на неизвестный ему Саратов. «В конце концов он согласился и приехал к нам уже 80 с лишним лет, одряхлевшим и почти впадшим в детство стариком»⁶⁰, – вспоминал Корнилов. Все большое семейство поселилось в одном доме. Сестра жены Екатерина поступила на службу в Городскую управу. Между тем в Саратове она встретила двух подруг по Высшим женским курсам в Петербурге – В. Г. Хотемкину и С. Г. Клитчоглу, фанатичных эсерок, которые втянули Катю в свою организацию. Корнилов, узнав об этом, остался крайне недоволен и старался убедить свояченицу в опасности подобных

связей и в том, что она с эсерами не может иметь ничего общего. Однако подобные увещания не действовали на девушку, тем более что к либеральному движению и, в частности, к «Союзу освобождения», к которому примкнул с самого его основания Александр Александрович, Катя не проявляла живого интереса.

Провинциальный Саратов после приезда Корнилова стал на какое-то время центром притяжения членов ольденбургского кружка – их знаменитого студенческого «Братства». Вскоре по прибытии в Саратов к Корнилову приехал В. И. Вернадский с главной целью – поддержать друга после ареста. Владимир Иванович пробыл в Саратове всего два-три дня, но очень насыщенных. Гостеприимный хозяин не преминул показать ученому-естествоиспытателю оригинальный музей общества естествоиспытателей, созданный и возглавляемый П. П. Подъяпольским, а также уникальный в своем роде Художественный музей Радищева. Кстати, свои впечатления об увиденном Вернадский изложил в фельетоне, опубликованном в «Саратовском дневнике».

Буквально через несколько дней после визита Вернадского Корнилов уже встречал другого кружковца – Д. И. Шаховского, который оказался в Саратове проездом, и старым друзьям удалось повидаться всего только два часа – ровно столько, сколько стоял пароход в Саратове. Дмитрий Иванович привез Корнилову первые известия о журнале «Освобождение», издававшемся П. Б. Струве в Штутгарте, а также «поклоны от редактора и просьбу о сотрудничестве»⁶¹. В следующий раз друзья-единомышленники увиделись только в 1904 г.

Помимо теплых и дорогих встреч с друзьями из студенческой юности, круг знакомых Корнилова обогатился новыми интересными, но политически неблагонадежными личностями. Стоит подчеркнуть, что Саратов традиционно буквально кишмя кишел эсерами. К опутанной подружками-эсерками Екатерине, в каком-то смысле, теперь присоединился и сам Корнилов. В это же время в Саратов проездом из сибирской ссылки на Кавказ прибыл культовый персонаж народничества и один из вождей эсеров М. А. Натансон с женой Варварой Ивановной. Эта революционная чета тоже приложила руку к тому, чтобы покрепче впутать Катю в паутину эсеровского подполья. Несмотря на это, Александр Александрович с придыханием вспоминал о встрече с Натансоном: «когда он приехал, то мы встретились с ним настолько дружелюбно, что он прямо с вокзала приехал ко мне на квартиру»⁶², а остановился он на это время у присяжного поверенного эсера С. Е. Кальмановича, квартира которого была беспощадно разгромлена в ходе еврейского погрома в 1905 г. Путь Марка Андреевича из Саратова лежал в Баку, где городской голова Александр Иванович Новиков любезно предоставил ему должность бухгалтера городской управы. Кстати, Натансон «собирался сманить туда же»⁶³ и Корнилова.

В это же время в Саратове появился ярый социалист-революционер И. Ю. Старынкевич с женой Евгенией Никандровной, являвшейся к тому же давней приятельницей Екатерины Антиповны еще с иркутской гимназии. Ко всему прочему Иван Юльевич приходился двоюродным братом Дмитрию Сократовичу Старынкевичу – товарищу Корнилова по университету. Александр Александрович очень подружился с ним и восторженно отзывался о новом знакомом, считая Старынкевича «в высшей степени отзывчивым, энергичным и жизнерадостным, <...> в высшей степени разносторонним человеком». При этом Корнилов отметил для себя, что Старынкевич «ничего не писал, но все, что он говорил, было в высшей степени разумно. Он интересовался очень многим, и партийной узости в нем не было никакой»⁶⁴.

Крамольные знакомства Корнилова исподволь подвели его к кульминационному событию в соучастии «возбуждения в обществе неудовольствия». 1 мая 1902 г. в Саратове состоялась рабочая манифестация или, точнее, одна из первых трех политических демонстраций в России. В этой скандальной противоправительственной акции участвовали даже некоторые сотрудники «Саратовского дневника». «Кроме того, – вспоминал Корнилов, – из окон редакции некоторые лица, к ней не принадлежавшие, но зашедшие с улицы случайно, махали платками. Этого было достаточно, чтобы прекратить существование газеты в прежнем составе ее редакции. «Саратовский дневник» был приостановлен на 2 месяца, а после того возник в новом составе редакции»⁶⁵.

Воспользовавшись вынужденным отпуском, Корнилов отправился в Галахи, где продолжил свою историко-биографическую работу об В. А. Арцимовиче. Вдохновение, очевидно, не покидало историка, и он с удовлетворением смог в итоге констатировать: «...вышло целых восемнадцать листов»⁶⁶. Первыми слушателями рукописи стали его мать и Петрушевские, а затем он повез её к Арцимовичам в имение близ Люцина Витебской губернии. Проведя там несколько дней, Корнилов прочел все свои главы и Арцимовичам. И наконец, получив полное одобрение А. М. Арцимович и дочерей, он взял свою рукопись для приведения ее в окончательный вид. После этого он вернулся домой как раз к моменту переезда его большого семейства с дачи в город из селения Александровского, что под Саратовом. Но с этой страницы начинается уже вторая часть саратовского «дневника» Александра Александровича Корнилова.

(Продолжение следует)

Примечания

¹ Кара-Мурза А. А. Интеллектуальные портреты : Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М., 2006. С. 49.

² См.: Шапиро А. Л. Русская историография периода империализма. Л., 1962. С. 115–117 ; Историография истории СССР. М., 1971. С. 390–391 ; Сахаров А. М. Историография истории СССР. М., 1978. С. 228 ; Семенов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1996. С. 30–31 ; Кутаев В. А. От фронды к охранительству. М., 1972. С. 8–9 ; Захарова Л. Г. Отечественная историография о подготовке крестьянской реформы 1861 года // История СССР. 1976. № 4. С. 54–76 ; Гармиза В. В. Земская реформа и земство в исторической литературе // История СССР. М., 1960. С. 82–108 ; Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли второй половины XIX – начала XX вв. Л., 1974.

³ Кизеветтер А. А. Обзор юбилейной литературы по истории крестьянской реформы // Научный исторический журн. 1913. № 2. С. 72.

⁴ Покровский М. Н. История России в XIX веке : в 9 т. Т. 3. СПб., 1908. С. 104, 109.

⁵ См.: Чемухин В. Е. Чего хочет Партия народной свободы. Пг., 1917 ; Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. М., 1924 ; Слепков А. Н. Классовые противоречия в первой Государственной думе. Пг., 1923 ; Томсинский С. Г. Борьба классов и партий в первой Государственной думе. Краснодар, 1923 ; Он же. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. М., 1924 ; Сеф С. Е. Буржуазия в 1905 году : По неизданным архивным материалам. М. ; Л., 1926 ; Стальной В. Кадеты (Конституционно-демократическая Партия народной свободы). Харьков, 1929.

⁶ Большая Советская энцикл. : в 65 т. Т. 13. М., 1934 ; Большая Советская энцикл. : в 30 т. Т. 13. М., 1976.

⁷ См.: Ерман Е. К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966 ; Пирумова Н. М. Земско-либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977.

⁸ Комин В. В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в период подготовки Великой Октябрьской революции (1900–1917 гг.). М., 1965 ; Он же. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Калинин, 1970. Лавёрычев В. Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967 ; Он же. Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX – начале XX вв. // История СССР. М., 1976. С. 46–65 ; Астрахан Х. М. Большевики и их противники в 1917 г. М., 1973 ; Тютюкин С. В. Оппозиция его величества. Партия кадетов в 1905–1917 гг. М., 1970 ; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1907 гг. Л., 1972 ; Он же. Революция и власть. М., 1978 ; Черменский Е. Д. Земское либеральное движение накануне революции 1905–1907 гг. // История СССР. 1965. № 5. С. 41–60 ; Он же. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.

⁹ См.: Федоринов В. Е. Общественно-политическая мысль России конца XIX – начала XX века о концепции политической партии. М., 2000 ; Гаджиев К. С. Либерализм : история и современность // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 15–31 ; Согрин В. В. Либерализм в России : перипетии и перспективы.

- М., 1997 ; *Степанский А. Д.* Либеральная интеллигенция в общественном движении России на рубеже XIX–XX вв. // Исторические записки. 1983. № 109. С. 64–94 ; Интеллигенция и либерализм в России. Саратов, 1995 ; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX в. М., 1995 ; Русская интеллигенция : История и судьбы. М., 2001 ; *Кравченко И. И.* Концепция гражданского общества в философском развитии // Полис. 1991. № 2. С. 128 ; *Соловьёв А. И.* Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. № 6. С. 29.
- ¹⁰ *Шацлло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.
- ¹¹ *Думова Н. Г.* Либерал в России : трагедия несовместимости (исторический портрет П. Н. Милюкова). М., 1993 ; *Она же.* Кадетская партия в период первой мировой войны и февральской революции. М., 1988 ; *Она же.* Кончилось ваше время (о поражении кадетской партии). М., 1990.
- ¹² *Шелохаев В. В.* Численность и состав кадетской партии // Количественный анализ : сб. ст. М., 1987. С. 93–113 ; *Он же.* Средства и методы политического воздействия кадетов на средние городские слои в 1907–1914 гг. // Городские средние слои в трех русских революциях. М., 1989 ; *Он же.* Либерализм в России : очерки истории (середина XIX – начало XX вв.). М., 1995 ; *Он же.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996 ; *Он же.* Политическая история в партиях и лицах. М., 1993.
- ¹³ Российские либералы : сб. ст. / под ред. Б. С. Игенберга и В. В. Шелохаева. М., 2001.
- ¹⁴ *Макушин Л. В.* П. Н. Милюков (путь в исторической науке и переход к политической деятельности 1870–1900 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998 ; *Крикун В. Г.* П. Н. Милюков : история становления общественного деятеля и политического лидера. 1877–1905 гг. Воронеж, 1994 ; *Клушин Л. Г.* Общественно-политическая деятельность Ф. Ф. Кокوشкина : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2000 ; *Аронов Д. В.* Научная и общественно-политическая деятельность Сергея Андреевича Муромцева : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2001 ; *Воронкова И. Е.* Общественно-политическая деятельность Д. И. Шаховского : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002 ; *Макаров Д. А.* Общественно-политическая деятельность И. И. Петрункевича : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2003.
- ¹⁵ *Шатохина Г. В.* А. А. Корнилов. Путь становления и развития российского либерала. 1862–1908 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2004.
- ¹⁶ *Левандовский А. А.* Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А. А. Корнилов. М., 1982.
- ¹⁷ *Кара-Мурза А. А.* Александр Александрович Корнилов (1862–1925) и его концепция социально-политической модернизации России // Время выбрало нас : путь интеллектуала в политику : сб. науч. ст. Орел, 2012. С. 204–217 ; *Он же.* Интеллектуальные портреты : Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М., 2006 ; *Он же.* Александр Александрович Корнилов (1862–1925) : историк, политик // «Либерализм в Сибири : прошлое и настоящее» : науч.-практ. конф. : докл. участников конф. (Иркутск, 6 окт. 2005 г.). Иркутск, 2006. С. 5–12.
- ¹⁸ *Гусакова З. Е.* «...Я решительно не знаю, за что попал в тюрьму» (саратовский автограф А. А. Корнилова) // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 214–220.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 857. Оп. I. Д. 1. Л. 27.
- ²⁰ *Левандовский А. А.* Последний общий курс русской истории и его автор // *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1994. С. 5.
- ²¹ *Гревс И. М.* В годы юности. За культуру // Былое. 1918. № 12. С. 56.
- ²² Гейнс Владимир Константинович (1839–1888), псевдоним – Вильям Фрей, писатель и общественный деятель. Отличался выдающимися способностями и дарованиями. Будучи капитаном Генерального штаба, в 1868 г. эмигрировал в Северную Америку, где основал земледельческую ферму на коммунистических началах. Коммуна Фрея через несколько лет распалась, и после долгих скитаний, во время которых он прошёл самые разнообразные стадии «черного труда», переселился в Англию. В 70-х годах XIX века публиковал различные корреспонденции и очерки из американской жизни, а также статьи по социальным вопросам в «Отечественных записках», «Деле», «Вестнике Европы», «Неделе». Особый интерес представляет его переписка с Л. Н. Толстым.
- ²³ РГАЛИ. Ф. 210. Оп. I. Д. 32. Л. 13–13 об.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Подробнее см.: *Варфоломеев Ю. В.* Революционная молодость детей сенатора С. И. Зарудного // Освободительное движение : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 20. С. 196–206.
- ²⁶ *Гревс И. М.* Указ. соч. С. 58.
- ²⁷ *Вернадский В. И.* Письма Н. Е. Вернадской. 1886–1889. С. 269.
- ²⁸ См.: Обращение общественных деятелей по поводу избраний на Казанской площади. Цит. по: *Обнинский В. П.* Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. С. 260–262.
- ²⁹ *Обнинский В. П.* Указ. соч. С. 57.
- ³⁰ *Гусакова З. Е.* Указ. соч. С. 215.
- ³¹ Там же.
- ³² *Савельев-Архангельский О.* «Не мыслю Саратова без Николая Михайловича» // Годы и люди. 1990. Вып. 5. С. 86.
- ³³ *Корнилов А. А.* Воспоминания // Вопр. истории. 1994. № 4. С. 136.
- ³⁴ *Кара-Мурза А. А.* Интеллектуальные портреты : Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. С. 93.
- ³⁵ *Корнилов А. А.* Воспоминания. С. 136.
- ³⁶ *Гусакова З. Е.* Указ. соч. С. 216.
- ³⁷ *Корнилов А. А.* Воспоминания. С. 136.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Чистаюль Я.* Саратовская пресса в начале века // Власть. 2008. № 7. С. 109.
- ⁴⁰ *Корнилов А. А.* Воспоминания. С. 137.

- 41 Корнилов А. А. Воспоминания. С. 137.
42 Савельев-Архангельский О. Указ. соч. С. 87.
43 Корнилов А. А. Воспоминания. С. 137.
44 Там же.
45 Там же.
46 Там же.
47 Вторжение либеральных идей в феодальную голову (фр.).
48 Корнилов А. А. Воспоминания. С. 137.
49 Там же.
50 Там же.
51 Там же.
52 Там же. С. 138.
53 Там же.
54 Корнилов А. А. Воспоминания. С. 138.
55 Там же.
56 Там же.
57 Саратовский дневник. 1902. 18 апр., 9 мая, 9 окт., 25 сент.
58 Корнилов А. А. Воспоминания. С. 138.
59 Там же.
60 Там же.
61 Там же. С. 139.
62 Там же.
63 Там же.
64 Там же.
65 Там же.
66 Там же.

Образец для цитирования:

Варфоломеев Ю. В. Саратовский «дневник» историка А. А. Корнилова: часть первая // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 520–529. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-520-529.

Cite this article as:

Varfolomeev Yu. V. Saratov «Diary» of the Historian A. A. Kornilov: Part One. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 520–529 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-520-529.

УДК 94(47)

ПОЛЯКИ – ЗАКЛЮЧЕННЫЕ И ВОЕННОПЛЕННЫЕ В 1918–1921 годах (по материалам Самарской губернии)

П. А. Мистрюгов

Мистрюгов Павел Алексеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Истории Отечества, медицины и социальных наук, Самарский государственный медицинский университет, pavel892006@yandex.ru

В статье рассмотрено участие поляков в поддержке КОМУЧа и чрезвычайные меры советской власти после освобождения Самары осенью 1918 г. Показаны мотивы заключения поляков на основе ранее неисследованных документов из местных архивохранилищ. Особое внимание уделено офицерам Польской армии в советском плену – выявлены поименные списки военнопленных и заключенных поляков в местных пенитенциарных структурах советской власти, показаны условия их содержания и численность.

Ключевые слова: военнопленные поляки, ГубЧК, Польско-советская война.

The Poles – Convicts and Pows in 1918–1921 (Based on the Archives of Samara Region)

P. A. Mistryugov

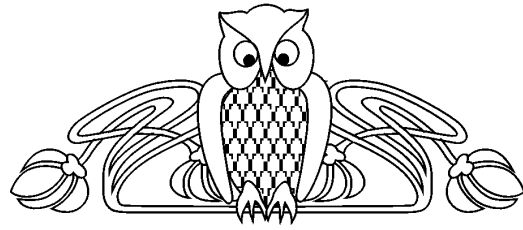
Pavel A. Mistryugov, ORCID 0000-0002-7996-1466, Samara State Medical University, 89, Чапаевская Str., Samara, 443099, Russia, pavel892006@yandex.ru

The article is concerned with the role played by the Poles in lending support to the Committee of the Constituent Assembly members (KOMUCH) and the extraordinary measures taken by the Soviet power after the liberation of Samara in the autumn of 1918. The reasons for their imprisonment are revealed on the basis of the formerly unknown and uninvestigated materials from regional archives. Special attention is paid to the officers of the Polish army taken prisoner; the roles of the servicemen taken prisoner and the nominal lists of the Polish citizens imprisoned in the penitentiary institutions of the Soviet power are brought out, their number is established and the conditions of confinement described.

Key words: prisoners of war, Regional Extraordinary Committee, Polish-Soviet war.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-530-534

В истории российского революционного движения и Гражданской войны проблема участия национальных групп в глобальных общественных трансформациях как на стороне советской власти и РКП (б), так и выступления против них исследована в меньшей степени и имеет свою специфику. В советское время разработка вопросов о степени вовлеченности и роли поляков в революционных событиях и гражданской войне была освещена однобоко. В трудах рассматривались преимущественно аспекты создания боевой

деятельности частей интернационалистов на стороне советской власти¹. На современном этапе спектр изучаемых проблем и источниковедческая база исследований существенно расширились. Параллельно исследованию вопросов заключения военнопленных поляков в РСФСР анализируются дискуссионные проблемы пребывания красноармейцев в польском плену. Так, Г. Ф. Матвеев пишет, что «окончание Первой мировой войны не принесло мира бывшим национальным окраинам России, Германии и Австро-Венгрии»², а война Польши с Советскими республиками сопровождалась огромными разрушениями и болезненными людскими потерями. Потери, понесенные Красной армией, до сих пор не установлены. Все это, по мнению исследователя, требует изучения в целях восстановления исторической памяти. Таким образом, разработка данной темы приобрела значение гражданского долга перед участниками тех трагических событий и их потомками, с одной стороны, и отражает подход к войне как социогуманитарному пространству, с другой. В исследованиях и документальных сборниках выявляются вопросы численности, мотивов, условий пребывания поляков в РСФСР и их репатриации³. Фрагментарные сведения о чрезвычайных мерах советской власти, принимаемых в период Советско-польской войны против лиц польской национальности, представлены в региональных работах по истории местных органов ВЧК⁴.

Некоторые аспекты истории Российской Полонии после революции 1917 года – мотивы и меры наказания поляков, применявшиеся региональными органами советской власти и управления, характер их взаимодействия с местным сообществом исследованы фрагментарно. Анализ историографии данной темы говорит о том, что обращение к проблеме польских заключенных и военнопленных местных исправительно-трудовых домов и концентрационных лагерей советской власти вполне обосновано. Изучение данной проблемы значимо как для рассмотрения принципов чрезвычайной политики советской власти, так и для реконструкции биографических свидетельств участников революционного передела и гражданского противостояния. Этому способствует и то, что местные архивохранилища содержат множество документов периода Гражданской войны по данной проблематике, однако они рассеяны в огромном массиве делопроизводственной документации советских властно-управленческих, следственно-судебных и чрезвычайных структур.

В годы Гражданской войны Поволжье стало регионом военно-политического противостояния и ожесточенной социально-политической борьбы. В крестьянской и рабочей среде происходили протесты. Функционировали альтернативные советской власти и РКП (б) временные социально-политические режимы. Самарская губерния оказалась фронтовой, а затем – прифронтовой зоной, что усиливало напряжение между властью и обществом. В этом историческом водовороте поляки принимали участие как на стороне власти, так и выступали против нее или же попросту становились невольными заложниками экстремальных событий и наряду со всеми гражданами подвергались повседневному испытанию военно-революционного времени. Нередко поляки попадали в поле деятельности чрезвычайных структур советской власти.

В период восстановления советской власти осенью 1918 г. происходил поиск сторонников КОМУЧа. Местные органы ВЧК проводили репрессивные мероприятия. Самарская губернская тюрьма была переполнена пересыльными, подследственными и заключенными. Среди различных категорий арестованных были поляки. Так, одни служили в Народной армии КОМУЧа, а после его свержения осенью 1918 г. советская власть провела их арест. Например, в списке оказались Рудольф Летер (приговор вынесен 8 октября 1918 г.) и Иван Новак (приговор вынесен 9 октября 1918 г.), они обвинялись в «службе в Народной армии». В декабре 1918 г. в уездных пенитенциарных учреждениях г. Бузулука числился гражданин г. Кракова В. А. Самшабек⁵. В общем количестве заключенных доля поляков была незначительной.

В конце 1918 г. высшая мера наказания по приговору Бузулукской ЧК была применена к Ю. Любимской. В списке расстрелянных Ю. Любимская значилась как дворянка, окончившая Высшие женские курсы, по роду занятий была корректором, по национальности записана как полька. Мотив расстрела состоял в том, что она – правая эсерка, занималась «подпольной работой», уличалась в активных выступлениях против советской власти (в каких конкретно не указывалось) и массовых оскорблениях советских работников. Наконец, Любимская выдавала красноармейцев, которых после расстреляли казаки⁶. В решении приводились примеры оскорблений советских работников («сволочи», «грабители») – натурализм в приговорах революционной поры часто соседствовал с идеологизированной фразеологией.

Участие поляков в военно-политическом противоборстве не сводилось только к антисоветской деятельности. К примеру, в январе 1919 г. в местной газете «Коммуна» сообщалось, что на Уфимском фронте казаками был разоружен отряд польского легиона числом 700 солдат «за желание перейти на сторону советских войск»⁷. Их мотивы были подвержены воздействию социально-политической конъюнктуры.

В 1920 г. в исправительно-трудовые учреждения Самарской губернии поступали военнопленные поляки. Правила содержания их в местном лагере были подробно регламентированы и касались как принципов размещения, так и проведения в их среде агитационной и культурно-просветительной работы. На местах руководствовались положениями секретного циркуляра НКВД от 28 июня 1920 г., адресованного коменданту Самарского лагеря. Согласно ему военнопленные офицеры должны быть изолированы от совместного нахождения с рядовыми солдатами; военнопленные рядовые солдаты должны быть сконцентрированы в специально отведенных для них лагерях. Примечание циркуляра гласило, что при отсутствии специальных лагерей офицеры помещаются в особо отведенных для них корпусах. Отдельно оговаривалось, что военнопленные поляки, прибывшие из Сибири, должны быть изолированы от военнопленных, поступавших с Западного фронта. Центр считал, что при поддержке местного отдела народного образования и организаций РКП (б) следовало обратить серьезное внимание на «рациональную постановку агитационной и культурно-просветительской работы»⁸. Тем самым на местном уровне предписания центрального руководства определяли условия содержания военнопленных.

Однако в практике содержания военнопленных в местных лагерях имелись нарушения установленных условий. При проверках они выявлялись и подлежали исправлению. Так, 1 августа 1920 г. местные власти получили предупреждение об участившихся случаях нарушения прав военнопленных поляков, доходящих до грубейших форм, и приказ о пресечении практики подобного рода⁹. Спустя неделю в записке коменданта лагеря Белоусова от 8 августа в ГубЧК значилось, что согласно принятой телеграмме ВЧК были приняты меры (приказ по лагерю № 33) и 3 сентября данная телеграмма была передана коменданту местного концентрационного лагеря для сведения и исполнения¹⁰.

В августе – сентябре 1920 г. Польский отдел ПУРА выявлял лагерь по всей стране и количество содержащихся в них военнопленных. Согласно данным сводок в августе – декабре 1920 г. в Самарском лагере для организации культурно-просветительных мероприятий отсутствовали помещения и специальная литература. Кроме созданной библиотеки заключенные могли посещать клуб и занимались «объяснительным чтением» газет. Такие формы культурно-идеологической работы, как школы грамоты (обучение польскому языку и арифметики) и митинги, лекции (в основе курса лежала «Азбука коммунизма» Н. А. Бухарина и Е. А. Преображенского) и беседы не проводились. В декабре 1920 г. для устранения этих недостатков политинструктор был снабжен литературой. Во время эпидемии тифа и запрета лагерной администрации на культурные занятия военноплен-

ные какое-то время не могли посещать местную школу при Польском рабочем клубе. Между тем, как отмечалось в документах, местный Польский рабочий клуб стал центром митингов и спектаклей для военнопленных¹¹. Таким образом, в Самаре происходило взаимодействие польской диаспоры с военнопленными.

К началу 1920-х гг. в Самарской губернии сложилась структура домов принудительных работ на губернском и уездном уровне и действовал концентрационный лагерь, которые и стали временным местом заключения для поляков. На первом этапе центральные власти не имели ясной картины о числе военнопленных и созданных местных лагерях. В октябре 1920 г. на основе информационного исследования ПУРА было установлено, что в Самарской губернии имелся лагерь на 100 человек¹². В конце 1920 г. центр также выявил, что военнопленные поляки составляли меньшинство личного состава Самарского лагеря. Из 742 заключенных только 100 были польскими

военнопленными¹³. В сравнении с аналогичными лагерями в Центральной России, на Украине и сибирском регионе Самарский лагерь относился к одному из малочисленных.

На основе выявленных архивных данных, содержащихся в документации учетного назначения, в Самаре в 1920–1921 гг. в концентрационном лагере содержались польские военнопленные офицеры (табл. 1). Указанные в списке места военной службы польских офицеров – Новогрудский, Слуцкий и Минский полки – позволяют заключить, что поляки были взяты в плен на белорусском направлении в ходе контрнаступления Красной армии весной – летом 1920 г. По числу их было 27 офицеров, по воинскому рангу – 22 подпоручика, 3 поручика и 2 капитана. Воинскую службу несли в пехотных и саперных частях. В госпиталях на излечении находились 8 человек, 1 из которых умер.

Польские военнопленные, пребывавшие в лагере, имели возможность получать помощь от

Таблица 1

Поименный список польских военнопленных в Самарском концентрационном лагере¹⁴

ФИО	Воинский чин	Воинская часть	Примечания
Корицкий Станислав	Подпоручик	10-й пехотный полк	2-й эпидемический
Люстиг Вильгельм	Подпоручик	46-й пехотный полк	В селе Богатые
Микуцкий Станислав	Подпоручик	10-й пехотный полк	246 госпиталь
Мрус Владислав	Подпоручик	15-й пехотный полк	325 госпиталь
Павлович Сигизмунд	Капитан	46-й пехотный полк	
Гурецкий Фаддей	Подпоручик	Новогрудский полк	234 госпиталь
Фабигикевич Генрих	Подпоручик	29-й пехотный полк	Приемник № 2
Сукневич Николай	Подпоручик	7-й пехотный полк	Приемник № 2
Шнук Казимир	Поручик	31-й пехотный полк	
Новруцкий Владислав	Подпоручик	159-й пехотный полк	
Козловский Болислав	Подпоручик	Слуцкий пехотный полк	
Кокогико Иосиф	Подпоручик	Новогрудский пехотный полк	
Костеркевич Михаил	Подпоручик		108 госпиталь
Подвапинский Юзеф	Подпоручик	16 пехотный полк	224 госпиталь
Груцельский Станислав	Подпоручик	30 пехотный полк	Приемник № 1
Галицер Сигизмунд	Поручик	16 пехотный полк	108 госпиталь
Беньковский Тадеуш	Подпоручик	15 пехотный полк	246 госпиталь
Выржиковский Здишас	Подпоручик	Слуцкий пехотный полк	Приемник № 1
Гловачевский Валерьян	Капитан	38-й пехотный полк	224 госпиталь. Умер
Герасимьяк Александр	Подпоручик	47-й пехотный полк	Приемник № 2
Брожек Франц	Поручик	13-й пехотный полк	Приемник № 1
Витковский Леопольд	Подпоручик	31-й пехотный полк	Приемник № 2
Глива Юзеф	Подпоручик	16-й пехотный полк	Приемник № 1
Скшийковский Петр	Подпоручик	17-й пехотный полк	Приемник № 2
Щесняк Ян	Подпоручик	Минский пехотный полк	Приемник № 2
Филиппович Болеслав	Подпоручик	1-й саперный полк	
Цишевский Людвиг	Подпоручик	1-й саперный полк	Офицер русского флота, «польско-подданный», в польской армии не состоял

представителей Красного Креста. Нормативным документом, регулирующим их работу, стало принятое 27 января 1921 г. к исполнению постановление от 19 января 1921 г. о допуске к военнопленным уполномоченных Польского общества Красного Креста. Согласно ему уполномоченный Польского общества Красного Креста предложил направить во все лагеря своих представителей. Советская сторона разработала принципы их работы, зафиксировав в данном постановлении. Так, сотрудники уполномоченного Польского Красного Креста допускались в лагеря военнопленных при предъявлении пропуска, полученного в ВЧК и завизированного в Главном управлении общественных работ и повинностей; при посещении лагеря необходимо сопровождение их политинструкторами и комендантом или его заместителем; сотрудники Красного Креста обладали правом оказания помощи только натурой или деньгами, никакие другие полномочия им не присвоены; администрация лагеря должна оказывать возможное содействие в облегчении их работы путем предоставления сведений о количестве и степени нуждаемости; эти сведения должны быть предварительно собраны через контрольно-хозяйственные комиссии; объявлять военнопленным, что им разрешено вести корреспонденцию с Родиной, но письма не запечатывать и передавать через политотдел ПУРА¹⁵. В местных архивах не сохранились документы о проведенных обследованиях сотрудниками Польского Красного Креста концентрационных лагерей Самарской губернии.

В конце 1920 г. местные власти занимались размещением польских военнопленных в местных пенитенциарных учреждениях. 29 декабря 1920 г. согласно отношению Главного управления общественных работ от 22 декабря коменданту лагеря предлагалось вместе с ГубЧК немедленно изолировать пленных польских офицеров и ксендза от остальных военнопленных¹⁶. 30 декабря в ГубЧК комендант лагеря направил отношение в ГубЧК о возможности перевода всех военнопленных польских офицеров и ксендза и 5 января 1921 г. получил от ГубЧК положительный ответ¹⁷. Однако положение военнопленных офицеров не изменилось. В марте 1921 г. комендант лагеря принудительных работ № 1 указывал на то, что

из-за технических условий невозможно изолировать польских офицеров от солдат, в связи с чем запрашивал Особый отдел о разрешении перевода военнопленных и ксендза в дом принудительных работ и прикрепления их к особому отделу¹⁸. В феврале 1921 г. Польбюро оказывало военнопленным необходимую поддержку, так как их материальное положение было плачевным¹⁹.

Пребывание военнопленных поляков в местных лагерях было временной мерой. Содержание военнопленных в Самарском лагере не было исключением, однако их репатриация на родину затянулась. 5 января 1921 г. по решению центра польских офицеров из Самарского лагеря, часть которых находилась на свободе, срочно надлежало перевести в Тульский концентрационный лагерь, предназначенный для офицерского состава²⁰. Только в июне 1921 г. согласно записке Уполномоченного по делам военнопленных польской армии началась отправка военнопленных поляков в составе 250 человек из Самары²¹. Длительные перерывы в исполнении указаний центра были обусловлены экстремальными событиями 1921 г. В Самарской губернии происходили крестьянские выступления, на фоне общего разорения разразился транспортный коллапс. Все это затрудняло оперативное исполнение реэвакуации поляков.

В 1921 г. в концентрационном лагере местной ГубЧК находилось шестнадцать поляков (табл. 2). На протяжении 1921 г. в местах заключения находились иностранные граждане. К концу 1921 г. в исправительном доме находились: литовцы – 4; латвийцы – 2; поляки – 24²². Таким образом, число поляков среди других заключенных преувеличилось.

Ситуация острого гражданского противостояния в 1918–1920-х гг. носила глобальный характер, в котором оказались представители не только разных социальных страт и политических объединений, но и национальных групп. Мотивация общественного поведения поляков была различной. Пребывание поляков в местных исправительно-трудовых учреждениях было связано с участием в военных структурах при альтернативном советской власти социально-политическом режиме (КОМУЧе). Принимая во внимание бескомпромиссность политического

Таблица 2

Поименный список заключенных поляков в Самарском концентрационном лагере²³

Субботкевич М. С.	Помашевский А. П.
Вашак С. Т.	Стрицкий А. Ф.
Добышевский Л. К.	Ивашкевич Б. В.
Галинский И. И.	Клепацкий К. М.
Садовский Я. В.	Сук К. К.
Чарновский В. К.	Ежовский В. И.
Ханьяш С. А.	Шустер А. К.
Перескевич И. И.	Энглендер М. М. (Варшава, еврей)

курса партийно-советской власти, оно квалифицировалось как «контрреволюционное» и подлежало пресечению. Его формы были вариативны – от арестов до применения высшей меры наказания. Большинство поляков в составе заключенных местных пенитенциарных структур составляли категорию военнопленных Советско-польской войны, захваченных в ходе контрнаступления Красной армии весной – летом 1920 г. На местном уровне власти обустроивали режим их содержания в соответствии с установленным центром порядком, но военно-революционные условия разрухи не позволяли достичь их выполнения в полной мере.

Примечания

- ¹ Интернационалисты : участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России, 1917–1920 гг. / [Ю. Н. Щербаков, А. Я. Манусевич, А. Х. Клеванский и др.] ; отв. ред. А. Я. Манусевич. М. : Наука, 1987 ; *Манусевич А. Я.* Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль – октябрь 1917 г. М. : Наука, 1965 ; *Щербаков Ю. Н.* Участие иностранных коммунистов в борьбе за Советскую власть в Среднем Поволжье в 1918–1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1962.
- ² *Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С.* Польский плен : военнопленные Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М. : Родина-медиа, 2011. С. 4–13.
- ³ *Оплаканская Р. В.* Положение польских военнопленных в Сибири в начале 1920-х гг. // *Вестн. Том. гос. ун-та.* 2014. № 384 ; Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы) : документы и материалы. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2004 (далее – *Польские военнопленные...*) ; *Райский Н. С.* Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. М. : Ин-т рос. истории, 1999.
- ⁴ *Кобелева Е. А.* Место и роль ЧК в процессе становления советского государства. 1918 – начало 1922 гг. (на материалах Пермского Прикамья) : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005. С. 166 и др.
- ⁵ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 136. Л. 19, 22–22 об.
- ⁶ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп. 2 с. Д. 1. Л. 99.
- ⁷ Коммуна. 1919. 10 января. № 26.
- ⁸ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп. 2. Д. 10. Л. 1–1 об.
- ⁹ Там же. Л. 5–5 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 5–6.
- ¹¹ *Польские военнопленные...* С. 79–80, 180–182, 200–201, 203–205.
- ¹² Там же. С. 99–101.
- ¹³ Там же. С. 197–198.
- ¹⁴ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп. 2. Д. 10. Л. 19–19 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 38–38 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 28.
- ¹⁷ Там же. Л. 15.
- ¹⁸ Там же. Л. 14.
- ¹⁹ *Польские военнопленные...* С. 277.
- ²⁰ Там же. С. 234–235.
- ²¹ Там же. С. 335–336.
- ²² Там же. Д. 251. Л. 57–57 об.
- ²³ ЦГАСО. Ф. Р-1868. Оп. 2. Д. 334. Л. 245.

Образец для цитирования:

Мистрюгов П. А. Поляки – заключенные и военнопленные в 1918–1921 годах (по материалам Самарской губернии) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2017. Т. 17, вып. 4. С. 530–534. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-530-534.

Cite this article as:

Mistryugov P. A. The Poles – Convicts and Pows in 1918–1921 (Based on the Archives of Samara Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 530–534 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-530-534.

УДК 2+322 (470.44)

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В СЕРЕДИНЕ 1920-х ГОДОВ

Е. А. Петрова

Петрова Елена Алексеевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, lena02-07@mail.ru

В статье автор на материалах Саратовского Поволжья рассматривает политику Советского государства в отношении церкви и религиозных организаций в 1920-е гг. Существенно изменившийся статус церкви регулировался новыми нормативно-правовыми актами советской власти. Большое внимание уделялось антирелигиозной пропаганде, которая была призвана вытеснить из сознания верующих религиозные предрассудки. Автор приходит к выводам, что даже в этот относительно мирный период существования государства и церкви советское руководство не отказывалось от идеи ликвидации церкви и искоренения религии, в связи с чем допускало серьезные отступления от собственных законов и инструкций.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, власть, религия, церковь, религиозные объединения, православие, католицизм, лютеранство, старообрядчество, сектантство, ислам, иудаизм, законодательство, антирелигиозная пропаганда.

The State-church Relations in Saratov Volga Region in the Mid 1920s

Е. А. Petrova

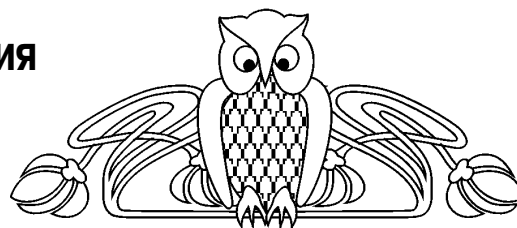
Elena A. Petrova, ORCID 0000-0001-5969-5095, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, lena02-07@mail.ru

Based on Saratov Volga region materials, the Soviet state policy concerning the church and religious organizations in the 1920s in the Saratov Volga region are examined in the article. The status of the Church changed significantly in that period and was regulated by the Soviet government's new legal acts. Special attention was paid to the antireligious propaganda in order to displace superstitions from the believers' minds. The fact that the Soviet state didn't refuse the idea of the church and religion liquidation even in that peaceful period and therefore it admitted serious law and instructions deviations is proved in the article.

Key words: state-church relations, power, religion, church, religious associations, Orthodoxy, Catholicism, Lutheranism, Old Believers, sectionalism, Islam, Judaism, legislation, antireligious propaganda.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-535-542

К середине 1920-х гг. во взаимоотношениях церкви и государства наметились некоторые изменения. Большевицкое руководство столкнулось с тяжелейшим экономическим кризисом. Промышленность и сельское хозяйство России были

разрушены гражданской войной и политикой «военного коммунизма». Военно-коммунистические методы хозяйствования потерпели крах. Они привели к тотальному голоду 1921–1923 гг. во многих регионах страны¹. Массовое недовольство населения грозило падением советской власти. В городах развивалось забастовочное движение. Весной 1921 г. массовые крестьянские восстания прошли во многих районах страны, в том числе и в Саратовском Поволжье².

На этом фоне продолжение жестких антицерковных мер могло привести к еще большему противодействию населения, особенно крестьянского, религиозность которого была сильна. Все это вынудило Коммунистическую партию менять свою тактику не только в экономической сфере, но и в отношении к религии и церкви.

«Новая экономическая политика» (нэп), провозглашенная X съездом РКП (б), имела целью возродить хозяйственную жизнь в стране. В связи с поворотом России к нэпу политика Советского государства по отношению к религии и всем без исключения религиозным организациям в отечественной историографии трактуется как «религиозный нэп», отмечается ее определенное смягчение в сравнении с предыдущим периодом «бури и натиска»³. Однако проведенные исследования по материалам Саратовского Поволжья не дают полных оснований для таких оптимистических выводов.

Не отказываясь от своих прежних целей искоренения религии и церкви, советское руководство выбрало более осторожный и медленный путь, основанный на издании и реализации новых нормативно-правовых актов, определявших отношения между государством и церковью.

27 апреля 1923 г. была опубликована инструкция «О порядке регистрации религиозных обществ и выдаче разрешения на созыв съездов таковых»⁴. Наблюдение за деятельностью религиозных обществ, съездов и объединений возлагалось теперь на Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), на его губернские и местные органы⁵.

Согласно вышеназванной инструкции проводилась повторная перерегистрация всех религиозных обществ в отделах управления губернских или волостных исполкомов⁶. Причем религиозные общества, не зарегистрированные в трехмесячный срок, после опубликования данного постановления считались закрытыми⁷. Такой шаг представлял собой явное ужесточение антицерковных мер, контроль над деятельностью религиозных общин и дальнейшее вмешательство в религиозные дела.

Необходимо отметить, что власть пыталась учитывать конфессиональные особенности различных вероисповеданий. Так, на заседании комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б) в июле 1923 г. было постановлено «составить отдельную инструкцию для католического культа, приняв в основу основную инструкцию, объявленную в Известиях ВЦИК»⁸. На другом заседании рассматривался проект инструкции о порядке регистрации религиозных обществ православного культа⁹.

Инструкция о регистрации религиозных обществ, с одной стороны, была направлена на урегулирование отношений с религиозными обществами, а с другой стороны, развязывала руки местным властям в деле закрытия церквей и молитвенных домов. Ведь даже неуплата налога в виде гербового сбора могла служить основанием к закрытию храмов. Этим было положено начало закрытию церквей, теперь юридически оформленному, которое начиналось с 1923 г.

Еще 19 апреля 1923 г. циркуляром ВЦИК ЦИКа союзных и автономных советских республик, губисполкомам предписывалось: «Все дела по закрытию временных или постоянных храмов и молитвенных домов всех культов без различия, а также все дела по нарушению договоров с группами верующих о пользовании церковными зданиями разрешаются постановлениями Президиумов Губисполкомов. Все постановления по этим делам должны заноситься в протоколы заседаний Президиумов Губисполкомов, с обязательным указанием мотивов и оснований для расторжения договоров или закрытия храмов и молитвенных домов»¹⁰.

Таким образом, Советское государство не собиралось отказываться от своей политики по искоренению религии и церкви, оно лишь перешло в своих действиях к иной – «правовой» – тактике, которая предполагала более взвешенный подход к деятельности религиозных организаций общин, недопущение открытого произвола в отношении верующих.

Вопрос о злоупотреблениях в деле закрытия церквей, синагог и прочих молитвенных зданий обсуждался на заседаниях комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б) уже в мае 1923 г. В итоге было постановлено «поручить ГПУ выяснить о каждом отдельном случае закрытия церквей и в случае нарушения существующих по сему поводу правил виновных привлечь к ответственности»¹¹, а также «просить Политбюро ЦК срочно разослать циркуляр всем партийным органам о приостановке закрытия церквей» и направить в газету «Правду» статью по поводу осторожного подхода к закрытию церквей, мечетей и синагог и т. д.¹² Эти предложения реализованы не были, а курс на закрытие религиозных объектов сохранился.

Во исполнение инструкций ВЦИК в начале 1924 г. по уездам и волостям Саратовской губер-

нии начинают создаваться постоянные комиссии по ликвидации церквей¹³, комиссии по оценке и учету церковного имущества, проверке договоров с коллективами верующих и распределению церковного имущества в случае ликвидации церквей¹⁴, комиссии по проведению в порядок культового имущества, церковных зданий и молитвенных домов в целях выявления потребностей ремонта¹⁵. При этом обязательным членом, входившим в состав комиссии, являлся представитель от уездной или волостной милиции¹⁶.

С этого момента начинается постепенное обследование молитвенных зданий и церквей данными комиссиями, для которых была разработана специальная инструкция¹⁷. В каждом отдельном случае собиралась комиссия в составе представителя милиции, представителя госмузея (на предмет оценки предметов культа, имеющего художественное и историческое значение), а также техника специалиста, которые производили осмотр культовых зданий. По каждому случаю, как и предписывалось, составлялся официальный акт и давалось официальное заключение президиума или уездного (губернского) исполнительного комитета (УИК или ГИК)¹⁸ о закрытии культового здания, о продлении договора на его использование или о передаче его другой группе верующих.

Таким образом, закрывались многие храмы и молитвенные дома без учета каких-либо конфессиональных особенностей: одинаково закрывались православные и старообрядческие, лютеранские и католические храмы, мечети, баптистские, меннонитские и другие молитвенные дома. Внутри русской православной церкви различие не делалось ни для православных староцерковного толка, ни для обновленцев. В передаче культовых зданий другим группам верующих, снижении арендной платы или в достройке уже существующих храмов местные власти различий также не делали. Причем за нарушение договора об использовании церковного имущества коллективы верующих подвергались не только административной, но и уголовной ответственности¹⁹.

Так, в 1924 г. у евангельских христиан (баптистов) города Вольска был изъят из пользования молитвенный дом под предлогом непригодности данного здания для отправления религиозных обрядов²⁰. Ликвидирован был молитвенный дом старообрядцев поморского согласия в Саратове, а коллектив верующих был привлечен к уголовной ответственности за растрату имущества²¹. В 1927 г. группе верующих старообрядцев было отказано в снижении арендной платы на пользование зданием для культовых целей²². Община православной «Маминской» церкви города Саратова получила отказ в передаче ей здания храма для его достройки²³.

Спротивление изъятию церковных зданий могло служить поводом к обвинению коллективов верующих и священнослужителей. По данному обвинению был, например, осужден католический

священнослужитель села Ровное АССР немцев Поволжья И. Циммерман²⁴.

21 августа 1924 г. вышло секретное постановление президиума ВЦИК, в котором прописывались конкретные действия в случае закрытия или ликвидации церквей и молитвенных зданий, а также судьба имущества закрываемых храмов²⁵.

В то же время местным властям предписывалось не препятствовать исполнению религиозных обрядов такими широко распространенными к тому времени абсурдными мерами, как требование с каждого гражданина гербового сбора, а с групп верующих – справок о несудимости каждого гражданина²⁶. Как объяснялось в документе, такие требования не имели оснований и истолковывались, как преднамеренная волокита.

10 июля 1923 г. на заседании комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП (б) вышло постановление о закрытии на общих основаниях церквей при фабриках и заводах²⁷. В результате, например, в 1926 г. партийная организация фабрики «Красный Октябрь» ликвидировала церковь в районе предприятия²⁸.

Действия властей сводились не только к вопросу о «законной» ликвидации церквей. В 1923 г. была также принята инструкция по обложению церквей и служителей культа налогами²⁹. Мера принесла довольно быстрый и ощутимый результат. В сложных экономических условиях, когда крестьянское население Саратовской губернии не обладало лишними финансами, ему пришлось сокращать штат священнослужителей. По информационной сводке Петровского уездного исполнительного комитета в уезде «благодаря последним налогам на священнослужителей, крестьяне в целях сокращения расходов сокращают поповские штаты, как например: вместо двух причтов оставляют один, увольняют других, таким образом, попы становятся безработными...»³⁰

Циркуляр «О правах служителей культов на землепользование» уравнивал служителей всех культов в деле наделения землей или с ее лишением с прочими гражданами³¹.

Следующий шаг был предпринят в деле страхования церковных и молитвенных зданий³². Во-первых, страхование фактически представляло собою дополнительное налогообложение, которое начиналось с самых низких окладов. А во-вторых, как показала дальнейшая практика, это был продуманный и достаточно эффективный шаг, позволявший закрывать церковные здания.

В 1925–1928 гг. характерным явлением для Саратовской губернии стали пожары, уничтожавшие церковные здания и молитвенные дома. Причем расследование этих пожаров местной милицией результатов не давало, оставалось неясным: был ли это поджог или пожар вызывался другими причинами³³. По постановлению ВЦИК от 24 августа 1925 г. «О порядке использования страховых сумм, полученных за сгоревшие молитвенные здания» коллективы верующих должны

были получать страховку за сгоревшую церковь или храм. На деле же это оборачивалось продолжительной волокитой. Коллективы верующих по несколько лет не могли получить страховую денежную премию на постройку нового здания церкви. А если такое и случалось, то время уже было упущено: строительный материал дорожал, и назначенной страховки не хватало на достройку храма, зато вполне хватало, чтобы удовлетворить культурные нужды уезда или волости (школы, агропункты, избы-читальни и пр.). Губернский исполнительный комитет либо рекомендовал означенную сумму не выдавать, либо ходатайства верующих отклонять и передавать страховые премии на культурные нужды волости³⁴. Но если вдруг каким-то «чудом» коллективы верующих все-таки получали назначенные им страховые премии, то большей частью сами передавали их на культурные нужды. Делалось это добровольно или принудительно – сегодня установить трудно. Так, в частности, поступили верующие села Морозово. Административный отдел Саратовского Губисполкома не мог спокойно пройти мимо такого почина и настоятельно рекомендовал углубить разъяснительную работу среди крестьянства, чтобы коллективы верующих, получивших премии за сгоревшие церкви, последовали примеру морозовцев³⁵.

Таким образом, обязательное страхование культовых и религиозных церквей и домов, юридически направленное на поддержку церкви (страховые выплаты должны были служить на постройку новых зданий), на деле оборачивались очередным ущемлением прав церкви и ликвидацией храмов и молитвенных домов.

Надо отметить, что советской власти уже к 1923 г. удалось до некоторой степени разрушить, частично подавить или расколоть церковную структуру³⁶. Но там, где удавалось оттеснить официальную церковь, ее место занимало сектантство³⁷.

Секретным донесением Петровского исполнительного комитета сообщалось, что в некоторых волостях уезда существуют секты, преследующие непонятные для Уездного отдела управления религиозные цели. Эти «организации», в народе именовавшиеся хлыстами, «всячески скрывают свое существование, являясь антирелигиозной организацией. Несмотря на то, что указанные секты стараются скрыть свое существование, их деятельность, безусловно, не является бесцельной, и, по-видимому, ведут свою деятельность по имеющимся у них инструкциям высших ведомственных инстанций или во всяком случае основываются на каких-либо данных»³⁸. Указанные секты обязаны были регистрироваться в обязательном порядке, а за их деятельностью должно было вестись исключительное наблюдение.

В поселке Ново-Скатовка Ягоднополянской волости Саратовского уезда, где проживали немцы, существовали кружки штундистов, которые хоть и были зарегистрированы, но от выполнения

распоряжений местной власти отказывались, проявляя тем самым неповиновение³⁹.

На 16-й областной конференции ВКП (б) Республики немцев Поволжья в 1928 г. отмечалось также быстрое усиление влияния различных протестантских сект в Немреспублике. «Даже такая изолированная секта, как секта танцбрудеров⁴⁰, приобретает десятки новых приверженцев, другие секты приобретают их сотнями и тысячами»⁴¹. Наиболее влиятельной сектой к концу 1920-х гг. стала секта бетбрудеров (молящихся братьев). Известны факты, когда в некоторых селах бетбрудеры на собраниях общин принимали в свои ряды одновременно по 20–25 человек. В основном в бетбрудеры вступали зажиточные крестьяне-кулаки, поскольку двери для вступления в какие-либо государственные, общественные или кооперативные организации пред ними были плотно закрыты. Бетбрудерские организации имели в своих рядах крестьян различных социальных уровней: и не только кулаков, но и середняков, бедняков, батраков. Возникла «религиозная солидарность», вызывавшая сильнейшую тревогу партийного руководства АССР немцев Поволжья⁴². Распространение секты бетбрудеров вызывало обеспокоенность и высшего руководства страны. На одном из заседаний комиссии при ЦК РКП (б) был поставлен вопрос о бетбрудерах, а также соображения о необходимых мероприятиях к ликвидации их вредного влияния на верующие массы и прекращение созыва их конференций⁴³.

Некоторые исследователи отмечают, что сначала у советской власти и сектантов складывались вполне мирные взаимоотношения в силу похожих взглядов на революцию и построение социального общества. Однако к концу 1928 г. их взгляды разошлись, и сектанты попали в общий «котел» преследований и репрессий⁴⁴. Нам представляется, что уже в 1923 г. власти сознавали опасное влияние сектантства. Так, на заседании комиссии при ЦК РКП (б) 26 июня 1923 г. по вопросу сектантства было разрешено использовать в печати все материалы, компрометирующие сектантов с точки зрения их антимилитаризма, а ГПУ усилить работу по разложению сектантства⁴⁵. На другом заседании 1926 г. было разрешено «не препятствовать попам ведению борьбы с сектантством, однако с тем, чтобы эта борьба велась в плоскости догматической и из этих границ не выходила»⁴⁶. Таким образом, Советское правительство по древнему принципу «разделяй и властвуй» использовало противоречия между различными религиозными группами, стараясь либо уничтожить их, либо не допустить роста влияния одной из них.

Политика Советского государства по отношению к исламу и иудаизму была несколько иной, чем по отношению к другим конфессиям, особенно к православной вере⁴⁷. Конечно, эти религиозные конфессии также были чуждыми в условиях «социалистического строительства» в

стране. К тому же если православие было главной конфессией в имперской России, то ислам и иудаизм представлялись религиями ранее угнетенных царизмом народов.

Осознав всю сложность религиозного вопроса, к началу 1920-х гг. большевики проявили осторожность и деликатность по отношению к исламу. Известный советолог А. Г. Авторханов писал: «Учитывая всю сложность этого вопроса и необходимость гибкой тактики в деле его разрешения в духе коммунизма, большевики расчленили мусульманский вопрос на две части: 1. Мусульманский вопрос как вопрос политико-национальный (имея в виду все народы мусульманской религии), 2. Мусульманский вопрос как вопрос культурно-религиозный. Чтобы успешно разрешить первую часть вопроса, надо было проявить высокую тактическую гибкость в отношении второй части (культурно-религиозной). Этого требовала и программа РКП (б), в которой сказано, что «необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств». Это указание программы большевиков Сталин интерпретировал так: «... от кавалерийских набегов по части “немедленной коммунизации” нужно перейти к продуманной и осмотрительной политике постепенного вовлечения этих масс в руслу советского развития»⁴⁸.

Действительно, отмеченный выше подход можно проследить даже по такому важному (в том числе и для мусульман) вопросу, как преподавание религии в школе. Постановление, принятое на заседании комиссии при ЦК РКП (б) в апреле 1923 г. при обсуждении мусульманского вопроса, гласило: «Ни в каком случае не допускать преподавание Корана и вообще религиозных преподаваний в школе»⁴⁹. Уже в августе того же 1923 г. комиссия постановила: «Признать возможным допущение преподавания мусульманского вероучения в мечетях детям, окончившим советскую школу I ступени»⁵⁰. А инструкция, утвержденная президиумом ВЦИК от 9 и 24 июня 1924 г. «О преподавании мусульманского вероучения среди восточных народностей, исповедующих мусульманское вероучение»⁵¹, разрешала преподавание мусульманского вероучения в мечетях без ограничений. Справедливости ради необходимо отметить, что инструкция содержала ряд положений, которые могли использоваться местной властью для отсрочки в проведении инструкции в жизнь и как следствие – для затягивания решения религиозного вопроса⁵².

Отношение к иудаизму в Саратовском Поволжье, как и к исламу, также было менее жестким на фоне ущемления прав других конфессий. Определенную роль в этом играла и малочисленность еврейской общины в регионе⁵³.

Так, в январе 1926 г. Саратовский Губисполком постановил: разрешить «евреям, торгующим кошерным мясом, не производить торговлю в дни еврейских праздников»⁵⁴. В том же году кол-

лективу верующих 1-й синагоги Саратова были разрешены сборы к предстоящим праздникам Пасхи для снабжения беднейшего еврейского населения мадой в день Пасхи⁵⁵. Но уже в следующем 1927 г. аналогичная просьба верующих евреев была отклонена⁵⁶. На совещании при Агитационно-пропагандистском ЦК ВКП (б) в 1926 г. были приняты тезисы «Об антирелигиозной пропаганде среди национальностей СССР», в которых говорилось, что «среди еврейства очень медленно с большой трудностью изживаются обряды и обычаи, суеверия и предрассудки, вера в мертвых и живых святых (цадики), вера в духов и т. д. Это обстоятельство вызывает необходимость усиления работы по очищению быта от различной обрядности (обрезания, посты и т. д.) и борьбы с укоренившимися предрассудками»⁵⁷.

Другая плоскость развития государственно-церковных отношений в годы нэпа – это агитационно-пропагандистская деятельность. Если на нормативно-правовом уровне наблюдались порой нестыковки и неоднозначность проводимой политики, то в деле пропаганды и агитации советскому правительству удалось достичь значительных успехов.

Уже в начале 1920-х гг. советское руководство поняло, что быстрого отмирания религии не происходит. Как было сказано выше, определенные успехи в деле раскола и дискредитации церкви к 1923 г. советской властью все же были достигнуты. Но главного, т. е. вытеснить религиозное мировоззрение из сознания большинства населения страны, так и не удалось достичь. Активные репрессивные методы искоренения религии, как в стране, так и в Саратовском Поволжье, особого успеха не имели, а иногда оказывали прямо противоположный эффект⁵⁸.

Проходивший в Москве с 17 по 25 апреля 1923 г. XII съезд РКП (б) принял резолюцию «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды»⁵⁹. Резолюцией предписывалось, чтобы работа партии приобрела прежде всего характер углубленной систематической пропаганды, которая «наглядно и убедительно вскрывает каждому рабочему и крестьянину ложь и противоречие его интересам всякой религии». При этом «необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего к закреплению религиозного фанатизма. Нарочито грубые меры, часто практикующиеся в центре и на местах, ... затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков»⁶⁰.

С этого момента разворачивается широкая антирелигиозная пропаганда против религии и церкви. Местные власти совместно с агитотделами партийных комитетов инициативно взялись за это дело. Так, агитотдел Вольского уездного комитета РКП (б) широко развил антирелигиозную пропаганду среди рабочих масс города и деревни и самое интересное – среди учащейся молодежи. Устраивавшиеся диспуты имели успех, появился

запрос на антирелигиозную литературу⁶¹. Отделы национальных меньшинств также начинают широкое освещение антирелигиозных вопросов, отмечая, что для каждой национальности требуется особый подход и знакомство с бытом данной национальности. В отчетах сообщалось, что за июль месяц 1923 г. произведена большая антирелигиозная кампания среди татар Саратовской губернии, для чего был разослан циркуляр с тезисами и указанием подхода к работе. В городе Саратове данная кампания прошла удачно и привлекла до 650 человек татарского населения. В Петровском уезде кампания прошла также удовлетворительно⁶². По отношению к евреям была разработана своя программа, в которой, «учитывая отсталость еврейских рабочих в отношении вопроса о религии», в клубах предлагалось организовывать антирелигиозные кружки на еврейском языке⁶³.

Огромное распространение начинают получать антирелигиозные кампании, так называемые «комсомольские» Пасха, Рождество, комсомольский Курбан-байрам, еврейские комсомольские Пасхи, которые противопоставлялись традиционным религиозным праздникам. В 1923 г. на заседании ответственных работников отдела национальных меньшинств Саратовского Губкома при обсуждении проведения комсомольского байрама в Хвалынском уезде предложили осветить это в газетах нацменьшинств и учесть неудачи кампании для будущего опыта⁶⁴.

Местные газеты, которые были призваны помочь ликвидировать неграмотность крестьянских масс деревни, с этого момента начинают активную публикацию разоблачающих статей к различным церковным праздникам: к празднику Троицы, Рождества, Пасхи, ко дню Илии Пророка, к Богородичным праздникам, Курбан-байраму и другим⁶⁵. Большое распространение получили статьи, дискредитирующие священников, пасторов и мулл, статьи, критикующие суеверные предрассудки народных масс на пути к хозяйственному благополучию, и все это осуществлялось под лозунгом за «новый быт»⁶⁶.

В жизнь, в том числе и в деревне, начинают вводиться новые праздники, такие как праздник урожая⁶⁷. Частым явлением становятся антипасхальные кампании, устраиваются суды над Пасхой, другие инсценировки. Особое место в обрядовой культуре стали занимать красные или коммунистические крестины и октябрины⁶⁸. В отличие от прочих форм революционной обрядовости они олицетворяли собой вхождение человека в новый мир, свободный от пережитков прошлого.

Особая роль отводилась школьному просвещению трудящихся масс города и деревни⁶⁹. Власть делала ставку на воспитание нового, целиком атеистического поколения строителей коммунизма и творцов нового мира. Различные молодежные организации были призваны помочь в этом деле. Огромная роль отводилась комсомолу, который стал в то время наиболее активным участ-

ником борьбы с религией и церковью. В 1925 г. был создан Союз безбожников – новая антирелигиозная организация. В связи с ее образованием произошло изменение степени и характера участия комсомола в антирелигиозной деятельности государства. Он потерял инициативу, перестал быть ударной силой в насаждении «безбожия»⁷⁰. Пионерское движение, пионеры и октябрята также были призваны оказать помощь взрослым в антирелигиозной борьбе⁷¹. Особый упор делался на привлечение девушек и женщин как в комсомол, так и различные другие общественные организации⁷². Власть понимала, какую роль женщина играла в обществе и семье, и учитывала ее особую религиозность. Различными способами делались попытки вытеснить религиозное мировоззрение из семьи – начальной ячейки общества.

В Саратове в 1924 г. было организовано общество «воинствующих материалистов», которое разместились в здании Саратовского областного коммунистического университета и было призвано активно пропагандировать идеи диалектического материализма⁷³.

Таким образом, антирелигиозная пропаганда должна была если не вытеснить окончательно религию из сознания народных масс, то хотя бы заменить и противопоставить ей собственную коммунистическую идеологию.

Проведенное исследование позволяет заключить, что политика Советского государства в середине 1920-х гг. была направлена на дальнейшее и последовательное искоренение религии и церкви. Реализация такой политики проводилась как на основе принятия и практического осуществления соответствующей нормативно правовой базы, так и с помощью антирелигиозной пропаганды. При этом власть старалась избегать открытых репрессий против верующих и священнослужителей. В сравнении с наступлением на церковь во времена революции и Гражданской войны это был небольшой своеобразный период затишья перед новым наступлением на религию, начавшимся с конца 1920-х гг.

Примечания

¹ Поляков В. А. Голод в Поволжье : 1919–1925 гг. : происхождение, особенности, последствия. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2007 ; Герман А. А., Помогалова О. И. Как нам помогали выжить : Помощь иностранных благотворительных организаций голодающим Поволжья 1921–1923. М. : Кучково поле, 2015. Пик голода и массовой смертности от него пришлось на вторую половину 1921 – первую половину 1922 г. Однако и в 1923 г. голод имел широкое распространение. Так, по информационным сводкам уездных исполкомов Саратовской губернии, в 1923 г. голодало население Новоузенского, Дергачевского, Аркадакского и Саратовского уездов. См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 46. Л. 1,7 ; Д. 42. Л. 5,8 ; Д. 39. Л. 1,6 ; Д. 48. Л. 11,15.

- ² О крестьянских выступлениях в Саратовском Поволжье подробнее см.: Кузнецов М. В. Крестьянство Саратовского Поволжья в годы Гражданской войны (1917–1922) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004.
- ³ Подробнее об этом см.: Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. М. : Кучково поле, 2011. С. 203, 226. ; Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М. : Политиздат, 1991. С. 264–275 ; Неживых Н. А. Взаимоотношения партийных и советских органов с православной церковью в 1920–1929 гг. (на материалах западной Сибири) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998. С. 16. ; Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история : власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград : Перемена, 1997. С. 60 и др.
- ⁴ Известия ВЦИК. 1923. 27 апреля ; ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 3. Д. 30. Л. 191–191 об.
- ⁵ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 3. Д. 30. Л. 191–191 об. Об этом пишет и А. Г. Далгатов : губотделы наркомата юстиции и существовавшие при них подотделы по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства прекратили свое существование еще в 1923 г., а их обязанности взяли на себя региональные и местные структуры НКВД. См.: Далгатов А. Г. Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям : Октябрь 1917-го – конец 1930-х годов : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. С. 293.
- ⁶ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 3. Д. 30. Л. 191–191 об.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Российский Государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 22.
- ⁹ Там же. Л. 23.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 7.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 3–4.
- ¹² Там же. Л. 5–7.
- ¹³ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1103. Л. 15.
- ¹⁴ Там же. Л. 42.
- ¹⁵ Там же. Л. 162.
- ¹⁶ Там же. Л. 162, 172 об. Еще в 1923 г. в связи с ликвидацией уездных отделов управления (УОУ) делами по отделению церкви от государства стала ведавать милиция (уездная или волостная). Согласно приказу губернского отдела управления (ГОУ), все религиозные общества и группы обязаны были предоставлять сведения о движении денежных средств, а также протоколы собраний общеприходских и церковных советов в отделения милиции. См.: ГАСО. Ф. Р-517. Оп. 3. Д. 30. Л. 213.
- ¹⁷ Там же. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 17–17 об.
- ¹⁸ В качестве примера можно привести обследование Соборной церкви города Петровска в 1925 г., когда по заключению техника специалиста храм был признан аварийным и во избежание ненужных жертв договор с коллективом верующих был расторгнут, а храм закрыт. См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 128. Л. 30.
- ¹⁹ Там же. Ф. Р-517. Оп. 3. Д. 30. Л. 193.
- ²⁰ Там же. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1108. Л. 79.
- ²¹ Там же. Д. 1069. Л. 17 об.
- ²² ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 74. Л. 296 об. Справедливости

- ради, необходимо отметить, что некоторые уступки старообрядцам все же делались. Так, в 1928 г. заседание комиссии разрешило старообрядцам (беглопоповцам) съезд в июне месяце в Саратове, ввиду того что старообрядцы во времена царизма были гонимы и что съезд носит исключительно обрядово-религиозный характер. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 10–11.
- 23 ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 74. Л. 8.
- 24 *Лиценбергер О. А.* Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов : Поволжская Академия государственной службы, 2001. С. 253.
- 25 ГАСО. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 194. Л. 145–150.
- 26 Там же. Л. 148–149.
- 27 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 17–18.
- 28 ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 128. Л. 122.
- 29 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 24–25.
- 30 ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 47. Л. 3.
- 31 Там же. Ф. Р-517. Оп. 1. Д. 31. Л. 92–92 об. ; Беднота. 1923. 25 нояб.
- 32 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 26 ; На заседании комиссии при ЦК РКП (б) 20 ноября 1923 г. Было принято постановление : «Принцип обязательности страхования церквей, костелов, мечетей и др. Зданий, служащих религиозным целям, – сохранить в силе». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 43.
- 33 ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 186. Л. 147.
- 34 Такое положение складывалось повсеместно в губернии, но можно обозначить некоторые яркие примеры, происходившие в селе Русская Норка Петровского уезда, селе Новые Выселки Баландинской волости Аткарского уезда (Там же. Л. 18, 30, 31, 39, 58, 61, 65, 67–67 об., 68, 71, 88, 94, 122–122 об.).
- 35 Там же. Л. 316, 317–317 об.
- 36 *Курляндский И. А.* Указ. соч. С. 203, 204. Необходимо отметить, что обновленческий раскол, затеянный в Саратовской губернии, дал некоторые результаты. Несмотря на то что обновленцев было меньшинство, они вносили смуту и беспокойство и в без того неспокойное религиозное сообщество. Группы староцерковников (или тихоновцев, как их стали называть) и обновленцев враждовали за храмы, и такое положение вещей сохранялось в 1920-е гг. См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1074. Л. 135 ; Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 128. Л. 63 ; Д. 188. Л. 95, 142, 149.
- 37 Подробнее см.: *Курляндский И. А.* Указ. соч. С. 204 ; *Далгатов А. Г.* Указ. соч. С. 359–360 ; *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. С. 157–158.
- 38 ГАСО. Ф. Р-1727. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
- 39 Там же. Ф. Р-1351. Оп. 2. Д. 8. Л. 23, 24, 26, 27.
- 40 Танцбрудеры, нем. танцующие братья.
- 41 Цит. по: *Герман А. А.* Указ. соч. С. 232.
- 42 Там же. С. 232.
- 43 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 13.
- 44 См., напр.: *Далгатов А. Г.* Указ. соч. С. 403–404.
- 45 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 14–15.
- 46 Там же. Оп. 113. Д. 353. Л. 12–14.
- 47 Подробнее об этом см.: *Ахмадуллин В. А.* Политика советского государства по отношению к мусульманской религии в 1917–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 57–59 ; *Далгатов А. Г.* Указ. соч. С. 318–320.
- 48 *Авторханов А.* Империя Кремля. Советский тип колониализма. Garmisch-Partenkirchen : Prometheus-Verlag, 1988. С. 172–173.
- 49 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 38–39.
- 50 Там же. Д. 565-а. Л. 30.
- 51 ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 128. Л. 1–1 об., 2.
- 52 Так, один из пунктов инструкции гласил, что вероучение может преподаваться лишь в том случае, если здание мечети вполне удовлетворяет санитарным требованиям. Для чего таковое должно быть обследовано специальной комиссией из представителя местного исполкома, здравоотдела и отдела народного образования. А такое обследование могло тянуться по несколько месяцев, как было с коллективами верующих мечетей 1-го и 2-го приходов в Саратове. См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 128. Л. 1–1 об., 8, 10, 11, 12, 13–13 об.
- 53 Основной ареал расселения евреев приходился на западные области, Украину и Белоруссию. Там наблюдалось массовое закрытие синагог и притеснение раввинов. См.: *Коммунистическая власть против религии Моисея : Документы 1920–1937 и 1945–1953 гг. / сост. В. Ю. Васильев и др. Винница : Глобус-пресс, 2005 ; Смиловицкий Л.* Евреи в Турове : История местечка Мозырского Полесья. Иерусалим : Printed in Tsur-Ort Press, 2008 ; *Далгатов А. Г.* Указ. соч. С. 346–356 ; Это бедная белая Русь // *Лехаим.* 2006. № 11, ноябрь. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/175/VZR/m01.htm> (дата обращения: 17.04.2017).
- 54 ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1873. Л. 2 об.
- 55 Там же. Оп. 2. Д. 75. Л. 89 об.
- 56 Там же. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 74. Л. 35 об.
- 57 См.: ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос : в 2 кн. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 389.
- 58 Подробнее об этом см.: *Петрова Е. А.* Антицерковная политика большевиков в Саратовской губернии в годы Гражданской войны // *Одиннадцатые Межрегиональные Пименовские чтения. Преподобный Сергей. Русь : наследие, современность, будущее : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Сарат. Митрополии, 2014. С. 224–232.*
- 59 *Курляндский И. А.* Указ. соч. С. 212, 213.
- 60 Двенадцатый съезд РКП (б) 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 716–717.
- 61 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 554. Л. 45.
- 62 Там же. Д. 1034. Л. 93.
- 63 Там же. Л. 153.
- 64 Там же. Л. 91–91 об.
- 65 См., например: *Колесница Пророка Ильи // Большевицкий молодняк.* 1927. 30 июля. № 42. С. 7 ; *О проведении «Курбан-байрам» // Большевицкий молодняк.* 1926. 20 июня. № 37. С. 7 ; *Праздник Троица // Большевицкий молодняк.* 1925. 6 июня. № 36. С. 3 ; *Об Иване Купале // Большевицкий молодняк.* 1925. 17 июня. № 39. С. 3 ; *Отпраздновали Рождество по-своему // Большевицкий молодняк.* 1927. 22 янв. № 5. С. 10 ; *Комсомольская Пасха // Известия Аткарского уездного исполнительного комитета.* 1923. 28 марта. № 25. С. 2 ; *Как мы провели комсомольскую*

- Пасху // Известия Аткарского уездного исполнительного комитета. 1923. 12 апр. № 28. С. 2 и др.
- ⁶⁶ Новый быт в деревне // Борьба. 1926. 18 марта. № 32. С. 3.
- ⁶⁷ Праздник урожая // Большевистский молодняк. 1926. 24 авг. № 45. С. 8.
- ⁶⁸ За новый быт // Большевистский молодняк. 1925. 12 февр. № 8. С. 5.
- ⁶⁹ Двенадцатый съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 года : Стенографический отчет. М., 1968. С. 716–717.
- ⁷⁰ Подробнее об этом см.: *Баланцев А. В.* Антирелигиозная деятельность комсомола (1918–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2008 ; *Слезин А. А., Баланцев А. В.* Особенности противодействия комсомольских организаций религиозному влиянию среди «восточных национальных меньшинств» в середине 1920-х годов // *Политика и общество.* 2013. № 3. С. 294–304 ; *Баланцев А. В.* Комсомол и Русская православная церковь : начало противостояния // *Альманах современной науки и образования.* Тамбов : Грамота, 2012. № 7 (62). С. 10–12 и др.
- ⁷¹ *Курляндский И. А.* Указ. соч. С. 234 ; Пионеры в школе // Большевистский молодняк. 1925. 8 окт. № 69–70. С. 6 ; Как работать с октябрятами // Большевистский молодняк. 1926. 7 янв. № 2. С. 4 ; Жить по старому нельзя // Большевистский молодняк. 1927. 31 июля. № 30. С. 1 и др.
- ⁷² Завоевали девушек. Девушку в активную работу // Большевистский молодняк. 1925. 7 марта. № 12. С. 3.
- ⁷³ ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 46. Л. 2, 3, 22, 26.

Образец для цитирования:

Петрова Е. А. Государственно-церковные отношения в Саратовском Поволжье в середине 1920-х годов // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2017. Т. 17, вып. 4. С. 535–542. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-535-542.

Cite this article as:

Petrova E. A. The State-church Relations in Saratov Volga Region in the Mid 1920s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 535–542 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-535-542.

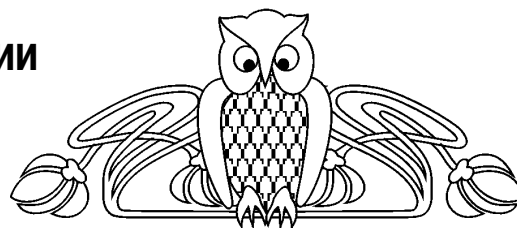

УДК 94(470.45)''1934/1936'':355

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ РЕОРГАНИЗАЦИИ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА НА ВОЛГЕ В 1934–1936 ГОДЫ

О. А. Гоманенко

Гоманенко Олеся Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы и педагогики, Волгоградский государственный университет, gomanenko.olesya@mail.ru

В статье анализируется положение речного флота СССР в период его реорганизации в середине 1930-х гг. Показаны результаты проводимых мероприятий на примере деятельности Верхневолжского, Средневолжского и Нижневолжского водного транспорта на данном этапе. Сделан вывод об исключительной важности речной инфраструктуры Волги в транспортной системе народного хозяйства страны. Волжский флот выполнял более трети всех речных перевозок в СССР, однако из-за недостаточных капиталовложений испытывал постоянные трудности.

Ключевые слова: речной транспорт, Волга, народное хозяйство, история, реорганизация.

Economic Effect of the River Transport Reorganization on the Volga in 1934–1936

O. A. Gomanenko

Olesya A. Gomanenko, ORCID 0000-0001-9178-1145, Volgograd State University, 100, Universitetsky Prosp., Volgograd, 400062, Russia, gomanenko.olesya@mail.ru, gomanenko@volsu.ru

The position of the river fleet of the USSR during its reorganization in the middle 1930s is analyzed in the article. The held events results on the example of activity of the Higher, Middle and Lower Volga water transport at this stage are shown. The conclusion concerning the exclusive importance of the Volga river infrastructure in the transport system of the national economy is drawn. The Volga fleet carried out more than a third of all river transportations in the USSR. However, due to insufficient investment it experienced persistent difficulties.

Key words: river transport, Volga, national economy, history, reorganization.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-543-547

В 1934 г. для улучшения работы и ликвидации организационных недостатков в управлении речным транспортом Народный комиссариат водного транспорта (НКВТ) СССР провел переустройство по принципу производственно-территориального

деления. Вместо ликвидируемого речного эксплуатационно-технического управления было организовано четыре Центральные производственно-территориальных управления речного транспорта (ЦУРТ): Волжско-Камское (ВКЦУРТ), Северное, Южное, Восточное. Волжско-Камское управление речного транспорта охватывало пять пароходств: Нижневолжское (НВРП), Средневолжское (СВРП), Верхневолжское (ВВРП), Московско-Окское, Камское и Уральское. Таким образом, на Волге было образовано три новых самостоятельных пароходства¹.

Волжско-Камское ЦУРТ было крупнейшим из всех центральных управлений речного транспорта. План перевозок 1934 г. ВКЦУРТ не выполнило из-за окончания строительства ряда гигантов индустрии, нерационального передвижения рабсилы, дороговизны питания на судах, уменьшения притока пассажиров и сокращения среднего пробега. Кроме того, невыполнение плана перевозок грузов большой скорости вызвано было уклонением клиентуры от перевозки водой, слабым привлечением непланируемых перевозок и грузов с железной дороги на реку, непредъявлением железнодорожных вагонов, невыполнением графиков движения паротеплоходов, несоблюдением сроков доставки грузов и др.²

Повышение продукции речного транспорта ВКЦУРТ в 1934 г. по сравнению с 1929 г. произошло только на 37 % и фактически равнялось увеличению флота (паровой на 35 %, несамоходный на 40 %) (табл. 1). Работе мешали большие простои судов, аварийность, слабая трудовая дисциплина, несвоевременное предьявление грузов клиентурой (плоты и др.), непредоставление на перевозку нефтегрузов (что нарушало график движения и простои), слабое производство погрузо-разгрузочных работ и недостаточное использование механизации.

Доходы от перевозок по ВКЦУРФ в 1934 г. увеличились почти вдвое в сравнении с 1929 г.,

Таблица 1

Показатели Волжско-Камского центрального управления речного транспорта за 1929 и 1934 гг.³

Показатели	1929 г.	1934 г.	% к 1929 г.
Паротепловой флот, тыс. л.с.	251,1	338,6	135
Непаровой флот, тыс. т.	2149,8	3018,9	140
Доходы по перевозкам, тыс. руб.	69634	131112	188
Расходы по перевозкам, тыс. руб.	74176	184135	248

но расходы по транспортировке (184135,0 тыс. руб.) в 1934 г. в 1,3 раза превысили их доходность (131112,0 тыс. руб.). Увеличение потерь по перевозкам на 148 % произошло из-за ряда причин: повышения плана зарплаты плавсостава (178 % – 36820,0 тыс. руб.) при 35 % росте контингента и подъеме среднего заработка на 106 % (29515,0 тыс. руб.); повышения расхода на топливо при росте цен на дрова и пережога топлива вследствие его низкого качества и эксплуатации большого количества мелких по мощности судов для местных и пригородных сообщений; увеличения затрат на текущий ремонт (194 % – 22465,0 тыс. руб.); повышения расходов на зимний отстой (416 % – 96914,0 тыс. руб.) и др. (см. табл. 1)⁴.

Выполнение плана по плотам в навигацию 1934 г. составило по ВКЦУРТ 95,6 % (ВВРП – 99 %, СВРП – 100,8 %), а в среднем по бывшему до 1934 г. Волжскому управлению речного транспорта – 100,3 %⁵. Себестоимость перевозок по ВКЦУРТ в абсолютных показателях превысила план на 18,6% и составила 8 руб. 80 коп. за 1000 условных тонн, вместо запланированных 7 руб. 42 коп.⁶

Уставной фонд ВКЦУРТ увеличился в 1934 г. на 102059,8 тыс. руб. (9,4 %) при росте внеоборотных средств на 130365,3 тыс. руб. (14,1 %). Это указывало на отставание роста уставного фонда от роста внеоборотных средств. Изменение фонда происходило в основном вследствие присоединения или выбытия промышленных предприятий. Так, утвержденный на 1 января 1934 г. уставной фонд в 507503,5 тыс. руб. к 1 января 1935 г. увеличился до 607925,5 тыс. руб.⁷

1934 г. был тяжелым для речного флота СССР в финансовом плане. На 19,8 % увеличилась себестоимость перевозок водным транспортом. Причинами стали: нерациональное использование флота, невыполнение установленных планом эксплуатационных измерителей работы флота, перерасход по сравнению с планом⁸. Потери по перевозкам составили 12678,7 тыс. руб. (198 %). Непланируемые траты были связаны с неэффективным управлением в деятельности пароходств, особенно волжских. В целом потери по реке за 1934 г., если исключить дотацию Наркомата финансов (25 млн руб.), составили 129 млн руб. при запланированных 25 млн руб. Убыточность вызывали и unplanned растраты: расходы

прошлых лет, штрафы, пени, неустойка, списание безнадежных долгов, оплаченные претензии за недостачи, хищения, порчи грузов, отчисления в резервы (сомнительные долги и гарантии)⁹.

Кроме того, вред работе флота СССР наносили аварии. В 1934 г. аварийность (5556 случаев с убытком на 24146,7 тыс. руб.) оставалась на уровне 1933 г. (5652 случая с убытком на 19245,1 тыс. руб.), но ущерб вырос на 25,5%. Аварийность провоцировала не только слабая материальная база флота, но и неудовлетворительное состояние пути¹⁰.

Аварийность флота за 1934 г. по всем пароходствам ВКЦУРТ – 2084 случая (88,4 % к 1933 г.) на сумму свыше 11000,0 тыс. руб. (120,2 % к 1933 г.). Аварии 1934 г. были более крупными. По волжским пароходствам убыток составил 5190,0 тыс. руб., больше только по Камскому пароходству – 6115,0 тыс. руб. Аварийность была связана с разными причинами, в том числе: стихийными (15,2 %); неудовлетворительным содержанием пути (16,8 %); неудовлетворительным ремонтом, оборудованием, снабжением (14 %), неисправным управлением и нарушением трудовой дисциплины по вине личного состава (54 %)¹¹.

Аварийность в пределах ВВРП в 1934 г. составила 66 случаев на сумму убытков в 176708 руб., в том числе по неисправности обстановки пути – 14 (53839 руб.), по недостаточности обстановки пути – 10 (15811 руб.), по засоренности пути – 24 (79640 руб.), по узости и кривизне хода – 17 (27418 руб.). В навигацию 1934 г. судонадзором в границах Верхней Волги зарегистрировано 511 аварий на сумму 2196318 руб.¹² Непосредственно по самому Верхневолжскому пароходству в 1934 г. произошло 366 аварий на 1360942 руб. По СВРП – 342 (1477399 руб.), по НВРП – 556 (1720328 руб.) (табл. 2).

От основных операций потери речного транспорта страны в 1934 г. составили 98,3 млн руб. Это произошло и из-за плохой организации финансовой работы пароходств, финансово-кредитной дисциплины. Финансовое положение НКВТ на 1 января 1935 г. характеризовалось недостатком оборотных средств на 51,7 млн руб.¹⁴

В 1935 г. речной транспорт СССР впервые за ряд последних лет выполнил и перевыполнил навигационный план. Перевез 64,7 млн т грузов

Таблица 2

Аварийность флота по волжским пароходствам за 1934–1935 гг.¹³

Пароходство	Год	Количество аварий	Убытки, руб.
Верхневолжское	1934	366	1360942
	1935	373	1477856
Средневолжское	1934	342	1477399
	1935	281	1116924
Нижневолжское	1934	556	1720328
	1935	454	2249413

по чистому отправлению (111 % от плана и 123 % от 1934 г.)¹⁵. НКВТ провел отраслевое эксплуатационное совещание по речному и морскому транспорту по пересмотру норм работы и выявил резервы. Так, по девяти речным пароходствам мощность паротеплового флота к открытию навигации могла возрасти на 2500 лошадиных сил (л.с.) за счет увеличения наполнений по паровым машинам (увеличение отсечки, пересмотра котельных давлений и др.). По ВВРП проведение таких мероприятий могло дать увеличение мощности флота на 2600 л.с., по СВРП на 1000 л.с., по НВРП на 4080 л.с.¹⁶

На долю волжских пароходств в 1934 г. и 1935 г. приходилось 36 % всех речных перевозок грузов и 30 % пассажиров страны (табл. 3). В 1935 г. все пароходства Волги, как и всей страны, превысили показатели по грузоперевозкам по сравнению с предыдущей навигацией. Что касается пассажирского сообщения, то показатели фактически остались на одном уровне за обе навигации и по волжскому транспорту, и по всему СССР. Лишь Нижневолжское пароходство в 1935 г. перевезло больше пассажиров (на 8,3 %), чем в 1934 г.

Положительные сдвиги по сравнению с 1934 г. в перевыполнении плана перевозок грузов, погрузо-разгрузочных работ при снижении себестоимости перевозок и переработки 1 т грузов наблюдались в 1935 г. по СВРП. Однако на рентабельность пароходства влияли внеплановые потери, убытки по промпредприятиям и строительству, отвлечение оборотных средств, аварийность. По этим показателям план не был выполнен¹⁸. По мощности складского хозяйства СВРП занимало третье место в ВКЦУРТ (после КРП и ВВРП). Перевозки пассажиров составили 2562602 чел., что чуть ниже, чем в предыдущую навигацию (2608284 чел.). В перевозках грузов (6034209 т) удалось существенно увеличить (на 20,8 %) результаты навигации 1934 г.

Пристань Саратов являлась одной из крупнейших пристаней первого разряда Средневолжского бассейна (Казань – Куйбышев – Саратов), располагавшейся на правом берегу Волги. 17 тяготеющих к Саратовской пристани предприятий промышленности осуществляли завоз и вывоз, как речным, так и железнодорожным транспортом. С саратовских лесозаводов шел материал частично на местные строительные и производственные нужды. Большая часть материала до потребителей других городов доходила по железной дороге. 10 станций железнодорожного узла (с грузооборотом в 1934 г. – 1930,3 тыс. т) тяготели к пристани Саратов (грузооборот – 1993,0 тыс. т). Подъездные пути к Саратовской пристани в отличие от железной дороги были отдалены от предприятий, не оборудованы, что создавало трудности для автогужевого транспорта¹⁹.

Взаимоотношения служб Управлений волжских пароходств были неудовлетворительными. Отсутствовали обмен работы и внедрение новшеств, что негативно отражалось на разрешении принципиальных вопросов по эксплуатации флота в границах других пароходств. Это особенно проявилось во взаимоотношениях СВРП и НВРП при работе на солеперевозках, так как большинство судов оседало в границах Средней Волги²⁰.

С 1928 г. продолжались гидротехнические работы Сарводстроя (Саратовский строительный участок Стройотдела СВРП) по подведению коренного русла р. Волги к г. Саратову, что обеспечивало свободный водный ход судов непосредственно к городу. Объем строительства первой очереди в сметных ценах 1932 г. составил 16971542 руб., объем работ второй очереди – 14750000 руб. По первой очереди было сдано в эксплуатацию 42,4 % плановых работ (на 7200832 руб.). Выполнено, но не сдано в эксплуатацию до 1934 г. работ на 5769355 руб., за 1934 г. – 1455672 руб. (итого не сдано в эксплуатацию 7225027 руб. – 42,6 %). Всего был выполнен объем на 14425859 руб.

Таблица 3
Итоги работы ВВРП, СВРП и НВРП по грузо- и пассажироперевозкам за 1934 г. и 1935 гг.¹⁷

Пароходство	1934 г.	1935 г.	% к 1934 г.
Грузы, т			
ВВРП	6675613	7790886	116,7
СВРП	4994135	6034209	120,8
НВРП	7795159	9429877	121,0
Итого	19464907	23254972	119,5
Всего по СССР	53293743	64707747	121,4
Пассажиры, чел.			
ВВРП	4542632	4478038	98,6
СВРП	2608284	2562602	98,2
НВРП	5342310	5787267	108,3
Итого	12493226	12827907	102,7
Всего по СССР	41238809	41459580	100,5

(85 %)²¹. За исключением выправительной работы на Волге у Саратова остальная деятельность Средневожского пароходства по капстроительству была неудовлетворительной, особенно по судостроению, составлявшему основную массу капиталовложений.

План капитального строительства 1935 г. по Средневожскому речному пароходству был выполнен на 95,3 % (17037,9 тыс. руб.). Небольшой перерасход был по судостроению, строительству пути, мастерских и верфей, а также по автотранспорту и инвентарю. По остальным видам капитального строительства сметная стоимость была ниже плановой, особенно по строительству портов и пристаней и связи²².

Отдела капстроительства Верхневожского пароходства, объединявшего все виды строительства, не существовало. Организация такого отдела затруднялась отсутствием необходимого количества квалифицированных кадров. Кроме того, стройплощадки находились в ведении затонов, заводов и судоверфей, а также технических участков службы пути связи и пристаней. Основная их деятельность находилась в подчинении соответствующих оперативных отделов и служб ВВРП и работы выполнялись общим аппаратом. Также линейные органы Верхневожского речного пароходства были заинтересованы в строительстве на своих участках качественно и в срок. В то же время организация такого объединенного отдела

строительства вызвала бы и без того излишние расходы²³.

План капстроительства 1935 г. по ВВРП был выполнен на 97,8 % (22092,35 тыс. руб.). Перерасход наблюдался по капремонту флота и строительству портов и пристаней. По остальным видам капитального строительства сметная стоимость была немного ниже плановой²⁴.

Следует отметить, что развитие портово-пристанского хозяйства по сравнению с флотом протекало еще медленнее. В частности, не все даже крупные причалы волжских пароходств были достаточно механизированы. Часть имевшегося оборудования была устаревшей и маломощной, особенно в условиях наращивания объемов перевозок.

В 1936 г. показатели 1935 г. по грузоперевозкам превысили только ВВРП (8721536 т.). Остальные пароходства даже не дотянулись до уровня предыдущей навигации (табл. 4). В пассажирском сообщении наоборот СВРП и НВРП увеличили перевозку пассажиров, тогда как ВВРП не достигло показателей 1935 г. При этом Нижневожское пароходство, являвшееся лидером, почти на 36 % обогнало прошлогодние результаты (7862170 чел.) (табл. 5)²⁵.

Как и во всех отраслях народного хозяйства, улучшение работы промышленности и транспорта осуществлялось через усиление административного рычага. Именно поэтому во второй

Таблица 4
Итоги работы ВВРП, СВРП и НВРП по грузоперевозкам за 1935–1936 гг.²⁶

Пароходство	1935 г.	1936 г.	% к 1935 г.
Грузы, т			
ВВРП	7790886	8721536	111,9
СВРП	6034209	5609453	93,0
НВРП	9429877	8240559	87,4
Итого	23254972	21971548	94,5
Пассажиры, чел.			
ВВРП	4478038	4212770	94,1
СВРП	2562602	3028215	118,2
НВРП	5787267	7862170	135,9
Итого	12827907	15103155	117,7

Таблица 5
Итоги работы ВВРП, СВРП и НВРП по пассажироперевозкам за 1936 г., чел.²⁷

Вид сообщения	ВВРП	СВРП	НВРП	Итого	Всего по ВКЦУРТ	Всего по стране
Транзитное	1133489	897906	567662	2599057	4506542	6536671
Местное	1358489	521200	839543	2719232	4400055	9307498
Пригородное и внутригородское (план)	1750000	1400000	4000000	7150000	14045000	26964900
Пригородное и внутригородское (факт)	1720792	1609109	6454965	9784866	16869297	32362345
Итого план	5250000	2850000	5950000	14050000	25350000	45617400
Итого факт	4212770	3028215	7862170	15103155	25775894	48206514
% к плану	80,2	106,3	132,1	107,5	101,7	105,7

половине 1930-х гг. происходило разукрупнение как наркоматов, так и различных предприятий, учреждений и управлений. Для проведения единой технической политики по улучшению судоходства в феврале 1937 г. была осуществлена реорганизация руководства водным транспортом путем создания Центрального управления речных путей. Теперь ВВРП, СВРП и НВРП относились к Московско-Волжско-Камскому Центральному управлению речного флота.

Таким образом, опыт трех лет (1934–1936 гг.) работы волжского речного транспорта показал несоответствие принципу производственно-территориального деления. Образование на Волге трех новых пароходств должно было разграничить и облегчить контроль за перевозками на каждом отдельном отрезке реки. По факту такая организация перевозок не соответствовала принципу поперечного деления Волги. В результате происходили затруднения в планировании и взаимных расчетах между пароходствами, что было связано и со слабой материальной базой. Однако на волжский речной флот приходилось около 30% всех как грузо-, так и пассажироперевозок по НКВТ СССР²⁸. По грузообороту водный транспорт отставал от железнодорожного. Удельный вес речного флота в общей работе транспортной системы постепенно снижался. Для увеличения перевозок требовалась мощная модернизация подвижного состава, путей и портово-пристанского хозяйства.

Примечания

¹ Гоманенко О. А., Булатов В. В. К истории финансово-хозяйственной деятельности Волжского речного транспорта в период нэпа и первой пятилетки // *Вестн. Волгоградского государственного университета*. Сер. 4,

История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. № 1 (37). С. 83.

- ² Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7458. Оп. 1. Д. 1606. Л. 22.
- ³ Табл. сост. по: РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 1606. Л. 1.
- ⁴ Там же. Л. 2.
- ⁵ Там же. Л. 31.
- ⁶ Там же. Л. 72.
- ⁷ Там же. Л. 82.
- ⁸ Там же. Д. 1306. Л. 9об.
- ⁹ Там же. Л. 25об.
- ¹⁰ Там же. Л. 5.
- ¹¹ Там же. Д. 1606. Л. 36–38.
- ¹² РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 1612. Л. 25 об.
- ¹³ Табл. сост. по: РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 2434. Л. 35–37.
- ¹⁴ Там же. Д. 1306. Л. 25об.
- ¹⁵ Там же. Д. 1852. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 3.
- ¹⁷ Табл. сост. по: *Речной транспорт в 1934 г. Статистические сведения*. М., 1936. С. 7–10, 18.
- ¹⁸ РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 2380. Л. 83.
- ¹⁹ Там же. Д. 3588. Л. 4, 11, 24 об., 34.
- ²⁰ Там же. Д. 1653. Л. 48об.
- ²¹ Там же. Д. 1624. Л. 36–42.
- ²² Там же. Д. 2400. Л. 126–129 об., 130–131.
- ²³ Там же. Д. 2385. Л. 1.
- ²⁴ Там же. Л. 2.
- ²⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 97. Л. 5–7, 120.
- ²⁶ Табл. сост. по: *Речной транспорт в 1934 г. Статистические сведения*. М., 1936. С. 7–10, 18 ; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 97. Л. 5–7, 120.
- ²⁷ Табл. сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 97. Л. 120.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 230. Л. 19, 50–55 ; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 573. Л. 2–6.

Образец для цитирования:

Гоманенко О. А. Экономический эффект реорганизации речного транспорта на Волге в 1934–1936 годы // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 543–547. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-543-547.

Cite this article as:

Gomanenko O. A. Economic Effect of the River Transport Reorganization on the Volga in 1934–1936. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 543–547 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-543-547.

УДК 908(470.45)

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ВОЛГОГРАДСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ СЕРЕДИНЫ XVIII – НАЧАЛА XXI ВЕКА

О. В. Назарова

Назарова Ольга Валерьевна, аспирант кафедры истории и культурологии, Волгоградский государственный медицинский университет, заведующий отделом краеведения, Волгоградская областная универсальная научная библиотека имени М. Горького, nasarova_olga@mail.ru

На основе историко-культурологического подхода в изучении феномена краеведения в статье предложена периодизация волгоградского краеведения середины XVIII – начала XXI в. Даны качественные характеристики каждого этапа развития. Намечены методологические подходы к изучению регионального краеведения как механизма формирования и сохранения культурного наследия Волгоградской области.

Ключевые слова: волгоградское краеведение, культурное наследие, историко-культурологический подход, периодизация.

On the Periodization of Volgograd Local Studies in the Middle of XVIII – the Early XXI Centuries

O. V. Nazarova

Olga V. Nazarova, ORCID 0000-0001-9328-0942, Volgograd State Medical University, 1, Pavshikh Bortsov Sq., Volgograd, 400131, Russia, nasarova_olga@mail.ru

Based on the historical and cultural approach to the study of the phenomenon of local lore, the article proposes a periodization of Volgograd local studies in the middle of the 18th – early 21st centuries. The qualitative characteristics of each stage of development are given. Methodological approaches to the study of local lore as a mechanism for the formation and preservation of the cultural heritage of the Volgograd region are outlined.

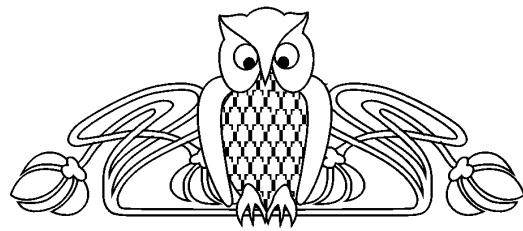
Key words: Volgograd local lore, cultural heritage, historical and cultural approach, periodization.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-548-554

Процесс становления и развития отечественного краеведения как явление социально-культурной жизни российского общества охватывает хронологический период XVIII–XX вв.

К концу 80-х годов XX в. как итог труда поколений исследователей сложилась периодизация историографии краеведения, которая определена общероссийским и областным уровнем изучения темы.

Первым выделил главные этапы истории отечественного краеведения советский и российский историк, краевед С. О. Шмидт, в основе периодизации которого лежит историко-хронологический принцип: первый этап – дореволюционный; второй – 1920-е гг., третий – 1930 – конец 1950-х гг., четвертый – конец 1950 – середина 1980-х гг.,

пятый – вторая половина 1980-х до настоящего времени¹. Т. О. Размустова предложила социокультурный подход к построению исторических моделей российского краеведения, рассмотрев вклад тех социальных слоев и профессиональных групп, которые были вовлечены в занятия краеведением: первый этап – вторая половина XIX – нач. XX в. (любительская модель); второй – 1917 – конец 1920-х гг. (академическая модель); третий – конец 1940 – конец 1980-х гг. (музейная модель); четвертый – конец 1980 – до настоящего времени (социокультурная модель)².

Сравнительный анализ современных исследований (М. А. Смирновой, В. И. Первушкина, А. М. Селиванова, К. А. Кабанова, Н. А. Седельниковой и др.), посвященных изучению краеведческого движения регионов Российской Федерации, позволяет говорить об особенностях этапов развития краеведения в каждом регионе³.

Волгоградское краеведение⁴ также имеет более чем двухвековую историю. Зародившись еще в XVIII столетии, оно прошло огромный путь в своем развитии.

Региональное краеведение как научная деятельность и общественное движение стало предметом глубокого изучения только в конце XX века. Необходимость изучения истории волгоградского краеведения впервые была отмечена в 1993 г.⁵ В дальнейшем эта тема отражена в обобщающих публикациях волгоградских ученых: Б. С. Абахилина, В. И. Томарева и И. О. Тюменцева, А. В. Материкина, О. А. Горбань, М. М. Загорулько, в работах Е. В. Комиссаровой, В. Г. Миронова, А. И. Мироновой⁶. Несмотря на хронологическую последовательность в изложении материала, в этих работах авторы не ставили задачи выделения определенных периодов развития волгоградского краеведения.

Наиболее близко к проблеме периодизации регионального краеведения подошли в диссертационных работах А. Л. Клейтман и М. В. Кирсанов⁷. Так, М. В. Кирсанов в своем исследовании выделил и охарактеризовал следующие этапы: «Развитие царицынского (сталинградского) краеведения в начале 1920-х годов», «История сталинградского краеведения во второй половине 1920-х годов», «Развитие сталинградского краеведения в 1930-х годах». Однако данная периодизация была ограничена хронологическими рамками исследуемой темы – 1920–1930-е гг.

Осмысление значения столь сложного социокультурного и общественного явления для

сохранения культурного наследия Волгоградского региона предполагает выделение определенных этапов в развитии краеведческого движения на территории края.

Основанием предложенной нами периодизации являются историко-культурологические характеристики феномена краеведения, которое в разное время рассматривалось как собирание вещественных свидетельств прошлого, географическое описание небольшой территории, любовь к родному краю, познавательная активность местного сообщества в изучении малой Родины, комплексное исследование определенной административно-территориальной единицы, научная и общественная деятельность.

В настоящее время под краеведением понимается комплексное «изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо территории (края) или объекта – от крупного региона до отдельного города, села, предприятия, усадьбы, улицы, дома главным образом силами местного населения. Краеведение – комплексное знание, объединяющее элементы ряда научных дисциплин»⁸.

Анализ отечественного опыта развития краеведения в сопоставлении с местными особенностями истории и культуры края позволил определить периодизацию краеведения Волгоградской области с момента его зарождения – середина XVIII в. – до начала XXI в.:

2-я половина XVIII в. – 1800 г. – первые государственные мероприятия по изучению края, пробуждение научного интереса к комплексному исследованию микротерритории (экспедиции Российской академии наук).

Рассматриваемый период характеризуется как начальный этап собирания информации и формирования первых знаний по истории края, начало которому положил запрос Правительствующего сената у властей Царицына и Камышина о происхождении городов и наличии на их территории памятников истории и прочих достопримечательностей. Опираясь на эти материалы, протоиерей одной из царицынских церквей П. Лугарёв подготовил первое сочинение по истории Царицына «О начале заведения города Царицына и о древних случайностях оного по изустному уверению старожиллов, получивших сведения от их отцов и дедов»⁹. Изучение края понималось как историко-географическое описание отдельных территорий, которое в Волго-Донском междуречье было реализовано комплексными экспедициями под руководством академиков Петербургской академии наук И. И. Лепёхина, С. Н. Гмелина, П. С. Палласа. В это время государство играло приоритетную роль в выявлении и фиксации старинных раритетов; складываются первые представления об ответственности государства за сохранение предметов старины.

1800-е гг. – 1917 г. – начало формирования и развития государственной системы изучения

края, появление специальных общественных организаций и широкого краеведческого движения по изучению местной истории, начало регулярных научных публикаций исследователей о крае.

В этот период важная роль в сохранении регионального культурного наследия и развитии историко-краеведческих исследований стала принадлежать государственным учреждениям. В 1839 г. на Дону был учрежден статистический комитет (первоначально «Новочеркасский статистический комитет», в 1865 г. преобразован в Областной войсковой статистический комитет). Он взял на себя обязанность сбора и распространения исторических, этнографических и статистических знаний на Дону. С этой целью издавались: «Памятные книжки Области войска Донского», «Труды и Сборники Областного войска Донского Статистического Комитета»¹⁰.

В декабре 1886 г. создана Саратовская губернская ученая архивная комиссия (СУАК)¹¹ как объединение краеведов Саратовской губернии. К концу XIX в. добровольная комиссия превратилась в общество, объединяющее около 700 человек, члены которой занимались описанием и спасением архитектурных и археологических памятников прошлого, а также популяризацией краеведческих знаний. Важнейшими результатами ее деятельности стали создание исторического архива, музея и библиотеки, тридцать три выпуска «Трудов СУАК», Историко-географический словарь А. Н. Минха. В «Трудах СУАК» появились первые научные публикации источников, в том числе по истории Царицына, Камышина, Дубовки¹². 2 ноября 1914 г. по инициативе краеведов был создан Царицынский музей местного края¹³.

1918–1928 гг. – этап разработки теоретико-методологических основ советского краеведческого движения, переход от «академической модели» краеведения к государственной; оформление самостоятельного царицынского краеведения в связи с образованием Царицынской губернии; расцвет царицынского краеведческого движения в контексте развития советского краеведения¹⁴.

Этот период регионального краеведения идеологически связан со стремлением государства создать государственные органы по учету и охране памятников старины, реорганизации и централизации архивного дела, контролю деятельности государственных и общественных краеведческих организаций, введением новой экономической политики (НЭП) и началом коллективизации в крае. Декретом СНК от 1 июня 1918 г. СУАК наряду с другими учеными архивными комиссиями была распущена. В 1919 г. преобразована в общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ). 29 сентября 1923 г. переименовано в Нижне-Волжское областное научное общество краеведения (НВОНОК). В 1921 г. создано губернское экономическое совещание (Царицынское губэконосо), работа которого была направлена на координирование деятельности местных экономических отделов,

составление плановых заданий для промышленных предприятий. В 1922–1923 гг. в Царицынском и Красноармейском уездах, 2-м Донском, Усть-Медведицком и Хопёрском округах учреждены уездные и окружные бюро Истпарта – Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП (б). В обязанности сотрудников Истпарта входил сбор материалов по истории революции и гражданской войны на территории губернии. По инициативе руководства губэконо в июле 1922 г. создана государственная Комиссия по обследованию промышленности Царицынской губернии, в которую вошли также сотрудники Губревтрибунала, Рабкрин, ГСНХ и Губпросвета. Членами комиссии были собраны актуальные данные о хозяйственной деятельности таких крупных царицынских предприятий, как заводы «ДЮМО», «Валло», гвоздильный № 1 (бывший «Серебрякова»), а также небольших кустарных мастерских, работавших в сфере деревообрабатывающей, маслобойной, химической, кожевенной промышленности¹⁵. В начале 1920-х гг. активизируется деятельность царицынских исследователей по изучению края в связи с проведением общегосударственной административно-территориальной реформы. 1 июня 1924 г. создано Царицынское общество краеведения¹⁶. Результаты своих исследований краеведы публиковали в местной печати в газете «Борьба», журналах «За работой», «Хозяйство на новых путях», «Пламя».

1929–1940 гг. – этап «огосударствления» регионального краеведения¹⁷, постепенного свертывания краеведческого движения в условиях укрепления тоталитарных тенденций и в связи с кратковременной утратой Сталинградом статуса административного центра региона; региональная реализация феномена «История фабрик и заводов» в условиях индустриализации края; репрессивная политика государственной власти по отношению к краеведческим государственным учреждениям, ликвидация общественных краеведческих организаций.

В 1928 г. в связи с вхождением Сталинградской губернии в Нижне-Волжский край¹⁸ Сталинградский Истпарт был упразднен, проведена реорганизация губернской плановой комиссии¹⁹.

Широкомасштабные процессы коллективизации и интенсификации сельского хозяйства, городского строительства и «культурной революции», промышленной индустриализации вызвали необходимость создания в Сталинграде высших учебных заведений (открылись Сталинградский институт марксизма-ленинизма (1930 г.), тракторный институт (1930 г.), педагогический (1931 г.), медицинский (1935 г.)), которые стали центрами краеведческой работы и основой развития «вузовского краеведения».

Одной из важнейших задач краеведения 30-х гг. было отражение успехов социалистической индустриализации – «промышленное краеведение». В рамках общегосударственной кампании

по монографическому описанию фабрик и заводов Советской России в 1931 г. на Сталинградском тракторном заводе была создана комиссия, в которую вошли профессиональные журналисты, литераторы (руководитель Я. Ильин), итогом работы которой стала публикация книги «Люди Сталинградского тракторного» (Сталинград, 1933)²⁰.

Рубежом для поступательного развития регионального краеведения стало проведение в мае 1929 г. 1-го съезда краеведов Нижне-Волжского края, на котором деятельность НВОНОК подверглась резкой критике со стороны местных властей и отдельных краеведов-активистов²¹. Из-за сфабрикованного «Дела историков-академиков» прерваны научные контакты со столичными учеными и Центральным бюро краеведения (ЦБК).

В Сталинграде начался разгром краеведческого движения и арест его видных деятелей: арестован директор Царицынского краеведческого музея А. В. Лаврентьев и другие краеведы. «В 1935 г. была арестована группа работников Сталинградского краеведческого музея во главе с «контрреволюционером-троцкистом» Синеоковым, а в 1937 г. директор музея И. П. Изюмский и сотрудники В. М. Люсь, Городилова и Трофимов»²². В результате преследований краеведческое движение в Сталинграде было фактически разгромлено. Музей закрыт на реконструкцию. Перестали выходить в свет журналы «Краеведение» и «Известия ЦБК», которые теперь заменило одно издание – «Советское краеведение», а также местные органы печати краеведов – журналы «За работой» и «Хозяйство на новых путях»²³.

Открытие в 1937 г. в Сталинграде Музея обороны Царицына имени тов. Сталина снизило роль Сталинградского краеведческого музея, который лишился исследовательских функций и статуса регионального краеведческого центра, выполняя только миссию политического просвещения. С этого периода темы истории революции и гражданской войны на территории края, социалистического строительства Сталинграда становятся ведущими в практике изучения истории края²⁴.

1941–1945 гг. – развитие краеведения в условиях Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы, направленное на сохранение региональных культурных ценностей; сбор и государственный учет документов, отражающих военный период истории края, фиксирующих материальный ущерб, нанесенный хозяйству края.

Основные характеристики этого периода связаны с документирующей и памятникоохранительной функциями краеведения: эвакуация Музея обороны Царицына и Сталинградского краеведческого музея в Заволжье, Сталинградского облгосархива и его филиалов в г. Астрахань и г. Камышин, в г. Уральск Западно-Казахстанской области, мероприятия по сбережению и восстановлению фондов библиотек Сталинградской области²⁵. Несмотря на все усилия не обошлось без потерь. Во время спешной эвакуации фондов

Сталинградского краеведческого музея в с. Цветочное Гмелинского района в первые дни бомбардировки Сталинграда была утрачена значительная часть экспонатов, фонды Сталинградской краевой библиотеки погибли под бомбежкой 23 августа 1942 г.

Решением Военного совета Сталинградского фронта и Городского комитета обороны начался сбор исторического материала для написания будущей истории города и битвы за Сталинград. Музей обороны Царицына, который к ноябрю 1942 г. укрепился в статусе идеологического учреждения всесоюзного значения, были переданы фотоснимки, листовки, плакаты, трофейное оружие, обмундирование, знаки отличия и т. п., а также фотопортреты командного состава, Героев Советского Союза и особо отличившихся командиров и бойцов. Материалы послужили основой для формирования фонда Музея обороны Царицына–Сталинграда имени тов. Сталина, в который был реорганизован Музей обороны Царицына 21–30 января 1943 г.²⁶ Принятое постановление обозначало не только расширение состава фонда музея, но и смену идеологической парадигмы: с этого момента история края рассматривалась исследователями преимущественно в аспекте героики Сталинградской битвы, другие темы временно отошли на второй план.

Партийно-государственные органы, Сталинградский государственный Комитет обороны и Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) осуществляли поиск сведений о размерах материального ущерба, нанесенного хозяйству города и области (1942–1943 гг.)²⁷. Всесоюзная книжная палата выпустила библиографический указатель «Героический Сталинград», зарегистрировавший все публикации о Сталинградской битве, вышедшие за период 1942 – февраль 1943 г.²⁸

1945 – середина 1950-х гг. – первые попытки научного анализа событий Сталинградской битвы как решающего периода истории края.

Опубликованы документы ЧГК о преступлениях немецко-фашистских захватчиков в районах Сталинградской области и причинении ими ущерба экономике и хозяйству края (1945 г.)²⁹. В Сталинградском областном книжном издательстве вышли в свет сборники материалов из центральной печати о Сталинградской битве, записки военных корреспондентов, материалы о Героях Советского Союза – участниках Сталинградской битвы, о роли партии большевиков накануне Великой Отечественной войны, о Черкасовском движении и возрождении города. Попытка научного осмысления событий военного периода была предпринята в нескольких изданиях М. А. Водолагина, вершиной которого стала монография

«Сталинград в Великой Отечественной войне» (Сталинград, 1949). Возвращение Музея обороны Царицына (1943 г.) и областного краеведческого музея (1954 г.) из эвакуации в Сталинград.

1954–1985 гг. – активизация научного и общественного краеведения, обусловленная совершенствованием советской памятникоохранительной системы; создание Волгоградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВО-ОПИиК); возвращение в научных исследованиях от героической к историко-культурной тематике; оживление краеведческой издательской деятельности; взаимосвязь краеведения с региональной университетской наукой.

В 1940–1970-е гг. в Советском Союзе был принят ряд нормативных актов³⁰, которые в первые послевоенные годы обязали местные органы власти взять под охрану братские могилы и воинские захоронения периода Гражданской и Великой Отечественной войн, в дальнейшем – законодательно закрепили и практически отработали государственный механизм функционирования охраны историко-культурного наследия. Одной из характерных особенностей этого этапа стало широкое привлечение общественности к делу охраны памятников истории и культуры, в том числе в регионах³¹.

В августе 1965 г. по примеру республиканского создано Волгоградское областное отделение ВООПИиК, деятельность которого была направлена на изучение, сохранение и пропаганду памятников истории и культуры Волгоградской области³². В Волгоградском областном краеведческом музее аккумулировался актив краеведов-энтузиастов. С 1973 г. по 1989 г. вышло шесть сборников «Историко-краеведческих записок» – регулярного издания волгоградских краеведов. Ведущую роль в научных исследованиях играли преподаватели Волгоградского государственного педагогического института им. А. С. Серафимовича³³.

1985–2000 гг. – период развития волгоградского краеведения в новых условиях, который характеризуется расширением тематики краеведческих исследований в связи с изменениями в системе государственного регулирования доступности информации (идеи перестройки, гласности, ликвидации «белых пятен» в истории); учреждением Волгоградского областного общества краеведов, проведением ежегодных областных краеведческих чтений при Волгоградском областном краеведческом музее, выпуске региональных краеведческих сборников, вовлечением в краеведческую научную деятельность молодых исследователей.

На этом этапе решающее значение для регионального краеведения имело Постановление Верховного Совета РСФСР «О порядке доступа к архивным документам и правилах их использования»³⁴, которое позволило широкому кругу

исследователей обратиться к закрытой ранее информации. 25 ноября 1986 г. краеведческий актив при Волгоградском областном краеведческом музее оформился в Секцию краеведов (председатель – Б. С. Абалихин)³⁵, позже – Волгоградское областное общество краеведов. В 1991 г. вышел в свет первый выпуск сборника «Вопросы краеведения», в котором ежегодно публикуются материалы участников областных краеведческих чтений.

Начало XXI в. – выход в свет фундаментальных изданий о крае – универсальных и отраслевых энциклопедий.

Качественно новый этап регионального краеведения, который выразился в подготовке ведущими научно-исследовательскими центрами г. Волгограда корпуса источников по истории края и региональных энциклопедий³⁶. Главным содержанием периода является переход от накопления знаний о территории края к фундаментальному анализу и систематизации данных (в печатном и электронном виде).

Таким образом, рассмотренные качественные характеристики хронологических периодов позволяют говорить о том, что периодизация волгоградского краеведения соответствует основным этапам развития отечественного краеведения, но имеет свои особенности. В основе периодизации прослеживается взаимосвязь исторических, политических и культурных явлений России, которые проецировались на местные процессы развития.

В перспективе с помощью детализации представленных качественных характеристик развития регионального краеведения (как социокультурного феномена), включая историко-генетический, типологический и системный методы изучения материала, возможен анализ отдельных элементов краеведческой системы (краеведческих учреждений и организаций, объединений краеведов, местной литературы и периодики и др.), которые внесли свой вклад в развитие и сохранение культурного наследия Волгоградской области.

В то же время периодизация, в основе которой лежит историко-культурологический подход, позволяет дать аксиологическую характеристику отдельным направлениям регионального краеведения (историческое, этнографическое, лингвистическое, литературное, церковное и др.), определить фазы их рождения и развития, место и роль в формировании региональной культуры.

Примечания

- ¹ Шмидт С. О. Краеведение // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. / [Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН]. М., 2001. Т. 1. С. 296–297.
- ² Размустова Т. О. Исторические модели краеведения в России // Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 10–11 дек. 1998 г.) / отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1999. С. 94–100.

- ³ Смирнова М. А. Краеведческое движение на Европейском Севере России в 1921–1937 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2011. 26 с. ; *Первушкин В. И.* Становление и развитие провинциального краеведения в России во второй трети XIX–начале XX века (на примере Пензенской, Тамбовской и Саратовской губерний) : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Саранск, 2008. 26 с. ; *Селиванов А. М.* Историческое краеведение : накопление и развитие краеведческих знаний в России (XVIII–XX вв.). Ярославль, 2005. 367 с. ; *Кабанов К. А.* Краеведческое движение в Западной Сибири (1917–1930) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1999. 24 с. ; *Седельникова Н. А.* Современное состояние и проблемы изучения истории областного краеведения // Омский научный вестн. 2009. № 5. С. 38–41.
- ⁴ Здесь и далее под термином «волгоградское краеведение» мы понимаем изучение территории субъекта Российской Федерации, ныне именуемого Волгоградская область, однако учитываем все исторические изменения в наименовании и административно-территориальном делении края.
- ⁵ *Материкин А. В.* Волгоградское краеведение : состояние и перспективы развития // Вопросы краеведения : [в 14 вып.]. Волгоград, 1993. Вып. 2. С. 11–19.
- ⁶ *Абалихин Б. С.* Вступительное слово : [о развитии волгоградского краеведения в 1973–1991 гг.] // Вопросы краеведения : материалы краеведческих чтений. Волгоград, 1993. Вып. 2. С. 7–10 ; *Томарев В. И., Тюменцев И. О.* Историческое краеведение в Волгоградской области (итоги и перспективы развития) // Стрежень. Волгоград, 2000. Вып. 1. С. 119–126 ; *Материкин А. В.* 75 лет областному обществу краеведов : история создания (1924–1929 гг.) // Вопросы краеведения. Волгоград, 2000. Вып. 6. С. 11 ; *Горбань О. А., Тюменцев И. О.* Камышинская летопись (источниковедческий анализ, текст, комментарии) // Стрежень. Волгоград, 2000. Вып. 1. С. 242–253 ; *Загорулько М. М., Тюменцев И. О.* Исторический очерк Царицынского уезда П. А. Барашевского, А. В. Логинова, Я. Д. Вдовина // Стрежень. Волгоград, 2006. Вып. 5. С. 356–372 ; *Комиссарова Е. В.* Региональный музей как хранитель и транслятор духовного наследия : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006 ; *Галкова О. В., Комиссарова Е. В., Петрова И. А., Савицкая О. Н.* Культурное наследие Волгоградской области. Волгоград, 2013. 332 с. ; *Миронова А. И., Мионов В. Г.* К истории Царицынского краеведения и образования музея // Вопросы краеведения. Волгоград, 1994. Вып. 3. С. 13–17 и др.
- ⁷ См.: *Клейтман А. Л.* Изучение истории Царицына и Камышина в трудах отечественных историков XVIII в. – первой трети XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2008. 243 с. ; *Кирсанов М. В.* Царицынское (сталинградское) краеведение в 1920–1930-х годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2011. 22 с.
- ⁸ Большая Российская энциклопедия : Россия : [в 30 т.] / [отв. ред. С. Л. Кравец]. М., 2010. Т. 15. С. 558.
- ⁹ *Горбань О. А.* Протоиерей Пётр Лугарёв и его сочинение о Царицыне // Стрежень : [в 11 вып.]. Волгоград, 2004. Вып. 4. С. 461–475.
- ¹⁰ *Тарасова М.* Периодические и повременные издания

- донского статистического комитета // RELGA : науч.-культуролог. журн. 2001. №22(76). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=523&level1=main&level2=articles> (дата обращения 28.10.2016).
- ¹¹ 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886–1911 : ист. очерк / сост. В. П. Соколов. Саратов, 1911. С. 30.
- ¹² Захаров В. М. Саратовская учёная архивная комиссия и ее роль в изучении истории Нижнего Поволжья // Вопросы краеведения. Волгоград, 2007. Вып. 10. С. 35–38.
- ¹³ Музей местного края при Обществе содействия внешкольному образованию в г. Царицыне-на-Волге. Царицын-на-Волге : Акционерное общество Паровой Типо-Литографии и Писчебумажной Торговли, 1914. С. 8.
- ¹⁴ Томарев В. И., Тюменцев И. О. Историческое краеведение в Волгоградской области (итоги и перспективы развития) // Стрежень. Волгоград, 2000. Вып. 1. С. 119–126.
- ¹⁵ Кирсанов М. В. Основные направления научной и общественной деятельности царицынских краеведов в начале 1920-х годов // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, История. 2009. № 2. С. 11–17.
- ¹⁶ Материкин А. В. 75 лет областному обществу краеведов : история создания (1924–1929 гг.) // Вопросы краеведения. Волгоград, 2000. Вып. 6. С. 11.
- ¹⁷ Козлов В. Ф. «Огосударственное» краеведение. История и уроки (По страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) // Вест. РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 9. С. 53–83.
- ¹⁸ Сталинградская губерния первоначально образована как Царицынская губерния приказом № 62 Военного совета Северо-Кавказского военного округа от 7 сентября 1918 г. из Царицынского, Черныярского и Царевского уездов и части Области Войска Донского. Постановлением ЦИК СССР от 10 апреля 1925 г. Царицын был переименован в Сталинград, губерния и уезд – в Сталинградские. См.: ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 163 ; СЗ СССР. 1925. № 25. Ст. 17.
- ¹⁹ Кирсанов М. В. Основные направления научной и общественной деятельности царицынских краеведов в начале 1920-х годов // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, История. 2009. № 2. С. 11–17.
- ²⁰ Кирсанов М. В. Изучение истории сталинградской промышленности в трудах краеведов 1920–1930-х годов // Науч. проблемы гуманитар. исслед. 2009. № 10. С. 62–68.
- ²¹ Богачёва Л. Ю. Социокультурная деятельность общественных организаций Нижнего Поволжья в 1920-е годы : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2007. С. 116.
- ²² Материкин А. В., Комиссарова Е. В. Волгоградский областной краеведческий музей : 90 лет служения Отечеству, 1914–2004 : очерк истории. Волгоград, 2005. С. 29.
- ²³ Моников С. Н. Дело сталинградских краеведов // Вопросы краеведения. Волгоград, 2000. Вып. 6. С. 19–23.
- ²⁴ Комиссарова Е. В. Социально-культурная деятельность Волгоградской области : регион. музеи в исторической ретроспективе // Актуальные проблемы общественных наук и творческих профессий : (философия, история, социология, культура, искусство, религия) : сб. ст. : [в 5 вып.] / под ред. В. К. Крючека. Волгоград, 2010. Вып. 5. С. 46–51.
- ²⁵ Болотова Е. Ю., Орешкина Т. Н. Учреждения культуры Сталинградской области в 1943–1950 гг. : восстановление и развитие. Волгоград, 2014. 154 с.
- ²⁶ Червинская Н. К. Второе рождение музея // Музей : история и современность : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию музея / Гос. музей-панорама «Сталингр. битва». Волгоград, 1997. С. 20–26.
- ²⁷ Болотова Е. Ю., Орешкина Т. Н. Указ. соч. С. 25.
- ²⁸ Героический Сталинград : указ. лит. ; [сост. : С. П. Моисеев, Э. М. Чернович] ; [ред. Н. М. Коробков] ; Всесоюз. кн. палата М., 1943 (2-я тип. Изд-ва «Московский большевик»). 48 с.
- ²⁹ Зверства немецко-фашистских захватчиков в районах Сталинградской области, подвергавшихся немецкой оккупации : документы / под общ. ред. А. С. Чужнова. Сталинград, 1945. 76 с. См. также: Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области : документы / [отв. ред. М. М. Загорулько]. Ком. по упр. архивами Адм. Волгогр. обл. [и др.] . Волгоград, 2008. 1358 с.
- ³⁰ Постановление СНК СССР от 18 февраля 1946 г. «О взятии военных могил на учет и их благоустройстве» ; Постановление Совета Министров СССР от 14 сентября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» ; Постановление Совета Министров РСФСР от 29 июня 1957 г. «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР» ; Постановление Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» ; Закон СССР от 29 октября 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и др.
- ³¹ Галкова О. В. Российские традиции охраны отечественного культурного наследия. Волгоград, 2011. С. 225.
- ³² Филатов Д. Н. Деятельность Волгоградского отделения ВООПИиК по охране памятников трудовой славы советского народа в 1970-х годах // Вестн. ВолГУ. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 3. С. 78–84.
- ³³ Хорошенкова А. В. Научно-исследовательская деятельность историков Волгоградского государственного педагогического института в 60–70-е гг. XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2014. № 1. С. 65–71.
- ³⁴ О порядке доступа к архивным документам и правилах их использования : постановление Верховного Совета РСФСР : утв. Роскомархивом 15 июня 1992 г. // Вестн. архивиста. 1992. № 4. С. 21–31.
- ³⁵ Материалы Секции краеведов при областном краеведческом музее. Январь – ноябрь 1986 г. // ГАВО. Ф. Р-2808. Оп. 1. Д. 70. Л. 5.

- ³⁶ Библиографический справочник Трудов Вольного Экономического Общества : 1765–2000 : в 4 т. / отв. ред. М. М. Загорулько. Вольное экон. о-во России, НИИ проблем экон. истории России XX в. ВолГУ. М., 2000 ; Военнопленные в СССР, 1939–1956 : в 6 т. / ВолГУ, НИИ проблем экон. истории России XX в., Рос. гос. воен. архив [и др.]. Волгоград, 2000–2016 ; Военнопленные в Сталинграде, 1943–1954 : документы и материалы : в 2 т. / под ред. М. М. Загорулько ; ВолГУ, НИИ проблем экон. истории России XX в. Волгоград, 2003. (Царицын–Сталинград–Волгоград в документах ; т. 2) ; Труды Волгоградского центра германских исторических исследований = Schriftenreihe des Forschungszentrums für deutsche Geschichte in Wolgograd : в 12 вып. / ВолГУ, Волгогр. центр герм. ист. исслед., Центр герм. ист. исслед. Ин-та всеобщ. истории РАН. Волгоград, 2001–2015 ; Царицын в путевых записках, дневниках и мемуарах современников (конец XVI в.–1917 г.) / под общ. ред. М. М. Загорулько. ВолГУ, НИИ проблем экономической истории России XX в., Волгогр. обл. о-во краеведов. Волгоград, 2005. 390 с. (Царицын–Сталинград–Волгоград в документах ; т. 4 / редкол. Н. А. Горюнова) ; Царицынский и Камышинский уезды в описаниях краеведов (1727–1928) / под ред. М. М. Загорулько, И. О. Тюменцева. ВолГУ, Волгогр. акад. гос. службы, Волгогр. обл. центр по патриот. и поисковой работе. Волгоград, 2010. 238 с. (Царицын–Сталинград–Волгоград в документах / отв. ред. М. М. Загорулько. Т. 7) ; Экономическая энциклопедия регионов России. Южный федеральный округ. Волгоградская область / [предисл. Н. К. Максюты] ; НПО «Экономика», ВолГУ. М., 2005. 503 с. ; Энциклопедия Волгоградской области / [редкол. : О. В. Иншаков и др.] ; Адм. Волгогр. обл., ВолГУ. Волгоград, 2007. 445 с. ; Сталинградская битва, июль 1942–февраль 1943 : энцикл. / под ред. М. М. Загорулько ; Адм. Волгогр. обл. [и др.]. Волгоград, 2007. 512 с. ; Археологическая энциклопедия Волгоградской области / [ред. кол. : А. С. Скрипкин и др.]. Волгоград, 2009. 334 с. и др.

Образец для цитирования:

Назарова О. В. К вопросу о периодизации волгоградского краеведения середины XVIII – начала XXI века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 548–554. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-548-554.

Cite this article as:

Nazarova O. V. On the Periodization of Volgograd Local Studies in the Middle of XVIII – the Early XXI Centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 548–554 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-548-554.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

«ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ» ЛОНДОНА XIV–XVI ВЕКОВ

Рецензия на книгу: *Чернова Л. Н.* Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с. (MEDIAEVALIA)

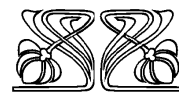
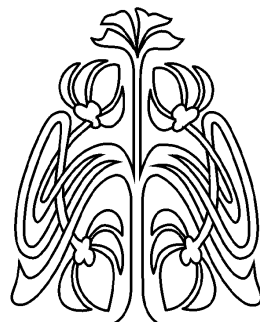
Новая книга Л. Н. Черновой продолжает ее исследования предпринимательских слоев Лондона на рубеже Средних веков и раннего Нового времени. Выбор объекта авторского внимания не случаен – именно купцы и финансисты в качестве олдерменов, мэров, шерифов и других представителей властных структур оказывали огромное влияние не только на жизнь города, но и королевства в целом. Хронологические рамки, в которые вписан материал книги, вполне объяснимы, поскольку рассматриваемые века являются переходным периодом между старым средневековым и зарождающимся раннебуржуазным обществом.

Во введении автор дает прекрасное обоснование актуальности выбранной проблематики, связывая ее с новыми подходами в современной урбанистике, в том числе с «локальной историей» и «новой социальной историей», которые охватывают множество самых разнообразных тем, – городскую топографию и планировку, историю улиц и зданий, развитие отраслей производства и торговли, транспорта, городского самоуправления, образования и многого другого.

Содержание книги базируется на богатейшем материале источников, прежде всего на публикациях архивных материалов Лондона – «Памятных книг Лондона», «Описей исков и памятных событий Лондона», «Белой книги». Богатый материал содержится в использованных тематических публикациях документов, таких как двухтомное издание «Олдермены Лондона со времен Генриха III до 1912 г.». Очень интересный материал дают исследователю завещания, сборники актов и грамот (картулярии), деловые книги ливрейных компаний, королевские хартии, законодательные акты, правительственные распоряжения, переписка мэров и городского Совета Лондона с официальными органами других английских городов. Для воссоздания ценностных установок и частной жизни представителей лондонской элиты Л. Н. Чернова использовала различные источники личного происхождения. Помимо этого использованы сведения известных хроник, городские хартии, постановления муниципалитетов и др. Используемые в комплексе все эти источники, дополняя друг друга, позволили нарисовать яркую картину жизни деловых людей Лондона рассматриваемого времени.

Структура исследования представляется вполне логичной – рассматривается роль деловых людей в политической жизни, профессиональных занятиях и частной сфере.

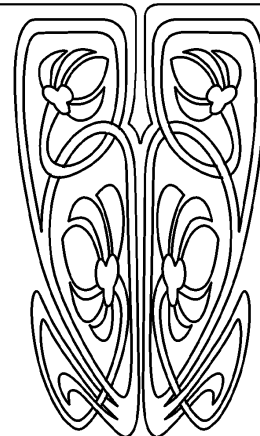
Во второй главе много внимания уделено происхождению, социальному статусу, должностным обязанностям олдерменов. И это не случайно, поскольку именно олдермены являлись представителями высшего слоя городского купечества, занимавшими особое положение в управлении городом. Вполне логично автор задается вопросом о происхождении олдерменов, учитывая высокую степень мобильности городского населения в средние века. Опираясь на материалы источников, Л. Н. Чернова отмечает, что значительная часть олдерменов происходила из купеческой среды, причем не только столицы, но и провинциальных городов. В то же время достаточное количество источников свидетельствует о том, что часть лондонских олдерменов вела происхождение от дворянских семей, связанных с землевладением. Вполне обоснованно автор книги делает вывод, что вовлечение

КРИТИКА

И

БИБЛИОГРАФИЯ

представителей дворянства в среду городских предпринимателей повышало социальный статус купечества, хотя в XV и даже XVI вв. отношение к купеческому сословию в обществе было двойственным. Во второй главе проделана огромная работа по статистической обработке данных о том, выходцы из каких графств Англии наиболее активно пополняли ряды лондонской купеческой элиты. Скрупулезность работы поистине поражает, если учесть фрагментарность источников, когда сведения приходится собирать по крупицам. И учитывая насыщенность текста данными источников, вполне убедительно звучит вывод о том, что постоянный приток новых лиц из провинциальных городов и сельской местности обновлял состав лондонской элиты и укреплял межсословные связи.

Интересный материал представлен в разделе, посвященном механизму формирования муниципальных органов власти. Используемые источники приводят автора к выводу, что элитарной частью деловых людей Лондона в XIV–XVI вв. были олдермены, которые являлись не только самыми богатыми людьми, но и занимали все важнейшие административные должности – мэров, шерифов, чемберленов, рикордеров и т. д. Тщательно проанализировав имеющиеся документы, Л. Н. Чернова квалифицирует городскую администрацию Лондона рассматриваемого периода как олигархическую и выделяет шесть признаков, характеризующих такую власть. Интересен вывод о том, что городская элита, возвышавшаяся над общей массой городского населения, не была единой. Автор делит ее на три слоя, или ступени: члены городского совета – низшая группа; олдермены – элитарный слой и высшая ступень элитарного слоя – верхушка муниципального управления. И только представители высшей администрации представляли город в диалоге с представителями королевской власти. В то же время вхождение во власть не означало отказ от коммерческой деятельности. Более того, обладание властными полномочиями предоставляло городской элите возможность использовать свое положение в коммерческой деятельности.

Третья глава посвящена собственно деловой жизни лондонских олдерменов. Материал охватывает практически все сферы коммерческой деятельности – торговлю и кредит, инвестиции в недвижимость, как в пределах города, так и в сельской местности. Автор отмечает тот факт, что чаще всего проблема землевладения в среде горожан отходит на второй план при рассмотрении экономической базы могущества городской элиты. А ведь наличие земельных владений сильно сказывалось на имущественном положении и, главное, социальном статусе владельца. Л. Н. Чернова подробно обосновала научную актуальность проблемы «землевладение и землевладельцы в городе». Ссылаясь на данные источников, автор делает вывод, что количество олдерменов-землев-

ладельцев на протяжении XIV–XVI вв. оставалось примерно на одном уровне. Не вызывает сомнений, что самые богатые лондонские купцы охотно вкладывали свободные средства в недвижимость. Но проанализированные источники позволили автору сделать вывод, что, несмотря на многообразие занятий, именно торговля и кредитование, то есть сугубо городские сферы деятельности, составляли основу экономического могущества олдерменов. Землевладение для них стояло все же на втором месте и скорее было средством подчеркнуть свою социальную значимость.

В главе поднимается интересный вопрос о так называемом «конфликте сознания» средневекового купечества, который порождался двойственностью психологии средневековых людей, воспринимавших торговлю и материальную прибыль как свидетельство жизненного успеха, с одной стороны, с другой стороны, купцам трудно было отказаться от традиционного восприятия своих занятий как противоречащих христианской морали и этике. Как попытка выхода из указанного конфликта рассматривается обязательная практика «посмертных дарений», нашедшая отражение в завещаниях олдерменов.

Очень интересной получилась четвертая глава книги. В ней анализируется менталитет городской элиты, частная жизнь, проблемы образования, положение женщин в семье и городской экономике. Используя материалы частной переписки купцов, автор показывает, что в повседневной жизни богатые купцы старались подражать дворянству, это сказывалось в стремлении одеваться как представители дворянства, подражать аристократии в еде, развлечениях и оформлении жилищ и пр. Стремление приобщиться к дворянскому сословию выражалось и в покупке рыцарского звания, хотя купцы не горели желанием платить за подобную честь солидные по тем временам деньги. Гораздо более привлекательным для лондонских олдерменов было посвящение в рыцари королем без уплаты установленных короной сумм.

Особый раздел четвертой главы посвящен анализу очень интересного источника «Жизнеописание Джона Ишема», лондонского торговца предметами роскоши, входившего в состав компании купцов-авантюристов. Этот источник дает очень богатый материал для изучения ценностных ориентиров и социальных устремлений лондонской элиты раннего Нового времени.

Источники личного происхождения позволяют автору продемонстрировать особенности отношений в семьях олдерменов в рассматриваемый период. Во-первых, выделить три «круга» родственных отношений: «малая семья» (родители и дети), затем круг родственников до 3–4 колена (кузены, племянники, дяди и тети) и третий круг – еще более дальние родственники и даже слуги. Во-вторых, материалы рассмотренных источников дают возможность воссоздать иерархию внутри «малой семьи», отношения между мужем

и женой, родителями и детьми. Как итог, автор делает вывод, что в среде купечества XIV–XVI вв. обычным было уважительное отношение друг к другу, забота о близких родственниках, об интересах семьи в целом, моральная и материальная взаимопомощь.

В заключении автор книги делает вывод, что XVI в. демонстрирует наивысшую степень мобильности лондонских олдерменов, но при этом элитарное «ядро» деловых людей продолжает сохраняться как и в XIV–XV вв. Источники показывают, что в XVI в. отчетливо проявляется тенденция к буржуазному перерождению богатейшей части лондонского купечества. Деловая элита смогла приспособиться к новым явлениям

в экономике и органично вписаться в развивающиеся раннебуржуазные отношения.

Несомненно, новая книга Л. Н. Черновой будет интересна не только специалистам, изучающим социально-политическую и культурную историю Англии позднего Средневековья и раннего Нового времени, но и всем, кто интересуется социальной историей XIV–XVI вв.

Т. В. Мосолкина,
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
Института истории
и международных отношений
СГУ имени Н. Г. Чернышевского

ДУХОВНАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРАДИЦИОННЫХ И НОВАТОРСКИХ ПОДХОДОВ В ИСТОРИОГРАФИИ

Рецензия на книгу: *Ерохин В. Н.* Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 752 с.

Реформационное движение в странах Европы, несомненно, было одним из ключевых проявлений поворота общества к модернизационному (новационному) типу развития. Для народов, переживших реформационно-контрреформационное состояние и противостояние, это стало очень важным составляющим их исторической биографии. В каждом национальном варианте этот процесс имел заметные отличия, наложил отпечаток на последующее историческое существование. Английский путь проникновения в общество реформационных идей, распространения протестантизма, взаимоотношения старого и нового варианта западного христианства особенно извилист и интересен.

Монография Владимира Николаевича Ерохина «Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке» является продолжением давно разрабатываемой автором темы отражения истории английской Реформации в исторической науке.

Даже если не брать в расчет многочисленные статьи и выступления на различного уровня конференциях, можно отследить основные этапы, отмечающие усилия историка в направлении изучения избранной им темы: от учебного пособия «История религиозной реформации в Европе в XVI – начале XVII веков»¹ и монографии «Методологические подходы к изучению истории религиозной реформации в Англии в современной британской историографии»² до рецензируемого издания. В первом случае рассматривается проблематика английской Реформации лишь в одной из пяти глав работы. В книге, опубликованной в 2008 г., все внимание сконцентрировано на анализе проблематики английской Реформации в освещении современной британской историографии.

И теперь – большая (и по объему, и по наполненности материалом) монография В. Н. Ерохина «Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке»³. Прежде всего, следует обратить внимание, что название начинается со слов «Становление нации». Именно это словосочетание дает ключ к пониманию содержания работы, понимание того, что автор хочет сказать читателю. Собственно, это положение озвучено во введении к работе: «Есть все основания рассматривать религиозную Реформацию в Англии как начальный этап становления британской политической нации»⁴. Это утверждение совпадает с восприятием этого явления в традиционном восприятии британцев.

Первая глава, посвященная анализу методологических подходов к современному состоянию изучения английской Реформации, состоит из трех параграфов и знакомит читателя с доминирующими направлениями в британской историографии прошлого столетия, два из которых можно считать традиционными, а одно – оформившимся во второй половине XX века.

Автор дает смену «картин» в рамках каждой из рассматриваемых исторических парадигм и прослеживает логику развития той или иной историографической концепции. В каждом из этих вариантов заметно смещение внимания и симпатии исследователей к протестантизму.

Одно из них – либеральное – несомненно, представляет собой продолжение того, что применительно к более раннему этапу именовалось либерально-вигским направлением в исторической науке. Либерально-вигский подход видел в событиях прошлого, прежде всего, подготовку нынешнего состояния общества, а исторический процесс рассматривал с точки зрения трудно-

достижимого, но неотвратимого исторического прогресса. В центре внимания находится научная деятельность А. Дж. Диккенса (1910–2001), историка, основные работы которого были опубликованы в 50–70-е гг. XX в., но явственно несут на себе влияние либерально-вигской традиции. Для Диккенса английская Реформация есть не что иное, как торжество прогрессивных идей, принятое большинством англичан к середине XVI века. Очевидно, что либеральный вариант в большой степени сохранил и свои ценностные ориентиры, и привычный инструментарий.

Ревизионистское направление, заявившее о себе в последней четверти прошлого века, не имеет столь прямой связи с предшествующими этапами развития исторической науки, хотя очевидно его родство с консервативной традицией. Вместе с тем в неоревизионистском направлении отчетливо просматривается влияние новых веяний, в частности, смещение интереса историков от изучения структур к исследованию человека и духовной сферы прошлого при восприятии истории как цепи случайностей.

Точкой отсчета можно считать критику либерально-вигской традиции, осуществленной Г. Баттерфилдом еще в 30-х гг. XX века, а основой подхода – позицию М. Оукшотп, убежденного сторонника индивидуализирующего подхода при изучении истории. Согласно этому подходу существуют только историк и источник, и задача историка заключается не в обобщениях, а в изучении деталей.

Историк К. Хейг сместил внимание с изучения и объяснения духовно-религиозного кризиса на анализ политической ситуации. В религиозных спорах он усмотрел отражение особенностей эпохи: «Религия была также аспектом политики – внешним символом, паролем, под которыми были известны политические группировки»⁵. Невольно вспоминаются слова Т. Карлейля об «одеждах», в которые наряжается то или иное время, и слова К. Маркса об античных драпировках, свойственных внешним проявлениям политических порывов времен Французской революции.

Другими словами, ревизионизм тоже имеет свои традиции. Историческое развитие видится ревизионистам не столь прямолинейно, варианты исторического пути складываются, по их мнению, из совокупности разных переплетающихся сюжетных линий. Причем какая из них станет доминирующей, можно вычленивать только впоследствии, когда доминанта станет очевидной. Примениительно к проблематике английской Реформации ревизионисты выдвигают на передний план начального ее этапа политические расчеты короля Генриха VIII и отодвигают торжество английской Реформации на несколько десятилетий, подтверждая хаотичность и непредсказуемость исторического процесса.

В. Н. Ерохин справедливо признает, что ни неолибералы, ни неоревизионисты не способны

целиком исключить интерпретации оппонентов и как бы дополняют друг друга в объяснении хода событий XVI – первых десятилетий XVII в.

Что касается третьего варианта, т. е. историографии, ориентированной на социальную и социокультурную проблематику, то он сложился, развивался, распространял круг интересов в течение прошлого века, по мере усиления позиций весьма пестрого круга дисциплин, обращенных на изучение разных проявлений социальной жизни. Социально-историческое направление восходит (или отталкивается) к тому, что в отечественной исторической науке послевоенного времени было принято именовать марксистским, а позднее материалистическим течением в британской историографии. Народная культура, обычаи, нравы той или иной местности, разнообразные религиозные практики, личностный фактор в числе прочего привлекают внимание историков этого направления, а английская история рассматриваемого периода предлагает богатый материал на эти темы. Автор монографии подчеркивает, насколько пеструю картину, порой нарушающую привычные стереотипы восприятия тех или иных событий и явлений, выявляет этот подход.

Далее автор меняет угол зрения на изучаемый материал. Теперь во главу угла поставлены отдельные направления, потоки духовно-религиозной жизни английского общества интересующего периода, рассматриваемые через анализ работ англоязычных историков недавнего времени. Такими составляющими представлены процесс становления находившейся под покровительством короны официальной англиканской церкви, пуританского движения и английского католицизма, продолжавшего существовать в условиях Реформации.

Большая глава посвящена трем этапам становления официальной английской протестантской церкви. Эта проблема в британской историографии имеет давнюю традицию, но ее многогранность увлекла собой многих историков XX в., позволила осветить разные, как прежде незатронутые грани истории становления англиканства, так и те, что постоянно озвучивались. К числу последних, несомненно, относится тема лодианства (сторонников архиепископа Лода). Историки, в частности Э. Милтон, пытаются рассмотреть деятельность Лода и его сторонников в свете поисков английской реформационной церковью своего места среди христианских церквей, самоидентификации.

Интересно, что в третьем параграфе озвучена такая тема: справедливо ли называть события середины века «английской гражданской войной», если принимать во внимание то, какое значение в предыстории этого вооруженного конфликта, да и в ходе его, имели шотландский и ирландский факторы? Кстати, такой подход предлагался еще некоторыми историками начала XIX в., в частности шотландцем Д. Броди, автором «Конституционной истории Британской империи» (1822).

Вторым важным компонентом религиозной жизни английского общества раннего нового времени стало пуританское движение. В этой главе внимание обращено на такие проблемы, как определение пуританизма, его социальная природа, взаимоотношения пуритан с англиканской церковью через призму современной англоязычной историографии. Показательно, что подробно анализируется вопрос о том, что такое пуританизм, насколько этот феномен связан исключительно с религиозными настроениями.

Думается, что в данном случае имело бы смысл вспомнить о том, что еще в XIX в. сначала Т. Карлейль, а затем С. Гардинер видели в пуританизме фактор духовного обновления английского общества, а не только религиозное движение с добавлением политической примеси. Они, конечно, не ведали новейших методологий, но ориентировались в историческом материале и умонастроениях своего времени. Хотя, несомненно, им не хватало многосторонности современного понимания этого явления.

Третьей, долгое время не замечаемой, составляющей духовной жизни английского общества, представлен английский католицизм периода распространения и торжества протестантских идей в стране. Для автора этих строк данная глава представляется наиболее интересной, поскольку содержит много материала о том, какие социальные слои и по каким причинам сохраняли преданность старой религии, в каких регионах страны существовали достаточно значительны анклавы с католическим населением, каким был уклад жизни в католических семьях, какую роль играл гендерный фактор (в частности, позиция женщин-католичек) в настроениях и поведении католических сообществ. Но не только это.

В. Н. Ерохин упоминает в начале главы определенную толерантность в английском католицизме, присущую английскому обществу раннего Нового времени, допускавшему существование религиозного инакомыслия. Во многом рассмотрение этого круга проблем британскими историками лежит в русле исходного положения, что «английский католицизм – духовный феномен, на эволюцию которого оказывали большое влияние идейно-религиозные факторы»⁶. Справедливым представляется утверждение, что на протяжении второй половины XVI – первой половины XVII в. произошло обновление, приспособление к исто-

рическим реалиям, как протестантизма, так и католицизма.

Думается, автору стоило несколько больше внимания уделить внешней, событийной канве, тому, как формировались позиции историков, работы которых анализируются в монографии, где они учились, кто были их учителя, каковы их политические симпатии, где они работали. Ведь при рассмотрении содержательной стороны того или иного исследования надо учитывать различные факторы, формировавшие позицию исследователя, а влияние происхождения, места обучения, политических симпатий, наличие (или отсутствие) авторитетных наставников никоим образом нельзя отрицать. Кроме того, ограничившись только прошлым веком, автор лишил «корней» создаваемый им образ. Конечно, уделить значительное внимание истокам было невозможно. Книга и так получилась достаточно объемной. Однако обозначить истоки было бы весьма ценно.

Подводя итог общему впечатлению от книги, остается сказать, что по мере чтения монографии усиливалось убеждение, что автор совершенно оправданно вынес в заголовок слова «Рождение нации».

Н. С. Креленко,
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории,
СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Примечания

- ¹ *Ерохин В. Н.* История религиозной реформации в Европе в XVI – начале XVII веков. Нижневартовск, 2004.
- ² *Ерохин В. Н.* Методологические подходы к изучению истории религиозной реформации в Англии в современной британской историографии. Нижневартовск, 2008.
- ³ *Ерохин В. Н.* Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в современной британской исторической науке. М. : СПб., 2016.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Цит. по: *Ерохин В. Н.* Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в современной британской исторической науке. С. 127.
- ⁶ Там же. С. 605.

ВЗГЛЯД ИЗ НОВОЗАВОЕВАННОЙ ФИНЛЯНДИИ

Рецензия на книгу: Картины русской жизни. Столица и провинция первой половины XIX века глазами иностранцев. Дневники. Исследования / сост. Г. М. Коваленко, А. А. Кузнецов. СПб. : Крига, 2016. 444 с.

Европейская Россия (сочинения иностранцев о России) в последние десятилетия стала объектом пристального внимания отечественных исследователей. Изучение образа «другого» позволяет открыть новые грани российской действительности минувших веков, представить картины русской жизни с максимально возможной полнотой. Заинтересованный взгляд иностранца подчас подмечал те детали повседневности, которые русским современникам казались несущественными и недостойными описания, но со временем приобрели характер важных свидетельств. Современные подходы к сочинениям иностранных авторов дают возможность верификации взглядов иностранцев на Россию, выяснения «коэффициента искажения», присутствующего во взгляде со стороны. Среди иностранных источников, которые сравнительно недавно были введены в научный оборот, следует назвать сочинения шведских авторов (жителей Финляндии), представленных в рецензируемом издании.

«Своеручные подневные записки» Аделаиды Хаусвольф и дневник Эрика Густава Эрстрёма «Для меня и моих друзей» уже известны специалистам благодаря публикациям и статьям исследователей, составляющих творческий коллектив рецензируемой книги¹. Малотиражные издания текстов вышли в Нижнем Новгороде² и в Великом Новгороде³ и получили высокую оценку в печати⁴.

В настоящее время осуществлено новое издание этих текстов под одной обложкой в солидном столичном издательстве в сопровождении содержательных вступительных статей и богатых комментариев. В этом виде они, несомненно, привлекают внимание как специалистов, так и широкой читательской аудитории.

Издание двух дневников в одной книге представляется целесообразным, так как они относятся к одной эпохе и дополняют друг друга. Появление обоих авторов в России связано с русско-шведской войной 1808–1809 годов, главным итогом которой было вхождение Финляндии в состав России. Аделаида Хаусвольф прибыла в Россию с группой шведских военнопленных, сопровождая своего отца. Она писала свои записки, когда война еще продолжалась, и судьба военнопленных оставалась неопределенной. В её тексте изначально соединились опасения за свою жизнь и судьбу близких ей людей в чужой и враждебной стране с некоторыми стереотипными представлениями о России и русских. Автор (особенно в начальной части сочинения) сетует на грубость русских людей, их неопрятность, на ужасные русские дороги. Она, как и большинство европейцев, пишет

о лени, пьянстве и воровстве как отличительных пороках русского общества, отмечает разительное отличие между российской столицей и провинцией. Не осталось незамеченным и уродливое крепостное право. В данном случае стереотипы переплетались с реальными наблюдениями. Однако доброжелательное отношение к шведским пленникам, знакомство с русскими людьми из разных социальных слоев побуждает автора к более благожелательным наблюдениям и оценкам. Во время проживания в Новгороде шведские пленники не испытывали материальных трудностей, пользовались вниманием и поддержкой местного образованного общества. Они проводили время в дружеских застольях, танцах, прогулках, приятных беседах.

Любознательная шведка освоила русский язык. Здоровье ее отца улучшалось. Дешевизна и разнообразие продуктов питания, сострадательность и хлебосольность русских не скрылись от внимания «пленницы». Заметно, что она не питала ни малейшей вражды к русскому царю Александру I, с энтузиазмом описывала блеск его столицы и двора. Своеобразие источнику добавляет специфический женский взгляд на русскую жизнь. «Девятимесячное путешествие в плен, удивительное и полное приключений», было, пожалуй, самым ярким событием в жизни Аделаиды Хаусвольф, оно описано ею с наивной простотой, без литературных прикрас, но с изрядной наблюдательностью.

Дневник Эрика Густава Эрстрёма интересен тем, что его автор оказался в России в «её минуты роковые», во время нашествия Наполеона и захвата французами Москвы. Подобно Аделаиде Хаусвольф, автор дневника признавался, что время, проведенное в России, – «это необыкновенный год в моей жизни». Прибывший из Финляндии для обучения в Московском университете, он был вынужден эвакуироваться из столицы в Нижний Новгород. Его знакомство с Россией и русскими происходило в чрезвычайных обстоятельствах военного времени. Среди описаний 1812 года дневник отличается тем, что автор рассказывает не о военных действиях, а о российской повседневности во время войны. Эрстрёма можно отнести к русофилам, он осознает себя верным подданным российского императора. Однако менталитет шведа добавляет остроту и зоркость его взгляду на русскую жизнь, которую он сравнивает со шведскими обычаями. Взгляд автора смягчен его симпатией к литературе сентиментализма. Благожелательно описывает он виды городов и деревень, природу, обычаи русского народа, отмечает красоту православного церковного обряда. Современные нижегородские

историки констатируют «глубокий сочувственный интерес» и «большую человеческую симпатию» Эрстрёма к Нижнему Новгороду и его жителям. Однако и от него не укрылись такие хронические недостатки русской жизни, как неблагоустроенность городов, плохие дороги, пьянство и суеверие простонародья. Эрик Густав Эрстрем был одним из первых русистов Финляндии, прожил всего 44 года, но оставил след в истории русско-финляндских культурных связей.

Удачной находкой является идея дополнить издание дневников литографиями французского художника Андре Дюрана из альбома «Живописное путешествие в Россию», созданного во время его поездки по городам России в 1839 году (альбом воспроизведен полностью). Француз запечатлел многие из тех мест, что описаны в шведских дневниках: Петербург, Великий Новгород, Москву, Владимир, Нижний Новгород... Притом главное внимание художник романтической эпохи обратил на самобытные памятники русского средневековья. Иллюстрации вместе с текстом составляют единый образ огромной евроазиатской страны, созданный иностранными наблюдателями. Взгляд французского художника сродни впечатлениям авторов публикуемых текстов своей благожелательностью и интересом к русским традициям и истории. Андре Дюран изобразил Россию не такой, как представил её в том же 1839 году знаменитый маркиз Астольф де Кюстин: «Что за страна! Бесконечная, плоская, как ладонь, равнина без красок, без очертаний; вечные болота, изредка перемежающиеся ржаными полями да чахлым овсом... на горизонте – низкорослые жалкие рощи и вдоль дороги – серые, точно вросшие в землю, лачуги деревень и каждые тридцать-пятьдесят миль – мертвые, словно покинутые жителями города, тоже придавленные к земле, тоже серые и унылые, где улицы похожи на казармы...»⁵ Кюстин видел Россию зорким и пристрастным критическим взглядом. В альбоме Дюрана Россия предстает вполне благоустроенной страной с европейской столицей и самобытной провинцией, где рядом с нарядными щеголями и модницами представлены бородастые крестьяне в армяках, бабы, повязанные платками, монахи в длиннополых рясах. Значительное место занимают литографированные изображения старинных городов, монастырей и церквей отнюдь не «унылого» вида. Изображение кабака по дороге из Костромы в Ярославль напоминает сказочный терем. Украшенные резьбой крестьянские избы с балконами сродни домам образцовой деревни Бибигон в окрестностях Петергофа, построенной под личным наблюдением Николая I. Создание визуального образа России через характерные архитектурно-исторические образы было новым, свойственным эпохе романтизма шагом в европейском «россиеведении»⁶.

Составителями, авторами статей и комментаторами текстов выступают известные в своей

области специалисты из Санкт-Петербургского института истории РАН, университетов Нижнего Новгорода и Томска, что обеспечило высокий научный уровень издания. Ключевую роль в подготовке текстов сыграл известный специалист по русско-шведским отношениям и истории российского Северо-Запада Г. М. Коваленко. Несомненно, уровень издания определяется и качественным переводом, выполненным А. М. Галиновой. Сюжеты, связанные с войной 1812 года, комментировал компетентный в этой области С. Н. Искюль. Нижегородские страницы тщательно проанализировали ученые Нижегородского университета А. А. Кузнецов, А. В. Морохин и краевед С. В. Петряев. Ю. И. Мошник прокомментировала сведения о Выборге. Сотрудники Научной библиотеки Томского университета Н. В. Гончарова, М. О. Шепель, Г. И. Колосова внесли свой вклад в представление альбома литографий А. Дюрана, уникальный экземпляр которого сохранился в замечательной библиотеке университетской столицы Сибири. Всего семь комментаторов работали с текстами: у «семи нянек дитя» выпестовано «зело изрядное».

Впрочем, остаются и некоторые вопросы и замечания к коллективу издания. В книге нет прямых указаний, с каких изданий выполнены переводы текстов. Об этом можно лишь догадываться, притом что авторы указывают, например, что современное шведское издание дневника Эрика Густава Эрстрёма не вполне соответствует рукописному оригиналу. В комментариях к тексту Эрстрёма указаны авторы, а в комментариях к дневнику А. Хаусвольф такие указания отсутствуют. Можно лишь предполагать, что они выполнены Г. М. Коваленко и Ю. И. Мошник. Еще одну загадку для внимательного читателя представляет авторство подстрочных примечаний в тексте дневника Хаусвольф (примеч. ред.). И зачем здесь понадобилась двойная система комментариев – подстрочных и концевых? В авторских подписях к литографиям в необходимых случаях сделаны пояснения. Однако не все изображения идентифицированы. В некоторых случаях не указаны авторские ошибки или допущены ошибки комментаторами: во Владимире не существовало Алексеевского монастыря (с. 318); Троицкие ворота Кремля неверно названы Спасской башней (с. 318).

Наконец, хочется отметить хорошую издательскую подготовку книги и её высокое полиграфическое качество, что можно поставить в заслугу издательству «Крига».

С. А. Мезин,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России
и археологии Института истории
и международных отношений
СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Примечания

¹ См.: Галинова А. М. Петербург, Выборг, Новгород начала XIX в. глазами Аделаиды фон Хаусвольф // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы Пятнадцатой междунар. науч. конф. СПб., 2014. С. 244–254 ; Коваленко Г. М. «Удивительное путешествие в плен» Аделаиды Хаусвольф // LiteraruS. 2011. № 1. С. 8–15 ; Коваленко Г. М. Эрик Густав Эрстрём и его русский дневник // Грани сотрудничества. Россия и Северная Европа : сб. науч. ст. Петрозаводск, 2012 ; Коваленко Г. М. «До боли в губах». Нижегородский анабасис финляндского студента // Родина. 2012. № 11. С. 116–117 ; Коваленко Г. М. Русский дневник Аделаиды Хаусвольф (1808–1809) // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада–2. Шёгреновские чтения. СПб., 2012. С. 328–335 ; Коваленко Г. М. Война 1812 года глазами финляндского студента // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы четырнадцатой междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 25–30 ; Коваленко Г. М., Кузнецов А. А. «Дух Пожарского воскрес в сынах России». Война 1812 г. глазами Э. Г. Эрстрёма // 1812 год в судьбах России и Европы : сб. тр. междунар. науч. конф. СПб., 2012. С. 25–29 ; Кова-

ленко Г. М., Кузнецов А. А. Эрик Густав Эрстрём. Для меня и для моих друзей : Продолжение следует // Нижегородский музей. 27. Н. Новгород, 2014. С. 50–55 ; Кузнецов А. А. «...Вряд ли самая захудалая деревня в Швеции была бы худшим городом, нежели сия обитель несчастья» : Шведские и финляндские картинки в дневнике Эрстрёма // LiteraruS. 2013. № 3. С. 8–14 ; Кузнецов А. А. Путь Э. Г. Эрстрёма в 1812–1813 гг. : географическое путешествие из Москвы в Нижний Новгород vs экскурс в историю России // Мир истории : историогр. сб. Вып. 9. Омск, 2014. С. 176–200.

² Эрстрём Э. Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. Н. Новгород, 2013.

³ От Свеаборга до Новгорода. Своеручные поленные записки Аделаиды Хаусвольф. 1808–1809. Великий Новгород, 2014.

⁴ См.: Тотфалушин В. П. «Нам должно следовать повсюду» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 120–121.

⁵ Кюстин А. Николаевская Россия / пер. с фр. М., 1990. С. 277.

⁶ Ср.: Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.

РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТЕМА ИСТОРИКА

Рецензия на книгу: Луконин Д. Е. «Больно видеть, как мало признаются... его заслуги». Беляевский кружок в художественной жизни России (конец XIX – начало XX века) / под ред. О. Ю. Абакумова и В. А. Соломонова ; подгот. текста, публ. и указ. имен В. А. Соломонова; предисл. А. А. Сеницына и С. А. Мезина. М. : Новый хронограф, 2016. 496 с.

В год столетия исторического образования в Саратовском государственном университете есть особый смысл обратиться к вопросу о смене различных периодов, своего рода эпох этого долгого пути. Одной из таких эпох, несомненно, был рубеж XX и XXI веков – период, еще не ставший отдаленным прошлым и еще непереместившийся в сознании научного коллектива из сферы повседневности настоящего в область исторической памяти, но, тем не менее, уже завершённый. В каком-то смысле он стал зеркалом общих политических и духовных процессов, пережитых в то время нашей страной. Общественный подъем и воодушевление, открытость к поискам новых путей, драматизм противостояний, обостренное внимание к дискуссионным сюжетам, боль разочарований и неизбежность расколов и разногласий – такие эпохи, кроме всего прочего, богаты яркими, неповторимыми личностями. Рано ушедший из жизни Дмитрий Евгеньевич Луконин, кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия Института истории и международных отношений навсегда останется связанным в нашей памяти именно с этой эпохой и останется, к тому же, в качестве одного из лучших, светлых ее символов.

Данью памяти Д. Е. Луконина (1972–2013) стала публикация его монографии о музыканте

и меценате М. П. Беляеве и его кружке в художественной жизни России конца XIX – начала XX в. Издание осуществлено друзьями автора и его коллегами по Саратовскому университету В. А. Соломоновым, О. Ю. Абакумовым, А. А. Сеницыным и С. А. Мезиным.

Информативное по содержанию предисловие к книге предоставляет читателю возможность узнать о личности ее автора. В данном случае хотелось бы особо отметить, что публикация монографии имеет не только мемориальное значение, но, прежде всего, обладает самостоятельной научной, историко-культурной значимостью.

Книга Д. Е. Луконина посвящена содержанию и эволюции национального направления в русском музыкальном искусстве XIX – начала XX в. Она написана настолько талантливо, основана на столь широком круге источников и современных теоретико-методологических подходах в гуманитарном знании, что, по сути, представляет собой коллективный, историко-культурный портрет эпохи и является исследовательским опытом постижения путей развития национальной идеологии в сфере искусства.

Монографию отличает высокий научно-теоретический уровень, в целом она имеет междисциплинарный характер. Именно это обстоятельство позволило Д. Е. Луконину убедительно раскрыть

процессы в музыкальной культуре как сложном взаимодействии разнообразных «ликков национализма». По замечанию самого автора, мнение о том, что музыка может быть политической идеологией и, в частности, явить собой один из «ликков национализма», хотя и не ново, но в применении к русской музыкальной культуре XIX века практически еще не было разработано. Значение избранного Д. Е. Лукониным исследовательского ракурса подчеркивает приведенное им высказывание мыслителя XX века Т. В. Адорно: «Музыка превратилась в политическую идеологию с середины XIX века, благодаря тому, что она выдвинула на первый план национальные признаки, выступила как представительница той или иной нации и повсюду утвердила национальные принципы»¹.

Книга Д. Е. Луконина выдержана в русле парадигмы, предполагающей, что национализм как искусственная конструкция создается политиками и интеллектуалами. Как любая идеология, он имеет, кроме содержательной абстрактно-логической, еще и образно-художественную составляющую. Отсюда и внимание к историко-культурному аспекту исследований национальных идеологий. Тем не менее приходится признать, что в отечественной историографии примеры удачного применения такого исследовательского подхода все еще являются большой редкостью. Возможно, было бы правильным провести параллель с монографией Е. А. Вишленковой, посвященной ранним стадиям формирования национальной идеологии в визуальной культуре. Исследование Е. А. Вишленковой, посвященное специфическому объекту изучения – графическим образам «России и русских» как части визуальной культуры, также стало возможно благодаря использованию современных методологических подходов в гуманитарном знании. Графические образы «народоведения» были рассмотрены Е. А. Вишленковой как значимая часть внедрения национального проекта российских интеллектуалов, делавшая абстрактную идею нации зримой и очевидной, эмоционально насыщенной и потому ставшей важным орудием культурного манипулирования сознанием соотечественников посредством художественных практик². Книга Д. Е. Луконина построена как анализ аналогичных процессов в сфере музыкальной культуры.

С научно-теоретической точки зрения особый интерес представляют введение и первая глава монографии. Методологическое поле исследования в значительной степени сформировано подходами современной историографии нации и национализма. Автором использованы исследования Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Р. Райднаура, Р. Э. Леонарда и др. в их концептуальной части.

То, что вторая половина XIX в. в России была отмечена острыми дискуссиями в музыкальной жизни, вылившимися в борьбу концептуально противоположных направлений, известно давно.

В центре этой борьбы были два проекта развития музыки, связанные с деятельностью братьев А. Г. и Н. Г. Рубинштейн, Русского музыкального общества и консерватории, с одной стороны, и с самобытной русской музыкой «Могучей кучки» – с другой. Собственно говоря, монография Д. Е. Луконина посвящена эволюции этого противостояния уже в 1880-е гг. и на рубеже XIX–XX вв., так как к этому периоду и относится деятельность «беляевского кружка». Тем не менее предложенные исследователями объяснения сущности этой борьбы различны. В отечественной историографии она в основном связывалась с общественной позицией музыкальных деятелей (соответственно речь шла о консервативных и передовых, демократических взглядах). В западной историографии порой делался акцент на противоположном социальном детерминизму факторе личных отношений или профессиональном соперничестве, которые были основными и всего лишь выражались в силу общественных реалий в терминах национализма. И тот и другой подход в книге Д. Е. Луконина подвергнут убедительному критическому разбору.

Примечательно, что Д. Е. Луконин обратил особое внимание на предположение Р. Э. Леонарда о сложном соотношении общественных позиций в области культуры и искусства, не всегда и не напрямую связанных с социально-политическими взглядами. Так, славянофилы в политике считаются более консервативными деятелями, а западники – прогрессивными, но в сфере музыкальной культуры «космополиты-западники» были консервативнее, не признавая «новой русской школы» в музыке. Здесь, видимо, как раз тот случай, когда интеллектуальная история может дать основу для углубления наших представлений об общественных позициях. Не всегда исследователи учитывают и тот факт, что национализм как дискурс находится в иной плоскости, нежели традиционное разделение сфер консерватизма, либерализма и социализма как политических идеологий индустриальной эпохи, а потому может сочетаться с каждой из них. Поэтому имеет особое значение, что Д. Е. Луконин предпочитал говорить о разных видах национализма, а порой о «борьбе национализма с национализмом».

Впрочем, следует отметить, что исследовательское поле монографии далеко не исчерпывается сюжетами, связанными с ролью культуры в формировании национальной идеи. В книге затронута более широкая конкретно-историческая проблематика, включая социальные аспекты музыкальной жизни, такие как меценатство и благотворительность. Постоянно в поле зрения автора находятся художественные объединения как культурно-историческое явление пореформенной России. Последний сюжет дает основу для размышлений о роли культурных процессов в общественной самоорганизации как основе формирования гражданского общества.

Конкретно-исторический подход автора монографии к анализу явлений и процессов в музыкальной жизни проявился в том внимании, которое он уделил влиянию на деятельность кружка М. П. Беляева Всемирной выставки в Париже 1889 г., идеологических концепций царствования Александра III, внешнеполитических событий эпохи и др. Д. Е. Луконин реконструировал обстоятельства газетной полемики вокруг «новой русской школы» в музыке. Внимательный читатель обнаружит в монографии целый ряд конкретных наблюдений и уточнений, имеющих историографическое значение в сфере исследований по истории музыки. Так, например, исправлено мнение о преемственности беляевского кружка по отношению к композиторам «Могучей кучки». На основании свидетельств современников Д. Е. Луконин установил, что домашний кружок Н. А. Римского-Корсакова существовал и развивался параллельно с беляевским, имея несколько другую направленность, но впоследствии великий композитор смог стать лидером беляевского кружка.

При этом книга наверняка привлечет внимание читателя еще и тонкими психологическими наблюдениями, образцами исторической биографистики. Помимо описания личности и деятельности М. П. Беляева представляют интерес историко-психологические портреты А. К. Глазунова, А. К. Лядова, Н. А. Римского-Корсакова, М. А. Балакирева.

Самостоятельное значение имеет источниковая основа исследования. Автором впервые введен в научный оборот большой корпус ранее не публиковавшихся источников из архива Государственного центрального музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки, отдела рукописей

Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, рукописного отдела Российского института истории искусств и других архивов.

Особое значение имеет то, что Д. Е. Луконину удалось показать эволюцию беляевского кружка, выявить факторы и составляющие его кризиса в 1890-е гг. Автор пришел к заключению, что М. П. Беляев в результате сконцентрировался на индивидуальной финансовой поддержке композиторов и музыкантов, а это означало переход от организации по типу кружка к организации по типу фонда.

Новая книга, рассказывающая в равной степени глубоко и всесторонне об истории музыкальной культуры и общественной борьбы вокруг национальной идеи в России, несомненно, способна стимулировать размышления специалистов в дальнейшем осмыслении поставленных в ней проблем.

О. В. Кочукова,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России и археологии,
СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Примечания

- ¹ Цит. по: Луконин Д. Е. «Больно видеть, как мало признаются ... его заслуги»... М., 2016. С. 19.
- ² См.: Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М. : Новое литературное обозрение, 2011. 384 с. ; см. также рецензию О. В. Кочуковой на книгу: Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому» // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов, 2012. Вып. 5. С. 241–248.